

The background is a complex, abstract collage composed of numerous diamond-shaped segments. These segments contain various detailed illustrations: large, intense eyes at the top corners; a mouth with sharp, pointed teeth in the center; whiskers and small black spots on orange and yellow segments; a single tusk on a red segment; a row of four small, white, cup-like teeth at the bottom; and various textures of fur and skin. The color palette is dominated by warm tones like orange, yellow, and red, contrasted with dark blues and greys.

УМБЕРТО
ЭКО

VERTIGO

Круговорот образов,
понятий, предметов

УМБЕРТО
ЭКО

VERTIGO

Круговорот образов,
понятий, предметов

УДК 111.852:130.1
ББК 87.815+87.21
Э 40

Общая координация проекта
Элизабетта Згарби

Редактор-координатор
Анна Мария Лоруссо

Редактор
Федерика Маттеоли

Графический проект
Polystudio
Франческо Мессина
Франческа Дзуки
Джада Беттио
Анна Пинатто

Подбор иллюстраций
Илариа Фабрицио

Ценный вклад в работу над книгой
Рокко Вольпатти

Технический редактор
Серджо Даньотти

Перевод авторского текста: А. А. Сабашникова
Научный редактор авторского текста Е. А. Костюкович
Редактор Е. С. Сабашникова
Подбор материала: Ю. В. Шорина
Внешнее оформление: К. Е. Журавлев
Компьютерная верстка: И. А. Лукашова
Корректор Н. А. Самсонова

Настоящее издание приурочено к проведению цикла мероприятий
Vertiges de la liste, организованного Лувром в ноябре 2009 года
под руководством Умберто Эко.

Все права на русское издание принадлежат
издательству СЛОВО/SLOVO.

Книга или любая ее часть не может быть переведена или издана
в электронной или механической форме, в виде фотоконверсии,
записи или каким-либо иным способом, а также использована
в любой информационной системе без получения письменного
разрешения издателя.

ISBN 978-5-387-00106-2

© RCS Libri S.p.A., Bompiani, 2009
Stampa: Errestampa S.r.l. – Orio al Serio (BG)
© А. А. Сабашникова, перевод авторского
текста. 2005
© Слово/SLOVO, издание на русском языке.
2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
1. Щит и форма	9
2. Перечень, или список	15
3. Визуальная секвенция	37
4. Невыразимое	49
5. Списки вещей	67
6. Списки мест	81
7. Списки бывают разные	113
8. Взаимодействие списка и формы	131
9. Перечни в свете риторики	133
10. Списки диковин	153
11. Коллекции и сокровищницы	165
12. Кунсткамеры	201
13. Определение: по списку свойств или по сущности?	217
14. Подзорная труба Аристотеля	231
15. Избыточность, от Рабле и далее	245
16. Связная избыточность	279
17. Хаотичное перечисление	321
18. Перечни в массовой культуре	353
19. Списки упоений	363
20. От списков практических к спискам поэтическим – и обратно	371
21. Ненормальные списки	395
Список цитируемых авторов	401
Указатель художников и произведений	402
Иллюстрации без указания автора и кадры из фильмов	404
Библиография использованных переводов и русских изданий	405

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в Лувре мне предложили организовать в ноябре 2009 года цикл лекций, выставок, публичных чтений, концертов, видеопросмотров и т. п. на любую тему по моему усмотрению, я, ни минуты не сомневаясь, остановил свой выбор на перечне, или списке (как мы увидим в дальнейшем, сюда же примыкает каталог, или перечисление). Как пришла мне в голову такая мысль? Кто знаком с моими романами, знает, что они изобилуют списками. Тому есть два объяснения, и оба связаны с научными увлечениями моей юности – это определенные средневековые тексты и многое в творчестве Джеймса Джойса (впрочем, не стоит упускать из виду влияние ритуалов и текстов Средневековья на формирование молодого Джойса). Конечно, от литаний до перечня всего, что лежит в ящике кухонного стола Леопольда Блума (в предпоследней главе *Улисса*), прошло немало столетий, и еще больше веков отделяют средневековые списки от эталона всех списков – перечня кораблей в *Илиаде* Гомера, с которого и начинается эта книга.

У Гомера также присутствует и другая модель описания – упорядоченная, отвечающая критериям гармоничной завершенности и замкнутости. Это щит Ахилла. Выходит, что Гомер переходит из одной крайности в другую: от поэтики «все включено» до поэтики «и так далее».

Я помнил и эти беспорядочные списки, и эти упорядочные перечни, но никогда не брался за каталогизацию бесчисленных случаев возникновения списков в истории литературы (от Гомера до Джойса и современных авторов), хотя с самого начала на ум приходили имена Перека и Превера, Уитмена и Борхеса. Охота за списками увлекла меня необычайно, результат оказался упоительным, и теперь я уверен, что меня завалят письмами с вопросами, почему в книгу не попал тот или иной автор. Ответ: во-первых, я не вездесущ, и множество текстов, где присутствуют списки, мне попросту незнакомы, а во-вторых, если бы я захотел включить в антологию все списки, попадавшие мне за время работы, эта книга разрослась бы до тысячи страниц, если не больше.

Вдобавок надо было определить, что такое фигуративный список. Те немногие книги, что посвящены поэтике списка, предусмотрительно ограничиваются списками вербальными: ведь не так-то просто объяснить, как картина может предлагать взору определенные вещи и одновременно подразумевать некое «и так далее», словно границы рамы вынуждают художника умолчать о том беспредельном, что в эти рамки не вместились. Я наметил себе цель *показать* определенные вещи – как в Лувре, так и в этой книге, примыкающей к ранее опубликованной *Истории Красоты* и *Истории Уродства*. В связи с этим возникла необходимость поиска *визуальных секвенций*, что гораздо сложнее, чем проиллюстрировать красоту или уродство. В этой работе активное участие приняли Анна Мария Лоруссо и Марио Андреозе. Коллекционирование списков оказалось делом невероятно захватывающим, причем восторг вызван не столько материалами, вошедшими в книгу, сколько всем тем, что осталось за рамками. В общем, теперь перед вами книга, неотвратимо подразумевающая в конце *и так далее*.

Имена и названия, выделенные в тексте жирным шрифтом, отсылают к фрагментам антологии, приведенным в конце каждой главы.

Миссориум, так называемый Щит Ахилла
Конец IV — начало V в.
Париж, Национальная библиотека Франции

1. Щит и форма

Покуда охваченный «грозным гневом» Ахилл праздно сидел, негодуя, в своем шатре, Патрокл взял его оружие, вышел на бой с Гектором, погиб от его руки, и оружие Ахилла досталось победителю.

Когда Ахилл решил вернуться на поле боя, его мать Фетида обратилась к Гефесту с просьбой изготовить в своей кузнице новое оружие для сына. Гефест принялся за работу. Гомер посвятил часть XVIII песни *Илиады* описанию создаваемого Гефестом щита.

«Обширный круг» этого щита Гефест, или Вулкан, делит на пять частей, где взору являются земля, море, небо, Солнце, Луна, светила, Плеяды, Орион и Большая Медведица. Затем он изображает два населенных града. В первом можно видеть свадебные торжества с шествием невест при свете факелов, юношей, играющих на лирах и свирелях; а еще — многолюдное торжище, где разбирается тяжба с участием спорящих, свидетелей, вестников, возбужденной толпы и восседающих кругом старейшин, которые по очереди поднимаются с места и, воздевая скипетры, произносят свой суд. Второй град — это твердыня перед лицом вражеской рати: на стенах, как в Трое, за распрей следят жены, юноши и старцы, враги выступают, ведомые Минервой, и, дойдя до реки, куда стекаются стада на водопой, устраивают засаду. Когда же, «тешась цевницею», появляются два ни о чем не подозревающих пастуха, враги выскакивают из укрытия, убивают пастухов и уводят скот. Из осажденного города в погоню за неприятелем устремляются всадники, и вдоль берега реки закипает битва. Среди ратников рыщут Злоба, Смута и Смерть в окровавленных одеждах; Смерть хватает и тащит за собой живых и мертвых, а воины пытаются отбить тела своих соратников.

Затем Гефест изображает тучную рыхлую пашню с волами и землелепашцами, и каждый, дойдя до конца борозды, прежде чем повернуть обратно, вкушает вина из кубка. Поодаль виднеются уже созревшие нивы, жнецы за работой и перевязчики, собирающие

колосья в снопы. Посередине восседает властитель, между тем как его прислужники готовят под сенью дуба трапезу из свежего мяса только что закланного вола, а женщины сеют муку для хлебов.

Еще там можно увидеть изобилующий спелыми гроздьями виноградник с золотыми побегами и поддерживающими лозу серебряными подпорками. Вокруг тянется оловянная изгородь, а за ней юноши и девушки носят корзины с виноградом, танцуют и припевают под звуки лиры, на которой играет прекрасный отрок. Еще Гефест ваяет из золота и олова стадо волов, спешащих на пастбище по берегу реки, струящей свои воды среди камышей. За стадом идут четыре пастуха (из золота) и девять белых псов. Откуда ни возьмись появляются львы, нападают на волов, задирают одного быка и тащат его прочь. На его тягостный рев прибегают пастухи с собаками, но хищники уже пожирают истекающее кровью животное, и псам остается лишь беспомощно лаять.

И под конец изображает Гефест, повелитель огня, стадо овец в милой взору долине, пестрящей хлевами и хижинами, а еще — хоровод юношей в светлых одеждах с золотыми ножами на боку и увенчанных цветами дев в легких туниках, они кружатся в танце, словно круг в руках гончара. Пляской их любитесь много народу, а затем появляются три акробата, сопровождающие свои трюки пением.

Огромная река Океан омывает, ограничивает и завершает каждую сцену и отделяет щит от остального мира.

Щит вмещает такое количество сцен, что, даже вообразив тончайшую ювелирную работу, трудно представить себе этот предмет во всем многообразии деталей; больше того, изображением охвачено не только пространство, но и время, ведь многие события следуют одно за другим, как если бы щит был киноэкраном или длинным развернутым комиксом. Искусство прошлого было способно представлять последовательность событий, прибегая к технике, близкой к комиксу: одни и те же персонажи появлялись по несколько раз в новых сценах, соответствующих все новым моментам времени (например, в цикле *История Истинного Креста* Пьеро делла Франческа в Ареццо), но именно по этой причине сцен на щите получилось бы больше, чем он физически

способен вместить. Когда художники брались воспроизвести произведение Гефеста, они приходили к весьма приблизительным, обобщенным результатам.

И тем не менее признаем, что щит по своей структуре принципиально воспроизводим: его совершенная круглая природа не допускает, что за его пределами существует что-то еще; щит представляет собой *законченную* форму. Все, что хотел изобразить Гефест, находится внутри щита, вне его ничего нет: это завершённый мир.

Щит Ахилла — это торжество Формы, пример того, как искусству удастся создавать гармоничные изображения, в которых оформлены порядок, иерархия и отношение «образ — фон» между представленными вещами.

Мы рассуждаем не с эстетической точки зрения: эстетика утверждает, что форма поддается бесконечному числу интерпретаций, каждая из которых выявляет новые аспекты и новые отношения, причем это справедливо и для Сикстинской капеллы, и для монументальной картины Ива Кляйна или Марка Ротко. Однако произведение изобразительного искусства (как и поэтический или прозаический текст) всегда имеет еще и референциальную функцию: рассказ, выраженный словами или образами, сообщает, что в реальном мире, или мире возможном (как миры сказок или творческого воображения), существуют определенные предметы и ситуации. Такова и нарративная функция щита Ахилла. Так вот, с точки зрения референций, оформленность не ориентирует зрителя на поиск чего-то за пределами ограниченного изображения. Щит Ахилла знакомит зрителя с определенными, а не иными городами и полями, и умалчивает о том, что находится за пределами Океана. Мы, конечно, можем проинтерпретировать изображенные земли как универсальную модель города и окрестностей, истолковать эти образы как аллереорию доброго правления, или войны и мира, или состояния природы. Но форма ограничила мир «сказанного».

Это общее положение всех искусств. За спиной у Моны Лизы присутствует пейзаж, который по идее продолжается за пределами рамы, но зритель не думает об этом расширении пейзажа. Запечатав картину в форму, художник сообщил ей центричность, как если бы она была круглой, подобно щиту Ахилла, и ядро изображения находилось бы в центре. То же и в литературе: читая в романе *Красное и черное*, что Жюльен Сорель в церкви Верьера выстрелил в госпожу де Реналь и что с первого раза он

промахнулся, мы можем, конечно, подумать (кое-кто и подумал), куда делась первая пуля, но на самом деле это несущественно. С точки зрения повествовательной стратегии Стендаля эта деталь незначительна. Кто станет думать о первой пуле, потеряет время и лишит себя понимания романа, равно как и удовольствия от чтения.

Катрмер-де-Кенси

Щит Ахилла

Из кн. *Юпитер-олимпиец, или Искусство античной скульптуры*

Париж, de Bure frères, 1815

Национальная библиотека Франции

2. Перечень, или список

Гомер смог выстроить (продумать) завершенную форму, потому что имел четкое представление о сельскохозяйственных и военных реалиях своего времени. Он знал мир, о котором рассказывал, разбирался в его законах, понимал причинно-следственные связи, а потому смог *оформить* его.

Однако существует иной способ художественного изображения, когда художник не ведает границ того, что намеревается изобразить, не знает численности предметов, о которых ведет речь, или же полагает, что число их, если не бесконечно, то астрономически велико; и когда не удастся дать вещи сущностное определение и, чтобы описать ее, сделать понятной, в некотором смысле осязаемой, перечисляются ее свойства — как мы увидим, со времен древних греков и поныне число случайных, акцидентальных, свойств вещи мыслится как бесконечное.

Дело не в том, что форма не может отсылать к бесконечности.

Как раз может, о чем свидетельствует вся история эстетики.

Однако разграничим термины.

Бесконечность в эстетике есть *субъективное* ощущение некоей превосходящей данности, то есть эмоциональное состояние.

Бесконечность же, о которой идет речь в данной книге, есть *действительная* бесконечность, то есть сознание, что имеется множество предметов, подвластное исчислению, но которое человеку не дано исчислить. Человек опасается, что в этом исчислении (и перечислении) не окажется конца.

Когда Кант говорит, что его душу наполняет священным трепетом звездное небо над головой, он передает субъективное ощущение, что нечто превосходит пределы его чувственного восприятия. Кант постулирует бесконечное, которое не только чувствам не под силу ощутить, но и воображению не под силу объять в едином интуитивном образе. Отсюда — трепет перед величием

ALEXANDER M. DARIUM VIT. SVPERAT
CA. SISI. ACIL. PERSAR. PEDIT. C. M. EQVIT.
VI. RO. X. M. INTERFECIT. MATRE. QVOCVET
CONIVG. LIBERIS. DARI. REGVM. M. H. AD
AMPLIVS. EQVITIB. FVGA. DILAT. CAPTIS.

человеческой субъективности, способной желать того, что человеку недоступно. Иными словами, бесконечность у Канта — это душевный порыв (эстетически его можно передать, изображая или поэтически упоминая только одну звезду).

Но есть еще и действительная неисчислимость звезд — и это та бесконечность, которую мы назовем объективной: не будь человека, число звезд все равно остается колоссальным. И создавая перечни, хотя бы частичные, всех звезд вселенной, художники стремятся обратить мысль зрителя на эту объективную бесконечность.

Бесконечное эстетики — это чувство, порождаемое конечной и полной завершенностью вещи, вызывающей восхищение.

Мы же рассматриваем иные виды изображения, те, где бесконечность отображена почти *физически*: когда множество действительно *не кончается*, не замыкается в форме.

Назовем эти виды изображения *списками*, или *перечнями*.

Вернемся к *Илиаде*. Там есть момент, когда **Гомер** хочет создать впечатление несметности греческого войска (во II песни поэмы, когда ему надо передать ощущение массы людей, располагающихся на берегу моря к ужасу наблюдающих эту сцену троянцев).

Сначала он прибегает к сравнению: это полчище людей, чьи доспехи отражают солнечный свет, подобно огню, пожирающему лес, или стае птиц перелетных, с криком летящих по небу, — но ни одна метафора не годится, и он взывает о помощи к Музам:

Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа:

Вы, божества, — вездесущи и знаете все в поднебесной; [...]

Вы мне поведайте, кто и вожди и владыки данаев;

Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить,

Если бы десять имел языков я и десять гортаней,

и соответственно принимается перечислять только вождей и ко-
рабли.

Казалось бы, избирается кратчайший способ, но этот кратчайший способ занимает 350 стихов поэмы. Перечень выглядит

полным (других вождей и других кораблей по идее быть не должно), но поскольку не сообщается, сколько воинов следует за каждым воеводой, количество бойцов остается неопределенным.

На первый взгляд может показаться, будто форма характерна для зрелых культур, которые познали окружающий мир, признали и определили его порядок, и будто перечень, наоборот, является типичной принадлежностью примитивных культур, имеющих нечеткие представления о вселенной и ограничивающихся перечислением множества свойств, которые они могут назвать, но даже не пытаются выстроить в иерархической зависимости.

В этом ключе можно было бы прочесть, например, Теогонию **Гесиода**: неисчерпаемый список божеств, конечно же, восходящий к генеалогическому древу, которое можно восстановить при терпеливом филологическом прочтении. Но несомненно не таков подход читателя (в том числе и современника Гесиода), читающего или слушающего текст: ему он скорее кажется ослепительным круговоротом чудовищных и чудесных существ, миром, полным невидимок, который существует параллельно нашему, эмпирическому, и берет свое начало во тьме веков.

Перечни характерны для архаических культур, но они популярны и в Средние века (после того как крупнейшие богословские *суммы* и энциклопедии придали окончательную форму материальному и духовному миру), и в эпоху Возрождения, и в эпоху барокко, после того как мир оформился согласно новейшим открытиям астрономии. Особенно много перечней становится в век модернизма и постмодернизма. А значит, люди упиваются перечислениями по самым различным и многочисленным причинам.

Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.)

ТЕОГОНИЯ, 126 и далее

Прежде всего во вселенной Хаос зародился,
а следом

Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах

глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший, —
Эрос.

Сладкоистомный — у всех он богов и людей
земнородных

Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.
Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
Ночь же Эфир родила и сияющий День, иль Гемеру:
Их зачала она в чреве, с Эребом в любви
сочетавшись.

Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов

всеблаженных;
Нимф, обитающих в чащах нагорных лесов
многотонных;

Также еще родила, ни к кому не всходявши на ложе,
Шумное море бесплодное, Понт. А потом,
разделивши

Ложе с Ураном, на свет Океан породила глубокий,
Коя и Крия, еще — Гипериона и Напета,
Фею и Рею, Фемиду великую и Мнемосину,
Златовенчанную Фебу и милую видом Тефию.

После их всех родился, меж детей наиболее
ужасный,

Крон хитроумный. Отца многомогущего он
ненавидел.

Также Киклопов с душою надменной Гея родила, —
Счетом троих, а по имени — Бронта, Стеропа
и Арга.

Молнию сделали Зевсу-Крониду и гром они дали.
Были во всем остальном на богов они прочих
похожи,

Но лишь единственный глаз в середине лица
находился:

Вот потому-то они и звались «Круглоглазы»,
«Киклопы»,

Что на лице по единому круглому глазу имели.
А для работы была у них сила, и мощь,
и сноровка.

Также другие еще родились у Геи с Ураном
Трое огромных и мощных сынов, несказанно
ужасных, —

Котт, Бриарей крепкодушный и Гиес — надменные
чада.

Целою сотней чудовищных рук размахивал
каждый

Около плеч многомогущих, меж плеч же у тех
великанов

По пятьдесят поднималось голов из туловищ
крепких.

Силой они неподступной и ростом большим
обладали.

Дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном,
Были ужасны и стали отцу своему ненавистны
С первого взгляда. Едва лишь на свет кто из них

появился,
Каждого в недрах Земли немедленно прятал
родитель,

Не выпуская на свет, и злодейством своим
наслаждался.

С полной утробой тяжко стонала Земля-великанша.
Злое пришло ей на ум и коварно-искусное дело.

Тотчас породу создавши седого железа, огромный
Сделала серп и его показала возлюбленным детям
И, возбуждая в них смелость, сказала с печальной
душою:

«Дети мои и отца нечестивого! Если хотите
Быть мне послушными, сможем отцу мы воздать
за злодейство

Вашему: ибо он первый ужасные вещи замыслил».
Так говорила. Но, страхом объятые, дети молчали.
И ни один не ответил. Великий же Крон

хитроумный,
Смелости полный, немедля отвечивал матери
милой:

«Мать! С величайшей охотой за дело такое
возьмусь я.

Мало меня огорчает отца злоимянного жребий
Нашего. Ибо он первый ужасные вещи замыслил».
Так он сказал. Взвеселилась душой исполинская
Гея.

В место укромное сына запрятав, дала ему в руки
Серп острозубый и всяким коварствам его обучила.

Ночь за собою ведя, появился Уран, и возлег он
Около Геи, пылая любовным желаньем, и всюду
Распространился кругом. Неожиданно левую руку
Сын протянул из засады, а правой, схвативши

огромный
Серп острозубый, отсек у родителя милого быстро
Член детородный и бросил назад его сильным
размахом.

И не бесплодно из Кроновых рук полетел он
могучих:

Сколько на землю из члена ни вылилось капель
кровавых,
Все их земля приняла. А когда обернулись годы,
Мощных Эриний она родила и великих Гигантов
С длинными копьями в дланях могучих, в доспехах
блестящих,
Также и нимф, что Мелиями мы на земле называем.
Член же отца детородный, отсеченный острым
железом,
По морю долгое время носился, и белая пена
Взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка
в пене
В той зародилась. Сначала подплыла к Киферам
священным,
После же этого к Кипру пристала, омытому морем.
На берег вышла богиня прекрасная. Ступит ногою —

Хендрик де Клерк
Свадьба Пелея и Фетиды
Из серии *Празднества богов*, ок. 1606–1609
Париж, Лувр

Травы под стройной ногой вырастают.
Ее Афродитой,
«Пенорожденной», еще «Кифереей»
прекрасновенчанной
Боги и люди зовут, потому что родилась из пены.
А Кифереей зовут потому, что к Киферам пристала,
«Кипророжденной», — что в Кипре, омытом
волнами, родилась.
К племени вечных блаженных отправилась тотчас
богиня.
Эрос сопутствовал деве, и следовал Гимер
прекрасный.
С самого было начала дано ей в удел и владенье
Между земными людьми и богами бессмертными
вот что:
Девичий шепот любовный, улыбки, и смех,
и обманы,
Сладкая нега любви и пьянящая радость объятий.
Детям, на свет порожденным Землею, название
Титанов
Дал в поношенье отец их, великий Уран-повелитель.

Руку, сказал он, простерли они к нечестивому делу
И совершили злодейство, и будет им кара за это.
Ночь родила еще Мора ужасного с черною Керой.
Смерть родила она также, и Сон, и толпу

Сновидений.

Мома потом родила и Печаль, источник страданий,
И Гесперид, — золотые, прекрасные яблоки холят
За океаном они на деревьях, плоды приносящих.
Мойр родила она также и Кер беспощадно

казнящих.

[Мойры — Клофо именуются, Лахесис, Атропос.

Людам

Определяют они при рожденье несчастье

и счастье.]

Тяжко карают они и мужей и богов за проступки,
И никогда не бывает, чтоб тяжкий их гнев

прекратился

Раньше, чем полностью всякий виновный отплату
получит.

Также еще Немезиду, грозу для людей земнородных,
Страшная Ночь родила, а за нею — Обман,

Сладострастье,

Старость, несущую беды, Эриду с могучей душою.
Грозной Эридою Труд порожден утомительный,

также

Голод, Забвенье и Скорби, точащие слезы

у смертных,

Схватки жестокие, Битвы, Убийства, мужей

Избиенья,

Полные ложью слова, Словопренья, Судебные

Тяжбы,

И Ослепление души с Беззаконьем, родные друг

другу,

И, наиболее горя несущий мужам земнородным,
Орк, наказующий тех, кто солжет добровольно

при клятве.

Понт же Нерея родил, ненавистника лжи,

правдолюбца,

Старшего между детьми. Повсеместно зовется он

старцем,

Ибо душою всегда откровенен, беззлобен,

о правде

Не забывает, но сведущ в благих, справедливых
советах.

Вслед же за этим Тавманта великого с Форкием

храбрым

Понту Земля родила, и прекрасноланитную Кето,

И Еврибию, имевшую в сердце железную душу.

Многожеланные дети богинь родились у Нерея

В темной морской глубине от Дориды

прекрасноволосой,

Дочери милой отца-Океана, реки совершенной.

Дети, рожденные ею: Плото, Сао и Евкранта,
И Амфитрита с Евдорой, Фетида, Галена и Главка,
Дальше — Спейю, Кимофоя и Фоя с прелестной

Галией,

И Эрато с Пасифеей и розоворукой Евникой,
Дева Мелита, приятная всем, Евлимена, Агава,
Также Дото и Прото, и Феруса, и Динамина,
Дальше — Несса с Актеей и Протомедея

с Доридой,

Также Панопейя и Галатя, прелестная видом,

И Гиппофоя, и розоворукая с ней Гиппоноя,

И Кимодока, которая волны на море туманном

И дуновения ветров губительных с Киматолегой

И с Амфитритой прекраснородной легко

укрощает.

Дальше — Кимо, Эиона, в прекрасном венке

Галимеда,

И Главконома улыбкалюбивая, Понтопоря,

И Леагора, еще Евагора и Лаомедея,

И Пулиноя, а с ней Автоноя и Лиспанасса,

Ликом прелестная и безупречная видом Еварна,

Милая телом Псамата с божественной девой

Мениппой,

Также Несо и Евпомпа, еще Фемисто и Проня,

И, наконец, Немертея с правдивой отцовской

душою.

Вот эти девы, числом пятьдесят, в беспорочных

работах

Многоискусные, что рождены беспорочным Нереем.

Дочь Океана глубокотекущего, деву Электру

Взял себе в жены Тавмант. Родила она мужу Ириду

Быструю и Аэлло с Окипетою, Гарпий кудрявых.

Как дуновение ветра, как птицы, на крыльях

проворных

Носятся Гарпии эти, паря высоко над землею.

Граий прекрасноланитных от Форкия Кето родила.

Прямо седыми они родились. Потому и зовут их

Граями боги и люди. Их двое, — одета в изящный

Пеплос одна, Пемфредо, Энио же, другая, —

в шафранный.

Также Горгон родила, что за славным живут Океаном

Рядом с жилищем певиц Гесперид, близ конечных

пределов

Ночи: Сфенно, Евриалу, знакомую с горем Медузу.

Смертной Медуза была. Но бессмертны,

бессмертны были

Обе другие. Сопрягся с Медузою той Черновласый

На многотравном лугу, среди весенних цветов

благовонных.

После того как Медузу могучий Персей обезглавил,
Конь появился Пегас из нее и Хрисаор великий.
Имя Пегас — оттого, что рожден у ключей океанских,
Имя Хрисаор — затем, что с мечом золотым он

родился.
Землю, кормилицу стад, покинул Пегас и вознесся
К вечным богам. Обитает теперь он в палатах
у Зевса.

И Громовержцу всеумудрому молнию с громом
принесит.

Этот Хрисаор родил трехголового Герионея,
Соединившись в любви с Каллироею Океанидой.
Герионея того умертвила Гераклова сила
Возле ленивых коров на омытой водой Ерифее.

В тот же направился день к Тиринфу священному
с этим

Стадом коровьим Геракл, через броды пройдя
Океана,

Орфа убивши и стража коровьего Евритиона
За Океаном великим и славным, в обители
мрачной.

Кето ж в пещере большой разрешилась
чудовищем новым,

Ни на людей, ни на вечноживущих богов не
похожим, —

Неодолимой Ехидной, божественной, с духом
могучим,

Наполовину — прекрасной с лица, быстроглазую
нимфой,

Наполовину — чудовищным змеем, большим,
кровожадным,

В недрах священной земли залегающим, пестрым
и страшным.

Есть у нея там пещера внизу глубоко под скалою,
И от бессмертных богов, и от смертных людей
в отдаленье:

В славном жилище ей там обитать предназначили
боги.

Так-то, не зная ни смерти, ни старости, нимфа
Ехидна,

Гибель несущая, жизнь под землей проводила
в Аримах.

Как говорят, с быстроглазую девою той сочетался
В жарких объятиях гордый и страшный Тифон
беззаконный.

И зачала от него, и детей родила крепкодушных.
Для Гериона сперва родила она Орфа-собаку;
Вслед же за ней — несказанного Цербера,

страшного видом,
Медноголового адова пса, кровожадного зверя,

Нагло-бесстыдного, злого, с пятьюдесятью головами.
Третьей потом родила она злую Лернейскую Гидру.
Эту вскормила сама белорукая Гера-богиня,
Неукротимую злобой пылавшая к силе Геракла.
Гибельной медью, однако, ту Гидру сразил сын

Кронида,
Амфитрионова отрасль Геракл, с Полаем могучим,
Руководимый советом добычицы мудрой Афины.

Также еще разрешилась она изрыгающей пламя,
Мощной, большой, быстроногой Химерой с тремя
головами:

Первою — огненноокого льва, ужасного видом,
Козьей — другою, а третьей — могучего змея-
дракона.

Спереди лев, позади же дракон, а коза в середине;
Яркое, жгучее пламя все пасти ее извергали.

Беллерофонт благородный с Пегасом ее умертвил.
Грозного Сфинкса еще родила она в гибель
кадмейцам,

Также Немейского льва, в любви сочетавшись
с Орфом.

Лев этот, Герой вскормленный, супругою славною
Зевса,

Людям на горе в Немейских полях поселен был
богиней.

Там обитал он и племя людей пожирал
земнородных,

Царствуя в области всей Апесанта, Немей и Трета.
Но укротила его многомощная сила Геракла.

Форкию младшего сына родила владычица Кето, —
Страшного змея: глубоко в земле залегая
и свившись

В кольца огромные, яблоки он сторожит золотые.
Это — потомство, рожденное на свет от Форкия
с Кето.

От Океана ж с Тефией пошли быстротечные дети,
Реки Нил и Алфей с Эриданом глубокопучинным,
Также Стримон и Меандр с прекраснотрущимся
Истром,

Фазис и Рее, Ахелой серебристопучинный
и быстрый,

Несс, Галиакмон, а следом за ними Гептапор
и Родий,

Граник-река с Симоентом, потоком божественным,
Эсеп,

Реки Герм и Пеней и прекраснотрующийся Каик,
И Сангарийский великий поток, и Парфений,
и Ладон,

Быстрый Эвен и Ардеск с рекою священной
Скамандром.

Также и племя священное дев народила Тефия.
Вместе с царем Аполлоном и с Реками мальчиков

Пестуют девы, — такой от Кронида им жребий
достался.

Те Океановы дщери: Адмета, Пейто и Электра,
Янфа, Дорида, Примно и Урания с видом богини,
Также Гиппо и Климена, Родеия и Каллироя,
Дальше — Зейксо и Клития, Идийя и с ней Пасифоя,
И Галаксавра с Плексаврой, и милая сердцу Диона,
Фоя, Мелобозис и Подидора, прекрасная видом,
И Керкеида с прелестным лицом, волоокая Плуту,
Также еще Персеида, Янира, Акаста и Ксанфа,
Милая дева Петрея, за ней — Менесфо и Европа,
Полная чар Калипсо, Телесто в одеянии желтом,
Азия, с ней Хрисеида, потом Евринома и Метис.
Тиха, Евдора, и с ними еще — Амфино, Окироя,
Стикс, наконец: выдается она между всеми другими.
Это — лишь самые старшие дочери, что народились
От Океана с Тефией. Но есть и других еще много.

Ибо всего их три тысячи, Океанид стройноногих.
Всюду рассеявшись, землю они обегают, а также
Бездны глубокие моря, богинь знаменитые дети.
Столько же есть на земле и бурливо текущих

Теплокровных, — шумливых сынов
Океана.

Всех имена их назвать никому из людей не
под силу.

Знает название потока лишь тот, кто вблизи
обитают.

Фейя — великого Гелия с яркой Соленой и с Эос,
Льющую сладостный свет равно для людей
земнородных

И для бессмертных богов, обитающих в небе
широком,

С Гиперионом в любви сочетавшись, на свет
породила.

С Крием в любви сочетавшись, богиня богинь
Еврибия

На свет родила Астрея великого, также Палланта
И между всеми другими отличного хитростью

Перса.

Эос-богиня к Астрею взошла на любовное ложе,
И родились у нее крепкодушные ветры от бога, —
Быстролетающий Борей, и Нот, и Зефир белопенный.
Также звезду Зареносца и сонмы венчающих небо
Ярких звезд родила спозаранку рожденная Эос.

Стикс, Океанова дочь, в любви сочетавшись
с Паллантом,

Зависть в дворце родила и прекраснородную
Нике.

Силу и Мощь родила она также, детей
знаменитых.

Нет у них дома отдельно от Зевса, пристанища нету,
Нет и пути, по которому шли бы не следом

за богом;
Но неотступно при Зевсе живут они тяжкогремящем.

Так это сделала Стикс, нерушимая Океанида,
В день тот, когда на великий Олимп небожителей

вечных
Созвал к себе молневержец Кронид, олимпийский
владыка,

И объявил им, что тот, кто пойдет вместе с ним
на Титанов,

Почестей прежних не будет лишен и удел сохранит
свой,

Коим дотолé владел меж богов, бесконечно
живущих.

Если же кто не имел ни удела, ни чести при Кроне,
Тот и удел и почет подобающий ныне получит.

Первой тогда нерушимая Стикс на Олимп
поспешила

Вместе с двумя сыновьями, совету отца повинуюсь.
Щедро за это ее одарил и почтил Громовержец:

Ей предназначил он быть величайшею клятвой
бессмертных,

А сыновьям приказал навсегда у него поселиться.
Также и данные всем остальным обещанья

сдержал он,
Сам же с великою властью и силой царит
над вселенной.

Феба же к Кою вступила па многожеланное ложе
И, восприявши во чрево, — богиня в объятиях

бога, —
Черноодежной Лето разрешилася, милою вечно,
Милою искони, самою кроткой на целом Олимпе,

Благостной к вечноживущим богам и благостной
к людям.

Благоименную также она родила Астерию, —
Ввел ее некогда Перс во дворец свой, назвавши

супругой.

Эта, зачавши, родила Гекату, — ее перед всеми
Зевс отличил Громовержец и славный удел

даровал ей:

На с. 24–25:

Матиас Герунг
Суд Париса и Троянская война, 1540
Париж, Лувр

27 M 1 D XXXX
OW M OH

Править судьбою земли и бесплодно-пустынного
моря.

Был ей и звездным Ураном почетный удел
предоставлен,

Более всех почитают ее и бессмертные боги.

Ибо и ныне, когда кто-нибудь из людей
земнородных,

Жертвы свои принося по закону, о милости молит,
То призывает Гекату: большую он честь получает

Очень легко, раз молитва его принята
благосклонно.

Шлет и богатство богиня ему: велика ее сила.

Долю имеет Геката во всяком почетном уделе

Тех, кто от Геи-Земли родился и от Неба-Урана,

Не причинил ей насилия Кронид и не отнял
обратно,

Что от Титанов, от прежних богов, получила богиня.

Все сохранилось за ней, что при первом разделе
на долю

Выпало ей из даров на земле, и на небе, и в море.

Чести не меньше она, как единая дочь, получает, —

Даже и больше еще: глубоко она чтима Кронидом.

Пользу богиня большую, кому пожелает,
приносит.

Хочет, — в народном собрании любого меж всех
возвеличит.

Если на мужегубительный бой снаряжаются люди,

Рядом становится с теми Геката, кому пожелает

Дать благосклонно победу и славою имя украсить.

Возле достойных царей на суде восседает богиня.

Очень полезна она, и когда состязаются люди:

Рядом становится с ними богиня и помощь дает им.

Мощью и силою кто победит — получает награду,

Радуюсь в сердце своем, и родителям славу
приносит.

Конникам также дает она помощь, когда пожелает,

Также и тем, кто, среди синих, губительных волн
промышляя,

Станет молиться Гекате и шумному Энносигею.

Очень легко на охоте дает она много добычи,

Очень легко, коль захочет, покажет ее —
и отнимет.

Вместе с Гермесом на скотных дворах она множит
скотину;

Стадо ль вразброску пасущихся коз иль коров
круторогих,

Стадо ль овец густорунных, душой пожелав, она
может

Самое малое сделать великим, великое ж —
малым.

Так-то, — хотя и единая дочь у матери, — все же
Между бессмертных богов почтена она всяческой
честью.

Вверил ей Зевс попечение о детях, которые узрят

После богини Гекаты восход многовидящей Эос.

Искони юность хранит она.

(Пер. В. Вересаева)

Гомер

ИЛИАДА, II, 456–1015

Словно огонь истребительный, вспыхнув
на горных вершинах,

Лес беспредельный палит и далеко заревом
светит, —

Так, при движении воинств, от пышной их меди
чудесной

Блеск лучезарный кругом восходил по эфиру
до неба.

Их племена, как птиц перелетных несчетные стаи,
Диких гусей, журавлей иль стада лебедей

В златном Азийском лугу, при Каистре
долговольных

В широкотекущем,

Вьются туда и сюда и плесканием крыл веселятся,

С криком садятся противу сидящих и луг

оглашают, —

Так аргивян племена, от своих кораблей и от кушей,

С шумом неслися на луг Скамандрийский; весь дол

под толпами

Страшно кругом застонал под ногами и коней

и воев.

Стали ахейн сыны на лугу Скамандра цветущем,

Тьмы, как листья на древах, как цветы на долинах

весною.

Словно как мух несчетных рои собираясь густые

В сельской пастушеской куще, по ней беспрестанно

кружатся

В вешние дни, как млеко изобильно струится

в сосуды, —

Так неисчетные против троян браноносцы данаи

В поле стояли и, боем дыша, истребить их горели.

Их же, как пастыри коз меж бродящих стад
необъятных

Скоро своих отлучают от чуждых, смешавшихся
в пастве,

Так предводители их, впереди, позади учреждая,
Строили в бой; и меж них возвышался герой

Агамемнон,
Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,
Станом — Арею великому, персями — Энносигею.
Словно как бык среди стада стоит, перед всеми
отличный,

Гордый телец, возвышается он меж телиц
превосходный:

В день сей таким сотворил Агамемнона Зевс
Олимпиец,
Так отличил между многих, возвысил средь сонма
героев.

Ныне поведайте, Музы, живущие в сениях
Олимпа:

Вы, божества, — вездесущи и знаете все
в поднебесной;

Мы ничего не знаем, молву мы единую слышим:
Вы мне поведайте, кто и вожди и владыки данаев;
Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать,
ни исчислить,

Если бы десять имел языков я и десять гортаней,
Если бы имел неслабеющий голос и медные перси;
Разве, небесные Музы, Кронида великого дщери,
Вы бы напомнили всех, приходивших под Трою
ахеев,

Только вождей корабельных и все корабли я
исчислю.

Рать беотийских мужей предводили на бой
воеводы!

Аркесилай и Леит, Пенелей, Профоенор и Клоний.
Рать от племен, обитавших в Гирии, в камнистой
Авлиде,

Схен населявших, Скол, Этеон лесисто-холмистый;
Феспии, Греи мужей и широких полей Микалесса;
Окрест Илезия живших и Гармы и окрест Эритры;
Всех обитателей Гил, Элеон, Петеон населявших;
Также Окалею, град Медеон, устройением пышный,
Копы, Эвтрес и стадам голубиным любезную
Фисбу,

Град Коронею и град Галиарт на лугах
многоотравных;

Живших в Платее и в Глиссе тучные нивы пахавших;
Всех, населяющих град Гипофивы, прекрасный
устройством;

Славный Онхест, Посейдонов алтарь и заветную
рощу;

Арн, виноградом обильный, Мидею, красивую
Ниссу,

И народ, наконец, населявший Анфедон
предельный.

С ними неслось пятьдесят кораблей, и на каждом
из оных

По сту и двадцать воинственных, юных беотян
сидело.

Град Аспледон населявших и град Миниеев
Орхомен

Вождь Аскалаф предводил и Иялмен, Ареевы чада;
Их родила Астиоха в отеческом Актора доме,
Дева невинная: некогда терем ее возвышенный
Мощный Арей посетил и таинственно с нею
сопрягся.

С ними тридцать судов прилетели, красивые, рядом.

Вслед ополченья фокеев Схедий предводил
и Эпистроф,

Чада Ифита царя, потомки Навбола героя.
Их племена Кипарисс и утесный Пифос населяли;
Криссы веселые доли, и Давлис, и град Панопею;
Жили кругом Гиампола, кругом Анемории злчной;
Вдоль по Кефиссу реке, у божественных вод
обитали;

Жили в Лилее, при шумном исходе Кефисского тока.
Сорок под их ополченьями черных судов
принеслося.

Оба вождя устроили ряды ополчений фокеевских
И близ беотян, на левом крыле, ополчались к бою.

Локров Аякс предводил, Оилеев сын
быстроногий:

Меньше он был, не таков, как Аякс Теламонид
могучий,

Меньше далеко его; невеликий, в броне
полотняной,

Но копьеметец отличный меж эллинов всех
и данаев.

Он предводил племена, населявшие Кинос и Опус,
Вессу, Каллиар, и Скарф, и веселые доли Авгеи;
Тарфы и Фроний, где воды Воагрия быстро катятся.
Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону
С воинством локров мужей, за священной живших
Эвбеей.

Но народов эвбейских, дышавших боем абантов,
Чад Эретрии, Халкиды, обильной вином Гистиеи,
Живших в Коринфе приморском и в Диуме, граде
высоком

Стир населявших мужей, и народ, обитавший
в Каристе,

Венецианский художник
Франческо Морозини преследует турецкий флот,
спасающийся бегством. Апрель 1659, 1659–1730
Венеция, Музей Коррер

Вывел и в бой предводил Элефенор, Ареева
отрасль,
Сын Халкодонов, начальник нетрепетных духом
абантов.
Он предводил сих абантов, на тыле власы лишь
растивших,
Воинов пылких, горящих ударами ясневых копий
Медные брони врагов разбивать рукопашно
на персях.
Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону.

Но мужей, населяющих град величественный Афины,
Область царя Эрехтея, которого в древние веки
Мать земля родила, воспитала Паллада Афина,
И в Афины ввела, и в блестящий свой храм
вдвинула,
Где и тельцами и агнцами ныне ее ублажают
Чада Афин, при урочном исходе годов
круговратных, —
Сих предводил Петеид Менесфей, в ратоборстве
искусный.
С ним от мужей земнородных никто не равнялся
в искусстве
Строить на битвы и быстрых коней, и мужей
щитоносцев.
Нестор один то оспаривал, древле родившийся
старец.
С ним пятьдесят кораблей, под дружиною, черных
примчав

Мощный Аякс Теламонид двенадцать судов
саламинских
Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги.

В Аргосе живших мужей, населявших Тиринф
крепкостенный,
Град Гермиону, Азину, морские пристанища оба,
Грады Трезену, Эйон, Эпидавр, виноградом
обильный,
Живших в Масете, в Эгине, ахейских юношей
храбрых,
Сих предводителем был Диомед, знаменитый
воитель,
Также Сфенел, Капанея великого сын благородный;
С ними и третий был вождь, Эвриал, небожителю
равный,
Храбрый Мекестия сын, потомок царя Талайона.
Вместе же всех предводил Диомед, знаменитый
воитель:
Семьдесят черных судов под дружинами их
принеслося.

Но живущих в Микене, прекрасно устроенном
 граде,
 И в богатом Коринфе, и в пышных устройством
 Клеонах;
 Орнии град населявших, веселую Арефирею,
 Град Сикион, где царствовал древле Адраст
 браноносный,
 Чад Гипересии всех, Гоноессы высокоутойской;
 Живших в Пеллене, кругом Эгиона мужей
 обитавших,
 Вдоль по поморью всему, и окрест обширной
 Гелики, —
 Всех их на ста кораблях предводил властелин
 Агамемнон.
 Рать многочисленной всех, превосходнее всех
 ратоборцы
 С ним принесли; он сам облакался сияющей
 медью,
 Славою гордый, что он перед сонмом героев блистает
 Саном верховным своим и числом предводимых
 народов.

Град населявших великий, лежащий меж гор
Лакедемон,
Фару, Спарту, стадам голубиным любезную Мессу;
В Брисии живших мужей и в веселых долинах Авгии,
Живших Амиклы в стенах и в Гелосе, граде
приморском;
Град населяющих Лаас и окрест Этила живущих;
Сих Агамемнона брат, Менелай, знаменитый
воитель,
Вел шестьдесят кораблей, но отдельно на бой
ополчался;
Ратников сам предводил, на душевную доблесть
надежный,
Сам их на бой возбуждал и пылал, как никто из ахеев,
Страшно отмстить за печаль и за стон похищенной
Елены.

В Пилосе живших мужей, обитавших в Арене
веселой;
Фриос, Алфейский брод и славные зданием Эпи,
Град Кипариссию, град Амфигению вкруг
населявших,
Птелос, Гелос и Дорион, место, где некогда Музы,
Встретив Фамира Фракийского, песнями славного
мужа,
Дара лишили: идя от Эврита, царя эхалиян,
Гордый, хвалиться дерзал, что победу похитит он
в песнях,
Если и Музы при нем воспоют, Эгиоховы дщери.

Гневные Музы его ослепили, похитили сладкий
К песням божественный дар и искусство бряцать
на кифаре.
Сих предводил повелитель их Нестор, конник
геренский:
С ним девяносто судов принеслися, красивые строем.
Живших в Аркадии, вдоль под Килленской горою
высокой,
Близко могилы Эпита, мужей рукопашных на битвах;
В Феносе живший народ, в Орхомене, стадами
богатом,
В Рипе, Стратии мужей обитавших и в бурной
Эниспе,
И Тегеи в стенах, и в странах Мантинеи веселой;
В Стимфале живших мужей и в Парразии нивы
пахавших, —
Сими начальствуя, отрасль Анкеева, царь Агапенор
Гнал шестьдесят кораблей; многочисленны
в каждом из оных
Мужи сидели аркадские, сильно искусные в битвах.
Их ополчениям сам повелитель мужей Агамемнон
Дал корабли доброснастные, плыть им по черному
понту
К Трое высокой: они небрегли о делах мореходных.
Вслед вупрасийцы текли и народы священной
Элиды,

Жители тех областей, что Гирмина, Мирзин
приграничный,
И утес Оленийский, и холм Алезийский вмещают:
Их предводили четыре вождя, и десять за каждым
Быстрых неслось кораблей, с многочисленной
ратью эпеев.
Сих устремляли на бой Амфимах и воинственный
Фалпий:
Первый Ктеатова отрасль, второй Акторида Эврита;
Тех предводителем шествовал храбрый Диор
Амаринкид;
Вождь их четвертый был Поликсен, небожителю
равный,
Доблестный сын Агасфена, народов царя Авгеида.

Рать из Дулихии, рать с островов Эхинадских
священных,
Тех, что за морем широким лежат против берега
Элиды,
Мегес Филид предводил, ратоборец, Арею
подобный,
Сын любимца богов, конеборца Филея, который

Саркофаг со сценой битвы римлян с варварами, 180–190
Рим, Национальный музей римского искусства,
палаццо Массимо

Некогда в край Дулихийский укрылся от гнева
отцова.
Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных
примчалось.
Царь Одиссей предводил кефалленян,
возвышенных духом,
Живших в Итаке мужей и при Нерите
трепетolistном;
Чад Крокилеи, пахавших поля Эгилипсы суровой,
В власти имевших Закинф и кругом обитавших
в Самосе,
Живших в Эпире мужей, и на бреге
противолежащем, —
Сих предводил Одиссей, советами равный Зевесу;
И двенадцать за ним принеслось кораблей
красноносых.

Рать из племен этолийских Фоас предводил
Андремонид;
Рать из мужей, обитавших в Олене, Пилене,
Плевроне,
И в Калидоне камнистом, и в граде Халкиде
приморской.
Не было больше на свете сынов браноносных Инея;
Мертв и сам уже был он, и мертв Мелеагр
светлокудлый;
И в Этолии царствовать вверено было Фоасу.
Сорок за ним, под дружиною, черных судов
принеслося.
Критян же Идомей предводил, знаменитый
копейщик;
В Кноссе живущих мужей, в укрепленной стенами
Гортине,

Ликт населявших, Милет и град белокаменный
 Ритий обширный и Фест, многолюдные, славные
 И других, населяющих Крита стоградного земли,
 Был воеводою Идомений, знаменитый копейщик,
 И Мерион, Эниалию равный, губителю смертных;
 Семьдесят черных судов принеслося под критской
 дружиной.
 Но Тлиподем Гераклид, как отец, и огромный
 и мощный,
 Гордых родосцев, извел в девяти кораблях из Родоса,
 Кои в родосской земле, разделенные на три колена,
 Линд, Иялис и Камир белокаменный вкруг населяли:
 Сих предводил Тлиподем, копьеборец, гибельный
 в битвах,

Силы Геракловой сын, рожденный с молодой
 Астихой,
 Взятый героем в Эфире, у вод Селлеиса, когда он
 Многие грады рассыпал питомцев Зевсовых юных.
 Сей Тлиподем лишь возрос в благосозданном
 доме Геракла,
 Скоро убил, безрассудный, почтенного дядю отцова,
 Старца уже седого, Ликимния, отрасль Арея.
 Быстро сплотил он суда и с великою собранной
 ратью
 Скрылся, бежа по морям, устроясь мести
 грозивших

*Битва Александра со стадом единорогов
 Из Книги подвигов и деяний Александра, л. 260 об., XV в.
 Париж, Пти-Пале*

Всех остальных, — и сынов, и потомков Геракловой
силы.

Прибыл в Родос наконец он, скиталец, беды
претерпевший;

Там поселились пришельцы тремя племенами и были
Зевсом любимы, владыкой богов и отцом человека:
Он им богатства несметные свыше пролил, Олимпиец.

Вслед их Нирей устремлялся с тремя
кораблями из Сима,

Юный Нирей, от Харопа царя и Аглаи
рожденный;

Оный Нирей, что с сынами данаев пришел
к Илиону,

Смертный, прекраснейший всех, после дивного
мужа Пелида;

Но не мужествен был он, и малую вывел
дружину.

Живших в Низире мужей, населяющих Казос
и Крапаф,

Град Эврипилов Коос и народ островов
Калиднийских

Два предводили вожда: и Фидипп,
и воинственный Антиф,

Оба Фессалом рожденные, царственным
сыном Геракла.

Тридцать за ними судов принесли, красивые
строем.

Ныне исчислю мужей, в пеласгическом Аргосе
живших,

Алос кругом населявших, и Алоп удел,
и Трахину,

Холмную Фтию, Элладу, славную жен
красотою,
Всех — мирмидонов, ахейан и эллинов имя
носящих;

Сих пятьдесят кораблей предводил Ахиллес
знаменитый.
Но народы сии о гремящей не мыслили брани;
Некому было водить на сражения строев их
грозных.
В стане, при черных судах, возлежал Ахиллес
быстроногий,

Гневный за дочь Брисееву, пышноволоосу
деву,
Деву, которую взял, по жестоких трудах,
из Лирнесса,
Самый Лирнесс разгромя и высокие фивские
стены,
Где и Эвена сынов, копьеборцев, гибельных
в битвах,
Внуков Селепа царя, и Эпистрофа сверг,
и Минеса.
Грустен по ней, возлежал он; но скоро
воспрянет, могучий.

(Пер. Н. Гнедича)

Вичентино
Битва при Лепанто, 1595–1605
Венеция, Палаццо дожей

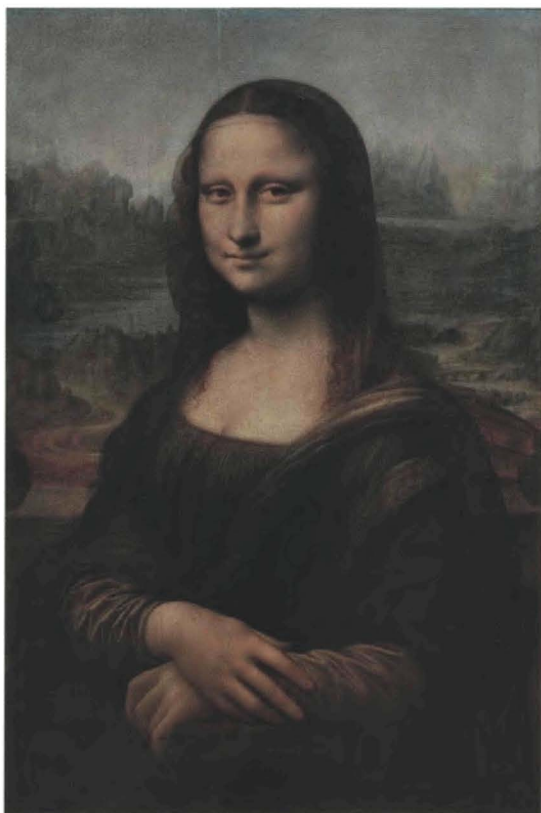
3. Визуальная секвенция

Не случайно, рассказывая о форме, Гомер берет пример из изобразительного искусства (хотя и выражает его словами, применяя гипотипоз). Когда же Гомер берется за перечень, он выражается только словами и к визуальной параллели не прибегает.

Налицо проблема, если учесть, что мы, занимаясь перечнями, иллюстрируем вербальные перечни — визуальными примерами. Эти примеры обязательно имеют границы. Скульптура ограничена пространством (трудно представить себе статую, говорящую «и так далее», то есть намекающую, что она может продолжиться за пределами собственных физических границ), картина ограничена рамой.

Мы уже видели, что в случае Моны Лизы фон-пейзаж явно может быть продолжен за пределы рамы, но никого не интересует,

куда простирается лес за ее спиной, никому не приходит в голову, будто Леонардо хотел создать впечатление, что пейзаж простирается до бесконечности.

В то же время есть такие произведения изобразительного искусства, глядя на которые, думаешь, что внутри рамы показано не все, что это лишь пример некоей совокупности, исчислить которую по крайней мере столь же трудно, как воинов у Гомера. Пример тому — *Картинные галереи* Джованни Паннини: они отображают не только то, что на них запечатлено, но и всю вообще

На с. 36:

Иероним Босх
Триптих *Сад земных наслаждений*
(фрагмент правой панели), ок. 1500
Мадрид, Прадо

Леонардо да Винчи
Мона Лиза (Джоконда), 1503–1506
Париж, Лувр

На с. 37:

Иероним Босх
Триптих *Сад земных наслаждений*
(фрагмент центральной панели), ок. 1500
Мадрид, Прадо

На с. 39:

Джованни Паоло Паннини
Галерея с видами современного Рима, 1757
Париж, Лувр

(неопределенных размеров) коллекцию, по отношению к которой являются образчиком. Другой пример — *Сад земных наслаждений* Босха: картина наводит на мысль, что чудеса, на ней изображенные, — лишь часть чудес, продолжающихся и за ее пределами. Посмотрим на полотна *Распятие и апофеоз десяти тысяч мучеников на горе Арарат* Карпаччо или *Одиннадцать тысяч мучеников* Понтормо. Разумеется, распятий нарисовано не десять тысяч, и палачей в действительности было намного больше, чем можно видеть на картине, однако эти композиции явно призваны поведать нам о множестве агонизирующих тел, не исчерпываемом пределах полотна; картины словно признаются в собственном бессилии назвать (показать) всех мучеников.

То же происходит со многими художественными изображениями битв и ратей в боевом порядке (все по той же гомеровской модели), а также с иными яркими образами необъятных людских скоплений.

Витторе Карпаччо
*Распятие и апофеоз десяти тысяч
мучеников на горе Арарат, 1515*
Венеция, Галерея Академии

Альбрехт Дюрер
*Смерть десяти тысяч христианских
мучеников, 1508*
Вена, Музей истории искусства

Якопо Пальма Младший
Взятие Константинополя, ок. 1587
Венеция, Дворец дожей

Винченцо Кампи
Торговка фруктами, ок. 1590
Милан, Пинакотека Брера

Франс Снайдерс (школа)
Свежий улов, 1616–1621
Париж, Лувр

Многие голландские натюрморты с изображением плодов, дичи или рыбы скреплены формой, и не только потому, что ограничены рамой, но и потому, что предметы на них сгруппированы в центре; и в то же время в них настолько явно присутствует стремление передать эффект изобилия и несказанного разнообразия, что мы можем причислить их к образцам визуальных секвенций. Среди голландских натюрмортов идея перечня присутствует (несмотря на строгую композицию последних) в так называемых *vanitas*, это жанр, в котором сгруппированы предметы на первый взгляд никак не связанные между собой, но олицетворяющие все преходящее и призывающие задуматься о бренности земных благ.

При желании нетрудно распространить круговерть персонажей за пределы полотна или фрески, глядя на *Страшный суд* Микеланджело или Жана Кузена Младшего.

Питер Аерт
Vanitas, 1552
 Вена, Музей истории искусства

Винсент ван де Вине
*Vanitas с королевской короной и портретом
 Карла I, казненного в 1649 году*
 Париж, Лувр

DENCKT
OP T'ENT

J. van Veen

Структура перечня характерна и для других видов искусства: захватывающий ритм *Болеро* Равеля создает впечатление, что музыка может продолжаться бесконечно. Тот же принцип вдохновил Збигнева Рыбжински на создание кинообраза, где несколько персонажей (у него это советские революционеры, но с таким же успехом могли бы быть ангелы, восходящие к седьмому небу) поднимаются по лестнице, потенциально не имеющей конца.

Жан Кузен Младший
Страшный суд, ок. 1585
 Париж, Лувр

Збигнев Рыбжински
Оркестр, 1990

4. Невыразимое

Список кораблей у Гомера — это не только великолепный пример перечня, причем особенно яркий из-за того что противопоставлен форме щита; здесь перед нами явление, получившее название *топос невыразимости*. Перед лицом чего-то невероятно большого или неведомого, чего-то, о чем пока известно немного или никогда не будет известно достаточно, автор говорит, что бессилён что-либо сказать, но тем не менее предлагает перечень, часто как образчик, пример, намек, предоставляя читателю вообразить остальное. Топос невыразимости неоднократно возникает у Гомера, например, при перечислении усопших, которых Одиссей встречает в царстве Аида в XI песни *Одиссеи*. Ту же модель воспроизводит **Вергилий**, описывая пребывание Энея в преисподней (*Энеида*, VI, 264 и след.).

Мы могли бы до бесконечности (и получился бы отличный список) приводить примеры топоса невыразимости в истории литературы: от Гесиода переходя к Пиндару и Тиртею, потом к римской литературе и, в частности, к Вергилию, который, рисуя невозможность перечислить все разновидности винограда и вина, пишет в *Георгиках* (II, 103): «Но чтобы все их сорта перечислить и все их названья, / Цифр не хватит, да их и подсчитывать незачем вовсе, / Ибо число их узнать — все равно, что песок по песчинкам / Счесть, который Зефир подымает в пустыне Ливийской, / Иль, когда Эвр на суда налегает, узнать попытаться, / Сколько о берег крутой разбивается волн ионийских» (пер. С. Шервинского), и наконец, обратиться к *Апокалипсису* Святого Иоанна («После сего взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесать, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло перед престолом», — Откр. 7:9). Овидий в *Науке любви* (I, 435), говоря о непристойном поведении женщин, восклицает: «Нет, даже если бы сто я имел языков

и гортаней, / Я бы исчислить не смог хитрых нечестий блудниц» (пер. М. Гаспарова), а в стихах 149–152 III книги утверждает, что перечислить все женские прически — все равно, что назвать все желуди на дубовой ветке или всех зверей в Альпийских горах. В *Метаморфозах* (XV, 419–421) Овидий сетует на невозможность поведать обо всех метаморфозах — хотя в сущности, чем он занимался на протяжении 15 книг и 12 тысяч стихов, как не перечислением 246 метаморфоз?

Как Гомеру не удастся назвать всех ахейских воинов, так, и даже в большей степени, Данте не властен перечислить всех ангелов небесных, поскольку не знает их числа (не говоря уж об именах). И вот, в XXIX песни *Рая* перед нами еще один пример топоса невыразимости, обусловленный тем, что число ангелов превышает возможности человеческого разума¹. Однако, когда Данте хочет передать экстатический восторг перед невыразимым, он к перечню не прибегает; о численности ангелов он мыслит под обаянием геометрической прогрессии в свете легенды, где изобретатель шахмат попросил у персидского царя в награду за свое изобретение одно хлебное зернышко за первое поле шахматной доски, два — за второе, четыре за третье и так далее до шестьдесят четвертого поля, достигнув астрономического количества зерен: «И множились несметней их огни, / Чем шахматное поле, множась вдвое» (*Рай*, XXVIII, 92–93, пер. М. Лозинского).

И все же, одно дело — сетовать, что не имеешь достаточно языков и гортаней, дабы поведать о чем-то (и при этом воздерживаться от описания и всячески обыгрывать топос невыразимости, пусть даже столь оригинально и возвышенно, как это делает Данте), а другое — попытаться набросать перечень, хотя бы неполный, как поступили Гомер и Вергилий или, например, **Авсоний**, взявшийся перечислить рыб в своей поэме *Мозелла*.

Было замечено, что топос недостающих языков и гортаней был широко распространен в поэзии, передававшейся изустно (и сказителю требовалось набрать немало воздуха в легкие, чтобы выдержать стройный ритм гомеровского списка кораблей или назвать по памяти все имена гесиодовских мифологических персонажей), однако этот топос вполне употреблялся и в те

времена, когда тексты стали записывать (один лишь пример: сонет 103 Чекко Анджольери *Имей я даже тысячу языков*), и на определенном этапе истории представляется настолько избитым, что воспроизводится уже в ироническом ключе Боярдо, а затем **Ариосто**, когда тот шутит о восторгах двоих влюбленных: «Они расскажут, не жалея слов — у них во ртах по паре языков!» (*Неистовый Роланд*, VII, 29, пер. Е. Костюкович).

¹ Приведенный в антологии список имен ангелов взят из Священного Писания, апокрифических евангелий, кабалистической традиции, мусульманских текстов, книг Еноха, текстов харранских сабеев и книги Тритемия *Steganographia* (1621). Список демонов взят из трудов *Lemegeton Clavicula Salomonis* (1641), *Pseudomonarchia daemonum* Иоганна Вейера (1515-1588), опубликованной в приложении к его книге *De Praestigiis Daemonum* (1563), из *Dictionnaire inferni* (1812) Колена де Планси и других текстов по демонологии.

Вергилий (70–19 до н. э.)

ЭНЕИДА, VI, 264–301

Боги, властители душ, и вы, молчаливые тени,
 Хаос, и ты, Флегетон, и равнины безмолвья
 и мрака,
 Дайте мне право сказать обо всем, что я
 слышал; дозвольте
 Все мне открыть, что во мгле глубоко
 под землю таится.

Шли вслепую они под сенью ночи безлюдной,
 В царстве бесплотных теней, в пустынной
 обители Дита, —
 Так по лесам при луне, при неверном свете
 зловещем,
 Путник бредет, когда небеса застилают
 Юпитер
 Темной тенью и цвет у предметов ночь
 отнимает.
 Там, где начало пути, в преддверье
 сумрачном Орка
 Скорбь ютится и с ней грызущие сердце
 Заботы,
 Бледные здесь Болезна живут и унылая
 Старость,
 Страх, Нищета, и Позор, и Голод, злобный
 советчик,
 Муки и тягостный Труд — ужасные видом
 обличья;
 Смерть и брат ее Сон на другом обитают
 пороге,
 Злобная Радость, Война, приносящая гибель,
 и здесь же
 Дев Эвменид железный чертог и безумная
 Распря, —
 Волосы-змеи у ней под кровавой вьются
 повязкой.

Вяз посредине стоит огромный и темный,
 раскинув
 Старые ветви свои; сновидений лживое племя
 Там находит приют, под каждым листком
 притаившись.
 В том же преддверье толпой теснятся тени
 чудовищ:
 Сциллы двувидные тут и кентавров стада
 обитают,
 Тут Бриарей сторукий живет, и дракон из
 Лернейской
 Топи шипит, и Химера огнем врагов
 устрашает,
 Гарпии стаяй вокруг великанов трехтелых
 летают...
 Меч Эней обнажил, внезапным страхом
 охвачен,
 Выставил острый клинок, чтобы встретить
 натиск чудовищ,
 И, не напусти ему многомудрая дева, что этот
 Рой бестелесных теней сохраняет лишь
 видимость жизни,
 Ринулся он бы на них, пустоту мечом рассекая.

Дальше дорога вела к Ахеронту, в глубь
 преисподней.
 Мутные омуты там, разливаясь широко,
 бушуют,
 Ил и песок выносят в Коцит бурливые волны.
 Воды подземных рек стережет перевозчик
 ужасный —
 Мрачный и грязный Харон. Клочковатой
 седой бородою
 Все лицо обросло — лишь глаза горят
 неподвижно,
 Плащ на плечах завязан узлом и висит
 безобразно.

(Пер. С. Ошерова)

На с. 52–53:

Ян Брейгель Старший

Эней и сивилла в Аду, 1600

Вена, Музей истории искусства

Данте Алигьери (1265–1321)

РАЙ, XXIX, 127–145

Но это все — окольная дорога,
И нам пора на прежний путь опять,
Со временем сообразуясь строго.

Так далеко восходит эта рать
Своим числом, что смертной речи сила
И смертный ум не могут не отстать.

И в самом откровенье Даниила
Число не обозначено точней:
В его тьмах тем оно себя укрыло.

Первоначальный Свет, разлитый в ней,
Воспринят ею столь же разнородно,
Сколь много сочетанных с ним огней.
А так как от познания производно
Влечение, то искони времен
Любовь горит и тлеет в ней несходно.

Суди же, сколь пространно вознесен
Предвечный, если столькие зеркала
Себе он создал, где дробится он,

Единый сам в себе, как изначала.

(Пер. М. Лозинского)

Децим Магн Авсоний (310–395)

МОЗЕЛЛА, 75–151

Глаз, без того напряженный, томят все
время мельканьем
Рыбки: играя, они проносятся стаей

проворной. [...] Ты, на речных берегах живущая, ты мне, Наяда,
Порасскажи о стадах чешуйчатых и перечисли
Стаи пловцов в прозрачном русле реки

темно-синей,
Между травой на песке головок чешую
сверкает. [...]

Тут же видна и форель со спиною
в крапинках красных,
Тут и голец, никому чешуей не опасный;

морская
Тень недоступна глазам при быстрых
и легких движеньях. [...] Не обойду я тебя, лосось красноватый

с блестящим
Телом, широким хвостом вразброд
рассыпая удары,
Ты из пучины речной поднимаешь высокие
волны. [...]

Скрытый выходит толчок на поверхность
спокойную влаги.
В панцирь ты грудь облачил чешуйчатый,
спереди гладок,

Вкусное блюдо всегда обещаешь
роскошному пиру,
Можно тебя сохранять очень долгое время
без порчи. [...]

Ты в иллирийских водах, в двухименном
встречаешься Истре
Ловят, мустелла, тебя, увидав

по всплывающей пене,
В заводи наши плывешь, чтоб широким
потоком Мозеллы
Не привелось потерять столь известных
повсюду питомцев. [...]

В сколько цветов расписала тебя природа!
Вся сверху
В черных точках спина, окруженных желтой
каймою,
Гладкий хребет обведен темно-синею
краской повсюду,

Ты чрезмерно толста до середины тела,
 откуда ж
 Вплоть до конца хвоста торчит сухощавая
 кожа.
 Окунь, улада стола, и тебя пропустить не
 могу я.
 Ты между рыбой речной достоин с морскою
 сравниться,
 Можешь поспорить один с пурпурной даже
 барвенной. [...]

Кто и зеленых линей не видал, утеху народа,
 Или не знает уклею, для удочек детских
 добычу,
 Или плотву, что шипит на огне, угощение
 для гостя. [...]

Да и тебя среди стай речных неизбежно,
 конечно,
 Надо, голец, помянуть. Ты двух пядей
 без дюйма, не больше.
 Длинную бороду ты распустил, усачу
 подражая.
 Ныне прославлю тебя, сом огромный,
 дичина морская.
 Ты словно маслом актейским умащен. Тебя
 за дельфина
 Считать я речного готов. Точно так ты,
 громадный, ныряешь

В заводях, еле свое направляя широкое тело,
 Или безводье мешает ему, или травы
 речные. [...]

Если ж ты движешься вдоль по реке
 величаво, дивятся
 Все на тебя берега зеленые, темная стая
 Рыб и прозрачные воды; волна в русле
 закипает,
 И, разделившись, бегут до самого берега
 струйки.
 Так иногда в пучине Атлантики ветер пригонит,
 Или же сам по себе приплывает к окраинам
 суши
 Кит: приливает вода к берегам,
 поднимаются волны
 Кверху, и снизиться вдруг боятся
 ближайшие горы.
 Этот, однако же, кит нашей тихой Мозеллы,
 далекий
 От бушеванья, великий почет реке
 доставляет. [...]

Впрочем, довольно следить водяные пути
 и проворных
 Полчища рыб: я уже перечислил их
 множество видов.

(Пер. А. Артюшкова)

Роланд Савери
Рай, 1626
Берлин, Картинная галерея

АНГЕЛЫ

Авдизуил, Авриил, Адан, Аднахиил, Адонаил, Адриил, Азазил, Азариил, Азеруил, Азиил, Азимил, Азраил, Айхил, Акайя, Акивиил, Аладиа, Алеаси, Алиил, Алмадиил, Алмесиил, Алмоил, Алсуил, Алтор, Алхениил, Амвриил, Амезарак, Амиксиил, Амутиил, Анани, Анауил, Аниил, Ансоил, Аразеял, Араил, Арайл, Арафос, Ардефиил, Арепах, Аридиил, Ариил, Ариох, Арисиил, Армани, Армарос, Армерс, Арнивиил, Арсеялейор, Артинк, Асаил, Асалия, Асвивиил, Асмодил, Асориил, Асрадил, Асуриил, Асфор, Аумил, Ахайя, Баоксас, Бедарис, Бефранзий, Бударим, Булис, Бурфа, Вадриил, Вадрос, Варадиил, Варакал, Варакуил, Варвиил, Варинаил, Варфос, Вархиил, Васария, Васиил, Ватраал, Ваулия, Велсей, Веноам, Веревиил, Верхиил, Веуил, Веуия, Веулия, Винаил, Витаил, Вифнаил, Вурисиил, Вусиил, Вуфиил, Гавриил, Галгалиил, Гамсиил, Гариил, Гаррувиил, Гелиил, Гениил, Геремиил, Гериил, Герфиил, Годиил, Графатас, Гудиил, Дабринос, Дамавия, Данаил, Даниил, Дарбори, Деканиил, Джабамия, Джибрил, Дирахиил, Диуил, Дораил, Дориил, Дромиил, Друвиил, Друсиил, Друхас, Дувиил, Дувилон, Дуф, Заамиил, Заафиил, Заваил, Задкиил, Закебе, Замаил, Зафкиил, Зераил, Зеруил, Зетахиил, Зикиуил, Зимелоз, Зоиниил, Зуриил, Зутиил, Иакс, Ианиил, Иаоф, Иатрозиил, Иахороз, Иахороз, Иазиил, Иеазиил, Иеалил, Иегудиил, Иезалил, Иекавил, Иелахия, Иелиил, Иератил, Иеуиа, Имамия, Ингефил, Иомаил, Иофиил, Ирманоц, Исбал, Исрафил, Кабарим, Каброн, Казул, Калиил, Камаил, Камаил, Камор, Камори, Каприил, Караил, Карасиба, Карба, Карман, Карниил, Карнол, Карсиил, Картаил, Касвриил, Кассиил, Каетил, Квибда, Керкута, Кириил, Клиссан, Ковавил, Коквиил, Ксанориз, Ксанфир, Кугиил, Кулмар, Кумериил, Куприил, Куриил, Курифас, Куфар, Ладиил, Ладроц, Лазаба, Ламаил, Ламас, Ламерси, Лармол, Ларфос, Лаувия, Лафор,

Лейлахил, Лекавил, Лелахил, Лехахия, Ломор, Лузиил, Мадор, Малик, Малхидаил, Манакил, Манедиил, Маниил, Марас, Мараэ, Мариану, Мариох, Маруф, Матариил, Мафайр, Махасия, Мевахил, Мевахия, Медар, Меланас, Мелахил, Мелиоф, Менадил, Менадор, Мерах, Мермеоф, Меросиил, Метатрон, Мехиил, Миресин, Михаил, Мицраил, Молаил, Монаил, Мониил, Мораил, Мориас, Мугаил, Мумия, Мункар, Мурахе, Муриил, Мусириил, Накир, Налаил, Нанаил, Нарзаил, Намстрос, Науфа, Нафаниил, Нахиил, Недриил, Нелхаил, Немамия, Несиил, Нефонос, Нефриас, Нифаил, Нифаия, Омаил, Ономатахт, Орим, Ороуил, Оссидиил, Отиил, Офаниил, Офисиил, Пандиил, Пандор, Паниил, Парас, Париус, Пафиил, Пафир, Пениил, Поиил, Рагуил, Разиил, Раиуоф, Рамиил, Рамуил, Рапсиил, Раридерис, Расуил, Рафиил, Рахил, Реиил, Рекуиил, Ремиил, Ремихил, Реуил, Рехаил, Ридван, Ризоил, Рихил, Роуил, Рохил, Руфиаил, Руфиил, Саваил, Саддиил, Салгиил, Самаил, Самзиил, Самс, Самсауил, Сандафон, Сарагуил, Сарах, Сардиил, Сариил, Сартаил, Саруиил, Сатанаил, Сатифиил, Сахаия, Сахиил, Севах, Семеил, Семияза, Сехалия, Силиаил, Силиил, Ситаил, Скалтиил, Совиил, Сориил, Соуил, Суракуял, Суриил, Тагриил, Такиил, Тамиил, Тарос, Темаз, Темил, Турил, Туркал, Умавил, Уракиварамил, Уриил, Урсиил, Фадахил, Фалвос, Фануил, Фариил, Фариил, Фарол, Фемол, Фувиил, Фуневиил, Футиил, Хаамия, Хавакийя, Хавухия, Хазиил, Хаиаил, Хаиуиа, Хайрум, Халкатура, Хамавиил, Хамаил, Хамариц, Ханаил, Хараил, Харакиил, Хардиил, Хариил, Хариил, Харут, Харуф, Хасор, Хахасия, Хахеуия, Хекамия, Херахиил, Хеседиил,, Хехаил, Хобразим, Хомиил, Хориил, Хувор, Хуривал, Цафкиил, Цесаил, Эгивиил, Эзекиил, Эламииз, Элемия, Элитил, Эмуил, Энедиил, Эниил, Эрвихил, Эргедиил, Эрфа, Этимиил, Эфиил, Эяил, Язериил, Ястрион.

(Пер. И. Макарова)

Гюстав Доре

Ангелы на планете Меркурий; Восхождение Беатриче и Данте к небу Меркурия, ок. 1860–1868

Частное собрание

ДЕМОНЫ

Аамон, Ааразил, Абигор, Абракакс, Агарес, Агуар, Адрамелех, Азазил, Айвион, Аласторр, Аллоцес, Амбдусциас, Ами, Амон, Андрас, Андреалфус, Андромалиус, Ариох, Асмодей, Астарот, Аубрас, Барбатос, Батим, Бегемот, Белеф, Берет, Билеф, Битру, Бифронс, Ботис, Бун, Буэр, Ваал, Ваалвалан, Ваалзефон, Ваалфегор, Валаам, Валак, Вапула, Вассаго, Велиал, Вельзевул, Вепар, Вериф, Вин, Волак, Вуал, Гаап, Гамигин, Гемори, Гласия, Гусоин, Данталион, Декарабия, Загам, Залеос, Зебос, Зепар, Ипес, Ипос, Каакринолас, Каассимолар,

Каим, Кали, Карабия, Кимерис, Ксафан, Лаболас, Леонардо, Лерайе, Люцифер, Малафар, Малехас, Малфа, Малфас, Марбас, Маркоция, Мархоцияс, Мелхом, Микалес, Молох, Моракс, Мурмур, Набериус, Нибба, Никлиар, Озе, Ориас, Оробас, Отис, Паимон, Пиколлус, Процел, Пруфла, Пурсон, Раум, Рахуарт, Ронве, Ронове, Сабнах, Салеос, Сатана, Свкакс, Сеера, Сепар, Ситри, Скокс, Стола, Тап, Увалл, Укобах, Феникс, Флаурос, Фокалор, Фораии, Форкас, Форнеус, Фуриномиус, Фурфур, Хаагенти, Хаборим, Хакс, Халфас, Цербер, Шакс, Эйрввр.

(Пер. И. Макарова)

Дьявольские фигуры
Из *Словаря* Ада Ж. Колена де Планси
Париж, Plon, 1863

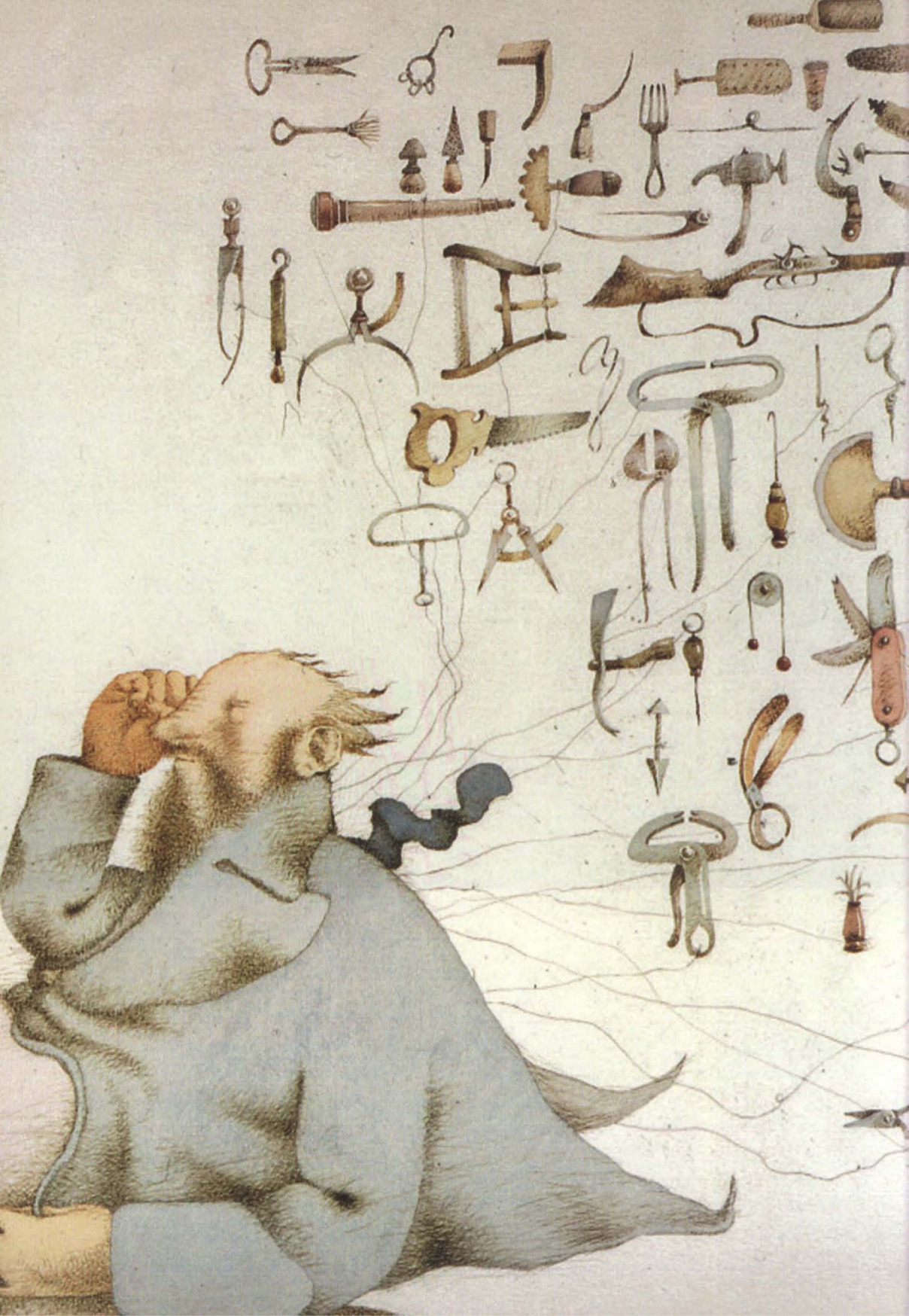
Гюстав Доре
Падение мятежных ангелов
Ил. к поэме Джона Мильтона *Потерянный Рай*, ок. 1868
Частное собрание

Тинторетто
Коронование Девы Марии, из цикла Рай, ок. 1580
Париж, Лувр

5. Списки вещей

Боязнь не справиться с описанием возникает и пред лицом бесчисленных имен, и пред лицом бесчисленных вещей. История литературы изобилует бурными перечислениями предметов. Предметы могут быть фантастическими (находки Астольфо на Луне, куда он отправился за разумом Роланда, в поэме **Ариосто**), опасными (зелья, применяемые ведьмами в *Макбете Шекспира*), дурманно-благовонными (цветы у Джованбаттисты **Марино** в *Адонисе*), сугубо практичными (обломки, собранные Робинзоном, чтобы выжить на острове, или нехитрый клад Тома Сойера у **Марка Твена**), упоительно обыденными (куча ничем не примечательных предметов в ящике кухонного стола Леопольда Блума в *Улиссе* Джойса; данный отрывок, однако, по ряду причин в нашей антологии находится в главе, посвященной хаотичному перечислению). Порой эти коллекции ностальгически трепетны в своей музейной, едва ли не могильной неподвижности (собрание музыкальных инструментов, о котором рассказывает **Томас Манн** в *Докторе Фаустусе*). А порой вещи — это просто запахи, вернее разновидности вони, как в городе, описанном **Зюскиндом**.

Лудовико Ариосто

НЕИСТОВЫЙ РОЛАНД, XXXIV, 70–87
(1532)

Сквозь полымем охваченный простор
До новой тверди кони их домчали
И понесли к Луне во весь опор
Пространством гладким, наподобье стали.
Лишенной даже неприметных пор.
Уступит по величине едва ли
Луна последнему средь прочих мест –
Земле, включая океан окрест.

Астольф застыл в глубоком изумленье:
Его Луны размеры потрясли,
Ничтожно малой в нашем предствленье,
Когда мы смотрим на нее с Земли,
И то, что можно лишь при остром зреньи
От моря сушу отличить вдали,
Которые, не обладая светом,
Едва видны при расстоянье этом.

Другие реки и долины рек
И не такие, как у нас, вершины,
Попав туда, откроет человек;
Там в деревнях чертоги-исполины,
Каких Астольф не видывал вовек,
Хоть странствуют немало паладины;
И нимфы круглый год, не то, что тут,
В непроходимых чащах зверя бьют.

Тем временем Астольфу, как мы знаем,
Приглядываться некогда к Луне:
Спешит он, нетерпением снедаем,
Вослед дождю, к долине, в глубине
Которой все, что мы внизу теряем
Не по своей и по своей вине,
Хранится, в том числе и те пропажи,
О коих мы не вспоминаем даже.

Не только о богатствах речь идет
И царствах, чей удел иных тревожит,
Но и о том, что Случай не дает
И что однажды отобрать не может,
Там в изобилие слава и почет,
Которые незримо Время гложет,
И грешных нас обеты, и мольбы,
И жалобы на произвол Судьбы.

Там слезы незадачливых влюбленных,
Проигранные в карты вечера,
Досуги при делах незавершенных,
На что у нас невежды мастера.
А сколько планов неосуществленных,
Пустых надежд! Подобного добра
Хоть отбавляй в диковинной долине;
Что потеряешь – там ищи отныне.

Знай, паладин, по сторонам смотри
Да слушай поясненья Иоанна.
Вот пузыри он видит, и внутри
Как будто кто-то ропщет беспрестанно.
Он узнает, спросив про пузыри,
Что перед ним державы, как ни странно,
Лидийцев, персов, греков и других –
Ну как их там – с былым величьем их.

Крючки он примечает золотые,
Которые не что иное есть,
Как подношенья – подкупы прямые,
Дабы в доверье к сильным мира влезть,
Про сети вопрошает он густые
И узнает в ответ, что это лезть.
А вот, подобны лопнувшим цикадам,
Владыкам оды, женам их и чадам.

Имеют форму золотых оков
Лишенные взаимности любви.
Вот когти беспощадные орлов
Подручных власть, которых наготове
Владыки держат. Вот гора мехов,
Где столько дыма, сколько в добром слове,
Что от сеньора слышит ганимед,
Покуда ганимед во цвете лет.

Несметных зрит Астольф сокровищ горы
Под сенью грозных некогда бойниц:
Нарушенные это договоры
И козни, не имевшие границ.
Вот перед ним мошенники и воры
В обличье змей с головками юниц,
Вот царедворцы, что уже не в силе,
Разбитые бутылки и бутылки.

Он видит суп, что по земле течет,
И мудреца о нем пытается кстати.
«Наследство это, – отвечает тот, –
Живым напоминая об утрате».
И вдруг цветы – зловонье в ноздри бьет
При сладостном когда-то аромате,

Цветочки эти (каюсь, Божий раб) –
Дар Константина одному из пап.

Охапки сучьев с легким слоем клея –
Былая ваша, дамы, красота,
Все перечесть – напрасная затея,
Поскольку песня прозе не чета.
Добром, что мы транжирим, не жалея,
Забита до отказа местность та,
Где лишь безумства галл не обнаружит:
Безумию Земля твердыней служит.

И, сам с делами не спеша подчас
И дни бесплодно проводя порою,
На них пришлец не задержал бы глаз

Макс Эрнст
Глаз молчания, 1943–1944
Сент-Луис, штат Вашингтон, Галерея Университета

Когда б не вождь. И вдруг перед собою
Он видит то, что каждому из нас,
Как мы считаем, дал господь с лихвою:
О здравом смысле, о рассудке речь,
Который нам всего трудней сберечь.

Он оказался жидкостью летучей
И посему хранится в склянках он
Различного размера: всякий случай,
Видать, отдельно взвешен и решен.
В одной из многих склянок ум могучий
Анжерского безумца заключен:
Она крупнее прочих, а к тому же
Роланда имя значится снаружи.

На каждой – надпись с именем того,
Чей здравый смысл закупорен в сосуде.
Порядочную долю своего
Нашел француз, в огромной роясь груди.

Но нет, не это потрясло его:
Он полагал — ему известные люди,
Что здоровым смыслом именно сильны;
Так чем же склянки их тогда полны?

Лишаются рассудка — кто влюбившись,
Кто подчинив сокровища мечты,
Кто глупостями магии прельстившись,
Кто возомнив, что звезды с высоты
Хватать нетрудно, кто вооружившись
Софистикой, а кто свои холсты
Малюя; надобно сказать при этом,
Что больше прочих не везет поэтам.

Астольф решился свой рассудок взять —
Конечно, с разрешения святого —
И склянку к носу, сняв с нее печать,
Поднес, и в нем хозяина былого
Не мог состав летучий не признать.
С тех пор, коли Турпину верить, снова

Премудрым долго оставался галл,
Покуда разум вновь не потерял.
Потом он склянку, что других полнее
И больше, взял, чтоб здоровый смысл
вернуть

Роланду. Оказалась тяжелее
Она, чем думал он. В обратный путь
Пора; он хочет графу поскорее
Несчастному помочь; но заглянуть
Апостол предлагает по дороге
В таинственный дворец. Его чертоги

Полны куделей шелка, шерсти, льна,
Которых часть для глаз приятна цветом,
Других окраска чересчур мрачна.
Вот первый зал. Старуха в зале этом
Обводит нить вокруг веретена:
Так на Земле у нас крестьянки летом
Над коконами новыми сидят
И влажные останки потрошат.

Альберто Савинио
Город обетованный, 1928
Париж, Галерея Даниэля Маленга

(Пер. Е. Солоновича)

Уильям Шекспир

МАКБЕТ, I, I

(1606)

(Входят три ведьмы)

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА

В третий раз мяукнул кот.

ВТОРАЯ ВЕДЬМА

Ежик писк свой издает.

ТРЕТЬЯ ВЕДЬМА

Гарпии кричат.

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА

Пора

В хоровод вокруг костра.

Хоровод пошел, пошел.

Все, что с вами, — шварк в котел!

Жаба, в трещине камней

Пухнувшая тридцать дней,

Из отрав и нечистот

Первою в котел пойдет.

ВСЕ

Взвейся ввысь, язык огня!

Закипай, варись, стряпня!

ВТОРАЯ ВЕДЬМА

А потом — спина змеи

Без хвоста и чешуи,

Песья мокрая ноздря

С мордою нетопыря,

Лягушиное бедро,

И совиное перо,

Ящериц помет и слизь

В колдовской котел вались!

ВСЕ

Взвейся ввысь, язык огня!

Закипай, варись, стряпня!

ТРЕТЬЯ ВЕДЬМА

Волчий зуб кидай в горшок

И драконий гребешок.

Брось в него акулы хрящ,

Хворост заповедных чащ,

Запасенный в холода,

Печень нехристя-жида,

Турка нос, татарский лоб,
 Матерью в грязи трущоб
 При рожденье, миг спустя,
 Удушенное дитя,
 Погребенное во рву,
 Чтобы обмануть молву.
 Эй, кипи, кипи, бурда!
 А последнею сюда,
 Чтоб бурлила наверху,
 Бросим тигра требуху!

ВСЕ

Взвейся ввысь, язык огня!

*(Пер. Б. Пастернака)***Джамбаттиста Марино**

АДОНИС, VI, 122–152

(1623)

Необозримо по краям аллеи
 составившие целые ряды
 изысканные розы и лилеи,
 до дальней доходящие гряды,
 красавицы, которых нет милее,
 атласным одеянием горды,
 и многими оттенками богаты
 их пряные густые ароматы.
 В неисчислимом многоцветье трав
 и соразмерности дорожных линий,
 простор и восхитителен, и здрав,
 в себе оттенки, алый, жёлтый, синий,
 соединив в гармонию и став
 как будто нарисованным богиней,
 хозяина подруги. Самый вид
 камней, равно мозаика, дивит.
 И то сказать, у милого Амора,
 которого необычайно труд
 отраден, травы и другая флора,
 особенно цветы и там, и тут
 охотно распускаются и скоро
 и без единого шипа цветут,
 и роза всякая, нежна, и ала,
 не колет, не царапает нимало.
 На свете с незапамятной поры
 все индии, аравии, тавриды,
 а именно, их дивные дары,
 долины, горы и другие виды
 цветенья, будучи как мир стары,

имеются в хозяйстве у Киприды:
 всё у неё, чем обладает свет,
 и даже то, чего на свете нет.
 Там апельсины, яблони и вишни,
 чудная кошка и иная тварь,
 и запахи, нимало не излишни,
 хотя до иступленья жарь и парь,
 восточной сласти и простой яишни
 и ныне упоительны, как встарь.
 И освежает сладостно и пряно
 дух чабреца, подсолнуха, бурьяна.
 Сплошное снадобье, улада уст,
 источник чудодейственного сока,
 там всякий, даже карликовый куст,
 как самая обычная осока,
 необычайно плодovit и густ
 и всякое растение высоко.
 Со всех окраин Азий и Европ
 корица, злаки, живокость, иссоп.
 Там шелестит растение-панацея
 целебную листвою и рядом с ней
 красуется, соцветьями желтея,
 живица, фаворитка лекарей,
 и заросли ливийского алтея,
 и прочих, и аттический кипрей.
 Что за кудесник сотворил, играя
 в садовника, сие подобье рая?
 Там ладан воздымается, вия
 под небесами радостного мира
 куренья прихотливо, как змея,
 и там во всю благоухает миро,
 и там, сама извечно не своя,
 тоскует мирра и темно и сыро
 слезами об Адонисе смола
 стекает с материнского ствола. [...]
 И никогда там не проходят мимо
 любовной страсти. И акант, и лён,
 и плавуны, с кувшинки до чилима,
 и сорняки, с осотов до белёна,
 и всё живое любит и любимо,
 и амарант, и гиацинт влюблён,
 и справа розы алые, и слева
 являют жар пылающего зева.
 И, словно отродясь не умирал,
 во многоцветье заливного луга,
 о свет-Адонис, кумачёво ал,
 ты высишься могуче и упруго,
 как будто на почётный пьедестал,
 богатая цветением, округа,
 о будущей твоей судьбе скорбя,
 расстарывается возвесть тебя.

Так, поодаль, уже поутру рано,
 тебе раскрыла на утеху глаз
 соседняя цветущая поляна
 персидский шитый золотом атлас
 роскошного пунцового тюльпана,
 плода Природы и Искусства враз,
 и то сказать, не дельывала шёлка
 подобного ни прялка, ни иголка.
 А далее меж прочими видна
 невинная лилея-чаровница:
 вестимо, белоснежностью рядна
 с ней ни одна красотка не сравнится. [...]
 В просторнейшем саду и тут, и там
 цветы и травы, ветерок и влага
 без устали, великий фимиа
 Адонису, величественно наго
 стоящему, возносят к небесам.
 Так дивному созданию во благо
 всё, что ни есть, являет и речёт
 свои ему симпатию и почёт.
 Сама, душою нараспашку, словно
 по волшебству, простолюдинка рожь,
 была и та изысканно любовна,
 и злаки, вылезая вон из кож,
 по сути, неотёсанные брёвна,
 гляделись деликатнее вельмож.
 И становились и жасмин, и кедры
 и мирты на благоуханья щедрь.
 И был, как говорится, крепко шшит,
 цветочками украшенный, как фея,
 пышноголовый здоровяк самшит.
 И рядом, дорогой мастикой прея,
 корявый ствол, чей силуэт страшит,
 обильные струил потоки клея,
 и ветер был, устраивая свист
 в вечнозелёных миртах, свеж и чист.
 И никакие не бывали чаши,
 ни посреди далёких райских куш,
 ни на торжественном застолье, краше,
 чем те зелёные, из коих плющ
 росистые нектары в кубки наши,
 неиссякаемо, казалось, льющ.
 И мнилось, в небо устремляет рея
 зелёный парус корабля-кипрея
 и стойкие Усердие и Труд,
 которые в отличие от Досуга,
 Забав и Праздности, и там, и тут,

Ян ван Хейсем
Ваза с цветами в нише, ок. 1720–1740
 Париж, Лувр

насколь ни простирается округа,
 густую луговую зелень рвут,
 плетя венки узорчато и туго,
 а также Обожанье там и здесь
 и ладаном курящаяся Спесь,
 и Совершенство, кое свету мило,
 и ненавистница бесславья Честь,
 и родственница Честолюбья Сила,
 у коей почитателей не счесть,
 и Прелести, возлюбленные Пыла,
 числа которым и подавно несть,
 и Роскошь, привереда и обжора,
 в сопровожденье варвара Узора, —
 туда, где дивный сей оазис взрос,
 явились вдруг и капельками, вmale,
 искрящимися соками вразброс

прекрасного Адониса обдали,
 связав его с богиней вервьем роз,
 благоуханьем исполнявших дали
 до самых отдалённых гор и скал,
 пока Amor в объятьях Неги спал.

(Пер. Е. Кассировой)

Джон Хаберл
 Ящик холостяка, 1890–1894
 Нью-Йорк, Музей Метрополитен

Марк Твен

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

(1876)

— Слушай, я тебе дам серединку от яблока.
— Ну, ладно... Хотя нет, Бен, лучше не надо.
Я боюсь.

— Я все яблоко тебе отдам!

Том выпустил кисть из рук с виду не очень охотно, зато с ликованием в душе. И пока бывший пароход «Большая Миссури» трудился в поте лица на солнцепеке, удалившийся от дел художник, сидя в тени на бочонке, болтал ногами, жевал яблоко и обдумывал дальнейший план избиения младенцев. За ними дело не стало. Мальчики ежеминутно пробе-

гали по улице; они подходили, чтобы посмеяться над Томом, — и оставались белить забор. Когда Бен выдохся, Том продал следующую очередь Билли Фишеру за подержанного бу-
мажного змея, а когда тот устал белить, Джонни Миллер купил очередь за дохлую крысу с веревочкой, чтобы удобнее было вертеть, и т. д. и т. д., час за часом. К середине дня из бедного мальчика, близкого к нищете, Том стал богачом и буквально утонул в роскоши. Кроме уже перечисленных богатств, у него имелось: двенадцать шариков, сломанная губная гармоника, осколок синего бутылочного стекла, чтобы глядеть сквозь него, пустая катушка, ключ, который ничего не отпирал, кусок мела, хрустальная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопущек, одноглазый котенок, медная дверная ручка, собачий ошейник без собаки, черенок от ножа, четыре куска апельсиновой корки и старая оконная рама. Том отлично провел все это время, ничего не делая и веселясь, а забор был покрыт известкой в три слоя! Если б у него не кончилась известка, он разорил бы всех мальчишек в городе.

(Пер. Н. Дарузес)

Томас Манн

ДОКТОР ФАУСТУС

(1947)

Магазин в обширных помещениях полуэтажа, из которого во всевозможных тональностях неслись звуки пробуемых инструментов, являл собой великолепное, манящее, я бы даже сказал — в культурном отношении чарующее зрелище, неминуемо повергавшее в волнение и трепет акустическую фантазию. За исключением рояля, в эту отрасль музыкальной промышленности не вторгнулся Адрианов приемный отец, там имелось все, что звучит и поет, что гнусавит, ворчит, гудит, гремит и звякает, — но и клавишные инструменты тоже были представлены там во образе прелестного колокольного фортепьяно, челесты. Здесь же за стеклом или в футлярах наподобие гробниц с мумиями, сделанных по контурам своего обитателя, висели или лежали очаровательнейшие скрипки, покрытые желтым или

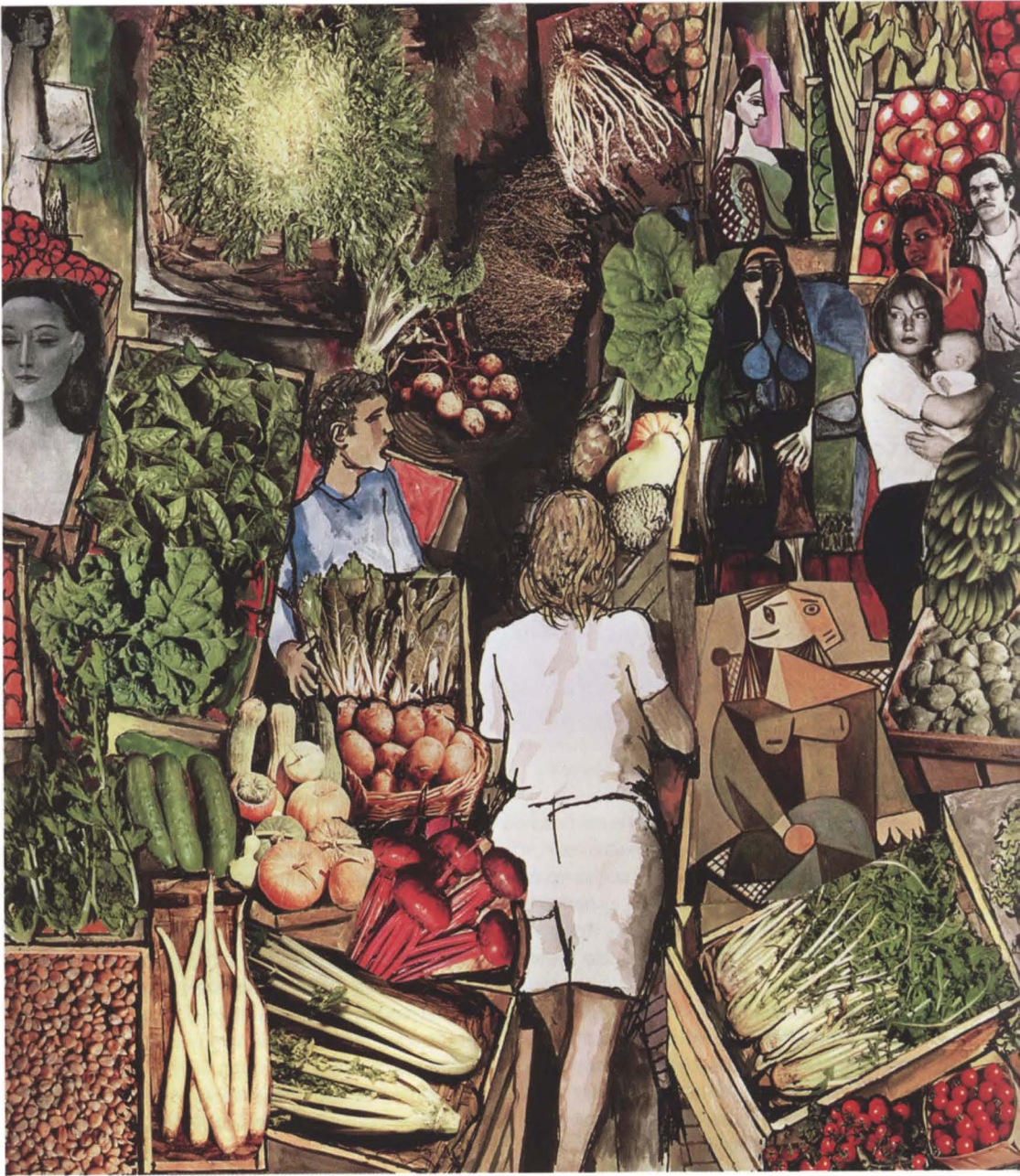

коричневым лаком, стройные смычки, у рукоятки обвитые серебром и держателями прикрепленные к крышке, — итальянские, которые внешней красотой изобличали для знатока свое кременское происхождение, и еще тирольские, нидерландские, саксонские, миттенвальдские и, наконец, самые новые, вышедшие из мастерской Леверкюна. Рядами стояли здесь певучие виолончели, совершенством своей формы обязанные Антонио Страдивариусу, но и их предшественницу, шестиструнную *viola da gamba*, занимавшую столь почетное место в старинных произведениях, а также альт и вторую сестру скрипки *viola alta* всегда можно было найти в магазине. Да и собственная моя *viola d'amore*, на семи струнах которой я играл всю жизнь, тоже была родом с Парохиальштрассе — подарок родителей ко дню моей конфирмации. Вдоль стены во многих экземплярах стояла гигантская скрипка — *violone*, почти неподъемный контрабас, способный на величественные

речитативы и пиччикато, более звучное и громкое, чем звон литавр, при взгляде на который не верилось, что он располагает такими флажолетными звуками. Среди деревянных духовых инструментов был здесь, тоже не в малом количестве, и его антипод, контрафагот, шестнадцатифутовый, как и контрабас, то есть звучащий октавой ниже, чем то указывается в его нотах, мощно усиливающий басы и вдвое превышающий габариты своего меньшого брата, фагота-пересмешника, как я его называю, ибо это басовый инструмент, лишенный подлинной мощи баса, со своеобразной слабостью звука, бляющий, карикатурный. Но до чего же он был хорош с его изогнутой духовой трубой, с нарядным блеском рычажков и клапанов, какое прелестное зрелище являло это воинство свирелей, столь усовершенствовавшихся в своем позднейшем техническом развитии! Каждый из этих инструментов прельщает виртуоза своими неповторимыми свойствами:

пасторальный гобой, задумчиво-печальный английский рожок, оснащенный множеством клапанов кларнет, в низком Chalumeau-регистре звучащий призрачно-мрачно, но в более высоком расцветающий серебряным блеском благозвучия — в качестве басет-горна и бас-кларнета. Все они, покоившиеся на бархатном ложе, предлагались в магазине дядюшки Леверкюна; рядом с ними еще поперечная флейта всевозможных систем и видов, из бука, из розового и черного дерева, с раструбами из слоновой кости или сплошь из серебра, возле крикливой ее родственницы, флейты-пикколо, высокий голос которой, пронзая тутти оркестра, умеет так хорошо плясать в хороводе блуждающих огоньков или при заклинании огня. А вот у той стены — блестящий хор медных инструментов, начиная от щегольской трубы (кажется, видишь глазами ее звонкий сигнал, дерзкую песню, переливчатую кантилену) и любимицы романтиков валторны с вентилями и кончая стройным могучим тромбоном, корнет-а-пистонем и предельно низкой, тягловесной басовой трубой. Даже музейные раритеты инструментального мира, вроде пары красиво изогнутых, наподобие бычьих рогов, повернутых вправо и влево бронзовых лур, можно было почти всегда найти у Леверкюна. Но для глаз мальчика, а такими глазами я продолжаю это видеть и в воспоминании, ничего не было там краше и радостнее богатейшей выставки ударных инструментов, и, наверно, потому, что эти вещи когда-то были игрушками, сбывшейся мечтой, и лежали под рождественской елкой, а теперь предстали перед нами в солидном, почтенном виде, взрослые и предназначенные для взрослой цели. Малый барабан! Насколько же он выглядел по-иному, чем та непрочная штука из дерева, пергамента и веревок, которой мы забавлялись лет в пять, в шесть. На шею его не повесишь; нижняя шкура этого барабана обтянута бычьими жилами, сам же он для удобства оркестранта наклонно привинчен к трехногому металлическому штативу, в боковых кольцах которого соблазнительно торчат де-

ревянные палочки, куда благообразнее наших. Были там и колокольчики, на ребяческом подобию которых мы некогда силились выбивать «К нам певунья слетела», здесь же точно настроенные металлические пластинки размещались в красивых ящиках, свободно подвешенные попарно на поперечных рейках. Мелодический звук извлекался из них стальными молоточками, что лежали в обитых материей коробочках под крышкой ящика. А вот и ксилофон, казалось, нарочно изобретенный для того, чтобы в хроматической последовательности воссоздавать полуночную пляску мертвецов на погосте. Был здесь и обитый медью гигантский цилиндр большого барабана, а рядом с ним медная литавра. Берлиоз вводил в свой оркестр шестнадцать разных литавр, так как ничего не знал об инструменте, имевшемся в магазине Леверкюна, — механизированной литавре, которую оркестрант одним движением руки приспособляет к сменам тональности, предусмотренным партитурой. Как сейчас помню мальчишескую нашу проделку, когда то ли Адриан, то ли я, нет, конечно один я, желая испробовать эту штуковину, дубасил палками по его шкуре, а благодушный Лука переставлял невольку, отчего получалось удивительное глиссандо, скользящая вверх и вниз дробная стукотня. Нельзя не вспомнить и о диковинных тарелках, которые умеют изготавливать только китайцы да турки, ревниво оберегающие секретковки раскаленной бронзы, — удар по такой чаше, и оркестрант с торжеством оборачивает ее к публике, — а также о гремящем тамтаме, цыганском тамбурине, о треугольнике, что так звонко отзывается на прикосновение стальной палочки, и о кимвале наших дней — полых, щелкающих в руке кастаньетах. Попробуйте только представить себе всю эту блещущую, разумно взвешенную радость, которую венчает золотое великолепие эзаровских педальных арф, и вы поймете, что торговый склад дядюшки Леверкюна, этот рай молчащего, но в сотнях форм возвещающего о себе благозвучия имел для нас, мальчиков, поистине магическую притягательную силу.

Ренато Гуттузо
Этюд к картине Вуччириа, ок. 1970–1974
Милан, частное собрание

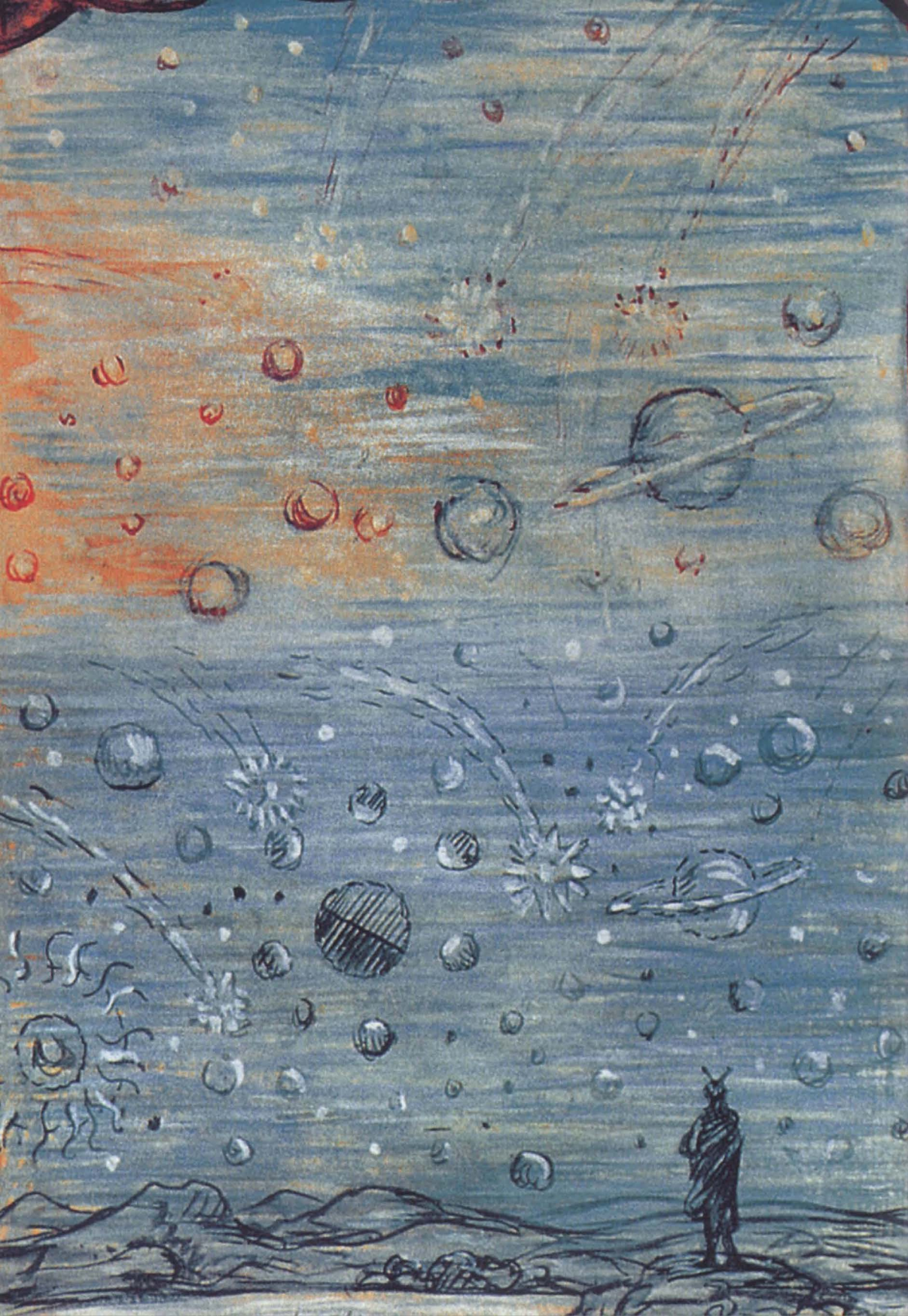
Патрик Зюскинд

ПАРФЮМЕР

(1985)

В городах того времени стояла вонь, почти невообразимая для нас, современных людей. Улицы воняли навозом, дворы воняли мочой, лестницы воняли гнилым деревом и крысиным пометом, кухни — скверным углем и бараньим салом, непрветренные гостиные воняли слежавшейся пылью, спальни — грязными простынями, влажными перинами и остро сладкими испарениями ночных горшков. Из каминов несло серой, из дубилен — едкими щелочами, со скотобоен — выпущенной кровью. Люди воняли потом и нестираным платьем; изо рта у них пахло сгнившими зубами, из животов — луковым соком, а их тела, когда они старели, начинали пахнуть старым сыром, и кислым молоком, и болезненными опухолями. Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворцах. Воняли крестьяне и священники, подмастерья и жены мастеров, воняло все дворянское сословие, вонял даже сам король — он вонял, как хищный зверь, а королева — как старая коза, зимой и летом. Ибо в восемнадцатом столетии еще не была поставлена преграда разлагающей активности бактерий, а потому всякая человеческая деятельность, как созидательная, так и разрушительная, всякое проявление зарождающейся или погибающей жизни сопровождалось вонью.

(Пер. Э. Венгеровой)

6. Списки мест

Непередаваемыми бывают не только люди и вещи, часто непередаваемы места, и чтобы их передать, писатель опять же прибегает к излюбленному *и так далее*. Еще **Иезекииль** приводил одно за другим свойства Тира, желая создать представление о величии города; **Сидоний Аполлинарий** перечислял здания и площади, чтобы передать, сколь прекрасна Нарбонна; **Диккенс** вздохнул о тех местах, что скрыты неумолимым лондонским туманом; **Эдгар По** ошеломленно озирает вереницу разных людей, вместе воспринимающихся как толпа; **Пруст** вспоминал города своего детства; **Кальвино** — города, приснившиеся Великому хану; **Сандра** передал стремительный бег поезда по сибирской степи через упоминания о различных местах; **Уитмен** (кстати, известный как поэт, в совершенстве владевший — и увлекавшийся — головокружительными перечислениями)¹ множил число мест, прощаясь с родным островом...

Характерный пример перечисления мест — перечень городов и весей Вандеи (в романе **Виктора Гюго** *Девяносто третий год*), который маркиз де Лантенак устно сообщает моряку Альмало, чтобы тот обошел их все с приказом о начале восстания. Очевидно, что бедняге Альмало в жизни не упомянуть этот громадный перечень, да и вряд ли Гюго мог надеяться, что его удержат в памяти читатели: просто, колоссальный пространственный размах перечня говорит о колоссальном размахе народного возмущения.

Другой упоительный перечень географических названий обывается **Джойсом** в главе *Поминок по Финнегану*, известной как «Анна Ливия Плорабель», где для передачи текучести реки

Джорджо Де Кирико
Мефистофель и космос, занавес к спектаклю
Мефистофель, Ла Скала, 1952
Милан, Театральный музей Ла Скала

Лиффи автор вводит сотни названий рек со всего мира, замаскированных с помощью каламбуров и неологизмов «с двойным дном». Читателю нелегко узнать такие малознакомые реки, как Чебб, Фатт, Банн, Дак, Сабраин, Тилл, Вааг, Бому, Бояна, Чу, Бата, Сколлис, Шари, Суи, Том, Чиф, Сырдарья, Лэддер Берн и так далее. В переводах, обычно весьма свободных, намеков на ту или иную реку зачастую возникает совсем не там, где был в оригинале, или же, как это случилось при первой попытке перевода на итальянский, осуществленной при участии самого Джойса², возникают намеки на итальянские реки, которых в английском тексте не было: Серио, По, Серкьо, Пьяве, Конка, Аньене, Омброне, Ламбро, Таро, Точе, Бельбо, Силларо, Тальяменто, Ламоне, Брембо, Треббио, Минчо, Тидоне, Панаро. Аналогичная модификация имела место и в первом французском переводе.

В кратком отрывке, приведенном в антологии, проницательный читатель сможет уловить намеки на два берега Сены, а также реки Лиффи, Репп, Стипинг, Ступя, Харт, Заале, Уоллоп, Молдау (Влтава), Днепр, Ганг, Сендай, Илис, Рафти, Ура, Конкорд, Мерримак, Фауи, Неман, Нил, Шельда.

Список этот потенциально бесконечен, и обусловлено это не только усилием, которое приходится приложить читателю, чтобы уловить все названия рек, но и двойным подозрением, что, во-первых, критики нашли в тексте рек больше, чем сознательно ввел туда Джойс, а во-вторых, что в силу языковой комбинаторики их там можно наискать больше, чем могли помыслить и Джойс и критики вместе взятые.

Такого рода список с трудом поддается классификации. Это список, обусловленный ненасытной жаждой перечисления, топосом невыразимости (невозможно сказать, сколько в мире рек), список ради самого списка. Похоже, Джойс годами собирал все эти названия рек, прибегая к помощи разных людей, и при этом, разумеется, преследовал отнюдь не географическую цель. Вероятно, он не хотел, чтобы у списка был конец.

И наконец, место среди мест — вселенная, которую видит Борхес (в *Алефе*) через узкую щель, причем видит как фатально незавершенный список мест, людей и шальных видений.

К числу самых «неописуемых» мест, побуждающих тем не менее к безудержному перечислению, относятся загробные миры, которые доводится посетить литературным героям. В сущности, *Божественная Комедия* была бы просто гигантским перечнем персонажей и ситуаций, если бы жесткая структура из кругов и небес — и связанных с ними критериев правосудия — не придавала этому роению образов теологически стройный порядок. Поэтому, не

Яр Ван Кессел

Азия

Панель из цикла *Четыре континента*, 1664–1666

Мюнхен, Старая пинакотeka

На с. 84–85:

Ханс Мемлинг

Страсти Христовы, 1470–1471

Турин, Галерея Саббауда

прибегая к чистым перечням, чтобы не пришлось облачать их в форму, Данте лишь изредка использует топор невыразимого (например, говоря о кентавре Каке: «Так много змей в Маремме не бывало, / Сколькими круп его был оплетен / Дотуда, где наш облик брал начало», *Ад*, XXV, 19–21) и заявляет о желании молчать только в последних песнях *Рая* — и при этом все равно говорит больше, чем это когда-либо удавалось кому-нибудь другому. Однако не все авторы обладают дерзновенностью Данте, многие отступают, прикрываясь запретом, якобы возбраняющим им рассказывать об увиденном.

¹ См., например, главу, посвященную Уитмену, в кн.: Belknap, Robert E. *The List*, New Haven, Yale U. P., 2004.

² Anna Livia Plurabelle, перевод Джеймса Джойса и Нино Франка, 1938; современное издание: Jöyce, *Scritti italiani*, Milano, Mondadori, 1979.

ИЕЗЕКИИЛЬ, 27:3–27

Тир! Ты говоришь: «я совершенство красоты!»
Пределы твои в сердце морей; строители твои
усовершеншили красоту твою:

Из Сенирских кипарисов устроили все помос-
ты твои; брали с Ливана кедр, чтобы сделать
на тебе мачты;

Из дубов Васанских делали весла твои; ска-
мьи и твои делали из букового дерева, с оп-
равую

из слоновой кости с островов Киттимских;
Узорчатые полотна из Египта употреблялись
на паруса твои и служили флагом; голубого
и пурпурового цвета ткани с островов Елисы
были покрывалом твоим.

Жители Сидона и Арвада были у тебя гребца-
ми; свои знатоки были у тебя, Тир; они были
у тебя кормчими.

Старшие из Гевала и знатоки его были у тебя,
чтобы заделывать пробоины твои. Всякие мор-
ские корабли и корабельщики их находились
у тебя для производства торговли твоей.

Перс и Лидиянин и Ливиец находились
в войске твоём и были у тебя ратниками,
вешали на тебе щит и шлем; они придавали
тебе величие.

Сыны Арвада с собственным твоим войском
стояли кругом на стенах твоих, и Гамадимы
были на башнях твоих; кругом по стенам тво-
им они вешали колчаны свои; они довершали
красу твою.

Фарсис, торговец твой, по множеству всякого
богатства, платил за товары твои серебром,
железом, свинцом и оловом.

Иаван, Фувал и Мешех торговали с тобою,
выменивая товары твои на души человеческие
и медную посуду.

Из дома Фогарма за товары твои доставляли
тебе лошадей и строевых коней и лошаков.

Сыны Дедана торговали с тобою, многие ост-
рова производили с тобою мену, в уплату тебе
доставляли слоновую кость и черное дерево.

По причине большого торгового производства
твоего торговали с тобою Арамеяне; за товары
твои они платили карбункулами, тканями пур-
пуровыми, узорчатыми, и виссонами, и ко-
раллами, и рубинами.

Иудея и земля Израилева торговали с тобою;
за товар твой платили пшеницею Миннифскою
и сладями, и медом, и деревянным маслом,
и бальзамом.

Дамаск, по причине большого торгового про-
изводства твоего, по изобилию всякого богат-
ства, торговал с тобою вином Хелбонским
и белою шерстью.

Дан и Иаван из Узала платили тебе за товары твои выделанным железом; кассия и благовонная трость шли на обмен тебе.

Дедан торговал с тобою драгоценными попонами для верховой езды.

Аравия и все князья Кидарские производили мену с тобою; ягнят и баранов и козлов променивали тебе.

Купцы из Савы и Раемы торговали с тобою всякими лучшими благовониями и всякими дорогими камнями, и золотом платили за товары твои.

Харан и Хане и Еден, купцы Савейские, Ассур и Хилмад торговали с тобою.

Они торговали с тобою драгоценными одеждами, шелковыми и узорчатыми материями, ко-

торые они привозили на твои рынки в дорогих ящиках, сделанных из кедра и хорошо упакованных.

Фарсисские корабли были твоими караванами в твоей торговле, и ты сделался богатым и весьма славным среди морей.

Гребцы твои завели тебя в большие воды; восточный ветер разбил тебя среди морей.

Богатство твое и товары твои, все склады твои, корабельщики твои и кормчие твои, заделывавшие пробоины твои и распорядившиеся торговле твоею, и все ратники твои, какие у тебя были, и все множество народа в тебе, в день падения твоего упадет в сердце морей.

Отплытие флота

Фреска (фрагмент) из Акротери (о. Тера), 1650–1500 гг. до н. э.
Афины, Национальный археологический музей

Сидоний Аполлинарий

КАРМИНА

(ок. 470)

Привет тебе, о благодатный град
 Нарбон! Твои любые милы взору
 жилища, горожане, стогны, лавки,
 ворота, портики, театры, храмы,
 общественные зданья, банки, бани,
 хранилища, базары, солеварни,
 фонтаны, острова, луга, пруды,
 мосты, гулянье, ярмарка и море.
 Единственный, последний, приносящий
 Церере, Бахусу, Минерве, Палес
 дары колосьев, листьев, лавров, миртов,
 ты милости не от природы ждёшь,
 но от людей, и поднимаешь гордо
 главу превыше гор, и крепостными
 спокон веков себя не окружаешь
 ни рвами, ни валами, ни стенами.
 Ни мрамора, ни злата, ни каменьев
 ни черепаховых индийских гребней
 нет на тебе, не чванишься нимало
 ни покрывающей издревле двери
 мозаикой, ниже слоновой костью.
 Меж тем ты восхитителен своими
 разрушенными башнями, на коих
 следы былых сражений и таранов,
 тобой боготворимый отпечаток.
 Не счесть, вестимо, славных городов,
 счастливо расположенных, надёжно
 природою укрытых и постоль
 целёхоньких, поскольку неуязвимых.
 Но паки прочих мне любезней ты,
 все испытанья перенёсший с честью.

*(Пер. Е. Кассировой)***Чарльз Диккенс**

ХОЛОДНЫЙ ДОМ

(1852–1853)

Лондон. Осенняя судебная сессия — «Сессия Михайлова дня» — недавно началась, и лорд-канцлер восседает в Линкольнс-Инн-Холле. Несносная ноябрьская погода. На улицах такая слякоть, словно воды потопа только что схлынули с лица земли, и, появившись на Холборн-Хилле мегалозавр длиной футов в сорок, плетущийся, как слоноподобная ящерица, никто бы не удивился. Дым стелется, едва поднявшись из труб, он словно мелкая черная изморось, и чудится, что хлопья сажи — это крупные снежные хлопья, надевшие траур по умершему солнцу. Собаки так вымазались в грязи, что их и не разглядишь. Лошади едва ли лучше — они забрызганы по самые наглазники. Пешеходы, поголовно заразившись раздражительностью, тычут друг в друга зонтами и теряют равновесие на перекрестках, где, с тех пор как рассвело (если только в этот день был рассвет), десятки тысяч других пешеходов успели споткнуться и поскользнуться, добавив новые вклады в ту уже скопившуюся — слой на слое — грязь, которая в этих местах цепко прилипает к мостовой, нарастая, как сложные проценты.

Туман везде. Туман в верховьях Темзы, где он плывет над зелеными островками и лугами; туман в низовьях Темзы, где он, утратив свою чистоту, клубится между лесом мачт и прибрежными отбросами большого (и грязного) города. Туман на Эссекских болотах, туман на Кентских возвышенностях. Туман ползет в камбузы угольных бригов; туман лежит на ряях и плывет сквозь снасти больших кораблей; туман оседает на бортах баржей и шлюпок. Туман слепит глаза и забивает глотки престарелым гринвичским пенсионерам, хрипящим у каминов в доме призрения; туман проник в чубук и головку трубки, которую курит после обеда сердитый шкипер, засевший в своей тесной каюте; туман жестоко щиплет пальцы на руках и ногах его маленького юнги, дрожащего на палубе. На мостах какие-то люди, перегнувшись через перила, заглядывают в туманную преисподнюю и, сами окутанные туманом,

чувствуют себя как на воздушном шаре, что висит среди туч.

На улицах свет газовых фонарей кое-где чуть маячит сквозь туман, как иногда чуть маячит солнце, на которое крестьянин и его работник смотрят с пашни, мокрой, словно губка. Почти во всех магазинах газ зажгли на два часа раньше обычного, и, кажется, он это заметил — светит тускло, точно нехотя.

Сырой день всего сырее, и густой туман всего гуще, и грязные улицы всего грязнее у ворот Тэмпл-Бара, сей крытой свинцом древней заставы, что отменно украшает подступы, но преграждает доступ к некоей свинцоволобой древней корпорации. А по соседству с Тэмпл-Баром, в Линкольнс-Инн-Холле, в самом сердце тумана восседает лорд верховный канцлер в своем Верховном Канцлерском суде.

(Пер. М. Клягиной-Кондратьевой)

На с. 90–91:

Уильям Генри Кром
Вид Лондона с собором Святого Павла вдали,
ок. 1826–1873
Частное собрание

Эдгар Аллан По ЧЕЛОВЕК ТОЛПЫ (1841)

Это была одна из главных улиц города, и весь день на ней толпилось множество народу. Однако по мере того как темнота сгущалась, толпа все увеличивалась, а к тому времени, когда зажгли фонари, мимо входа в кофейню с шумом неслись два густых бесконечных потока прохожих. [...]

Я рассматривал толпу в целом и думал обо всех прохожих в совокупности. Вскоре, однако, я перешел к отдельным подробностям и с живым интересом принялся изучать бесчисленные разновидности фигур, одежды и манеры держаться, походку и выражение лиц. [...]

Спускаясь по ступеням того, что принято называть порядочным обществом, я обнаружил более мрачные и глубокие темы для размышления. Здесь были разносчики-евреи со сверкающим ястребиным взором и печатью робкого смирения на лице; дюжие профессиональные попрошайки, бросавшие грозные взгляды на честных бедняков, которых одно лишь отчаяние могло выгнать ночью на улицу просить милостыню; жалкие, ослабевшие калеки, на которых смерть наложила свою беспощадную руку, — неверным шагом пробирались они сквозь толпу, жалобно заглядывая в лицо каждому встречному, словно стараясь найти в нем случайное утешение или утраченную надежду; скромные девушки, возвращавшиеся в свои уютные жилища после тяжелой и долгой работы, — они скорее со слезами, чем с негодованием, отшатывались от наглецов, дерзких взглядов которых, однако, избежать невозможно; уличные женщины всех сортов и возрастов: стройные красавицы в расцвете женственности, напоминающие статую, описанную Лукианом — снаружи паросский мрамор, внутри нечистоты; безвозвратно погибшая отвратительная прокаженная в рубище; морщинистая, размалеванная, увешанная драгоценностями молодая старуха; девочка с еще незрелыми формами, но вследствие продолжительного опыта уже искусенная в гнусном жеманстве своего ремесла и снедаемая жаждой сравняться в пороке

со старшими; всевозможные пьяницы — некоторые, в лохмотьях, с мутными, подбитыми глазами, брели пошатываясь и бормотали что-то невнятное, другие — в целой, хотя и грязной одежде, с толстыми чувственными губами и добродушными красными рожами, шли неуверенной поступью, третьи — в костюмах из дорогой ткани, даже теперь тщательно вычищенных, люди с неестественно твердой и упругой походкой, со страшной бледностью на лице и жутким блеском в воспаленных глазах, пробирались сквозь толпу и дрожащими пальцами цеплялись за все, что попадалось им под руку. Кроме того, в толпе мелькали торговцы пирогами, носильщики, угольщики, трубочисты, шарманщики, дрессировщики обезьян, продавцы и исполнители песенок, оборванные ремесленники и истощенные рабочие всякого рода. Шумное и неумеренное веселье всей этой толпы неприятно резало слух и до боли раздражало взгляд.

(Пер. М. Беккер)

Марсель Пруст

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К СВАНУ (1913)

Если б мое здоровье окрепло и родители мне позволили не поселиться в Бальбеке, а, только чтобы ознакомиться с нормандской и бретонской природой и архитектурой, поехать туда отбывающим в час двадцать две поездом, в который я много раз мысленно садился, то я бы заезжал в самые красивые города; напрасно, однако, я сравнивал их: если нельзя сделать выбор между человеческими личностями, никак одна другую не заменяющими, то можно ли сделать выбор между Байе, величественным в своей драгоценной бледно-красной короне, на самом высоком зубце которой горело золото второго слога в названии города; Витрэ, в имени которого закрытый звук э вычерчивал на старинном витраже ромбы черного дерева; уютным Ламбалем, белизна которого — это переход от желтизны яичной скорлупы к жемчужно-серому цвету; Кутансом, этим нормандским собором, который увенчивает башней из сливочного масла скопление жирных светло-желтых согласных в конце его имени; Ланьоном с такой глубокой провинциальной его тишиной, когда слышно даже, как жужжит муха, летящая за дилижансом; Костамбером и Понторсоном, смешными и наивными, этими белыми перьями и желтыми клювами, раскиданными по дороге и поэтичному приречью; Бенодэ, название которого чуть держится на якоре, так что кажется, будто река сейчас унесет его в гущину своих водорослей; Понт-Авенем, этим бело-розовым колыханием крыла на летней шляпе, отражающимся в зеленоватой воде канала, и прочнее других стоящим Кемперлэ, который уже в средние века обеспечивался струившимися вокруг него ручьями и выжемуживался ими в картину в серых тонах вроде того узора, что сквозь паутину наносят на витраж солнечные лучи, превратившиеся в притупленные иглы из потемневшего серебра?

(Пер. М. Любимова)

На с. 94–95:

Петрус Хенрикус Теодор Тетар ван Элвен
Фантастический вид главных памятников Италии, 1858
Женева, Галерея современного искусства

Рауль Дюфи
Пляж в Сент-Адрессе, 1904
Париж, Центр Жоржа Помпиду

Итало Кальвино
НЕЗРИМЫЕ ГОРОДА
 (1972)

У великого хана есть атлас, в котором все города империи и граничащих с ней царств изображены дворец за дворцом и улица за улицей, вместе со стенами, реками, мостами, портами и рифами. Ему известно, что от Марко Поло нечего ждать вестей из этих мест, которые, помимо всего прочего, хорошо известны ему самому: то, что в Камбалуке, столице Китая, один внутри другого стоят три квадратных города с четырьмя храмами внутри каждого из них и воротами, которые открываются в зависимости от времени года; то, как на острове Ява свирепствует носорог со смертоносным рогом; то, как у берегов Малабара с мор-

ских глубин достают жемчуг. Кубла хан спросил у Марко:

— Станешь ли ты повторять для своих соотечественников те же самые рассказы, когда вернешься на Запад?

— Я все говорю и говорю, — ответил Марко, — но тот, кто слушает, запоминает из моих рассказов лишь то, что он хочет услышать. Одно дело — описывать мир, пользуясь твоим благосклонным вниманием, другое — делать это при стечении толпы грузчиков и гондольеров у моего палаццо в день моего возвращения и совершенно иное — диктовать его описание в дни своей старости, если когда-либо мне суждено стать пленником генуэзских пиратов и быть закованным в цепи в одной камере вместе с автором приключенческих романов. В рассказе главное не голос говорящего, а ухо слушающего.

— Иногда мне кажется, что твой голос долетает до меня издалека, а сам я являюсь пленником шумного и безликого настоящего времени, в котором все формы человеческого общежития подошли к концу определенного цикла, и невозможно себе представить, какие новые формы оно примет. А твой голос доносит до меня неписанные правила, по которым города жили прежде и по которым они, возможно, оживут после смерти.

У великого хана есть атлас, на рисунках которого изображен весь земной шар и границы самых отдаленных царств на всех континентах, морские пути, береговые линии, планы самых знаменитых метрополий и самых оживленных портов. Он переворачивает его деревянные страницы перед глазами Марко Поло для того, чтобы проверить его познания. В городе, окруженном с трех сторон длинный пролив, бухту

и внутреннее море, путешественник признает Константинополь; он также припоминает, что Иерусалим был построен на двух стоящих друг напротив друга разной высоты холмах; без труда указывает на Самарканд с его садами. Что касается других городов, он использует описания, передаваемые от одного человека другому, либо узнает их по присущим лишь им одним признакам: радужную жемчужину халифатов Гранаду, северный и очень чистый порт Любек; Томбухту, черный от эбенового дерева и белый от слоновой кости; Париж, где миллионы людей по вечерам возвращаются домой с длинным батоном белого хлеба. На цветных миниатюрах атласа изображены места проживания людей, имеющие необычную форму: так, оазис, укрывшийся в складках пустыни, откуда торчат лишь верхушки пальм, — это наверняка Нефта; замок

посреди зыбучих песков с пасущимися вокруг коровами, которые жуют просоленную от приливов траву, не может не напоминать Сен-Мишель; и только лишь один Урбино, дворец, возведенный внутри городских стен, может содержать целый город в собственных стенах. В атласе также указаны такие города, о существовании и местонахождении которых не ведают ни Марко, ни географы, но которые все же можно поставить в один ряд с возможными урбанистическими формами: Куско, со своим поделенным на отрезки радиальным планом, который точно отражает порядок свершившихся в нем перемен; утопающий в зелени Мехико, стоящий у озера, над которым возвышается дворец царя Монтесумы; Новгород с луковичеобразными куполами храмов; Лхаса, белые крыши которой подпирают облачную крышу мира. Для них Марко тоже находит названия, неважно какие, и указывает дорогу, по которой туда можно добраться. Общеизвестно, что наименование местности может изменяться столько же раз, сколько существует иностранных языков, и что до каждого места можно добраться различными способами: пешком, на колесах, при помощи весел или крыльев.

— Похоже, когда ты смотришь в атлас, ты узнаешь города лучше, чем когда ты бываешь в них сам, — сказал Кубла хан Марко, неожиданно захлопнув книгу.

И Поло ответил:

— Когда много путешествуешь, все различия стираются: каждый город становится похожим на все остальные, самые различные места обретают одинаковую форму, устройство и расстояния, а все континенты кажутся тебе покрытыми бесформенным прахом. Твой атлас сохраняет различия между ними нетронутыми, а различия эти состоят из различных качеств, которые как бы составляют определенное название.

У великого хана есть атлас, в котором собраны планы всех городов: тех, стены которых стоят на прочных фундаментах; тех, которые рухнули и были погребены под песком, и тех, которые только еще появятся в один прекрасный день и на месте которых пока виднеются одни только заячьи норы.

Леардо Джованни
Карта мира, XV в.
Венеция, Библиотека Бертолиана

Переверачивая дощатые страницы, Марко Поло узнает Иерихон, Ур, Карфаген, указывает место причала в устье Скамандры, где ахейские корабли десять лет дожидались осаждающих, пока сделанный Улиссом конь не был на лебедках протасен в ворота. Однако, говоря о Трое, он одновременно иногда переходил к Константинополю и его осаде, длившейся долгие месяцы и все теснее смыкавшей кольцо вокруг города после того как Магомет, столь же изобретательный, как и Улисс, по дну ручьев перетаскил суда из Босфора в Золотой Рог, обогнув Перу и Галату. А из смеси этих двух городов получается третий, который мог бы называться Сан-Франциско, с переброшенными легкими и бесконечными мостами через залив Золотых Ворот, с трамваями, поднимающимися по улицам с крутым наклоном, который через тысячу лет может стать тихоокеанской столицей после трехсотлетней осады со стороны желтой, черной и красной рас, которые, ассимилировавшись с белой расой, могут основать еще более обширную, чем у великого хана, империю.

У атласа есть следующая особенность: он содержит указания на формы городов, у которых пока что нет ни формы, ни названия. Существует город, имеющий форму Амстердама, полукругом повернутый в северную сторону, вместе со своими концентричными каналами: Княжеским, Императорским, Дворянским; в нем есть город, имеющий форму Йорка, окруженного со всех сторон высоким вереском и укрывшегося за крепостными стенами; есть город, имеющий форму Нового Амстердама, называемый также Новым Йорком, сдавленный между башнями небоскребов из стали и стекла на продолговатом острове между двумя реками, все улицы которого, за исключением Бродвея, напоминают глубокие, прямые каналы.

Каталог форм бесконечен: до тех пор, пока каждая из форм не найдет своего воплощения в одном определенном городе, будут продолжаться рождаться новые города. Там, где разнообразие форм исчерпывается, наступает конец городов. На последних страницах атласа разбросана не имеющая ни начала, ни конца сеть городов, имеющих форму Лос Анджелеса, Киото, Осаки и еще тех, которые не имеют никакой формы.

(Пер. Г. Киселева)

Блез Сандра

ПРОЗА О ТРАНССИБИРСКОМ
ЭКСПРЕССЕ И МАЛЕНЬКОЙ
ЖАННЕ ФРАНЦУЗСКОЙ
(1913)

Жанна, Жаннетта, Ниннетта, ни-ни и нет-нет
Мими, моя милая, курочка, перышко, перу мое.
Бай-бай, моя сдобная,
Спи, моя грязная,
Душечка, цыпочка, сердце мое, мой грешок,
Мой горшок,
Мой цыпленок,
Ку-ку...
Она спит.
Она спит,
И из всех часов необъятного мира ни единый
Час ею не был принят на веру.
На вокзалах мелькавшие лица,
Часовые стрелки на стенах,
Парижское время, берлинское время,
Санкт-Петербургское время и время вокзалов.
А в Уфе лицо окровавленное артиллериста,
А в Гродно циферблат до глупого яркий,
И бесконечно движется поезд вперед,
По утрам в нем стрелки часов переводят,
Двигается поезд вперед; а солнце назад;
Неизменно слышу я звон колокольный,
Гулкий колокол Нотр-Дам,
И пронзительный колокол Лувра, раздавшийся
Варфоломеевской ночью,
Слышу в Брюгге ржавый трезвон,
Дребезжанье звонков электрических
В библиотеке Нью-Йорка,
Колокольни Венеции,
И московские колокола, и часы на Красных
Воротах, которые время мне отмеряли, когда
Я в конторе сидел...
Воспоминанья!
Грохочущий поезд на поворотных кругах,
Поезд мчится, хрипит граммофон, исполняя
цыганские марши,
И мир, как стрелки часов в еврейском
Квартале Праги отчаянно движется вспять.

(Пер. М. Кудинова)

Уолт Уитмен

РОЖДЕННЫЙ НА ПОМАНОКЕ
(1881)

Рожденный на Поманок, похожем формой
на рыбу,
Взлелеянный и взращенный прекрасной матерью,
Неутомимый бродяга, влюбленный в толпы
на улицах,
Обитатель города моего Манхеттена, житель южной
саванны,
Солдат на биваке, солдат с ружьем и скаткой
за плечами, рудокоп в Калифорнии,
Дикарь в лесах родной Дакоты, чья пища — мясо
и вода из ручья,
Отшельник в глубоком уединении, предающийся
сладостному раздумью,
Вдали от приливов и отливов городской суеты,
Человек, которому близки щедрость благодатной
Миссури и могущество Ниагары,
Явствен топот буйволов на равнине и поступь
сильногрудого косматого быка перед стадом,
Человек, живущий в благодарном изумлении перед
землей, скалами, звездами, дождем, снегом
и подснежниками,
Постигший все трели пересмешника и тайну
парения горного остреба,
Слышавший на рассвете несравненного певца
дрозда-отшельника в зелени болотного кедра,
Одинокий, я запеваю на Западе песнь Нового Света.

Ушедшие поэты, философы, священнослужители,
Великомученики, художники, изобретатели,
давно исчезнувшие правительства,
Создатели языка в неведомых странах,
Народы, некогда могущественные, а ныне
вымирающие и пришедшие в упадок,
Я не вправе продолжать, пока не воздам дань
уважения тому, что вы оставили нам.
Я изучил ваше наследие, оно восхитительно (я даже
порою бродил в мире ушедшем),
И понял — ничто не может быть более великим
и заслуживать большего почитания, нежели оно
заслуживает,
Но, тщательно изучив прошлое, я оставил его
И стою там, где я есть, — в моем сегодняшнем дне.

Здесь сходят на берег женщина и мужчина,
Мужская и женская наследственность мира, пламя
матери,

Ян Мельхиор Роос
Зверинец графа Карла, Кассель, XVIII в.
Ландшафтный музей Хессен Касселя
Галерея старых мастеров

Шлепаю босиком по воде в Поманокском прибое,
Пересекаю прерию, снова живу в Чикаго, снова
живу, где вздумается Рона и Мичигана!
К земле первых Тринадцати Штатов! К земле
Массачусетса!

К земле Вермонта и Коннектикута!
К земле океанских побережий! К земле горных
хребтов и вершин!
К земле моряков и матросов! К земле рыбаков!
К земле сроднившихся краев! Нерасторжимых!
Страстных!
Вставших плечом к плечу, как старшие и младшие
братья!

К земле великих женщин! И женственности! К зем-
ле сестер многоопытных и сестер невинных!
К земле большого дыхания, арктических льдов
и мексиканских бризов!

К земле Пенсильвании! Виргинии и двух Каролин!
О земля моя, горячо любимая мной! О бесстрашные
народности, населяющие тебя! Я люблю вас всех
любовью совершенной!

Я не могу быть отторгнут от вас! Ни от одной из вас,
вы все важны для меня!

О смерть! Несокрушимая любовь моя, и потому, не
замеченный тобой до сих пор,
Брожу я по Новой Англии, открытая душа,
путешественник,

Шлепаю босиком по воде в Поманокском прибое,
Пересекаю прерию, снова живу в Чикаго, снова
живу, где вздумается.

Вижу, как рождаются люди, развивается техника,
возводятся здания, ставятся спектакли,
Слушаю ораторов на собраниях,
Каждая женщина и каждый мужчина в этих Штатах
мне сосед навсегда.

Жители Луизианы и Джорджии так же близки мне,
как я им,

Жители Миссисипи и Арканзаса со мной, пока я
с ними,

Равно на равнинах, что лежат к западу от главной
реки и в моей глинобитной хижине,
По пути на восток, в прибрежном штате
и в Мэриленде.

И канадца, храбро встречающего зиму, снега
и морозы, сердечно привечу я,

И подлинного сына Мэна, и жителя Гранитного
штата, и штата залива Наррагансетт, и штата
Нью-Йорк,

А когда я к другим берегам отправлюсь, дабы

освоить их, я стану приветствовать каждого нового
брата,

Так я сплету новые листья со старыми, и с этой
минуты ветви будут едины,
И среди новых братьев я стану ходить как равный,
вот почему сегодня я обращаюсь к вам лично,
Приказываю вам вместе со мной принять участие
в общем действии, сыграть в общем спектакле
единую роль.

За мной, за мной в тесном строю, но торопитесь,
торопитесь.

Все ваши жизни соединены с моей
(Может быть, меня придется упрашивать,
Прежде чем я отдам свою жизнь, — но что из того?
Ведь человеческую Природу надо уговаривать
не раз).

Нет, я не изысканный *dolce affettuoso*,
Бородатый, обожженный солнцем, суровый,
с задубелой шеей, я пришел,
Чтобы бороться за главные призы вселенной,
За них я буду сражаться, кто бы не пытался
выиграть их.

Но по пути я останавлиюсь,
Ради вас! Ради Америки!
И возведу людям, что настоящее должно быть
спокойным, а будущее радостным
и возвышенным,

И о прошлом я скажу то, что сохранил сам воздух
нашей страны, я скажу о краснокожих аборигенах.

Краснокожие аборигены,
Дыханье свое, звуки дождя и ветра, прозвища птиц
и лесных зверей вы оставили нам в названиях:
Окони, Кууза, Оттава, Мопонгахела, Саук, Натчез,
Чаттахучи, Каквета, Ороноко,
Уобаш, Майами, Сагино, Чиппева, Ошкош, Уалла-
Уалла,

Оставив эти названия, вы ушли, растворив родные
слова в воде, перемешав их с почвой.

Весь мир стремительно расширяется отныне,
Люди, природа, промышленность — все развивается
неистово, быстро, бесстрашно,

Мир первобытен снова, нескончаемая цепь
величественных видений удлинится,

Новое великое человечество превзошло предков,
оно участвует в новом состязании,

Новая политика, новая литература и религия, новые
изобретения и искусства.

Их возвещает мой голос — я не буду более спать, я
встану,
И вы, океаны, которые дремали во мне! О, как я
чувствую вашу бездонность, там, в глубине,
созревают невиданные доселе волны и штормы.

Погляди — пароходы плывут через мои поэмы,
Погляди — иммигранты прибывают и сходят
на берег,

Погляди — вон вигвам, вон тропа и охотничья
хижина, вон плоскодонка, вон кукурузное поле,
вон вырубка, вон простая изгородь и деревушка
в глухом лесу,

Погляди — по одну сторону моих поэм Западное
побережье, а по другую — Восточное, но, словно
на побережьях, в моих поэмах приливает
и отливает море,

Погляди — вон в моих поэмах пастбища и лесные
чащобы, звери дикие и ручные, а там,
дальше, за Ко,

стада буйволов щиплют траву на равнинах,
Погляди — вон в моих поэмах большие, прочно
построенные города, здания в них из железа
и камня, мостовые замощены, а сколько
в них экипажей, какая идет торговля!

Погляди — вон многоцилиндровые паровые
печатные станки и электрический телеграф,
протянувшийся через континент,

Погляди — пульсы Америки через глубины
Атлантики стучат в берега Европы, а она возвращает
их вспять,

Погляди — мощные и быстрые локомотивы
отправляются в путь и свистят, вздыхая на бегу,

Погляди — вон фермер на ферме, вон шахтер
в забое, и несть числа заводам вокруг,

Погляди — вон механики на своих рабочих местах,
в их руках инструмент — среди них ты увидишь
верховных судей, философов и президентов,

Погляди — а вон это я бреду по Штатам, появляюсь
то в поле, то в лавке, слоняюсь, всеми любимый,
в обнимку с ночью и днем,

Прислушайся к громким отзвукам моих песен
и пойми, наконец, о чем они говорят.

О камерадо, мой близкий! Наконец-то мы вместе,
хотя нас всего двое,

О слово, которое расчистит бесконечный путь
вперед,

О то, что яростно и скрытно! О дикая музыка!

Отныне я триумфатор, и ты вместе со мной;

О рука в руке! О полнокровная радость — о еще
один любовник и покоритель!

За мной, в тесном строю, но торопитесь, торопитесь
за мной.

(Пер. Р. Сефа)

Виктор Гюго**ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД**

(1874)

— Сейчас, Гальмало, нам приходится расставаться. Два человека — это ничто. Тут нужно идти или с тысячным отрядом, или одному. Не dokonчив фразы, старик вытащил из кармана зеленый шелковый бант, напоминавший кокарду, с вышитой посередине золотой лилией.

— Ты читать умеешь — спросил он.

— Нет.

— Тем лучше. Грамота — лишняя обуза. А память у тебя хорошая?

— Да.

— Вот это отлично. Слушай меня, Гальмало. Ты пойдешь вправо, а я влево; я направлюсь в сторону Фужера, а ты в сторону Базужа. Не бросай мешок, так легче сойдешь за крестьянина. Оружие спрячь. Вырежь себе в кустах палку. Пробирайся через рожь, она нынче высока. Крадись вдоль изгородей. Минуй околицы, иди напрямик полем. Прохожих сторонись. Избегай проезжих дорог и мостов. Не вздумай заходить в Понторсон. Ах да, путь тебе преграждает река Куэнон. Как ты через нее переберешься?

— Вплывь.

— Отлично. Впрочем, ее можно перейти и вброд. Знаешь, где брод?

— Между Ансе и Вьевилем.

— Отлично. Теперь я вижу, что ты действительно местный уроженец.

— Но ведь ночь на дворе. Где же вы будете ночевать, ваша светлость?

— Обо мне не беспокойся. А вот ты где думаешь переночевать?

— Где-нибудь на мху. Ведь до матросской службы я был крестьянином.

— Да, кстати, выбрось матросскую шапку, а то тебя по ней опознают. А крестьянский головной убор ты легко найдешь.

— Ну за этим дело не станет. Любой рыбак с охотой продаст мне свою шапку.

— Отлично. А теперь слушай. Ты здешние места знаешь?

— Все до единого.

— По всей округе знаешь?

— От Нуармутье до самого Лавалья.

— А как они называются, тоже знаешь?

— И леса знаю, и как они называются, знаю, все знаю.

— И все запомнишь, что я тебе скажу?

— Запомню.

— Отлично. А теперь слушай внимательно.

Сколько лье ты можешь пройти за день?

— Ну десять, пятнадцать, восемнадцать. А если понадобится — и все двадцать.

— Может понадобится. Запомни каждое мое слово. Пойдешь отсюда прямо в Сент-Обэнский лес.

— Тот, что рядом с Ламбалем?

— Да. На краю оврага, который идет между Сен-Ризлем и Пледелиаком, растет высокий каштан. Там ты и остановишься. И никого не увидишь.

— А все равно там кто-нибудь да есть. Знаю, знаю.

— Ты подашь сигнал. Умеешь подавать сигналы?

Гальмало надул щеки, повернулся лицом к морю и несколько раз ухнул по-совиному. Казалось, что звук идет из самой ночной мглы. Неотлично похожее и зловещее уханье.

— Отлично, — произнес старик. — Молодец.

И он протянул Гальмало зеленый шелковый бант.

— Вот моя кокарда. Возьми ее. Неважно, что имени моего здесь никто не знает. Вполне достаточно этой кокарды. Смотри, вот эту лилию вышивала в тюрьме Тамплъ сама королева.

Гальмало преклонил колена. С священным трепетом он принял из рук старца вышитую кокарду и приблизил ее было к губам, но тут же отдернул руку, убоявшись такого святотатства.

— Смею ли я? — спросил он.

— Конечно, ведь целуешь же ты распятие!

Гальмало коснулся губами золотой лилии.

— Встань, — приказал старик.

Гальмало встал с колен и засунул бант за пазуху. А старик продолжал:

— Слушай меня хорошенько. Запомни пароль: «Подымайтесь. Будьте беспощадны». Итак, добравшись до каштана, что на краю оврага, подашь сигнал. Трижды подашь. На третий раз из-под земли выйдет человек.

Теодор Руссо

В лесу Фонтенбло, XIX в.

Гамбург, Кунстхалле

— Из ямы, что под корнями. Знаю.

— Человек этот некто Планшено, его прозвали также «Королевское Сердце». Покажешь ему кокарду. Он все поймет. Затем пойдешь в Астиллеийский лес по любой дороге, которая тебе приглянется; там ты встретишь колченогого человека, который зовется Мускетон и не дает спуску никому. Скажи ему, что я его помню и люблю и что пора ему подымать все окрестные приходы. Оттуда иди в Куэсбонский лес, он всего в одном лье от Плэрмеля. Там прокричишь по-совиному, из берлоги выйдет человек, это господин Тюо, сенешал Плэрмеля, бывший член так называемого Учредительного собрания, но придерживается он наших убеждений. Скажешь ему, что пора подготовить к штурму замок Куэсбон, который принадлежит маркизу Гюэ, ныне эмигрировавшему. Местность там пересеченная, овраги, перелески — словом, самая для нас подходящая. Господин Тюо — человек решительный и умный. Оттуда пойдешь в Сент-Уэн-ле-Туа и поговоришь с Жаном Шуаном, который, по моему мнению, подлинный вождь. Оттуда пойдешь в Виль-Англозский лес, увидишь там Гитте, его зовут также Святитель Мартен, и скажешь ему, чтобы он зорко следил за неким Курменилем, зятем старика Гупиль де Префельна, который возглавляет в Аржентане якобинскую секцию. Запомни все хорошенько. Я ничего не записываю, потому что писать ничего нельзя. Ларуари написал несколько строк, и это его погубило. Оттуда ты пойдешь в Ружфейский лес, где встретишь Миэлета, он умеет прыгать через овраги, опираясь на длинный шест.

— У нас такой шест зовется жердиной.

— Ты тоже умеешь ею пользоваться?

— Еще бы, неужто я не бретонец, неужто я не крестьянин? Да у нас жердь первый друг, с нею и руки крепче и ноги длиннее. [...]

— Хорошо, слушай дальше. Ты знаешь Ла Тург?

— Это я-то? Да я сам оттуда. [...]

Итак, слушай дальше. Из Ружфе пойдешь в лес Моншеврие, где верховодит Бенедиктус, командир Двенадцати. Он тоже славный малый. Читает «Benedicite», пока по его приказу расстреливают людей. На войне не до сантиментов. Из Моншеврие пойдешь...

Он не закончил фразы.

— Да, я забыл о деньгах.

Старик вынул из кармана кошелек и бумажник и протянул их Гальмало.

— В этом бумажнике тридцать тысяч франков в ассигнатах, что составляет приблизительно три ливра десять су; надо сказать, ассигнаты фальшивые, впрочем и настоящие стоят не дороже;

а в кошельке — смотри хорошенько — сто золотых. Отдаю тебе все, что у меня есть. Мне ничего не нужно. Впрочем, это и к лучшему, по крайней мере при мне не найдут денег. Продолжаю: из Моншеврие пойдешь в Антрэн и встретишься там с господином Фротте; из Антрэна иди в Жюпельер, где увидишься с господином Рошкоттом; из Жюпельера отправляйся в Нуарье, где повидеешь аббата Бодуэна. Запомнил?

— Как «Отче наш».

— Встретишься с господином Дюбуа-Ги в Сен-Брикан-Коле, с господином Тюрпэнном в Моранне, — Моранн это укрепленный городок, — а в Шато-Гонтье отыщешь принца Тальмона. — Неужели принц станет со мной говорить?

— Я же с тобой говорю.

Гальмало почтительно обнажил голову.

— Тебе повсюду обеспечен хороший прием, раз у тебя лилия, вышитая руками самой королевы. Не забудь еще вот что: выбирай такие места, где живут горцы и мужики потемней. Переоденься. Это нетрудно. Республиканцы — болваны: в синем мундире и треуголке с трехцветной кокардой можно пройти повсюду беспрепятственно. Сейчас нет ни полков, ни единой формы; армии и те не имеют номеров, каждый надевает на себя любое тряпье, по своему вкусу. Непременно побывай в Сен-Мерве. Там повидайся с Голье, или, как его называют иначе, с Пьером Большим. Пойдешь в лагерь Парне, где тебе придется иметь дело с черномазыми. Дело в том, что они кладут в ружье двойную порцию пороха да еще добавляют песок, чтобы выстрел был погромче; что ж, молодцы. Скажешь им одно: убивать, убивать и убивать. Пойдешь в лагерь «Черная Корова», который расположен на возвышенности посреди Шарнийского леса, потом в «Овсяный лагерь», потом в «Зеленый», а оттуда в «Муравейник». Пойдешь в Гран-Бордаж, который иначе зовется О-де-Пре, там живет вдова, на дочери которой женился некто Третон, прозванный «Англичанином». Гран-Бордаж —

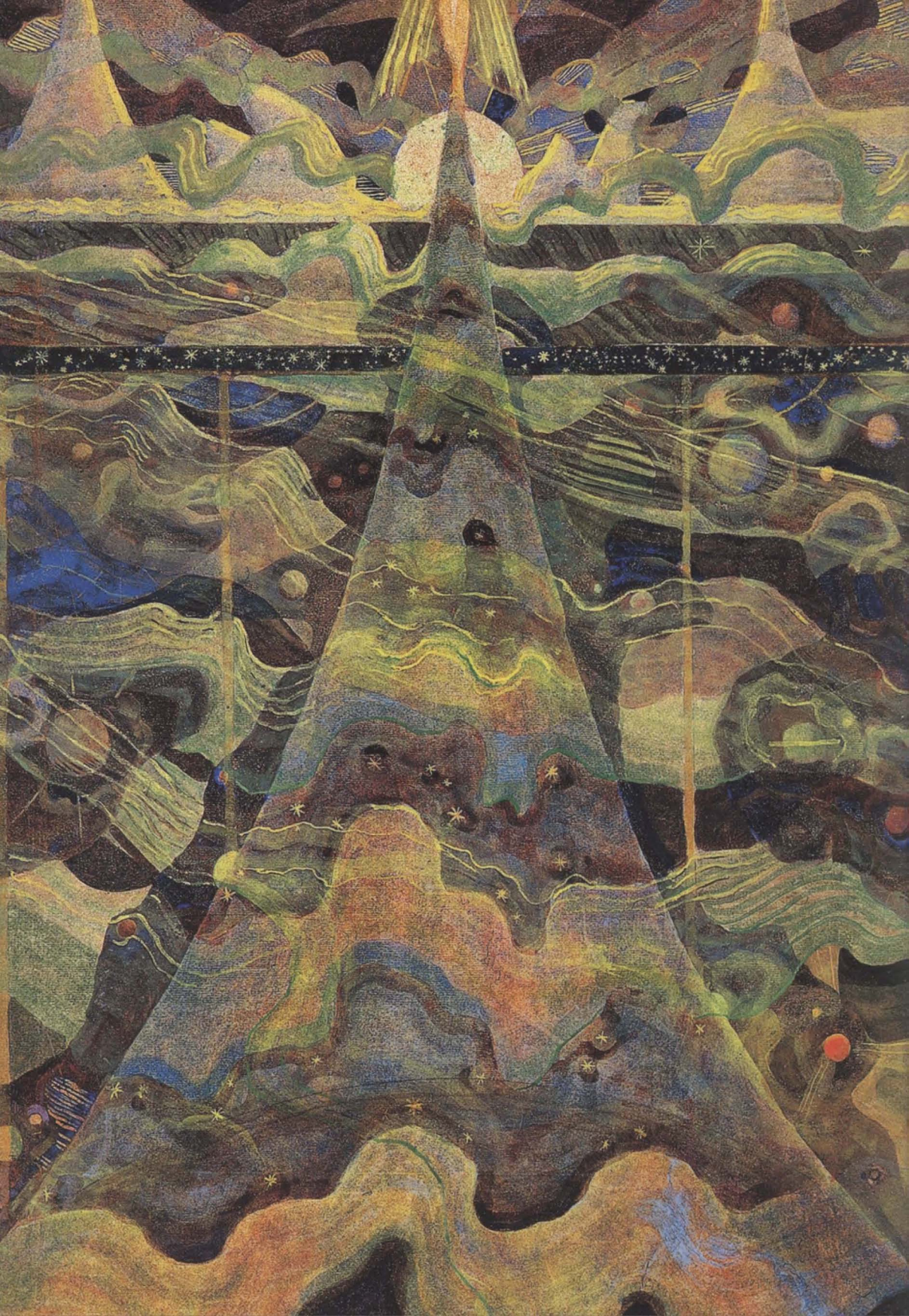

один из приходов Келена. Непременно загляни к Эпине-ле-Шеврейль, Силле-ле-Гильом, к Парану и ко всем тем, что прячутся по лесам. Словом, друзей ты заведешь немало и пошлешь их к границе Верхнего и Нижнего Мэна; ты встретишься с Жаном Третоном в приходе Вэж, с Беспечальным — в Биньоне, с Шамбором — в Бошампе, с братьями Корбэн — в Мэзонселле и с Бесстрашным Малышом — в Сен-Жан-сюр-Эрв. Иначе его зовут Бурдуазо. Прodelав все это, пройдя повсюду с лозунгом: «Подымайтесь, будьте беспощадны», ты присоединишься к великой армии, армии католической и королевской, где бы она ни находилась. Ты увидишься с господами д'Эльбе, Лескюром, Ларошжакленом, словом,

со всеми вождями, которые еще будут живы к тому времени. Предъявляй им мою кокарду. Они сразу поймут, в чем дело. Ты простой матрос, но ведь и Катлино тоже простой ломовик. Скажешь им от моего имени следующее: «Пришел час вести разом две войны: войну большую и войну малую. От большой войны большой шум, от малой большие хлопоты. Вандейская война — хороша, шуанская хуже, но в годину гражданских междоусобиц худшее подчас становится лучшим. Война тем лучше, чем больше зла она причиняет». [...] — Смотри не забудь ничего. — Будьте спокойны.

(Пер. Н. М. Жарковой)

Шарль Тевнен
Взятие Бастилии, XVII в.
Париж, Музей Карнавале

Джеймс Джойс**ПОМИНКИ ПО ФИННЕГАНУ
(1939)**

О Расскажи мне все об Анне Ливии. Хочу услышать все об Анне Ливии. Все знают Анну Ливию, конечно? Конечно, все мы знаем Анну Ливию. Так Расскажи мне. Все. Сейчас. Послушаешь — умрешь. Так вот, значит, когда старик копыта-то откинул и — ну знаешь. Знаю, продолжай. Да не мути, не заплетайся. Ну, за-сучила рукава, пора травить балясы! И не бодни меня — ай, так! — как станешь нагибаться. Но что бы ни пытались они втроем там вывести, он всяко нафигтит уже успел с той парочкой в Эдемонском саду. Да, репу не чеши, старик он пакостный. Взгляните на его рубашу! Смотрите, сколько грязи! Река и я вся от него черным-черна. А ведь уже неделю тру, стиплю, толку как в ступе. И в сколько же заходов, интересно, мне эту харатью перебивать? Я наизусть уж знаю все места, какие этот старый душень горазд засалить. Как руки жжет, и голод голодаю — все чтобы личное его белье опубликоприличить. Вовсю машу вальком — опа! — прямо на стенку лезу, кто б что ему начистил, если бы не я. Уж кисти онемели — все оттираю гвазды гнильные. А полощу — и будто грязные гангрены со дна прут, страшные как грех! Какого хрена вообще он не потрафил нашей Сендой Анме?

И долго ли вотще просодержался, нешто на дне Лох-Ней? Конечно, и в газеты подвиги его попали, со всею преждепрелью и недопрочим, Король супротив Хамфри, за незаконный гон

илитной браги. Но темя все раззудит. Я его знаю, как никто. С крючка сорвавшись, время никого истрет. Что сам расплещешь, сам же и пожмешь.

Ох уж мне этот старый шлэнда! Всегда мешал субражнество с рассолью.

Старив Гопш был куда как прав, Старив Дройгой косил недобро влево. Что за пошиб! Не шел, а выступал! А голову, бывало, задерет считай что вровень с домом, наш славный инородец, старый дюк, и лезет точно крыса с горбом великоважности. А как он исто подеррийски тянул слова, как пустословил истинно по-коркски, как заикался дублинн, как по-гольвэйски пыль в глаза пускал! Спросите Гарда Гроули, Парня с Дубинкой, и Ликтор Хэккет или Лектор Рид вам все расскажут. Как же ещё вообще он прозывался? Каппеллетиль? Хуго Капутом Первопакостным. И где ж он родился, и кто ж его нашел? В Урготланде, Твистауне, что на Каттекате? В Нью-Гуншире, Конкорде, в веселом Мерримаке?

И кто ее отмолдотил по сочной наковаленке, и кто пригубнил от ее криницы? И разве когда в Адаме с Евой она не распускала хвост по-брачьи, а может, он с ней лишь случился капитально? Тут селезень, там утка — другого не дано.

Гусак гусыню видит чур издалека. Флауи и Холм на перешейке времени желание желает и опасается счастливого ждества. И она может показать все свои черточки, все струны, с любовью, позволяя поиграть. Если ж они не переженятся, крюк и петля — уж верно!

(Пер. А. Гараджи)

Хорхе Луис Борхес

АЛЕФ

(1949)

Теперь я подхожу к непересказуемому моменту моего повествования и признаюсь в своем писательском бессилии. Всякий язык представляет собою алфавит символов, употребление которых предполагает некое общее с собеседником прошлое. Но как описать другим Алеф, чья беспредельность непостижима и для моего робкого разума? Мистики в подобных случаях пользуются эмблемами: перс, чтобы обозначить божество, говорит о птице, которая каким-то образом есть все птицы сразу; Аланус де Инсулис — о сфере, центр которой находится всюду, а окружность нигде; Иезекииль — об ангеле с четырьмя лицами, который одновременно обращается к Востоку и Западу, к Северу и Югу. (Я не зря привожу эти малоизвестные аналогии, они имеют некоторое отношение к Алефу.) Быть может, боги не откажут мне в милости, и я когда-нибудь найду равноценный образ, но до тех пор в моем сообщении неизбежен налет литературщины, фальши. Кроме того, неразрешима главная проблема: перечисление, пусть неполное, бесконечного множества. В грандиозный этот миг я увидел миллионы явлений — радующих глаз и ужасающих, ни одно из них не удивило меня так, как тот факт, что все они происходили в одном месте, не накладываясь одно на другое и не будучи прозрачными. То, что видели мои глаза, совершалось одновременно, но в моем описании предстанет в последовательности — таков закон языка. Кое-что я все же назову.

На нижней поверхности ступеньки, с правой стороны, я увидел маленький, радужно отсвечивающий шарик ослепительной яркости. Сперва мне показалось, будто он вращается, потом я понял, что иллюзия движения вызвана заключенными в нем поразительными, умопомрачительными сценами. В диаметре Алеф имел два-три сантиметра, но было в нем все пространство вселенной, причем ничуть не уменьшенное. Каждый предмет (например, стеклянное зеркало) был бесконечным множеством предметов, потому что я его ясно видел

со всех точек вселенной. Я видел густо населенное море, видел рассвет и закат, видел толпы жителей Америки, видел серебристую паутину внутри черной пирамиды, видел разрушенный лабиринт (это был Лондон), видел бесконечное число глаз рядом с собою, которые вглядывались в меня, как в зеркало, видел все зеркала нашей планеты, и ни одно из них не отражало меня, видел в заднем дворе на улице Солера те же каменные плиты, какие видел тридцать лет назад в прихожей одного дома на улице Фрая Бентона, видел лозы, снег, табак, рудные жилы, испарения воды, видел выпуклые экваториальные пустыни и каждую их песчинку, видел в Инвернесе женщину, которую никогда не забуду, видел ее пышные волосы, гордое тело, видел рак на груди, видел круг сухой земли на тротуаре, где прежде было дерево, видел загородный дом в Адроге, экземпляр первого английского перевода Плиния, сделанного Файлмоном Голландом, видел одновременно каждую букву на каждой странице (мальчиком я удивлялся, почему буквы в книге, когда ее закрывают, не смешиваются ночью и не теряются), видел ночь и тут же день, видел закат в Керегаро, в котором словно бы отражался цвет одной бенгальской розы, видел мою пустую спальню, видел в одном научном кабинете в Алкмаре глобус между двумя зеркалами, бесконечно его отражавшими, видел лошадей с разбегающимися гривами на берегу Каспийского моря на заре, видел изящный костяк ладони, видел уцелевших после битвы, посылавших открытки, видел в витрине Мирсапура испанскую колоду карт, видел косые тени папоротников в зимнем саду, видел тигров, тромбы, бизонов, морские бури и армии, видел всех муравьев, сколько их есть на земле, видел персидскую астроблюбу, видел в ящике письменного стола (от почерка меня бросило в дрожь) непристойные, немислимые, убийственно точные письма Беатрис, адресованные Карлосу Архентино, видел священный памятник в Чакарите, видел жуткие останки того, что было упоительной Беатрис Витербо, видел циркуляцию моей темной крови, видел слияние в любви и изменения, причиняемые смертью, видел Алеф, видел со всех точек в Алефе земной шар, и в земном шаре опять Алеф, и в Алефе земной шар, видел свое лицо

и свои внутренности, видел твое лицо; потом у меня закружилась голова, и я заплакал, потому что глаза мои увидели это таинственное, предполагаемое нечто, чьим именем завла-

дели люди, хотя ни один человек его не видел: непостижимую вселенную.

(Пер. Е. Лысенко)

Карта мира Эбсторфа

Копия Конрада Миллера с оригинального пергамента 1239 г., хранящегося в соборе Херефорда (Великобритания)

7. Списки бывают разные

Здесь возникает необходимость провести различие между списком практическим и списком «поэтическим» (последний термин предполагает любое художественное предназначение списка, независимо от вида искусства, в формы которого он облекается)¹. Примерами практического перечня могут служить список того, что надо купить; список гостей, приглашенных на праздник; библиотечный каталог; инвентарная опись предметов, находящихся в определенном месте (в офисе, в архиве или музее); опись имущества в завещании; инвойс; меню в ресторане; список достопримечательностей в туристическом путеводителе и даже словарь, содержащий все слова данного языка.

У этих списков три основных свойства: во-первых, они имеют чисто референтивную функцию, то есть относятся к предметам внешнего мира и выполняют чисто практическую задачу: назвать и перечислить предметы (если бы предметов не существовало, список не имел бы смысла, и мы, как будет показано в дальнейшем, имели бы дело со списком поэтическим); во вторых, поскольку перед нами списки реально существующих, известных предметов, эти списки конечны, так как призваны перечислить все подлежащие перечислению предметы и никакие иные, а предметы эти, если они действительно присутствуют в каком-то месте, вполне поддаются пересчету; наконец, эти списки не подлежат изменению — было бы неправильно, да и нелепо вносить в каталог музея картину, которой в музее нет.

Практические списки представляют собой форму, так как собирают в единое целое совокупность предметов, подчиняющихся, невзирая на неоднородность, *контекстуальному спрессовыванию*: их роднит факт нахождения — действительного или ожидаемого — в одном и том же месте или нацеленность на один и тот же проект. Так, приемлемое единое целое составляют все книги

Кристиан Болтански
Архив С. В. 1965–1988, 1989
Париж, Центр Жоржа Помпиду

библиотеки, все гости, званные на праздник, все продукты, которые надо купить в магазине, и т. д. Практический список никогда не бывает беспорядочным, потому что всегда регулируется определенным критерием отбора. Даже список, где значились бы веник, неполный экземпляр биографии Галена, заспиртованный зародыш или (если процитировать Лотреамона) зонтик и анатомический стол, нельзя назвать беспорядочным, если известно, что речь идет о перечне предметов, завалявшихся в подвале медицинского факультета.

Белкнап (op. cit., p. 31) считает, что практические списки растяжимы до бесконечности (в самом деле, телефонный справочник может издаваться каждый год в дополненном виде, а список продуктов можно удлинять сколько угодно по дороге в магазин), а списки, называемые им литературными, фактически завершены формальными конструкциями включающего их в себя произведения (размер, рифма, форма-сонет и т. д.). На мой взгляд, проблему можно сформулировать с точностью до наоборот: практический список обозначает ряд вещей, который на момент составления списка представлен этими и только этими вещами, и в этом смысле он конечен (телефонный справочник следующего года будет просто еще одним списком, отличным от первого); между тем, при всех ограничениях, накладываемых поэтической техникой, Гомер мог бы до бесконечности продолжать перечень кораблей, а Иезекииль — добавлять новые и новые признаки к описанию города Тира.

Замечательный пример практического списка, хотя он написан стихами и положен на музыку, — это ария Лепорелло из оперы Моцарта *Дон Жуан*. Дон Жуан соблазнил множество крестьянок, служанок, горожанок, графинь, баронесс, маркиз, принцесс, огромное количество женщин «всех сословий, всех примет и всяких лет», а Лепорелло, как добросовестный счетовод, с математической точностью заносит их в каталог: «Их в Италии шестьсот было сорок, / А в Германии двести и тридцать, / Сотня француженок, турчанок девяносто, / Ну, а испанок так тысяча три». Итого 2063, не больше не меньше. И если завтра Дон Жуан обольстит Донну Анну или Церлину, появится новый список. Зачем составляются практические списки, ясно. Но зачем нужны списки поэтические?

Отчасти об этом уже было сказано: иной раз не удастся перечислить нечто, неподвластное нашей способности проследить и называть предметы, и таков случай гомеровского перечня кораблей. Но попробуем провести мысленный эксперимент: пред-

ставим, что Гомер вовсе не стремился узнать и сообщить нам, как звали в действительности вождей греков и как они выглядели; он или его предшественники сказители фантазировали. От этого его список не стал бы менее референтивным, просто тогда он относился бы не к явлениям реального мира, а к явлениям мира эпического. А теперь вообразим, что Гомер, придумывая эти имена или выискивая их в лабиринтах мифологической традиции, был увлечен не формой творимого им мира,

Царевна Нефертиабет, стела
Древнее царство, IV династия, правление Хеопса (2590–2565 гг. до н. э.)
Париж, Лувр

а звучанием самих имен. И тогда вместо списка, смысл которого в референтах, или во всяком случае, в *означаемых*, мы получим список, где главное — звучание, где главное — фонетика, то есть *означающие*.

Вспомним генеалогию Иисуса в начале Евангелия от **Матфея**. Можно, конечно, усомниться в историческом существовании многих из перечисленных предков, но Матфей (или тот, кто писал под его именем) несомненно хотел назвать «реальных» персонажей из возможного мира, в который он верил, а соответственно список имел практическую ценность и референтивную функцию. А теперь возьмем **литанию Пресвятой Деве Марии**: это список свойств, определений, именований, приложимых к Богоматери, многие из которых взяты из Писания, другие обусловлены традицией или восходят к народной набожности (в этой связи принято говорить о *панегирическом* перечислении). Но ведь этот текст следует читать как мантру, как буддийское *ом мани падме хум*, и не так уж важно, каким будет эпитет к слову *virgo* — *potens* или *clemens* (тем более что до II Ватиканского собора литании читались по-латыни верующими, подавляющее большинство которых этого языка не понимали), главное — дать себя увлечь упоительному звучанию перечня. Точно так же в **литании всем святым** важно не наличие или отсутствие тех или иных святых, а ритмичное перечисление имен на протяжении достаточно долгого времени.

¹ Об отличии *списка прагматического* от *литературного* см.: Belknap, Robert E. *The List*, New Haven, Yale U. P., 2004. Ценная антология литературных списков содержится в кн.: Spufford, Francis, ed. *The Chatto Book of Cabbages and Kings. Lists in Literature*. London: Chatto & Windus, 1989.

• la prima gerarchia solo angelo plus bati.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ. 1:1–16

*Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова,
Сына Авраамова.*

Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова;
Иаков родил Иуду и братьев его;
Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес
родил Есрома; Есром родил Арама;
Арам родил Аминадава; Аминадав родил
Наассона; Наассон родил Салмона;
Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил
Овида от Руфи; Овид родил Иессея;
Иессей родил Давида царя; Давид царь родил
Соломона от бывшей за Уриею;
Соломон родил Ровоама; Ровоам родил Авию;
Авия родил Асу;
Аса родил Иосафата; Иосафат родил Иорама;
Иорам родил Озию;
Озия родил Иоафама; Иоафам родил Ахаза;
Ахаз родил Езекию;
Езекия родил Манассию; Манассия родил
Амона; Амон родил Иосию;
Иосия родил Иоакима; Иоаким родил Иехонию
и братьев его, перед переселением в Вавилон.
По переселении же в Вавилон, Иехония родил
Салафииля; Салафииль родил Зоровавеля;
Зоровавель родил Авиуда; Авиуд родил
Елиакима; Елиаким родил Азора;
Азор родил Садока; Садок родил Ахима; Ахим
родил Елиуда;
Елиуд родил Елеазара; Елеазар родил Матфа-
на; Матфан родил Иакова;
Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой
родился Иисус, называемый Христос.
Итак всех родов от Авраама до Давида четыр-
надцать родов; и от Давида до переселения
в Вавилон четырнадцать родов; и от переселе-
ния в Вавилон до Христа четырнадцать родов.

*Древо Иессея, миниатюра из Псалтири
королевы Ингеборг Датской, ок. 1210
Шантийи, Музей Конде*

На с. 121:

Ex-voto падре Пио
Сан Джованни Ротондо

ЛОРЕТАНСКАЯ ЛИТАНИЯ
(ЛИТАНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ)

Господи, помилуй. — Христе, помилуй.
— Господи, помилуй.
Христе, внимли нам. — Христе, услышь нас.
Отче Небесный, Боже, — помилуй нас.
Сын, Искупитель мира, Боже, помилуй нас.
Дух Святой, Боже, помилуй нас.
Святая Троица, единый Боже, помилуй нас.
Святая Мария, молись о нас.
Святая Богородица, молись о нас.
Святая Дева над девами, молись о нас.
Матерь Христова, молись о нас.
Матерь Церкви, молись о нас.
Матерь нетленная, молись о нас.
Матерь пречистая, молись о нас.
Матерь целомудренная, молись о нас.
Матерь нескверная, молись о нас.
Матерь непорочная, молись о нас.
Матерь прелюбимая, молись о нас.
Матерь предивная, молись о нас.
Матерь доброго совета, молись о нас.
Матерь Сотворителя, молись о нас.
Матерь Спасителя, молись о нас.
Дева премудрая, молись о нас.
Дева досточтимая, молись о нас.
Дева достославная, молись о нас.
Дева всесильная, молись о нас.
Дева милосердная, молись о нас.
Дева верная, молись о нас.
Зерцало справедливости, молись о нас.
Престол мудрости, молись о нас.
Источник нашей радости, молись о нас.
Святыня Духа Святого, молись о нас.
Святыня славы Божией, молись о нас.
Святыня глубокой набожности, молись о нас.
Роза таинственная, молись о нас.
Башня Давида, молись о нас.
Башня из кости слоновой, молись о нас.
Дом драгоценнейший, молись о нас.
Хранилище Завета, молись о нас.
Дверь небесная, молись о нас.
Звезда утренняя, молись о нас.
Болящим исцеление, молись о нас.
Грешникам прибежище, молись о нас.
Скорбящим утешение, молись о нас.
Верным помощь, молись о нас.
Царица ангелов, молись о нас.
Царица патриархов, молись о нас.
Царица пророков, молись о нас.

Царица апостолов, молись о нас.
 Царица мучеников, молись о нас.
 Царица исповедников, молись о нас.
 Царица девственников, молись о нас.
 Царица всех святых, молись о нас.
 Царица, без первородного греха зачатая,
 молись о нас.
 Царица, на небо взятая, молись о нас.
 Царица святого Розария, молись о нас.
 Царица мира, молись о нас.

Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира, —
 прости нас, Господи.
 Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира, —
 услышь нас, Господи.

Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира, —
 помилуй нас, Господи.
 — Молись о нас, Пресвятая Богородица.
 — Да удостоимся мы Христовых обещаний.

ПОМОЛИМСЯ:

Господи Боже! Благоволи нам, рабам Твоим,
 даровать телесное и душевное здравие, и че-
 рез покровительство Пресвятой Девы Марии
 да будем мы избавлены от зла на земле и удо-
 стоимся вечной небесной радости. Через Хри-
 ста, Господа нашего. Аминь.

(Пер. И. Макарова)

ЛИТАНИЯ ВСЕМ СВЯТЫМ

К БОГУ

Господи, помилуй. — Господи, помилуй.
 Христе, помилуй. — Христе помилуй.
 Господи, помилуй. — Господи, помилуй.
 Иисус, вземли нам. — Иисус, услышь нас.
 Отче Небесный, Боже, помилуй нас.
 Сын, Искупитель мира, Боже, помилуй нас.
 Дух Святой, Боже, помилуй нас.
 Святая Троица, единый Боже, помилуй нас.
 Святая Мария, молись о нас.
 Святая Богородица, молись о нас.
 Святая Дева над девами, молись о нас.
 Святые Михаил, Рафаил и Гавриил, молитесь
 о нас.
 Все святые ангелы Божии, молитесь о нас.

К ПАТРИАРХАМ И ПРОРОКАМ

Святой Авраам, молись о нас.
 Святой Моисей, молись о нас.
 Святой Илия, молись о нас.
 Святой Иоанн Креститель, молись о нас.
 Святой Иосиф, молись о нас.
 Все святые патриархи и пророки, молитесь
 о нас.

К АПОСТОЛАМ И УЧЕНИКАМ ХРИСТОВЫМ

Святые Петр и Павел, молитесь о нас.
 Святой Андрей, молись о нас.
 Святые Иоанн и Иаков, молитесь о нас.
 Святой Фома, молись о нас.
 Святые Филипп и Иаков, молитесь о нас.

Святой Варфоломей, молись о нас.
 Святой Матфей, молись о нас.
 Святые Симон и Иуда Фаддей, молитесь
 о нас.

Святой Матфий, молись о нас.
 Святой Варнава, молись о нас.
 Все святые апостолы, молитесь о нас.
 Святой Лука, молись о нас.
 Святой Марк, молись о нас.
 Святая Мария Магдалина, молись о нас.
 Все святые ученики Господни, молитесь
 о нас.

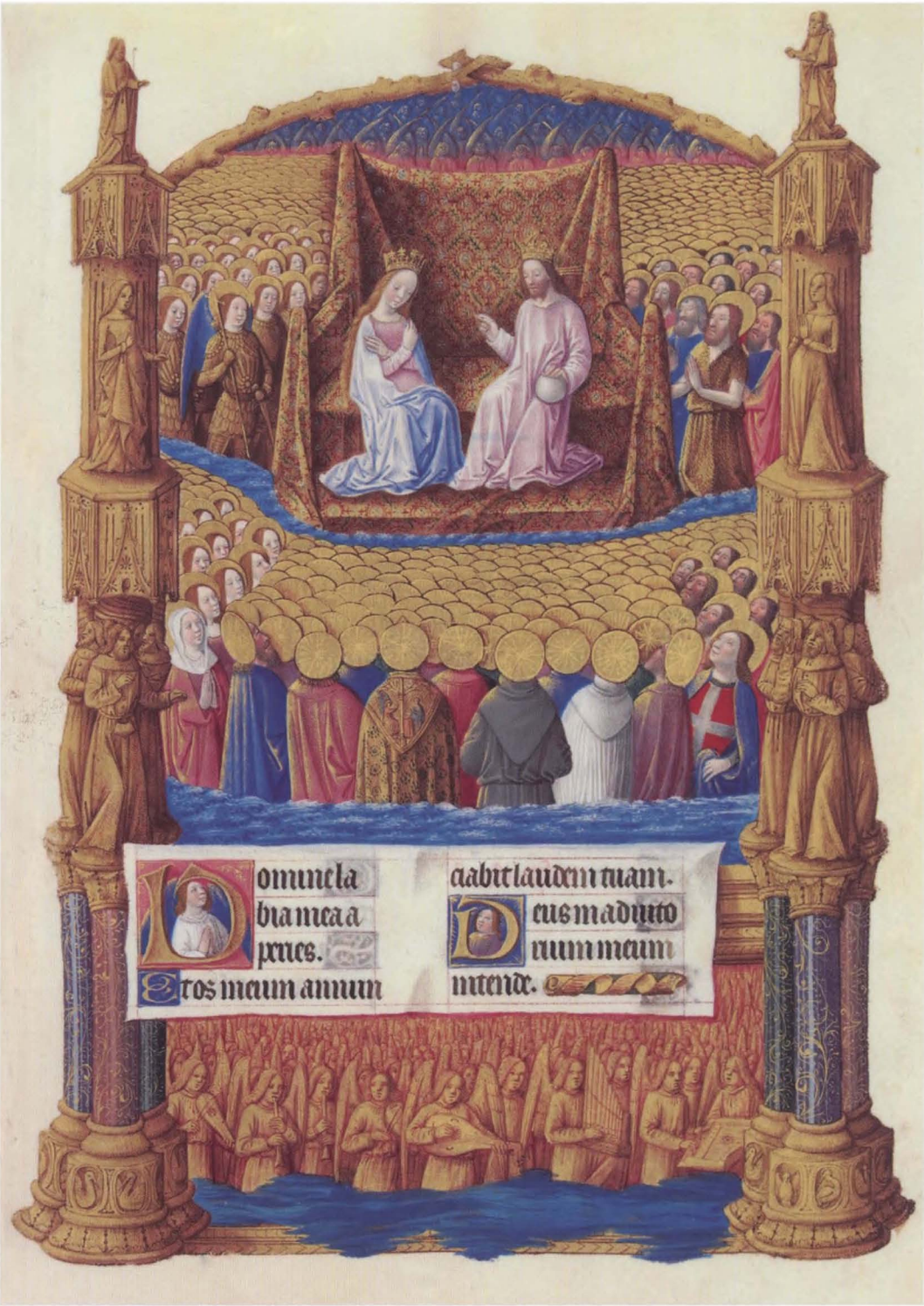
К МУЧЕНИКАМ

Святой Стефан, молись о нас.
 Святая Цецилия, молись о нас.
 Святой Игнатий Антиохийский, молись о нас.
 Святой Поликарп, молись о нас.
 Святой Иустин, молись о нас.
 Святой Лаврентий, молись о нас.
 Святой Киприан, молись о нас.
 Святой Георгий, молись о нас.
 Святой Бонифаций, молись о нас.
 Святой Станислав, молись о нас.
 Святой Фома Бекет, молись о нас.
 Святые Иоанн Фишер и Фома Мор, молитесь
 о нас.

Святой Павел Мики, молись о нас.
 Святые Иоанн де Бребеф и Исаак Жог,
 молитесь о нас.
 Святой Петр Шанель, молись о нас.
 Святой Карл Лванга, молись о нас.
 Святые Перпетуя и Фелицитата, молитесь
 о нас.

Святая Агнесса, молись о нас.
 Святая Иустина Падуанская, молись о нас.
 Святая Мария Горетти, молись о нас.
 Все святые мученики, молитесь о нас.

К ЕПИСКОПАМ И УЧИТЕЛЯМ ЦЕРКВИ

Святые Лев и Григорий, молитесь о нас.
 Святой Амвросий, молись о нас.
 Святой Иероним, молись о нас.
 Святой Августин, молись о нас.
 Святой Афанасий, молись о нас.
 Святые Василий и Григорий Назианзский,
 молитесь о нас.
 Святой Иоанн Златоуст, молись о нас.
 Святой Мартин Турский, молись о нас.
 Святой Патрикий, молись о нас.
 Святые Кирилл и Мефодий, молитесь о нас.
 Святой Карл Борromeо, молись о нас.
 Святой Франциск Сальский, молись о нас.
 Святой Пий X, молись о нас.
 Все святые и Учители Церкви, молитесь о нас.

Святой Фома Аквинский, молись о нас.
 Святой Иоанн Божий, молись о нас.
 Святой Антоний Падуанский, молись о нас.
 Святой Игнатий Лойола, молись о нас.
 Святой Франциск Ксаверий, молись о нас.
 Святой Викентий де Поль, молись о нас.
 Святой Иоанн-Мария Вианней, молись
 о нас.
 Святой Иоанн Боско, молись о нас.
 Святая Екатерина Сиенская, молись о нас.
 Святая Тереза Авильская, молись о нас.
 Святая Роза Лимская, молись о нас.
 Святой Гаспар дель Буффало, молись о нас.
 Святая Вероника Джулиани, молись о нас.
 Святая Франциска Римская, молись о нас.
 Святой Леопольд Мандик, молись о нас.
 Все святые монашествующие, молитесь о нас.

*К СВЯЩЕНСТВУЮЩИМ
И МОНАШЕСТВУЮЩИМ*

Святой Антоний Великий, молись о нас.
 Святой Бенедикт, молись о нас.
 Святой Бернард, молись о нас.
 Святые Франциск, молись о нас.
 Святая Рита из Кашии, молись о нас.
 Святая Клара Ассизская, молись о нас.
 Святой Доминик, молись о нас.

К МИРЯНАМ

Святой Людовик Французский, молись о нас.
 Святая Моника, молись о нас.
 Святая Елизавета Венгерская, молись о нас.
 Святой Доминик Савио, молись о нас.
 Святая Джемма Гальгани, молись о нас.
 Все святые Божии, молитесь о нас.

(Пер. И. Макарова)

8. Взаимодействие списка и формы

В той мере, в какой список выделяет ряд предметов, пусть даже разнородных, по их принадлежности к единому контексту или по соответствию единому критерию отбора (например, Иисус, Цезарь, Цицерон, Людовик IX, Жиль де Ре, Гитлер, Раймунд Луллий, Муссолини, Кеннеди, Линкольн, Саддам Хуссейн, Пьетро Микка, Дамьен — это вполне однородный перечень людей, умерших насильственной смертью), он привносит порядок, а значит, и некое подобие формы, в набор, иначе выглядевший беспорядочным.

Но есть и более тонкие способы превращения списка в форму, яркий пример тому — Арчимбольдо. Он берет элементы возможного списка (все существующие фрукты и овощи, или же все плоды, представленные в виде перечня на многочисленных натюрмортах) и облекает их в форму, но не ту, которой ждут. По-своему, по-барочному, он дает нам понять, что изощренное мастерство позволяет перейти от перечня к форме. Форма при этом получается несуразная, бесформенная, главное в ней — монтаж разных элементов, которые отлично смотрелись бы на блюде посреди накрытого стола, но которым совсем не место на человеческом лице, однако такова поэтика барокко («Призвание поэта — удивить», — говорил Джованбаттиста Марино). И не разделяя эти эпохи четыре столетия, мы бы даже обнаружили здесь родственную связь с поэтикой протосюрреализма: вспомним у Лотреамона: «как случайная встреча швейной машинки и зонтика на патологоанатомическом столе».

...L. ... B. ... C. ... D. ... E. ... F. ... G. ... H. ... I. ... K. ... L. ... M. ... N. ... O. ... P. ... Q. ... R. ... S. ... T. ... U. ... V. ... W. ... X. ... Y. ... Z. ...

S. A. R. C. ... A. ... E. ... C. ...

Questi si rice e sulla destra. C. ...
Nelle quali e sopra d'Adria. a. P. ...
E d'ora sul più magnifico appena. ...

...L. ... B. ... C. ... D. ... E. ... F. ... G. ... H. ... I. ... K. ... L. ... M. ... N. ... O. ... P. ... Q. ... R. ... S. ... T. ... U. ... V. ... W. ... X. ... Y. ... Z. ...

9. Перечни в свете риторики

Риторика с древних времен занимается ритмически упорядоченными и ритмично воспроизводимыми списками, цель которых — не столько отсылать к неисчерпаемому множеству, сколько в избытке наделять предметы разнообразными свойствами, нередко из чистой любви к последовательному описанию.

С точки зрения риторики, разновидности списков — это разновидности некоей фигуры речи, называемой *аккумуляция* (то есть последовательность или сближение слов, так или иначе относящихся к единой концептуальной сфере).

Одним из видов аккумуляции является *энумерация*, распространенная в средневековой литературе. Энумерация употребляется, в частности, когда между элементами списка нет видимой связи, например — когда перечисляются свойства Бога, которые по определению выразимы только через несхожие подобия (об этом у Псевдо-Дионисия Ареопагита). Так, Эннодий (V век) говорит, что Христос — это «родник, путь, десница, камень, лев, светоносец, агнец — врата, надежда, добродетель, слово, мудрость, пророк — жертва, побег, пастырь, гора, сеть, голубь — пламя, гигант, орел, жених, терпение, червь...» По словам Ноткера Заики (XI век), Бог — это «агнец, овца, телец, змей, овен, лев, червь — уста, слово, сияние, солнце, слава, свет, образ — хлеб, цветок, лоза, гора, врата, камень и скала», а позже Пьер де Корбей определяет Троицу как «божество, вечное единство — величие, свобода, или высшее милосердие — солнце, пламя, воля, вершина, тропа — утес, гора, камень, родник, поток, мост и жизнь, — спаситель, создатель, любовник, искупитель, мудрец, вечный свет... вершина, пропасть, царь царей, закон законов, мститель, ангельский свет... герой, роскошный цветок, живая роса...»

Здесь, как и в случае литаний Пресвятой Деве Марии, речь идет о *панегирических*, или *энкомиастических*, списках. Примеры

связных перечислений есть и в монологе Ипполита из *Федры* Расина («Забыты скакуны, забыта колесница...», пер. М. Донского), и в предсказании Кальвино из рассказа *Луна как гриб* (*Память мира*): «Он продолжал рассказывать о том, как на образовавшихся землях будет развиваться жизнь, как вырастут на каменных фундаментах города, об улицах, по которым будут ходить верблюды и лошади, собаки и кошки, о караванах, о золотых и серебряных приисках, сандаловых рощах и тростниковых зарослях, о слонах, пирамидах, башнях и часах, о громоотводах, трамваях, кранах, лифтах, о гирляндах и флагах в дни народных гуляний, о разноцветных светящихся надписях на фасадах театров и кино, чьи отблески заиграют в жемчужинах ожерелий в особо торжественные вечера».

Одна из разновидностей аккумуляции — это *congerie* (скопление, нагромождение), то есть последовательность слов или фраз, обозначающих одно и то же, воспроизводящих одну и ту же мысль под разными углами зрения. Эта фигура отвечает принципу *ораторской амплификации*, примерами которой могут служить *метабола* (перестановка), *commoratio* (замедление) и даже парафраз. Возьмем, например, Первую речь Цицерона против Катилины: «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды? Неужели тебя не встревожили ни ночные караулы на Палатине, ни стража, обходящая город, ни страх, охвативший народ, ни присутствие всех честных людей, ни выбор этого столь надежно защищенного места для заседания сената, ни лица и взоры всех присутствующих? Неужели ты не понимаешь, что твои намерения открыты?» (пер. В. Горенштейна). И так далее.

Немного отличаются такие фигуры, как *нарастание*, или *климакс*, или *градация*: находясь в пределах одного смыслового поля, каждая следующая часть высказывания является более содержательной или более выразительной, чем предыдущая (обратный процесс называется *ретардация*, или *антиклимакс*). Пример можно найти в той же речи против Катилины: «Ты ничего не можешь ни сделать, ни затеять, ни задумать без того, чтобы я об этом не услышал, более того — этого не увидел и ясно не ощутил».

Классическая риторика различает также перечисления анафорические и бессоюзные или многосоюзные.

Анафорой называется повторение одного и того же слова в начале каждого высказывания или, в случае поэзии, в начале каждого стиха. Не всегда при этом выстраивается список (у Якопоне да Тодди, например, просто повторяется обращение: «Сыне, о сыне, сыне, / Сын, благовонный крине, / Сыне, утешь мя ныне / И утоли печали! / Сыне, чей взор превесел / Сыне, уши отверзи! / Сыне, склонись на перси / Те, что тебя воспитали», пер. Е. Костюкович). Но иногда анафора становится организующим началом перечня, как в стихотворениях *Свобода Поля Элюара* и *Возможности Виславы Шимборской*.

Бессоюзие (асиндетон) — это типичная разновидность перечня без союзов между членами предложения; классический пример — начало поэмы Ариосто *Неистовый Роланд*: «Дам, рыцарей, оружие, любви, любезности, отвагу воспою» (пер. Е. Костюкович). Противоположный механизм построения перечня — *многосоюзие (полисиндетон)*, и в *Потерянном Рае* Мильтона мы можем наблюдать, как первый стих начинается с бессоюзия и переходит в многосоюзие, продолжающееся и в следующем стихе: «...пробивался головой, / Руками, крыльями, ногами; он / Летел, и плыл, и ныривал, и полз» (изм. пер. А. Штейнберга). Однако в традиционной риторике нет ни одного интересного определения того, что, на наш взгляд позволяет списку упоительно вовлекать всех и каждого в свой круговорот, особенно если речь идет о достаточно длинном перечне различных вещей (пусть даже ставших однородными благодаря единому дискурсивному пространству, например, теме выпивки или денег), как в *Carmina Burana*, или, спустя несколько веков, в следующем кратком отрывке из романа Кальвино *Несуществующий рыцарь* («Можно нам посочувствовать: ведь все мы девушки хотя и дворянского звания, но из деревни, жившие всегда уединенно, сначала в затерянных замках, потом в монастырях. Кроме наших обрядов, трехдневных и девятидневных молитв, полевых работ, молотбы, сбора винограда, порки слуг, подлогов, поджогов, повешений, солдатских набегов и грабежей, насилий да чумных поветрий, мы ничего и не видали», пер. С. Ошерова) или в классических перечислениях **Мильтона, Вийона, Ли Мастерса, Элюара** или **Монтале**.

На с. 138–139:

Мартин Мейтенс II (школа)
*Прибытие Изабеллы Пармской
 на бракосочетание с Иосифом II*, 1760
 Вена, дворец Шенбрунн

Лука Синьорелли
Грешники (фрагмент), 1499–1504
 Орвьето, собор, капелла Сан Брицио

CARMINA BURANA (XIII в.)
КАБАЦКАЯ ПЕСНЯ

Пьет хозяин, пьет хозяйка,
пьет и братия, и шайка,
пьет и овый, пьет и оный,
пьет невежда, пьет ученый,

пьет монах и рыцарь тоже,
пьет епископ и вельможа,
пьет и трезвый, и пьянчужка,
пьет и барин, пьет и служка,

пьют и домосед и странник,
и неведомый изгнанник,
пьет и старый, пьет и малый,
пьет и шалый, пьет и вялый,

пьет и бабка, пьет и дедка,
и мамаша, и соседка,
пьет богатый, пьет и нищий,
хлещут сотни, хлещут тысячи.

Сто кругов обходят чаши
и не сохнут глотки наши,
коли пьем, не зная счету,
позабывши всю заботу.

Век без хлеба, век без шубы,
злым людям мы не любы,
но отступит злоба черная,
нашей правдой помрачённая.

(Пер. М. Гаспарова)

CARMINA MORALIA (XIII в.)
ОБЛИЧЕНИЕ ДЕНЕГ

Ныне повсюду на свете
великая милость монете.
Ныне деньгою велики
цари и мирские владыки.
Ради возлюбленных денег
впадет во грехи и священник,
и во Вселенском Соборе
у каждого — деньги во взоре.

Деньги то бросят нас в войны,
то жить нам позволят спокойно.
Суд решает за плату
все то, чего хочет богатый.
Все продают, покупают,
берут и опять отнимают.
Деньги терзают нас ложью,
вещают и истину Божью.

Деньги — святыня имущих
и обетование ждущих.
Деньги женскую верность
легко превратят в лицемерность.
Деньги из знатных и важных
соделают тварей продажных.
Денег желая, правитель
становится суший грабитель.
И из-за денег в народе
воров — как звезд в небосводе.

Деньги для каждого милы,
не в страх им враждебные силы.
Денег звонкое слово
для бедных людей злее злого.
Деньги — ведомо это —
глупца превращают в поэта.
С теми, кто деньги имеет,
и пир никогда не скудеет.
Деньги спасут от недуга,
купят подругу и друга.

Деньги с легким сердцем
съедают миногу под перцем.
Деньги сосут из кувшина
французские сладкие вина.
Деньги чванятся звоном,
что все перед ними — с поклоном.
Деньги пируют со знатью

и носят богатые платья.
Деньги могучи премного,
их все почитают, как Бога.

Деньги больных исцеляют,
здоровым сил прибавляют,
пошное сделают милым,
любезное сердцу — постылым.
Станет хромой ходячим,
воротится зренье к незрячим.
Долго можно их славить,
одно лишь хочу я прибавить:

Видел я, видел намедни,
как деньги служили обедню:
деньги псалом запевали,
и деньги ответ подавали,
проповеди говорили

Питер Брейгель Младший
Ярмарка с театральным представлением (фрагмент), 1562
Санкт-Петербург, Эрмитаж

и слезы прегорькие лили,
а под слезами смеялись,
затем что с доходом остались.

Деньги повсюду в почете,
без денег любви не найдете.
Будь ты гнуснейшего нрава —
с деньгами тебе честь и слава.
Нынче всякому ясно:
лишь деньги царят самовластно!
Трон их — кубышка скупого,
и нет ничего им святого.

Пляска кругом хоровая,
а в ней вся тщета мировая,
и от толпы этой шумной
бежит лишь истинно умный.

(Пер. М. Гаспарова)

Джон Мильтон

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ, I, 476–634
(1676)

Еще потомство Евы бунтарям
Иные прозвища не нарекло,
Когда их допустил на Землю Бог,
Дабы людскую слабость испытать.
Им хитростью и ложью удалось
Растлить едва ль не весь Адамов род
И склонить к забвению Творца
И воплощенью облика его
Невидимого — в образы скотов,
Украшенных и чтимых в дни торжеств
Разнузданных и пышных; Духам Зла
Учили поклоняться, как богам.
Под именами идолов они
Языческих известны с тех времён.
Поведай, Муза, эти имена:
Кто первым, кто последним, пробудясь,
Восстал из топи на призывный клич?
Как, сообразно рангам, шли к Вождю,
Пока войска держались вдалеке?
Главнейшими божками были те,
Кто, ускользнув из Ада, в оны дни,
Ища себе добычи на Земле,
Свои дерзали ставить алтари
И капища близ Божьих алтарей
И храмов; побуждали племена
Молиться демонам и, обнаглев,
Оспаривали власть Иеговы,
Средь Херувимов, с высоты Сиона,
Громами правящего! Их кумиры —
О, мерзость! — проникали в самый Храм,
Кошунственно желая поругать
Священные обряды, адский мрак
Противоставив свету Мировдержца!
Молох шёл первым — страшный, весь в крови
Невинных жертв. Родители напрасно
Рыдали; гулом бубнов, рёвом труб
Был заглушён предсмертный вопль детей,
Влекомых на его алтарь, в огонь.
Молоха чтит народ Аммонитян,
В долине влажной Раввы и в Аргебе,
В Васане и на дальних берегах
Арнона; проскользнув к святым местам,

Питер Пауль Рубенс
Падение восставших ангелов, ок. 1620
Мюнхен, Старая пинакотeka

Он сердце Соломона смог растлить,
И царь прельщённый капище ему
Напротив Храма Божьего воздвиг.
С тех пор позорной стала та гора;
Долина же Еннома, осквернясь
Дубравой, посвящённю Молоху,
Тофет — с тех пор зовётся и ещё —
Геенной чёрною, примером Ада.
Вторым шёл Хамос — ужас и позор
Сынов Моава. Он царил в земле
Ново и Ароера, средь степей
Спалённых Аворнма; Езевон,
Оронаим, Сигонova страна,
И Сивма — виноградный дол цветущий,
И Елеал, весь неохватный край
До берега Моря Мёртвого, пред ним
Склонялся. Он, под именем Фегора,
В Ситтима соблазнил израильтян,
Покинувших Египет, впасть в разврат,
Что принесло им беды без числа.
Он оргии свои до той горы
Простёр срамной и рощи, где кумир
Господствовал Молоха — людобойцы,
Пока благочестивый не пресёк
Иосия грехи и прямо в Ад
Низверг из капищ мерзостных божков.
За ними духи шли, которым два
Прозванья были общие даны;
От берегов Евфрата до реки
Меж Сирией и Царством пирамид —
Ваалами, Астартами звались
Одни — себе присвоив род мужской,
Другие — женский. Духи всякий пол
Принять способны или оба вместе —
Так вещество их чисто и легко,
Ни оболочкой не отячено,
Ни плотью, ни громоздким костяком.
Но, проявляясь в обликах любых,
Прозрачных, плотных, светлых или тёмных,
Затеи могут воплощать свои
Воздушные — то в похоть погружаясь,
То в ярость впад. Израиля сыны
Не раз, Жизнеподателя презрев,
Забвению предав Его законный
Алтарь, пред изваяньями скотов
Униженно склонялись, и за то
Их были головы обречены
Склоняться столь же низко пред копьём
Врагов презренных. Следом Аштарет,
Увенчанная лунным рогом, шла,
Астарта и Владычица небес

У Финикиян. В месячных ночах,
 Пред статуей богини, выпевал
 Молитвословья хор Сидонских дев.
 И те же гимны в честь её Сион
 Пятнали. На горе Обиды храм
 Поставил ей женолюбивый царь.
 Он сердцем был велик, но ради ласк
 Язычниц обольстительных почтил
 Кумиры мерзкие. Богине вслед
 Шагал Таммуз, увечьем на Ливане
 Сириянок сзывавший молодых,
 Что ежегодно, летом, целый день
 Его оплакивали и, следя,
 Как в море алую струю влечёт
 Адонис, верили, что снова кровь
 Из ран божка окрасила поток.
 Пленялись этой притчей любово-страстной
 Сиона дщери. Иезекииль
 Их похоть созерцал, когда у врат
 Святых ему в видении предстал
 Отпавшего Иуды гнусный грех
 Служенья идолам. Шёл Дух вослед,
 Взаправду плакавший, когда Кивотом
 Завета полоненным был разбит
 Его звероподобный истукан.
 Безрукий, безголовый, он лежал
 Средь капища, своих же посрамив
 Поклонников; Дагоном звался он —
 Морское чудо, получеловек
 И полурыба. пышный храм его
 Сиял в Азоте. Палестина вся,
 Геф, Аскалон и Аккарон и Газа,
 Пред ним дрожали. Шёл за ним Риммой;
 Дамаск очаровательный служил
 Ему жильём, равно как берега
 Аваны и Фарфара — тучных рек.
 Он тоже оскорблял Господень Дом:
 Утратив прокажённого слугу,
 Он повелителя обрёл: царя
 Ахаза, отупевшего от пьянства,
 Принудил Божий разорить алтарь
 И на сирийский лад соорудить
 Святилище для сожиганья жертв
 Божкам, которых он же победил.
 Шли дало демоны густой толпой:

Озирис, Гор, Изиды — во главе
 Обширной свиты; некогда они
 Египет суеверный волшебством
 Чудовищным и чарами прельстили,
 И заблуждающиеся жрецы,
 Лишив людского образа своих
 Богов бродячих, в облики зверей
 Их воплотили. Этой злой чумы
 Израиль на Хоривене избег,
 Из золота заёмного отлив
 Тельца; крамольный царь свершил вдвойне
 Злодейство это — в Дано и Вефиле,
 Где уподобил тучному быку
 Создателя, что в ночь одну прошёл
 Египет, и одним ударом всех
 Младенцев первородных истребил
 И всех низринул блеющих богов.
 Последним появился Велиал,
 Распутнейший из Духов; он себя
 Пороку предал, возлюбив порок.
 Не ставились кумирни в честь его
 И не курились алтари, но кто
 Во храмы чаще проникал, творя
 Нечестие, и развращал самих
 Священников, предавшихся греху
 Безбожия, как сыновья Илия,
 Чинившие охальство и разгуд
 В Господнем Доме? Он царит везде, —
 В судах, дворцах и пышных городах, —
 Где оглушающий, бесстыдный шум
 Насилия, неправды и гульбы
 Встаёт превыше башен высочайших,
 Где в сумраке по улицам снуют
 Гурьбою Велиаловы сыны,
 Хмельные, наглые; таких видал
 Содом, а позже — Гива, где в ту ночь
 Был вынужден гостеприимный кров
 На поруганье им жену предать,
 Чтоб отвратить наисквернейший блуд.
 Вот — главные по власти и чинам.
 Пришлось бы долго называть иных
 Прославленных.

(Пер. А. Шейнберга)

Даниеле да Вольтера
 Моисей на горе Синай, 1545–1555
 Дрезден, Картинная галерея

Франсуа Вийон

БАЛЛАДА О ДАМАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН
(1489)

Скажи, в каких краях они,
Таис, Алкида — утешенье
Мужей, блиставших в оны дни?
Где Флора, Рима украшение?
Где Эхо, чье звучало пенье,
Тревожа дремлющий затон,
Чья красота — как наважденье?..
Но где снега былых времен?
Где Элоиза, объясни,
Та, за кого приял мученья
Пьер Абеляр из Сен-Дени,
Познавший горечь оскотенья?
Где королева, чьим веленьем
Злосчастный Буридан казнен,
Зашит в мешок, утоплен в Сене?..
Но где снега былых времен?
Где Бланка, белизной сродни
Лилее, голосом — сирене?
Алиса, Берта, — где они?
Где Арамбур, чей двор в Майенне?
Где Жанна, дева из Лоррэни,
Чей славный путь был завершен
Костром в Руане? Где их тени?..
Но где снега былых времен?
Принц, красота живет мгновенье.
Увы, таков судьбы закон!
Звучит рефреном сожаленье:
Но где снега былых времен?..

(Пер. Ф. Мендельсона)

Эудженио Монтале

KEEPSAKE
(1939)

Фанфан вернулся, неся победу; Молли
идёт с торгов: рефлекс жарит к обеду.
Сюркуф семимильным шагом сигает
по парাপету,
Гаспар считает денежки в своей конуре.
Снег как гром среди ясного неба
возник, и в гнездо вернулась Цикада.
И Фатиница казнится во глубине
души, и от Тонио остается крик.
Лжеиспанцы играют Пиратов в замке;
но будильник в кармане
звенит пугая.
И снова услан Маркиз Сверчок
на двор. И снова пришёл в печали
Дзеффирино бедняга. И встал Аптекарь,
и громобои стреляют в пол.
Уходят из обители Мушкетёры,
Ван Шлиш скачет верхом, опалалом
машет Такимини, заряжена Кукла.
(И снова домой приходит Имари).
Лариводьер притягателен, а Питу
лежат поперек. А Пятница бредит
о зеленых островах, с танцами
завязав.

(Пер. Е. Кассировой)

Эдгар Ли Мастерс

ХОЛМ

(1916)

Где Элмер, и Гермаи, и Берт, и Том, и Чарли,
 Слабак, силач, посмешище, пьяница,
 труженик?

Все, все спят на холме.
 Первый умер от лихорадки,
 Второй подорвался на шахте,
 Третий убит в пьяной драке,
 Четвертый загнулся в тюрьме,
 Пятый свалился с лесов, добывая детишкам
 на хлеб —

Все, все спят, спят, спят на холме.
 Где Элла, Кейт, и Мэг, и Лиззи, и Эдит,
 Ласковая, простодушная, буйная, заносчивая,
 счастливая?

Все, все спят на холме.
 Одна умерла от подпольных родов,
 Вторая от безысходной любви,
 Третья от рук негодяя в борделе,
 Четвертая от гордыни, убитая тщетностью грез,
 Пятая пожила в далеком Париже и Лондоне,
 А похоронена здесь Эллой, и Кейт, и Мэг —
 Все, все спят, спят, спят на холме.

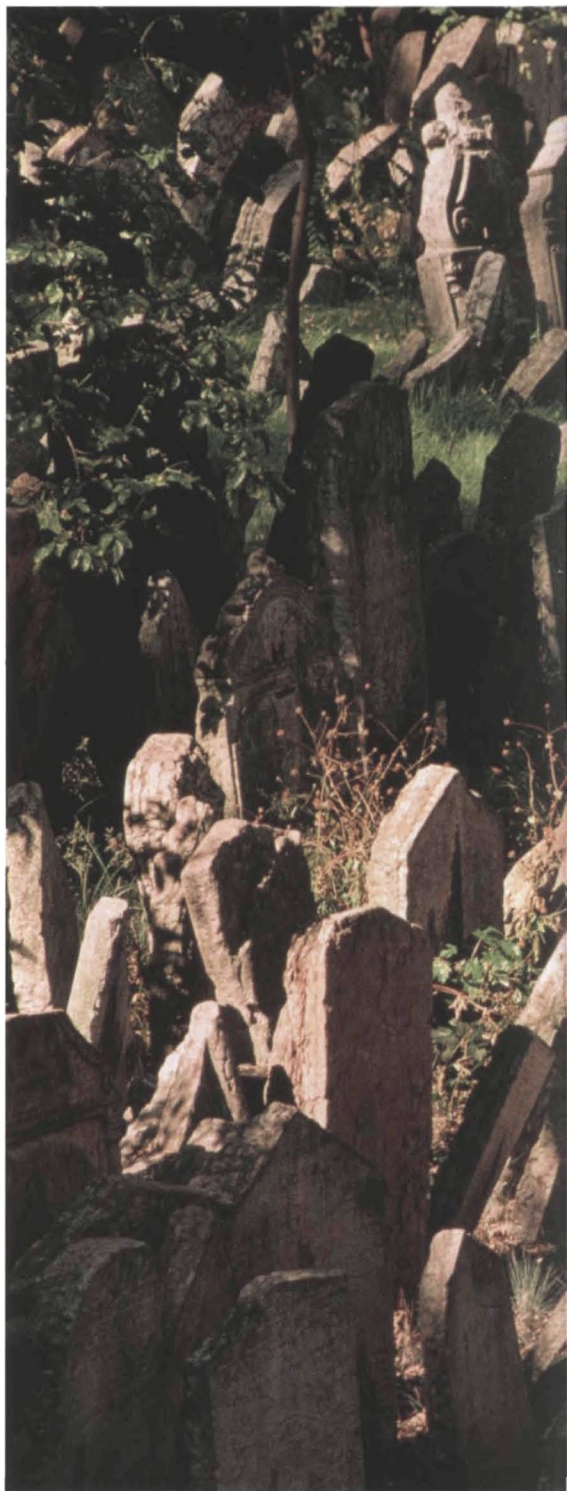
Где дядя Айзек, и тетя Эмили,
 И городской шут Кинкейд, и Севинье Хотон,
 И майор Уокер, еще заставший
 Именитых участников революции?

Все, все спят на холме.
 Им привозили сыновей, погибших в бою,
 И дочерей, сокрушенных жизнью,
 И плачущих внуков-сирот —
 Все, все спят, спят, спят на холме.

Где старый скрипач Джонс —
 Он проиграл с жизнью все девяносто лет,
 Под мокрый снег подставлял грудь нараспашку,
 Пил, буянил, не думал ни о жене, ни о ближних,
 Ни о золоте, ни о любви, ни о небе. О!
 Он бормочет о стародавних гулянках,
 О стародавних скачках в Клерис-Гроув,
 О том, что Эйб Линкольн когда-то
 Сказал в Спрингфилде.

(Пер. А. Сергеева)

Староеврейское кладбище в Праге

Поль Элюар**СВОБОДА**

(1945)

На школьных своих тетрадках
 На парте и на деревьях
 На песке на снегу
 Имя твоё пишу

На всех страницах прочтенных
 На нетронутых чистых страницах
 Камень кровь ли бумага пепел
 Имя твоё пишу

На золотистых виденьях
 На рыцарских латах
 На королевских коронах
 Имя твоё пишу

На джунглях и на пустынях
 На гнездах на дроке
 На отзвуках детства
 Имя твоё пишу

На чудесах ночей
 На будничном хлебе дней
 На помолвках зимы и лета
 Имя твоё пишу

На лоскутках лазури
 На тинистом солнце пруда
 На зыбкой озерной луне
 Имя твоё пишу

На полях и на горизонте
 И на птичьих распахнутых
 крыльях

И на мельничных крыльях
 теней
 Имя твоё пишу

На каждом вздохе рассвета
 На море на кораблях
 На сумасшедшей горе
 Имя твоё пишу

На белой кипени туч
 На потном лице грозы
 На плотном унылом дожде
 Имя твоё пишу

На мерцающих силуэтах
 На колокольчиках красок
 На осязаемой правде
 Имя твоё пишу

На проснувшихся тропах
 На раскрученных лентах дорог
 На паводках площадей
 Имя твоё пишу

На каждой лампе горячей
 На каждой погасшей лампе
 На всех домах где я жил
 Имя твоё пишу

На разрезанном надвое яблоке
 Зеркала и моей спальни
 На пустой ракушке кровати
 Имя твоё пишу

На собаке лакомке ласковой
 На ее торчащих ушах
 На ее неуклюжей лапе
 Имя твоё пишу

На пороге нашего дома
 На привычном обличье вещей
 На священной волне огня
 Имя твоё пишу

На каждом созвучном теле
 На открытом лице друзей
 На каждом рукопожатье
 Имя твоё пишу

На стеклышке удивленья
 На чутком вниманье губ
 Парящих над тишиной
 Имя твоё пишу

На руинах своих убежищ
 На рухнувших маяках
 На стенах печали своей
 Имя твоё пишу

На безнадежной разлуке
 На одиночестве голом
 На ступенях лестницы смерти
 Имя твоё пишу

На обретенном здоровье
 На опасности преодоленной
 На безоглядной надежде
 Имя твоё пишу

И властью единого слова
 Я заново жить начинаю
 Я рожден чтобы встретить тебя
 Чтобы имя твоё назвать

Свобода.

(Пер. М. Ваксмахера)

Вислава Шимборска
ВОЗМОЖНОСТИ
(1997)

Предпочитаю кино.
Предпочитаю котов.
Предпочитаю дубы над Вартой.
Предпочитаю Диккенса Достоевскому.
Предпочитаю себя, любящую людей,
себе, любящей человечество.
Предпочитаю держать наготове иголку с ниткой.
Предпочитаю зеленый цвет.
Предпочитаю не утверждать,
что разум виноват во всем.
Предпочитаю исключения.
Предпочитаю выходить заранее.
Предпочитаю говорить с врачами о чем-нибудь
другом.
Предпочитаю старые черно-белые иллюстрации.
Предпочитаю смехотворность писания стихов
смехотворности их неписания.
Предпочитаю в любви некруглые годовщины,
для празднования каждый день.
Предпочитаю моралистов,
которые не обещают мне ничего.
Предпочитаю добро извортливое слишком
легковверному.

Предпочитаю землю в штатском.
Предпочитаю страны побежденные
победившим.

Предпочитаю иметь возражения.
Предпочитаю ад хаоса аду порядка.

Предпочитаю сказки Гримм первым страницам
газет.

Предпочитаю листья без цветов цветам
без листьев.

Предпочитаю собак с необрубленным хвостом.

Предпочитаю глаза светлые, так как у меня
темные.

Предпочитаю выдвижные ящики.

Предпочитаю много вещей, которых здесь не
перечисляю,
многим также тут не перечисленным.

Предпочитаю нули порознь
поставленным поочередно за цифрой.

Предпочитаю время насекомых звездному.

Предпочитаю постучать по дереву.

Предпочитаю не спрашивать, как долго еще
и когда.

Предпочитаю принимать во внимание даже ту
возможность,
что быт по-своему прав.

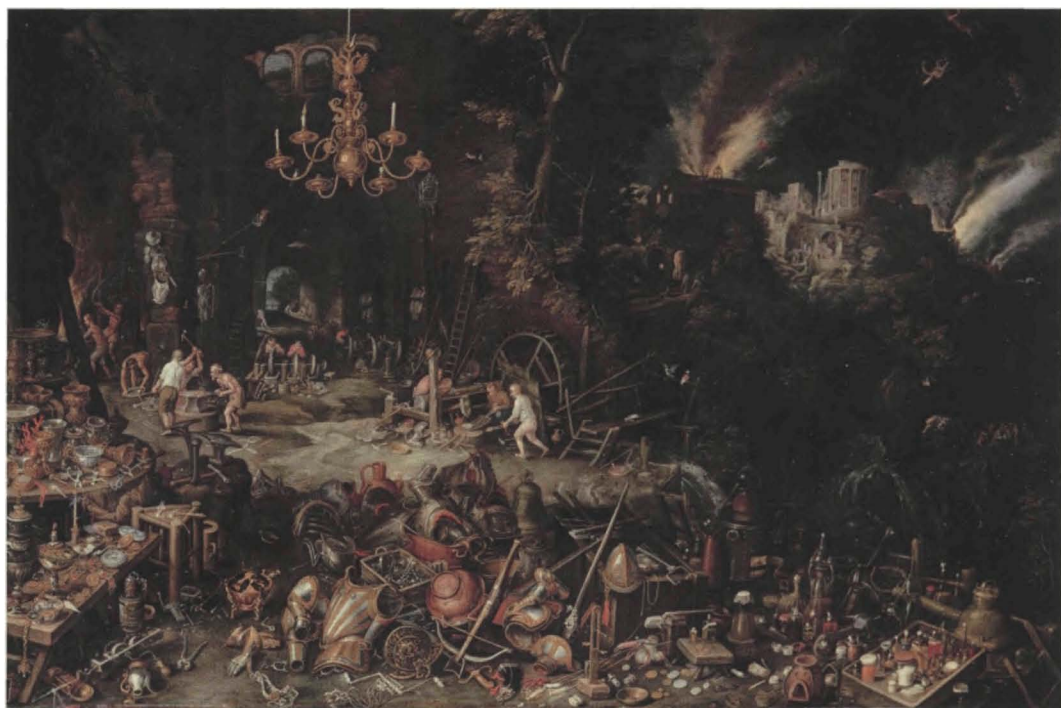
(Пер. О. Чепельской)

10. СПИСКИ ДИКОВИН

В *Естественной истории* Плиния (прообразе всех античных и средневековых энциклопедий) собрано около 20 000 фактов и приведено 500 источников. На первый взгляд, перед нами самое настоящее нагромождение, расположенное, естественно, не по алфавиту и, по всей видимости, не отвечающее никакому системному замыслу — то есть, просто перечень, если таковые вообще были. Однако же, если приглядеться повнимательнее к оглавлению, выяснится, что на самом деле автор начинает с небес, потом занимается географией, демографией и этнологией, потом — антропологией и физиологией человека, зоологией, ботаникой, сельским хозяйством, садоводством и природными лечебными средствами, медициной и магией, а затем переходит на минералогию, архитектуру и пластические искусства — и тем самым выстраивает своего рода иерархию от исходного к производному, от естественного к рукотворному.

В средневековых энциклопедиях рубрикация также была весьма расплывчатой, так что эти энциклопедии больше всего похожи на перечисления разрозненных сведений. **Исидор Севильский** в своих *Этимологиях* рассматривает семь свободных искусств (грамматику, риторику, диалектику, музыку, арифметику, геометрию, астрономию), затем он рассматривает медицину, законы, церковные книги и службы, языки, народы и воинства, вокабулы, человека, животных, мир, строения, камни и металлы, сельское хозяйство, войны, игры, театр, корабли, одежды, дом и домашнее хозяйство — и возникает вопрос, какой же порядок лежит в основе этого перечня, если, например, часть, посвященная животным, делится на Зверей, Мелких животных, Змей, Червей, Рыб, Птиц и Мелких крылатых животных и при этом крокодил попадает в раздел Рыб. Но ведь во времена Исидора начальное

На с. 152:

Борзая
Из *Книги о свойствах вещей*
Бартеlemi Англичанина. Ман. 993,
л. 254 лиц., ок. 1416
Реймс, Муниципальная библиотека

На с. 153:

Якобс Саверей II
Животные перед Ноевым ковчегом,
XVII в.
Частное собрание

Ян Брейгель Старший (школа)
Пожар, 1607–1608
Париж, Лувр

образование делилось на Тривиум и Квадривиум, и он, соответственно, посвящает первые книги этим предметам, добавляя сюда и медицину. Последующие главы, посвященные законам и богослужению, включены потому, что среди читателей были ученые, юристы и монахи. Сразу же после возникает иной порядок: начиная с VII книги автор заводит речь о Боге, ангелах и святых, потом переходит к людям, потом — к животным, а с XIII книги и далее рассматривает мир и его части, ветры, водоемы, горы. И наконец, в XV книге дело доходит до вещей неодушевленных, рукотворных, то есть до различных искусств. Даже синкретически совмещая два критерия, Исидор не громоздит сведения как попало и во второй части следует нисходящему принципу перечисления, от Бога до домашней утвари.

Итак, эти энциклопедии предполагали некоторую форму (или стремились к ней) еще и потому, что их организация имела *мнемоническую функцию*: определенный порядок вещей облегчал их запоминание и помогал усвоить их место в общей картине мира. Однако это срабатывало (если срабатывало) только с читателями-специалистами. Остальных же во всем этом, вероятно, завораживал (как завораживает и нас) перечень *диковин*, наподобие тех, что встречаются в многочисленных эллинистических сборниках, например в приписываемом **Аристотелю** трактате *De Mirabilibus* (*Рассказы о диковинах*), из 178 диковин которого в нашей антологии приведены лишь 14.

Завораживают перечни диковин и чудовищ у Исидора Севильского в *Liber monstorum diversi generibus* (*Книга о различных родах чудовищ*) и в книге *Странствия* Мандевилля. Завораживают перечни камней у **Марбоды Реннского** или в трактате *Otia Imperialia* (*Императорские досуги*) Гервасия Тильберийского, где среди прочего описываются: магнит, агридгентская соль, асбест, египетский инжир, пентаполийские плоды, камень, подвластный лунному циклу, непортящееся мясо из Неаполя, купание в Поццуоли, вывернутый боб, врата ада, эдесский Нерукотворный Лик, бой скарабеев, горячие пески, окна, в которые выглядывают дамы, никогда не закипающая вода, шелк, дельфины, сирены, лиса, конеглавы, бородатые женщины, феникс, восьминогие люди, ночные привидения, воронье яйцо в аистовом гнезде, птицы, рождающиеся от деревьев...

Перечень диковин обретает чисто поэтическую функцию у современных авторов, которые, воспроизводя традицию древних, сознают, что их списки не отсылают ни к чему реально существующему, а являют собой чистые каталоги воображаемого,

доставляющие удовольствие просто как *flatus vocis* (сотрясение воздуха).

Так, у Борхеса в *Книге о вымышленных существах* фигурируют: пигмеи, дракон, Абту и Анет, слон, предсказавший рождение Будды, эльфы, силфы, Баньши, Аока, бог громов, гномы, Лилит, китайская лисица, Юварки, чеширский кот и коты Килкенни, нимфы, двойник, Фатистокалон, ангелы и демоны Сведенборга, Ламедвовники, джинны, брауни, валькирии, норны, демоны иудаизма, Ачиган, элои и морлоки, тролли, феи, ламии, лемуры, Куйяту, сатиры, небесный петух, птица дождя и так далее.

Псевдо-Аристотель (IV в. до н. э.)

РАССКАЗЫ О ДИКОВИНАХ

Рассказывают, что в Египте птицы трохилы (корольки) залетают в пасть крокодила и чистят его зубы, выклеывая застрявшие кусочки мяса; крокодилу это доставляет удовольствие, и он не причиняет птицам никакого вреда.

В Византии, говорят, обитают ежи, предчувствующие перемену северных ветров на южные и быстро меняющие устройство своих нор: перед тем как задует Нот, они роют выход из норы снизу, а когда Борей — сбоку.

В Кефалленни козы пьют не так, как это обычно делают другие четвероногие: в полдень, поворотивши морды в сторону моря и раскрыв пасти, они утоляют жажду дыханием моря.

Рассказывают, что в Сирии в каждом стаде диких ослов всегда есть вожак и, когда кто-либо из молодняка покроеет самку, вожак так раздражается, что теснит (неосторожного) до тех пор, пока у противника не подогнутся задние конечности; тогда он отгрызает его детородные органы.

Говорят, что черепахи, съевши змею, тотчас заедают ее травой ориганом, а если сразу ее не отыщут, вскоре погибают. Некоторые пастухи, желая проверить, так ли это на самом деле, увидев, что черепаха съела змею, обрывали эту траву: спустя некоторое время всякий раз находили черепаху мертвой.

Половой орган ласки, как говорят, не похож на орган других животных во всегда тверд, словно кость. Есть мнение, что это прекрасное средство от удушья, если принимать его в виде порошка.

Передают, что дятлы карабкаются по деревьям, как ящерицы, брюхом вверх и брюхом вниз. Считают, что они питаются насекомыми, в поисках которых так сильно выдалбливают деревья, что деревья валятся.

Пеликаны, рассказывают, питаются устрицами, живущими в водоемах; раздробив их (клювом) и набив ими глотку, они заглатывают их вместе с раковинами, не выплевывая оболочки.

Передают, что в Киллене, в Аркадии, черные дрозды рождаются белыми, что очень редко встречается в других местах. Они появляются при свете луны, издавая разнообразные звуки, если же кто захочет поймать их днем, это очень трудно сделать.

Некоторые утверждают, что полученный на Мелосе и Книде цветочный мед имеет резкий запах, который, однако, вскоре исчезает, — это потому, что в нем присутствует перга (цветочная пыльца).

Халкидская трава и миндаль считаются наилучшими для выработки меда; большую часть меда получают именно из них.

(Пер. Н. Поздняковой)

Исидор Севильский (570–636)

ОТДЕЛЬНЫЕ ЧУДОВИЩА

Из книги *Этимологии*, XI, 3

Существует разница между чудовищами и уродами. Действительно, чудовища – это существа, совершенно переменявшие свой облик, подобно змее, по преданию рожденной некоей женщиной в Умбрии. Это объясняет смысл высказывания Лукана: «Дитя да устрасит собственную мать». Уродами же называют тех, кто претерпел относительно легкие изменения: это, например, новорожденные с шестью пальцами. Итак, на свете встречаются чудовища и уроды. Одни поражают громадой своего тела, превосходящей всякую человеческую меру: вспомним хотя бы Тития, рост которого в распростертом виде,

если верить Гомеру, достигал девяти югеров. Другие, напротив, отличаются чрезвычайно малыми размерами, как, скажем, карлики или те, кого греки прозвали пигмеями за их рост размером с локоть. Иные – непомерной величиной отдельных частей тела – уродливой головой, к примеру, либо наличием лишних частей, взяв хотя бы людей с двумя головами или тремя руками, а также так называемых кинодонтов, иначе говоря «собакозубых», имеющих двойной ряд зубов. Некоторые создания характеризуются недоразвитостью частей тела, когда одна часть оказывается развита менее другой: например, одна рука в сравнении с другой рукой, или же одна нога в сравнении с другой ногой. Других отличает полное отсутствие определенных частей тела: таковы, к примеру, новорожденные, появляющиеся на свет без рук, а то и вовсе без головы (греки именуют их *sterestios*). А вот *пренумерии* (*Praenumeria*) при рождении имеют лишь голову либо ногу. Иные обезображены только отчасти: таковы существа с львиной или собачьей мордой вместо лица либо головой или телом быка,

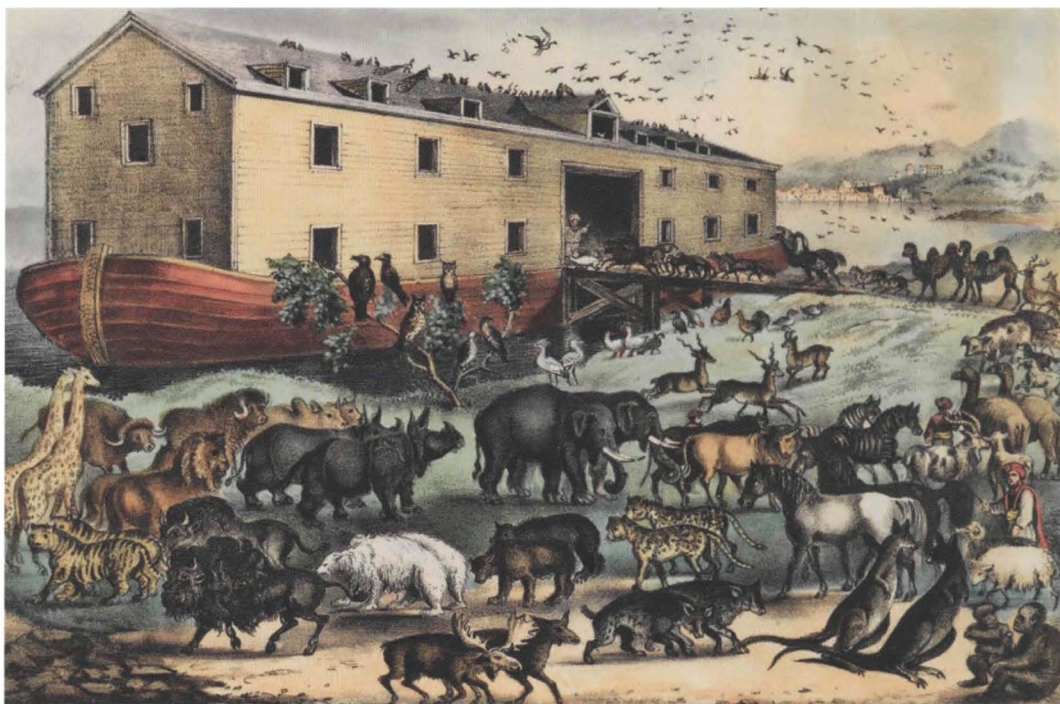
Якопо Бассано
Животные перед Ноевым ковчегом, 1570–1579
Мадрид, Прадо

как Минотавр, согласно мифу, рожденный Пасифаей. Подобные случаи греки именовали гетероморфией. Некоторые же полностью превращаются в иные существа: взять, к примеру, теленка, согласно легенде рожденного женщиной. Есть и такие, кто, в целом не претерпевая изменений, имеет неправильно расположенные части тела: скажем, глаза на груди или на лбу, уши над висками или же печень слева, а селезенку – справа, как некий человек, описанный Аристотелем. Другие обладают сросшимися членами: например, на одной из рук может быть больше пальцев, да еще сросшихся, нежели на другой; то же самое случается с пальцами ног. Иные характеризуются ранним, избыточным развитием, как, например, те, кто рождается с зубами, бородой или седыми волосами. Одни обладают целым набором уродств: таковым было полиморфное чудовище, упомянутое нами выше в связи

с Александром Великим. Другие характеризуются смешением обоих полов, как, например, так называемые андрогины и гермафродиты. Гермафродиты ведут свое название от того, что в них соединены оба пола: в самом деле, у греков Гермес обозначал мужчину, а Афродита – женщину. Имеющие мужской сосок на правой стороне совокупляются с теми, у кого женская грудь слева, что позволяет им зачинать и рожать детей. Подобно тому как среди отдельных племен порой рождаются существа чудовищного вида, так и внутри рода человеческого, если рассматривать его в качестве единого целого, встречаются племена, сплошь состоящие из чудовищ: гиганты, кинокефалы, циклопы и прочие в том же духе. Название «гиганты» выводится из греческого языка. Действительно, греки называли их *geghe-neis*, что означает «рожденные от земли», поскольку по преданию сама земля всей своей громадой произвела их на свет подобными себе: по-гречески земля именуется словом *ghe*, а рождение или род – *ghenos*. Заметим, правда, что «сынами земли» принято также

Каспар Мембергер
Животные перед Ноевым ковчегом, 1588
Вена, Музей истории искусства

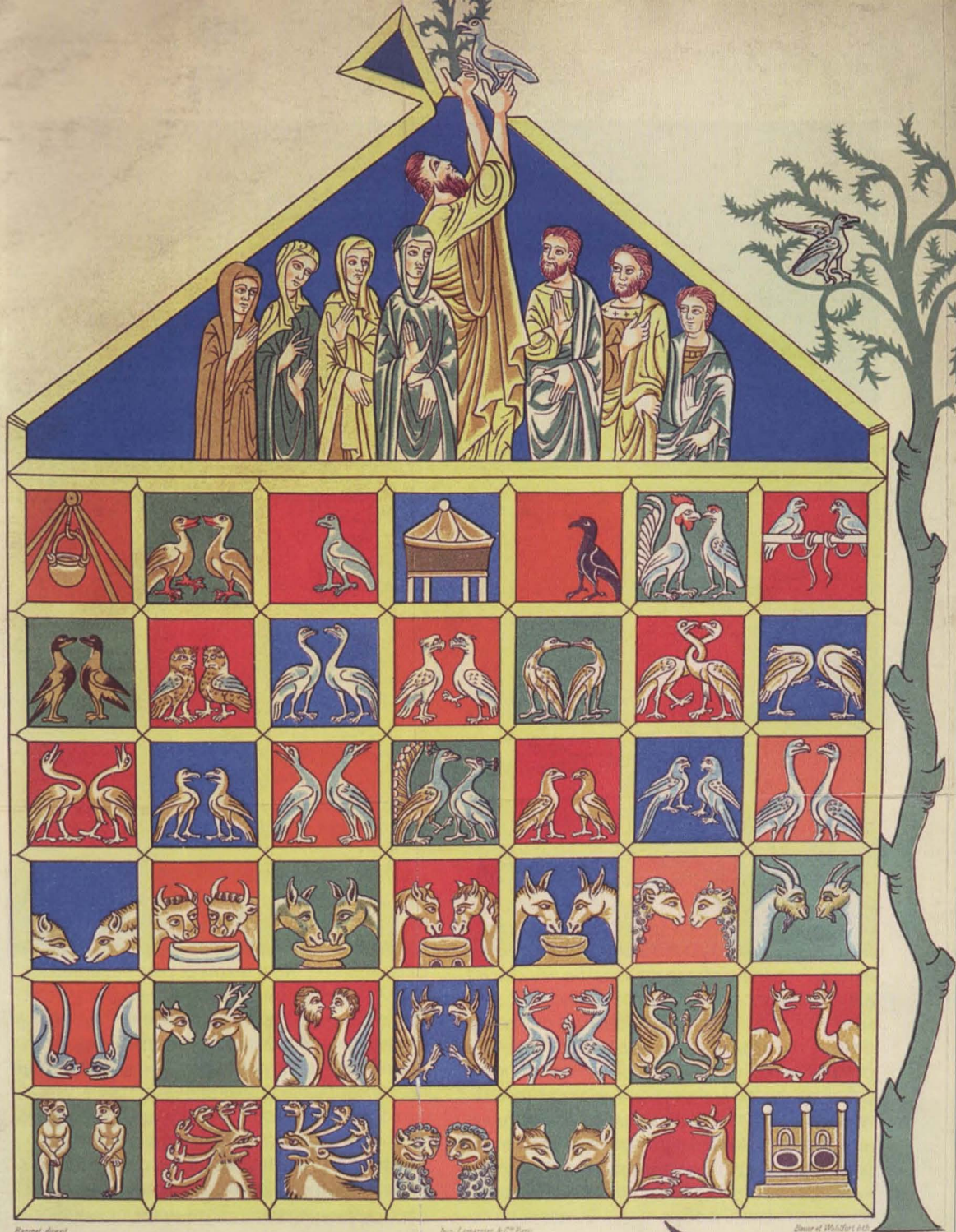

именовать создания, чье рождение окутано мраком неизвестности. Заблуждается тот, кто, будучи лишен познаний в Священном Писании, полагает, будто прежде Великого потопа падшие ангелы соединились с дочерьми человеческими, вследствие чего народились гиганты, то есть люди необычайного роста и силы, расселившиеся по всей земле. *Кинокефалы* зовутся так потому, что имеют собачью голову; к тому же, привычка лаять уподобляет их скорее животным, нежели людям: они обитают в Индии. Там же, в Индии, завелись *Циклопы*, названные так потому, что у них посередине лба имеется один-единственный глаз. [...] Некоторые полагают, что в Ливии появились *Блеммы*, существа без головы, со ртом и глазами в груди. Рассказывают, что на свете есть еще иные существа, лишенные шеи, с глазами на плечах. Пишут, что в отдаленных пределах Востока обитают люди отвратительной наружности: некоторые лишены носа, лица у них

безобразные и совершенно плоские; у других нижняя губа оттопырена настолько, что во время сна они укрывают ею все лицо, защищаясь от зноя; у некоторых же рот словно отвердел, и они могут получать пищу не иначе как через маленькое отверстие при помощи тонкой соломинки; наконец, иные лишены языка и общаются знаками и жестами. Говорят, что в стране скифов обитают *Паноции*, у которых уши столь большие, что ими можно укрыть все тело. [...] Рассказывают, что *Артабатиты* обитают в Эфиопии, и ходят они с опущенной головой, наподобие овец; никто из них больше сорока лет не живет. *Сатиры* – человекоподобные существа: нос у них крючком, на лбу рога с копной волос, ноги подобны козьим. Святой Антоний увидел одного из них в безмолвии пустыни. Спрошенный рабом Божиим, тот ответил: «Я один из смертных обитателей пустыни; язычники же, верящие всевозможным басням, почитают нас

Натаниель Карьер
Ноев ковчег, XIX в.
 Нью-Йорк, Бруклинский художественный музей

Французская школа
Ноев ковчег, копия манускрипта XII в.
 Париж, Библиотека декоративного искусства

Raschel, d'Orléans

Jug. Lemaître A.C. Paris

Donor of Whistler 1845

за фавнов и сатиров». [...] Говорят, в Эфиопии живут *Исхиаподы* с необычными ногами, что делает их на удивление быстрыми: греки потому и называли их *skiòpodes*, что когда они ложатся на землю, желая защититься от палящего солнца, то укрываются громадной тенью от собственных ног. У *Антиподов*, обитателей Ливии, стопы вывернуты назад, и у них по восемь пальцев на каждой ступне. В Скифии обитают *Гиппоподы*: облик у них человеческий, ноги же конские. Рассказывают, что в Индии обитает народ *Макробиев*, ростом в двенадцать футов. Там же, в Индии, обитают еще люди ростом всего в один локоть; греки зовут их *Пигмеями* – имя, производное от слова со значением «локоть, кулак»; о них мы уже упоминали выше; они занимают горные области Индии, прилегающие к Океану.

(Пер. И. Макарова)

Марбод Реннский (1035–1123)

КАМНИ, НАДЕЛЕННЫЕ ЧУДЕСНЫМИ СВОЙСТВАМИ

Из книги *Lapidum naturis*

Диаспор поможет своему хозяину защититься от грома и молнии. Халцедон – камень-оберег, в ожерелье или кольцо он помогает лунтикам. [...] Аристотель в книге *О камнях* сообщает: «Смарагд, если его повесить на шею или надеть на палец, обладает защитными свойствами при подозрении на эпилепсию». Посему мы и предписываем благородному сословию вешать его на шеи своих чад, дабы уберечь их от названного недуга. [...] Сардий, вес которого равен двадцати зернам ячменя, носят на шее или на пальце; он отводит жуткие, мучительные видения, а также избавляет от страха перед чарами и дурным глазом. Хризолит, плотный, прозрачный камень, подобный золоту, обращает вспять любую змею. Вымытый и покрытый золотой пылью, он служит талисманом-оберегом от ночных страхов; если просверлить в камне отверстие и продеть сквозь него ослиный волос, он побеждает демонов, будучи привязан к левой руке. [...] Берилл –

камень крупный и блестящий. Высеки лангуста и помести под его лапами изображение вороны; снизу подложи траву *herba savina*, скрепленную крохотной печатью из золота. Освященную гемму носят супружеские пары, которым она служит защитой от любых невзгод и врачует любую болезнь глаз. Если камень опустить в воду, получится настой, способный исцелить любую тревогу и кручину, а также унять печеночные колики. Носить его весьма благотворно: всякий, имеющий его на себе, окажется победителем, повергающим в прах своих врагов. Камень этот находят в Индии, он похож на смарагд, правда, более бледный с виду. Всякий, кто носит топаз, делается неуязвим для происков врагов. Этот камень хорошо иметь у себя дома, чтобы обрести защиту от злых чар. Если у кого-либо на шее или на пальце будет гемма из гиацинта, такой человек, попав в зараженную местность, останется цел и невредим, чем снискает всеобщее уважение и удовлетворение своих пожеланий. Если аметист опустить в воду и полученный таким путем настой дать выпить бесплодной женщине, она тут же понесет во чреве. Агат помогает женщинам от выкидыша, обеспечивая благополучный исход родов. Сардий служит отличным талисманом для женщин. Выгравируй на камне виноградную лозу либо выющийся плющ. Обладатель оникса сумеет истолковать посетившее его видение. Корнеол, надеваемый на шею или на палец, смягчает гнев и гасит ссоры. Чистым сердцем он дарует свободу. Действительно, если кто-то пожелает освятить его и проделает с камнем все, что в таком случае полагается, такой человек немедленно обретет полное освобождение. Приготовить камень надлежит следующим образом. Выгравируй скарабея, а затем человека у него под брюхом. Положив гемму продольно, освяти ее и вставь в золотую фибулу; в месте, торжественно и богато убранном, словно для совершения обряда, она явит всю славу, дарованную ей от Бога. Далее, диаспорий символизирует жизнестойкость веры; сапфир – возвышенность небесной надежды; халцедон – пламя глубокой внутренней любви; смарагд – отважное исповедание той же самой веры перед лицом супостатов; сардоникс – смирение святых, просиявших добродетелями; сардий – досточти-

мую кровь мучеников; хризолит — духовную проповедь, сопровождаемую чудесами; берилл — беспримерную отвагу проповедников, а топаз — их пламенную молитву; хризопраз — жертвы Богу, приносимые святыми, равно как и уготованные им небесные награды; гиацинт — подвижничество врачей и их полную смирения снисходительность к человеческим слабостям в заботе о благе больных. В аметисте запечатлено воспоминание о Царствии

Небесном, живущее в человеческих сердцах. Итак, те или иные драгоценные камни связаны с первоначалами бытия, и пусть все, что служит основанию и украшению Града Божиего на Святой горе Его, отмечено совершенством, именно камни сияют особенным блеском и духовной благодатью.

(Пер. И. Макарова)

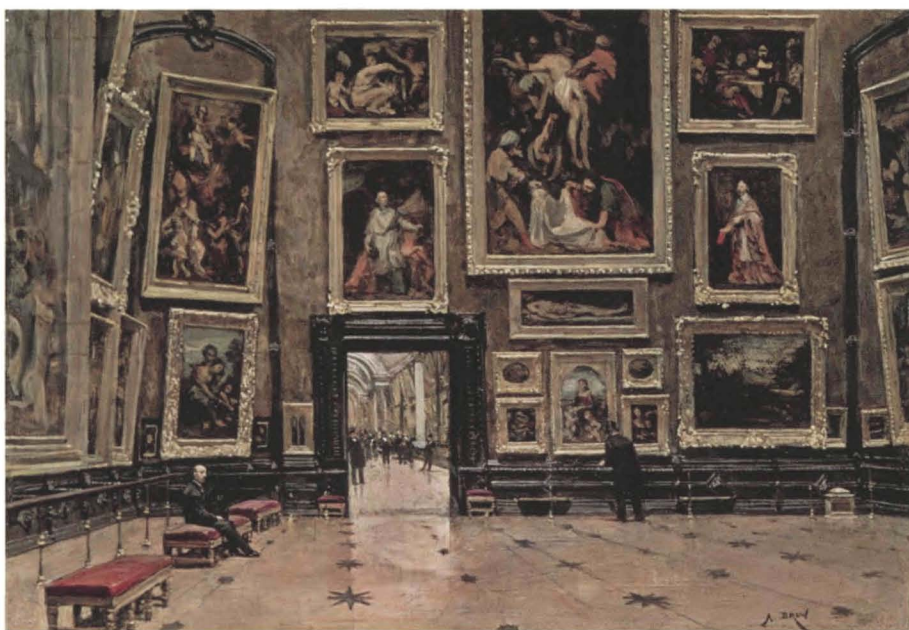
11. Коллекции и сокровищницы

Каталоги музеев представляют собой образцы практических списков, в которых перечислены предметы, собранные в конкретном месте — то есть списков обязательно конечных.

А сами музеи? А любые коллекции?

Кроме редчайших случаев, когда собрание включает в себя *все* предметы определенного типа (например, все, действительно все работы определенного художника), коллекция всегда открыта и может пополниться новым элементом. Особенно если в основе собрания, как в случае римских патрициев, средневековой знати или современных музеев и галерей, лежит любовь к собирательству, к расширению *до бесконечности*.

Больше того, если только перед нами не узкоспециализированное собрание (опять же, включающее все работы определенного художника и ничего другого), коллекция всегда грешит

На с. 164:

Юбер Робер
Проект перестройки Большой галереи Лувра,
ок. 1788–1789
Париж, Лувр

На с. 165:

Александр Брён
Вид Квадратного зала Лувра, ок. 1880
Париж, Лувр

На с. 166–167:

Давид Тенирс Младший
Собрание эрцгерцога Леопольда Вильгельма
Австрийского, штатгальтера Нидерландов,
около 1650
Мадрид, Прадо

Дэмыен Хёрст
Анатомия ангела и бездна, сентябрь 2008
Лондон, Художественная галерея Сотби

некоторой разнородностью. Инопланетянин, не знающий нашей концепции «изобразительного искусства», недоумевал бы, почему в Лувре собраны домашняя утварь (вазы, тарелки или солонки), образы божеств вроде Венеры Милосской, ландшафты, портреты обычных людей, остатки захоронений, в том числе мумии, изображения уродов, предметы культа, изображения людей, подвергаемых истязаниям, картины сражений, обнаженные тела, вызывающие волнение плоти, и даже фрагменты архитектурных сооружений.

Что там инопланетянин. Поль Валери в 1923 году выражал свое раздражение по поводу музея: «Я не слишком люблю музеи. Многие из них прекрасны, но нет среди них очаровывающих. Идеи классификации, сохранности и общественной пользы, точные и ясные, плохо вяжутся с очарованием. [...] Я пребываю в гуще оцепенелых существ, из коих каждое требует, пусть безуспешно, небытия всех остальных. [...] Передо мной разворачивается странный организованный беспорядок. Меня охватывает священный ужас. Поступь моя становится благочестивой. Голос мой меняется и делается чуть выше, нежели в церкви, но чуть тише, нежели обычно в жизни. Скоро я перестаю уже осознавать, что привело меня сюда, в эти навощенные пустынности, на которых лежит печать храма и салона, кладбища и школы. [...] Как утомительно, говорю я себе, какое варварство! Все это нечеловечно. Все это лишено чистоты. Оно парадоксально, это приближение к совершенствам, самоцельным, но противоположным, и тем сильнее враждующим, чем больше собрано их вместе. [...] Ухо не могло бы слушать десять оркестров сразу. Ум не в состоянии ни воспринимать, ни вести разом несколько отдельных операций, — равно как нет единовременности для нескольких мыслей. Между тем глаз, сквозь отверстие своего подвижного угла и в единое мгновение своего созерцания, вынужден сразу вместить *портрет* и *марину*, *кухню* и *триумф*, явления самых различных состояний и измерений; и того пуще — он должен воспринять одним и тем же взглядом гармонию и живописные приемы, лишённые соответствия, произведения, пожирающие друг друга. [...] Но мы раздавлены наследием. Современный человек изнурен обилием своих технических средств, но и столь же обеднен переизбытком своих богатств. [...] Капитал чрезмерный и, следовательно, неиспользуемый» (пер. А. Эфроса).

Возможно, в тот день Валери был особенно не в духе, поскольку четырнадцать лет спустя он все же написал стихи для фасада Дворца Шайо по случаю открытия там музейной экспозиции

(Choses rares et choses belles / ici savamment assemblées / instruisent l'oeuil à regarder / comme jamais encore vues / toutes choses qui sont au monde. – Прекрасные и редкостные вещи здесь собраны, чтоб глаз наш научить смотреть, как в первый раз, на все на свете). Однако он удачно обрисовал три особенности современного музея: 1) музей — безмолвное, темное, недружелюбное пространство; 2) отсутствие контекста затрудняет восприятие произведений и одновременно мешает запомнить все экспонаты; 3) музей подавляет своей ненасытностью.

В наши дни музейное дело усовершенствовалось и первые две претензии Валери уже неактуальны: музей стал светлым, солнечным, дружелюбным, уютным, приветливым и благодаря продуманному распределению экспозиции по залам, произведение почти всегда находится в правильном контексте. Однако третье свойство никуда не делось; больше того, мы идем в музей именно потому, что он принципиально ненасытен. Ведь он произошел от частной коллекции, а в основе частной коллекции лежит грабеж, военный трофей. По свидетельству Плиния (*Естественная история*, 37, 13–14), «Моду на жемчуга и драгоценные камни породила победа Помпея, а ратные достижения Сципиона и Манлия ввели в обиход чеканное серебро, роскошные ткани и триклинии с бронзовыми украшениями; равным образом победа Луция Муммия повлекла за собой моду на коринфские вазы и картины». Именно с грабежа (или, если хотите, права завоевателя) начинаются накопление ценных предметов и гордость от возможности пополнить достояние.

Как пишет Кшиштоф Помиан¹, поначалу в специально отведенном месте могут благоговейно складироваться предметы, связанные с похоронным обрядом (достаточно вспомнить сокровища из захоронений фараонов), или пожертвованные храму, но очень скоро коллекция переключается на вещи, названные им семиофорами, или носителями знака, то есть на такие предметы, которые часто вне зависимости от их материальной ценности несут в себе знак, свидетельство, отсылают к чему-то иному, к прошлому, откуда они пришли, к некоему экзотическому бытию, ни к кому кроме них не ведомому, к невидимому миру.

Если о коллекциях римских патрициев нам известно немного, то о средневековом увлечении собирательством сохранилось немало свидетельств. Среди **«сокровищ»** того времени мы находим мощи, драгоценные камни, чудесные, странные и неожиданные диковины. Многие из таких сокровищниц не сохранились или рассеяны, как прославленная коллекция герцога Беррийского

Джозеф Корнелл
Без названия (Аптека), 1943
Париж, собрание мадам Марсель Дюшан

или собрание аббатства Сен-Дени, настоятелем которого в XII веке был великий Сугерий, страстный коллекционер, тончайший ценитель самоцветов, жемчуга, изделий из слоновой кости, золотых канделябров, наборных алтарных складней, человек, превративший соби́рание драгоценных предметов в своего рода религию или философско-мистическую теорию. Лучшее из накопленного Сугерием разметала по всему миру французская революция, и знаменитейшая чаша аббата-епископа находится теперь в Лондоне. Но значительная часть коллекции аббата удержалась во Франции и хранится в Лувре.

Наиболее почитаемыми сокровищами в средневековых собраниях были мощи. Культ реликвий существовал не только в христианстве; о предметах, почитавшихся как святыни в Древней Греции и Риме, нам рассказывает Плиний: лира Орфея, сандалия Елены или кости чудовища, угрожавшего Андромеде... В Средние века наличие мощей в каком-нибудь городе или церкви привлекало туда массы народа, а следовательно, сокровище работало не просто как святыня, а как ценный туристический «аттрактив». В соборе Святого Витта в Праге хранятся черепа Святого Адалберта и Святого Вацлава, меч Святого Стефана, частица Истинного Креста, скатерть Тайной вечери, зуб Святой Маргариты, частица берцовой кости Святого Виталия, ребро Святой Софии, подбородок Святого Эобана, посох Моисея, одеяние Пресвятой Девы. В каталоге сокровищ герцога Беррийского значилось обручальное кольцо Святого Иосифа, а в Вене выставлены на обозрение частица вифлеемских яслей, сума Святого Стефана, копье, пронзившее бок Спасителя, гвоздь Истинного Креста, меч Карла Великого, зуб Иоанна Крестителя, локтевая кость Святой Анны, цепи апостолов, клоч одеяния Иоанна Евангелиста, еще одна частица скатерти Тайной вечери. Мы уже не говорим о гортани Святого Карла Борромейского, находящейся в сокровищнице Миланского собора, а если ознакомиться со *Сводным каталогом облачений и церковной утвари Миланского собора*, выяснится, что, помимо роскошных одеяний, сосудов, изделий из слоновой кости и золота, в нем числятся распределенные по разным ризницам шипы из тернового венца Иисуса, кусок Истинного Креста, различные частицы тел Святой Агнесы, Святой Агаты, Святой Параскевы, а также Святых Симплициана, Кая и Герунция.

Глядя на эти диковины, даже неверующий не может не поддаться завораживающему воздействию двух вещей. Во-первых, самих предметов, этих безымянных пожелтевших хрящей, мистически отталкивающих, волнующих и таинственных; этих выцветших, потертых, обтрепавшихся лохмотьев неизвестно какой эпохи, иногда свернутых внутри склянки словно неведомое послание в бутылке, часто истлевших в пыль тканей, сливающихся с находящимися под ними материей, металлом или костью. А во-вторых, поражают вместилища этих реликвий, часто немыслимо рос-

Застежка облачения с изображением
Благовещения, IX в.
Ахен, сокровищница собора

Мартен-Гийом Бьенне
Длань Правосудия, 1804
Париж, Лувр

кошные, иной раз собранные набожным умельцем из кусочков других реликвариев, в форме то башни, то маленького собора со шпилями и куполами; а некоторые барочные реликварии (самые красивые находятся в Вене) и вовсе похожи на лес миниатюрных скульптур и напоминают часы, карильоны, волшебные шкатулки. Некоторые из них ассоциируются у любителей современного искусства с сюрреалистическими коробками Джозефа Корнелла, витринами Фернандеса Армана, куда напиханы очки и часы, или инсталляциями Дэмиена Хёрста — с реликвариями светскими, но отмеченными тем же пристрастием к потертым, пыльным материалам, а главное — к безудержному накоплению предметов. А еще старинные хроники сообщают, что в XII веке в одном немецком соборе хранился череп двенадцатилетнего Иоанна

Крестителя, и даже никогда не видел его, можно представить себе розовые прожилки, пепельно-серый фон, витиеватые линии изъеденных временем сочленений, дарохранительницу с синими эмальями, как в Верденском алтаре, и подушечку, обтянутую пожелтевшим атласом с поблекшими розочками. И не скажешь, что прошло две тысячи лет, глядя на эту головку, обездвиженную в пустоте, прежде чем Креститель вырос и лишился от рук палача другой своей головы, которая ныне хранится в римской церкви Святого Сильвестра ин Капите («На Главе»), хотя раньше принято было считать, что она находится в Амьенском соборе. Впрочем, у римской головы нет нижней челюсти, которая хранится в соборе Святого Лаврентия в Витербо. Блюдо, на котором лежала голова Крестителя, оказалось в Генуе, в сокровищнице собора Святого Лаврентия, вместе с прахом святого, но часть этого праха попала в древнюю церковь бенедиктинского монастыря в Лоано,

Ножка-реликварий одного из невинно убиенных младенцев,
из сокровищницы собора в Базеле
Произведение Освальда Уберлинга, 1450
Цюрих, Национальный музей Швейцарии

палец — в Музей собора во Флоренции, рука — в Сиенский собор, а нижняя челюсть — в собор Святого Лаврентия в Витербо. Один зуб можно увидеть в соборе Рагузы, другой, вместе с прядью волос, — в Монце.

Поиск драгоценных камней и изучение их разнообразных свойств всегда были среди главных развлечений любителей сокровищ, поскольку распознать надо было не только алмаз, рубин или изумруд, но и те камни, что постоянно упоминались в священных текстах: опал, хризопраз, берилл, агат, яшму, сардоникс. По-хорошему, следовало уметь отличить настоящий камень от фальшивого: все в той же сокровищнице Миланского собора есть большая серебряная статуя Святого Карла эпохи барокко, а поскольку заказчикам или дарителям серебро представлялось в то время материалом не слишком ценным, нагрудные латы с крестом были украшены россыпью камней. Причем некоторые, согласно каталогу, были настоящие, а другие — просто цветные стеклышки. Однако при всем интересе к реальной материальной ценности статуи, не стоит забывать о наслаждении, которое она доставляла собирателям прошлого, стремившимся достичь общего впечатления сияния и роскоши.

Ту же любовь к собиранию камней, не знающую различия между удовольствием от драгоценного материала и эстетическим наслаждением формой, в которую материал облекается, мы находим у авторов декаданса нового времени, в частности у **Гюисманса** и **Оскара Уайльда**, причем первый из них (у которого беззастенчиво заимствует второй) не скрывал средневекового происхождения своего увлечения.

¹ «Collezione», in *Enciclopedia*, III, Torino, Einaudi, 1978.

ОПИСАНИЕ СОКРОВИЩ ЦЕРКВИ

В КОНКЕ

Из книги Марселя Обера *Церковь в Конке* (1954)

Реликварий Пипина... — Старейший из предметов сокровищницы. После исследований Шарля де Лина ее принято связывать с Пипином, королем Аквитании (817–838), сыном Людовика Благочестивого. Реликварий представляет собой ларец прямоугольной формы, с крышкой в виде четырехскатной крыши, которая изготовлена из дерева, покрытого золотыми пластинами. На одной из сторон в филигранном обрамлении из драгоценных камней и инталии представлены распятый Христос между Богородицей и апостолом Иоанном; над ними помещены солнце и луна...

Золотая статуя Святой Веры... — Самый знаменитый предмет сокровищницы, шедевр средневекового ювелирного искусства. Святая покровительница Конка величественно восседает в кресле... ее фигура целиком облицована золотыми пластинами; голова, изготовленная из листового золота, увенчана богато изукрашенной лентой; лицо выделяется широко раскрытыми глазами из белой эмали с голубыми зрачками. Эта статуя появилась ранее первого паломничества Бернарда в Конк (1013): судя по сообщению в первой книге его сочинения *Чудеса* (главы XVI и XVII), она заменила собой более древнюю статую, и произошло это во времена, когда слепец Гибер обрел зрение. В начале второй главы упомянутой книги Бернард поясняет, что сие чудо случилось лет за тридцать до его посещения Конка, то есть около 983 г. Следовательно, новую статую, изготовленную на пожертвования, недостатка в которых тогда не было, можно датировать 985 г. Она была выполнена в подражание статуям овернских реликвариюв, старейшей из которых, как показал г-н Брейе, является *Богородица во славе*, покрытая тонкими золотыми пластинами; это творение клирика Алемона, ювелира и архитектора, выполнившего его совместно со своим братом Адамом около 946 г. по заказу Этьена II, епископа Клермонского и аббата Конкского.

На протяжении всего Средневековья эта статуя Веры служила предметом благоговейного

почитания; статуя украшена драгоценностями и дорогими камнями, число которых было приумножено стараниями последующих поколений паломников. Помещенная сзади пластина с изображением *Христос во славе*, более ранняя в сравнении со статуей, по-видимому, является фрагментом заалтарного образа VIII в. Триптих на груди датируется XIII в.; колени статуи покрыты пластиной, украшенной женской фигурой под трехлопастной аркадой; на фрагментах обложки *Евангелиария* изображены Христос в обрамлении символов евангелистов: эти символы разрезаны на куски и прикреплены к различным частям тела Спасителя. Началом XIV в. датируется пояс, украшенный жемчужинами и прозрачной эмалью: по мнению Энларта, он был изготовлен в Париже, возможно, в мастерской Гийома Жюльена; пояс прикреплен гвоздями к коленям, груди и плечам. Одни из цветочков этого пояса представлены на просвечивающем зеленом фоне, усеянном желтыми точками, другие — на прозрачно-голубом фоне с чередованием желтых и красных точек кисеи.

К концу XIV — началу XV в. относятся круглые пластины из позолоченного серебра с изображением Агнца и распятого Христа между Богородицей и апостолом Иоанном: эти пластины прибиты к стойкам кресла по обеим сторонам ног статуи. XV столетием датируется массивное лепное украшение на воротнике святой. В XVI в. были заново изготовлены руки и предплечья: возможно, их автором является Антуан Фрешри, мастер из Роде. Скамейка и ноги статуи относятся уже к нашему времени. Драгоценные камни (изумруд, оникс, сапфиры, аметист, агат), жемчуг, две камеи (одна из них — с изображением Дианы) античного происхождения, античные резные камни, инталия эпохи Каролингов с изображением распятого Христа в окружении Богородицы и апостола Иоанна, необработанный кусок горного хрусталя в верхней части спинки кресла, множество прочих украшений — всё это придает великолепию замечательному творению ювелирного искусства. Выемка в спине статуи служит для хранения черепа Святой Веры в серебряном окладе...

...Реликварий Бегона. — Этот реликварий, известный также как *Лантерна Святого Викентия* (Святой Викентий был дьяконом в Ажане,

Иоганн Георг Хайнц
Коллекционные предметы в шкафчике, 1666
 Гамбург, Кунстхалле

где и принял мученичество; Конкское аббатство обладало его реликвиями), имеет форму восьмигранной колокольной башенки, увенчанной ребристым шпилем и поставленной на квадратное основание. Реликварий, выполненный из дерева, облицован частично золочеными серебряными пластинами. Едва различимая надпись на основании позволяет все же прочесть имя знаменитого аббата Бегона (1087–1107). Восьмигранная часть сооружения украшена шестью пластинами с изображением бюста в нимбе (чеканка), сверху же она стеклянная, что позволяет видеть заключенные внутри нее реликвии. Квадратное основание украшено рельефными фигурами, две из которых — Христа и Иоанна Крестителя — некогда были демонтированы и установлены на реликварии Пипина Аквитанского, однако недавно их вернули на первоначальное место. Третий медальон представляет Давида, борющегося со львом. Правда, учитывая его большую формальную и стилистическую изощренность, я склонен полагать, что медальон был выполнен позднее двух других, когда настоятелем монастыря являлся Бегон, но все-таки не позже середины XII в., когда его поместили на данном реликварии.

Реликварий папы Пасхалия II. — Изготовлен из дерева, покрытого серебряными, частично позолоченными пластинами, имеет форму плоского прямоугольного ларца на скошенном основании. На лицевой стороне изображен распятый Христос между Богоматерью и апостолом Иоанном; сверху видны крылья креста, солнце и луна. Обратная сторона украшена плетеным орнаментом. Одна из надписей позволяет провести датировку предмета: «*Me firi jussit Bego clemens cui Dominus sit*» — «Меня изготовили по распоряжению Бегона, да пребудет Господь к нему милосерд». Другая надпись указывает, какие реликвии в нем предполагалось хранить: «*Ab anno Incarnatione Domini millesimo centesimo Dominus Pascalis II Papa a Roma misit reliquias de cruce Christi et sepulcro ejus atque plurimorum sanctorum*», что значит: «В лето Господне 1100 папа Пасхалий II прислал из Рима частицы креста Христова

и Его гроба, а также множества святых». Таким образом, подобно описанному выше алтарю, этот реликварий предназначался для частиц мощей, в 1100 г. присланных в Конк папой Пасхалием II (1099–1118), он был выполнен при аббате Бегоне (1087–1107), скорее всего чуть позже 1100 г.

Позднейшие переделки сильно изменили первоначальный облик реликвария: Распятие было, возможно, перенесено с обложки *Евангелиария*, снизу от него процарапана частично сохранившаяся надпись [*sit reliquias de...*]; филигранная полоса и разорванные вертикальные полосы, нанесенные по украшенным ромбами пластинам, датируются не ранее XIII в.; выемка, в котором располагается реликвия, вероятно, было устроена за счет разрушения какого-то другого памятника.

Так называемый реликварий «А» Карла Великого... — По преданию этот реликварий, выполненный в виде буквы «А», был подарен самим Карлом Великим, однако на деле в своем нынешнем облике он, вероятнее всего, восходит к периоду Бегона, имя которого фигурирует на левой стороне: «*Abbas formavit Bego reliquias locavit*» — «Изготовлен по распоряжению аббата Бегона, который поместил в нем реликвии». Реликварий выполнен из дуба, покрытого пластинами из золоченого серебра с украшениями в виде филигранный, необработанных камней, резных камней и эмали. В верхней части буквы «А» закругленный реликварий украшен по центру крупным куском необработанного горного хрусталя; с обратной стороны он декорирован античной инталией в филигранном обрамлении по золотому фону, а также пластинками и кнопками, выполненными в технике перегородчатой эмали в начале XIV в. Одна из нижних пластин, отличная от всех прочих, заставляет вспомнить лучшие работы парижского ювелира Гийома Жюльена и может быть атрибутирована либо непосредственно ему, либо его мастерской. Позднее в нижней части была помещена горизонтальная перемычка, украшенная серебряными полосами с ветвевидным орнаментом и надписями. На перемычке помещены две

Шарль де Лина
Ювелирное искусство эпохи Меровингов
и произведения Святого Элигия, 1863
Париж, Библиотека Французской академии

Чаша, конец X–IX вв.
Париж, Лувр

Чаша аббата Пелажа,
Испания, XII в.
Париж, Лувр

Неизвестный мастер
Французская оружейная
капелла, 1675–1676
Париж, Лувр

Чаша, Сиена,
вторая половина XIV в.
Париж, Лувр

Луи Валадье
Чаша, ок. 1770–1780
Париж, Лувр

Маттео д'Амброджо
Чаша, ок. 1370–1390
Париж, Лувр

Чаша: Сцена Страстей
Христовых; Святой Викентий;
Ангелы, несущие геральдиче-
ский щит в Лару, сер. XIV в.
Париж, Лувр

Сокровище Арьежа
Париж, Лувр

Стеклянная чаша,
Франция, ок. 1550
Париж, Лувр

Чаша, ок. 1600
Париж, Лувр

стелы, обитые серебряными пластинами с чеканными изображениями ангелов, держащих кадила.

Филактерии. — Два филактерия (один из них пятигранный, а другой — шестигранный), изготовленные из дерева, обшитого пластинами различных периодов, должны быть — хотя бы отчасти — отнесены к периоду аббата Бегона. Из предметов ювелирного искусства следует выделить перегородчатые эмали VI или VII в., несколько фрагментов фриза, украшенного необработанными камнями, которые соединяются между собой витой филигранью, а также различные работы, часть которых была создана, вероятно, не ранее эпохи Возрождения.

Ларец Святой Веры. — После пожара, учиненного протестантами в 1561 г., колонны апсиды пришлось укрепить, замуровав их каменной кладкой. При сносе этой стены 21 апреля 1875 г. в одном из углублений был обнаружен деревянный ларец в кожаной оправе, украшенный эмалью дисками: в нем хранились частицы мощей Святой Веры. Через несколько лет после обнаружения ларец был искусно отреставрирован мастерами фирмы Пусьельг, которые перетянули кожу на новую основу (дерево), восстановили четыре медальона по углам задней стороны, превратив их в розетки подсвечников с отверстием в середине и изготовив несколько других по образцу утраченных, ряд которых хранится сейчас в частных собраниях, таких как собрание Карро (ныне в Барджелло, Флоренция). Эти диски (медь, выемчатая эмаль), напоминающие аналогичные образцы кассоне из Беллака (департамент Верхняя Вьенна), украшены арабесками, грифонами, фантастическими животными, птицами (из которых многие представлены друг против друга) белого, зеленого, синего-бирюзового и сине-лазурного цвета. На одном из этих дисков видны надписи, свидетельствующие о том, что ларец был изготовлен стараниями аббата Бонифация, преемника Бегона, возглавлявшего аббатство в 1107–1119 гг.: «*Scrinia Concharum monstrant opus undique clarum*», то есть «Конкские ларцы повсюду изобличают превосходную работу» (диск по центру и с левой стороны задней стенки) и «*Hoc ornamentum Bone sit facii monumentum*», то есть «Да будет это украшение памятником Бонифацию». Черная кожа усеяна мелкими

серебряными точками, имитирующими розы и цветочки.

Многие предметы из сокровищницы церкви в Конке относятся к XII в.: реликварный крест с двойной перекладной — из золоченого серебра; статуэтка сидящей Богоматери с Младенцем на руках — из золоченого серебра поверх деревянной основы (конец XII — начало XIII вв.): несомненно, она была выполнена в той же мастерской, что и реликварная рука Святого Георгия; эмалированные геммы, украшенные очаровательными фигурками женщин, музыкантов и танцовщиц; триптих, образующий два реликвария, с выемками в филигранной окантовке для хранения частиц мощей святых, имена которых упомянуты в надписях.

К XIV в. относятся две реликварные головы из золоченого серебра, лица и шеи которых закрыты расписной холстиной: в них хранились черепа Святого Марсия и Святой Либераты соответственно; небольшой ларец Святой Веры (серебро), значительно переделанный в мастерской фирмы Пусьельг; круглая монстранция, верхняя часть которой (с шестью лепестками, образующими круг, и двумя ответвлениями с сидящим ангелом поверх каждого) и ножка, украшенная сценами *Бичевание Христа*, *Сошествие во Ад*, *Воскресение* и *Страшный суд*, датируются XIV в.

К XV столетию относится значительное число реликвариев на ножках: дароносица из золоченого серебра; изящная серебряная статуя стоящей Святой Веры в длинном платье и мантии, с мечом и решеткой — орудиями страстей в правой руке, и пальмой мученицы в левой:

по мнению г-на Бернара де Голежака, эту статую следует считать произведением Пьера Фрешрие и Юка Ланфана, ювелиров из города Вильфранш-де-Руэрг, выполнивших ее в 1493–1497 гг.; большой процессионный крест — по мнению названного исследователя, он вышел из той же самой мастерской в 1498–1512 гг. Крест украшен необработанными камнями и инталиями; в середине его изображен Христос с Богоматерью и апостолом Иоанном по краям, сверху же помещено изображение Бога-Отца; на оборотной стороне представлена Святая Вера в окружении четырех евангелистов. Восемь оконечностей креста украшены статуэтками Святых Андрея, Варфоломея, Матфея, Иакова Старшего, Иакова Младшего, Симона, Павла и Петра. В 1879 г. епископ Роде поместил туда частицу подлинного Креста Господня.

Обложка Евангелиария... Произведение XVI в., выполненное из серебра и украшенное рельефными фигурами Христа, Богоматери и апостола Иоанна на фоне с ветвевидным орнаментом; г-н де Голежак атрибутирует его мастерской Фрешрие из Роде. В этом зале, сооруженном в 1910 г. специально под сокровищницу старинного аббатства и недавно перестроенном, можно также увидеть чеканную серебряную чашу XVII в., современную казулу (риззу), вышивки которой, однако, частично восходят к XII в., и множество гобеленов XVI в. со сценами мученичества Святых Веры и Капрасия, пейзажами и натюрмортами.

(Пер. И. Макарова)

Французская школа
Реликварий Святой Веры, ок. 980
Конк, собор Сент Фуа

ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ИМПЕРАТОРСКОЙ СОКРОВИЩНИЦЫ В ВЕНЕ

Церковный раздел сокровищницы: кошель Стефана, короля Венгерского; подвеска Карла Великого; реликварий с мощами Святой Ядвиги; *Поклонение волхвов*; дароносица (позолоченное серебро, горный хрусталь, хризопраз, аметист, сапфиры, гранат, кораллы, рубин. жемчуг, бирюза, искусственные камни); миниатюры на пергаменте; реликварии из горного хрусталя и бархата; шелковый головной убор Стефана, короля Венгерского; чаша из золоченой меди; чаша из золоченого серебра; *Святое Семейство с ангелами* (рельеф по камню); десяток четок из слоновой кости; агат в серебряном окладе с изображением *Vanités*; *Святой Христофор* (рельеф по меди); реликварный крест Людовика Великого Венгерского; казула (риза) с изображением Распятия; деревянная женская голова; реликварный бюст

Святой Екатерины; *Оплакивание Христа* (гобелен); различные орнаменты по шелку и парче; дароносица; чаша, украшенная красными и синими искусственными камнями; две красные казулы; папский орнамент по серебру; подвеска с пергаментными миниатюрами (*Распятие* и *Медный змий*); молитвенник императора Фердинанда II; плети императриц Анны и Элеоноры; паломнический посох (стебли бамбука; рукоятка украшена ажурными сценами из Ветхого Завета и изображениями апостолов); Распятие; два канделябра; золотая роза (ваза с ножками дракона); заалтарный образ (с частицами мощей Святых Лаврентия, Николая, Христины, Деохария, Хабунда, Иоанны, Доротеи, спутников Святых Виктора, Герона и 11 000 Святых Дев); митра; *Благоговещение пастухам* (золоченое серебро, эбен, эмаль, жемчуг, рубины, бриллианты); монстранция с различными частицами мощей Христа; реликварий, увенчанный восковым бюстом

Реликварий, Мани-ле-Амо
Музей Пор-Рояль де Шан

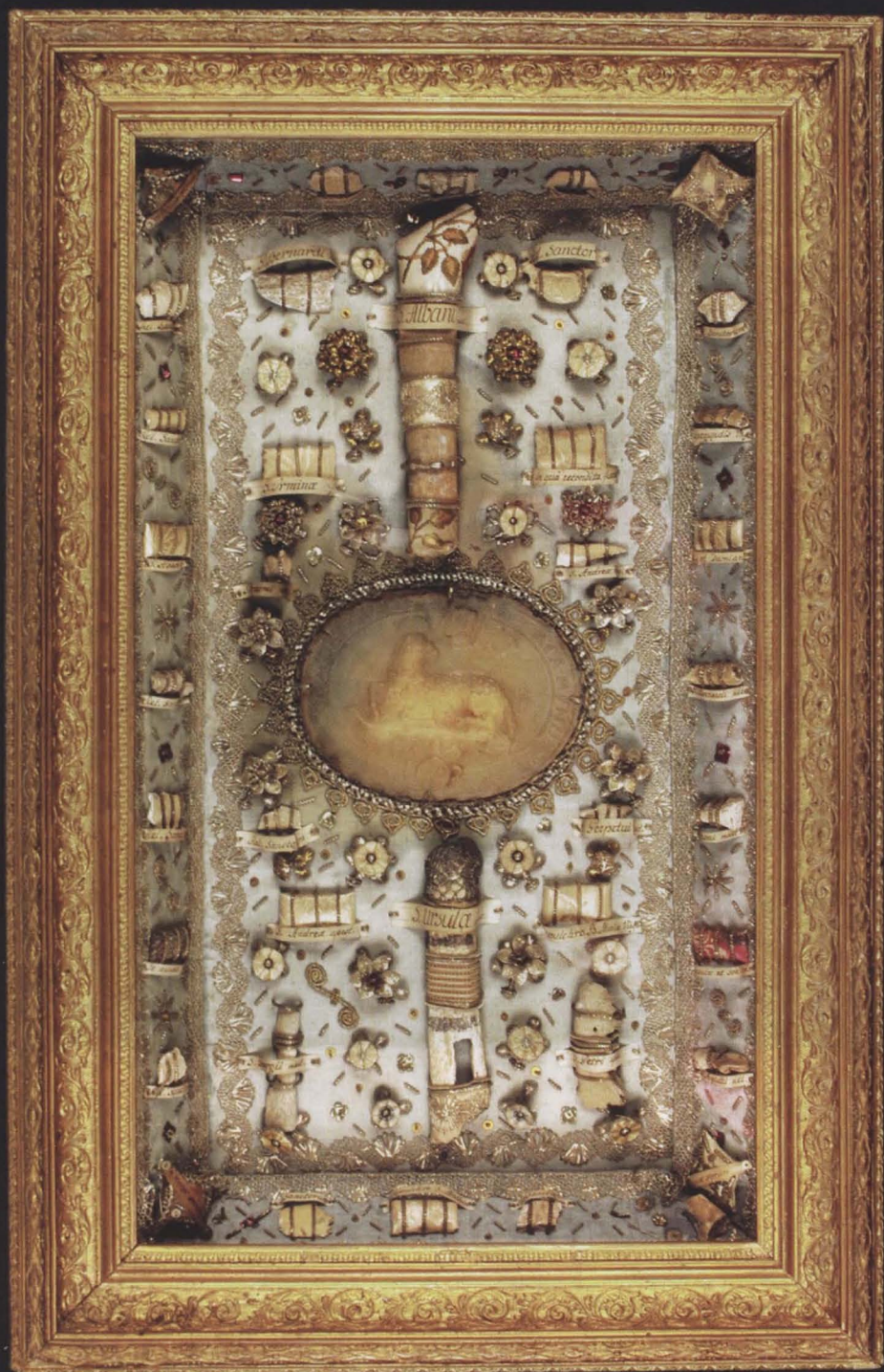
Урна-реликварий с камнями, привезенными
из Святой Земли, XVII в.
Париж, Музей европейской и средиземноморской
культуры

Святого Валериана и заключающий в себе частицу мощей Святого Маврикия; реликварный заалтарный образ императрицы Анны; монстранция с изображением Христа в Гефсиманском саду; реликварий, увенчанный восковым бюстом Святого Тибурция и заключающий в себе частицу мощей Святого Криспина; реликварный заалтарный образ с костью Святого Тимофея; реликварный заалтарный образ с композицией *Распятие*; две монстранции с шипом из тернового венца Христа; ларец с частицами мощей Святого Феликса; монстранция со сценой *Благовещения*; монстранция с частицей мощей Святого Станислава; монстранция с кусочком трости, которой били Христа (и частицами мощей Святых Петра, Сигизмунда и Станислава); прочие заалтарные образы (с частицами мощей Святых Матфея, Луция, Кандида, Евсторгия, Марии Магдалины, Цецилиана, Валентиниана, Зосимы, Аманды, Лаврентия, Иоанна, Мериты, Феклы, Верены, Удальриха и Альберта); монстранции с частицами мощей Святой Марии Магдалины и двух неизвестных святых; монстранция с частицами мощей Святых Себастиана, Аполлинария и неизвестного святого; композиция с изображением святых, Богородицы и Младенца Иисуса (серебряный рельеф в раме из эбенового дерева с бронзовой оправой); заалтарный образ с частицами мощей Святых Стефана, Луции, Луки, Варфоломея, Лаврентия, Матфея, Власия и Григория; рельеф со сценой *Отдых на пути в Египет*; рельеф с изображением тела Христа, поддерживаемого ангелами; *Голгофа* (по мотивам Джамболони); Христос в мини-

атюрном храме (слоновая кость, эбеновое дерево, частично позолоченное серебро, темно-красный рубин; венчающая храм капсула заключает в себе фрагмент столба, у которого бичевали Христа, выдвижные части цоколя — ряд других реликвий); *Мадонна с Младенцем* (слоновая кость); копия *Воскресшего Христа* Микеланджело; 68 барочных и рокайльных работ; 19 произведений XIX столетия. Светский раздел сокровищницы насчитывает 186 предметов, из которых особого упоминания заслуживают: крестильные рубашки членов Габсбургской фамилии; корона императора Рудольфа II; имперская держава Австрии и два предмета, в 1546 г. объявленных неприкосновенными: агатовый кубок IV в., иногда отождествляемый со Святым Граалем, и клык единорога (в действительности являющийся клыком нарвала); 38 прочих украшений и памятных предметов, в их числе колыбель Римского короля; 29 предметов из сокровищницы герцога Бургундского, в их числе доспехи рыцарей Золотого Руна; 38 прочих инсигний, драгоценностей и реликвий Священной Римской империи, в их числе имперские корона, скипетр, держава, крест и меч, Святое Копье, частица подлинного Креста Господня, кошель Святого Стефана, сабля Карла Великого, крошечный фрагмент Яслей, зуб Святого Иоанна Крестителя, кость руки Святой Анны, цепь апостолов, кусок скатерти, покрывавшей стол Тайной вечери.

(Пер. И. Макарова)

Реликварий; в центре — Agnus Dei из белого воска с папскими регалиями, XIX в.
Париж, Музей европейской и средиземноморской культуры

Гюстав Моро
Претенденты, 1862–1898
Париж, Музей Гюстава Моро

Жорис-Карл Гюисманс

НАОБОРОТ, IV
(1884)

Черепашу дез Эссенту вздумалось завести накануне отъезда из Парижа. Однажды, разглядывая серебристые переливы ворса на смолисто-желтом и густо-фиолетовом поле восточного ковра, дез Эссент подумал о том, как хорошо смотрелся бы на нем темный движущийся предмет, который бы подчеркивал живость узора.

Загоревшись этой идеей, он без всякого плана вышел на улицу, дошел до Пале-Рояля, но вдруг, пораженный, остановился у витрины магазина Шеве и стукнул себя по лбу: за стеклом плавала в тазу огромная черепаха. Он тотчас сделал покупку. И позже, положив черепаху на ковер, уселся рядом и долго всматривался в нее.

Нет, решительно, шоколадный, с оттенком сиены панцирь только грязнит расцветку и ничего в ней не подчеркивает. Серебро гаснет и становится шероховатым цинком, когда на его фоне перемещается резко очерченное темное пятно.

Дез Эссент нервно грыз ногти и размышлял о том, как добиться согласия красок и воспрепятствовать какофонии цвета. В итоге он пришел к заключению, что оживлять расцветку посредством темного предмета – дело совершенно лишнее. Цвета и без того чисты, свежи, яркие, не успели еще ни потускнеть, ни выцвести. Поэтому требуется ровно противоположное: необходимо смягчить тона, сделать их бледнее за счет ослепляющего глаз контраста – золотого сияния и серебристой тусклости. При таком решении задача облегчалась. И дез Эссент решил позолотить черепаший панцирь.

Когда через некоторое время мастер вернул черепаху, она походила на солнце и залила лучами ковер, а серебристое поле, побледнев, заискрилось, как громадный вестготский щит, покрытый в варварском вкусе золотыми змеями.

Поначалу дез Эссент решил, что ничего лучше и быть не может. Но потом понял, что впечатление от гигантского украшения будет полным только тогда, когда в золото будут вставлены драгоценные камни.

Он нашел в японском альбоме рисунок россыпи цветов на тонкой ветке и, отнеся книгу к ювелиру, обвел его в рамку, велел изумленному мастеру выточить лепестки из драгоценных камней, а затем, не меняя рисунка, вставить их в черепаший панцирь.

Оставалось произвести выбор камней. Бриллиант опошил с тех пор, как им стали украшать свой мизинец торговцы; восточные изумруды и рубины подходят больше – пылают, как пламя, да вот только похожи они на примелькавшиеся всем зеленые и красные омнибусные огни; а топазы, простые ли, дымчатые ли, – дешежка, радость обывателя, хранятся в ящичках всех платяных шкафов; аметист как был, так благодаря церкви и остался епископским камнем: густ, серьезен, однако и он опошил на мясистых мочках и жирных пальцах лавочниц, жаждущих задешево увеситься драгоценностями; и только сапфир, один-единственный, уберег свой синий блеск от дельцов и толстосумов. Токи его вод ясны и прохладны, он скромн и возвышенно благороден, как бы недоступен грязи. Но зажгутся лампы – и, увы, прохладное сапфировое пламя гаснет, синяя вода уходит вглубь, засыпает и просыпается лишь с первыми проблесками рассвета.

Нет, не годился ни один из камней. Все они были слишком окультурены, слишком известны. Дез Эссент покрутил в пальцах то один, то другой редкий минерал и отобрал несколько натуральных и искусственных камней, которые, собранные вместе, одновременно и околдовывали и тревожили.

Букет он в результате составил следующим образом: на листья пошли сильные и четкие зеленые – ярко-зеленый хризоберилл, зеленчатый перидот и оливковый оливин, на веточки же, по контрасту, – гранаты: альмандин и фиолетово-красный уваровит, блестящий сухо, как налет в винных бочках.

Для цветков, расположенных далеко от главного стебля, дез Эссент выбрал пепельно-голубые тона. Восточную бирюзу он, однако, отверг, потому что в бирюзовых кольцах и брошках, вперемежку с банальным жемчугом и кошмарными кораллами, любит красоваться простонародье. Бирюзу он взял западную, то есть, по сути дела, окаменевшую слоновую кость с примесью меди, а также

Дискос (I в. до н. э. — I в. н. э.)
Париж, Лувр

голубизны зеленеющей, грязноватой, мутной и сернистой, словно с желчью.

Цветы и лепестки в центре букета дез Эссент решил сделать из прозрачных минералов с блеском стеклянстым, болезненным, с дрожью резкой, горячечной.

Это были цейлонский кошачий глаз, цимофан и сапфирин.

От них и вправду исходило какое-то таинственное, порочное свечение, словно через силу вырывавшееся из ледяных и безжизненных глубин драгоценных камней.

Кошачий глаз, зеленовато-серый, с концентрическими кругами, которые то расширялись, то сужались в зависимости от освещения.

Цимофан с лазурной волной, которая где-то в далах переходит в молочную белизну.

Сапфирин, фосфорной голубизны огоньки в шоколадно-коричневой гуще.

Ювелир делал на бумаге пометки. «А края панциря?» – спросил он дез Эссента.

Края панциря дез Эссент хотел было уложить опалами и гидрофанами: очень уж хороши они были неверностью блеска, зыбкостью тонов и мутью огней, однако же слишком обманчивы и капризны. Опал, так тот сродни ревматике, и блеск его зависит от погоды, а гидрофан сияет только в воде, намочишь его – лишь тогда и разгорится его серое пламя.

Для окантовки дез Эссент выбрал камни так, чтобы их цвета чередовались: мексиканский красно-коричневый гиацинт – сине-зеленый аквамарин – винно-розовая шпинель – красновато-рыжевато-индонезийский рубин.

Блики по краям бросали отсвет на темный панцирь, но затмевались центральными огнями букета, которые в гирлянде из скромных боковых огоньков сияли еще более пышно.

И вот теперь, замерев в углу, в полумраке столовой, черепаха засверкала всеми цветами радуги.

Дез Эссент чувствовал себя совершенно счастливым. Он упивался этим разноцветным пламенем, поднимавшимся с золотого поля. Ему даже, вопреки обыкновению, захотелось есть, и он макал душистые гренки с маслом в чай – превосходную смесь Ши-а-Фаюн и Мо-ю-тан, куда были добавлены листья ханского и желтого сортов. Их доставляли из русского Китая особые караваны.

Как теперь, так и раньше он пил этот горячий нектар из настоящего китайского фарфора под названием «яичная скорлупа» – действительно как скорлупа, прозрачных и тонких чашек. Ел дез Эссент только позолоченными серебряными ложками и вилками. Позолота, правда, местами сошла, и из-под нее проглядывало серебро, но от этого приборы казались по-старинному ненавязчивыми и на ощупь мягкими и приятными.

Допив чай, дез Эссент вернулся к себе в кабинет и велел принести черепаху, которая упорно не желала ползать.

Шел снег и в свете ламп, как трава, стелился за голубоватыми стеклами, а иней, подобно сахару, таял в бутылочно-зеленых, с золотистой крапинкой, квадратах окна.

В доме царили тишина, покой и мрак.

Дез Эссент погрузился в мечты. От камина волнами шел жар и наполнял комнату. Дез Эссент приоткрыл окно.

Небо стало словно обратной стороной горностаевой шкуры – на этом черном геральдическом ложе белели пятнышки снега.

Налетел ледяной ветер, закружил снежинки и спутал узор.

Геральдический горностаи обрел свое обычное лицо и стал белым, и на нем проступили черные пятнышки ночи.

Дез Эссент закрыл окно. После каминного жара холод был резким и пронизывающим. Съевшись, дез Эссент подсел к огню. Чтобы согреться, ему захотелось что-нибудь выпить. Он прошел в столовую и открыл шкаф-поставец. Там на крошечных сандаловых подставках выстроился ряд бочонков с серебряными краниками.

Называл он эту ликерную батарею своим губным органом.

Особая соединительная трубка позволяла пользоваться всеми кранами одновременно. Стоило нажать некую незримую кнопку – и скрытые под кранами стаканчики дружно наполнялись.

И тогда «орган» оживал. Выступали клапаны с надписью «флейта», «рог», «челеста». Можно было приступить к делу. Дез Эссент брал на язык каплю напитка и, как бы исполняя внутреннюю симфонию, добивался тождества между вкусовым и звуковым ощущением! Дело в том, что, по мнению дез Эссента, все

напитки вторят звучанию определенного инструмента. Сухой Кюрасао, к примеру, походит на бархатистый суховатый кларнет. Кюммель отдает гнусавостью гобоя. Мятный и анисовый ликеры подобны флейте – и острые, и сладкие, и резкие, и мягкие; а вот, скажем, вишневка неистова, как труба. Джин и виски пронзают, как тромбон и корнет-а-пистон. Виноградная водка кажется оглушительной тубой, а хиосское раки и прочая огненная вода – это кимвалы и бой барабанный!

Дез Эссент считал, что аналогию можно было бы расширить и создать для услады дегустатора струнный квартет: во-первых, скрипка – все равно что добрая старая водка, крепкая, но изысканная; во-вторых, альт и ром одинаковы по тембру и густоте звука; в-третьих, анисовая крепкая настойка – настоящая виолончель, то душераздирающая и пронзительная, то нежная и тихая; и, наконец, в-четвертых, чистая старая можжевельника столь же полновесна и солидна, как контрабас. Если же кто-то пожелает квинтет, то для этого потребуются еще и арфа – дрожь серебристо-хрупкого стаккато перцовки.

На этом аналогия не заканчивалась. Диапазон мелодии возлияния знал и свои оттенки. До-

статочно было вспомнить, что бенедиктин – это минор в мажоре напитков, которые в винных картах-партитурах снабжены пометой «шартрез зеленый».

Познав все это, дез Эссент, благодаря долгим упражнениям, сделал свое небо местом исполнения беззвучных мелодий – похоронных маршей, соло мяты или дуэта рома с анисовкой.

Переложил он на винный язык даже знаменитые музыкальные сочинения, которые были неразлучны со своим автором и посредством сходства или отличия искусно приготовленных коктейлей передавали его мысли во всех их отличительных особенностях.

Иной раз он и сам сочинял музыку. Черноسمородиной наливкой исполнил с соловьиным посвистом и шелканием пастораль, а сладким шоколадным ликером спел знаменитые в прошлом романсы «Песня Эстеллы» и «Ах, матушка, узнай».

Однако в этот вечер дез Эссенту не хотелось музицировать. И он извлек из органчика лишь одну ноту, взяв бокальчик, предварительно наполненный ирландским виски.

(Пер. Е. Кассировой)

Оскар Уайльд**ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ, XI
(1890)**

Затем у него появилась новая страсть: драгоценные камни. На одном Бале-маскараде он появился в костюме французского адмирала Анн де Жуайез, и на его камзоле было нашито пятьсот шестьдесят жемчужин. Это увлечение длилось много лет, — даже, можно сказать, до конца его жизни. Он способен был целые дни перебирать и раскладывать по футлярам свою коллекцию. Здесь были оливковозеленые хризобериллы, которые при свете лампы становятся красными, кимофаны с серебристыми прожилками, фисташковые перидоты, густорозовые и золотистые, как вино, топазы, карбункулы, пламенноалые, с мерцающими внутри четырехконечными звездочками, огненнокрасные венысы, оранжевые и фиолетовые шпинели, аметисты, отливавшие то рубином, то сапфиром. Дориана пленяло червонное золото солнечного камня, и жемчужная белизна лунного камня, и радужные переливы в молочном опале. Ему достали в Амстердаме три изумруда, необыкновенно крупных и ярких, и старинную бирюзу, предмет зависти всех знатоков.

Дориан всюду разыскивал не только драгоценные камни, но и интереснейшие легенды о них. Так, например, в сочинении Альфонсо «Clericalis Disciplina» упоминается о змее с глазами из настоящего гиацинта, а в романтической истории Александра рассказывается, что покоритель Эматии видел в долине Иордана змей «с выросшими на их спинах изумрудными ошейниками».

В мозгу дракона, как повествует Филострат, находится драгоценный камень, «и если показать чудовищу золотые письмена и пурпурную ткань, оно уснет волшебным сном, и его можно умертвить».

По свидетельству великого алхимика Пьера де Бонифаса, алмаз может сделать человека невидимым, а индийский агат одаряет его красноречием. Сердолик утишает гнев, гиацинт наводит сон, аметист рассеивает винные пары. Гранат изгоняет из человека бесов, а от акварина бледнеет луна. Селенит убывает

и прибывает вместе с луной, а мелоций, изобличающий вора, теряет силу только от крови козленка.

Леонард Камилл видел извлеченный из мозга только что убитой жабы белый камень, который оказался отличным противоядием. А безоар, который находят в сердце аравийского оленя, — чудодейственный амулет против чумы. В гнездах каких-то аравийских птиц попадает камень аспилат, который, как утверждает Демокрит, предохраняет от огня того, кто его носит.

В день своего коронавания король цейлонский проезжал по улицам столицы с большим рубином в руке. Ворота дворца пресвитера Иоанна «были из сердолика, и в них был вставлен рог ехидны — для того, чтобы никто не мог внести яда во дворец».

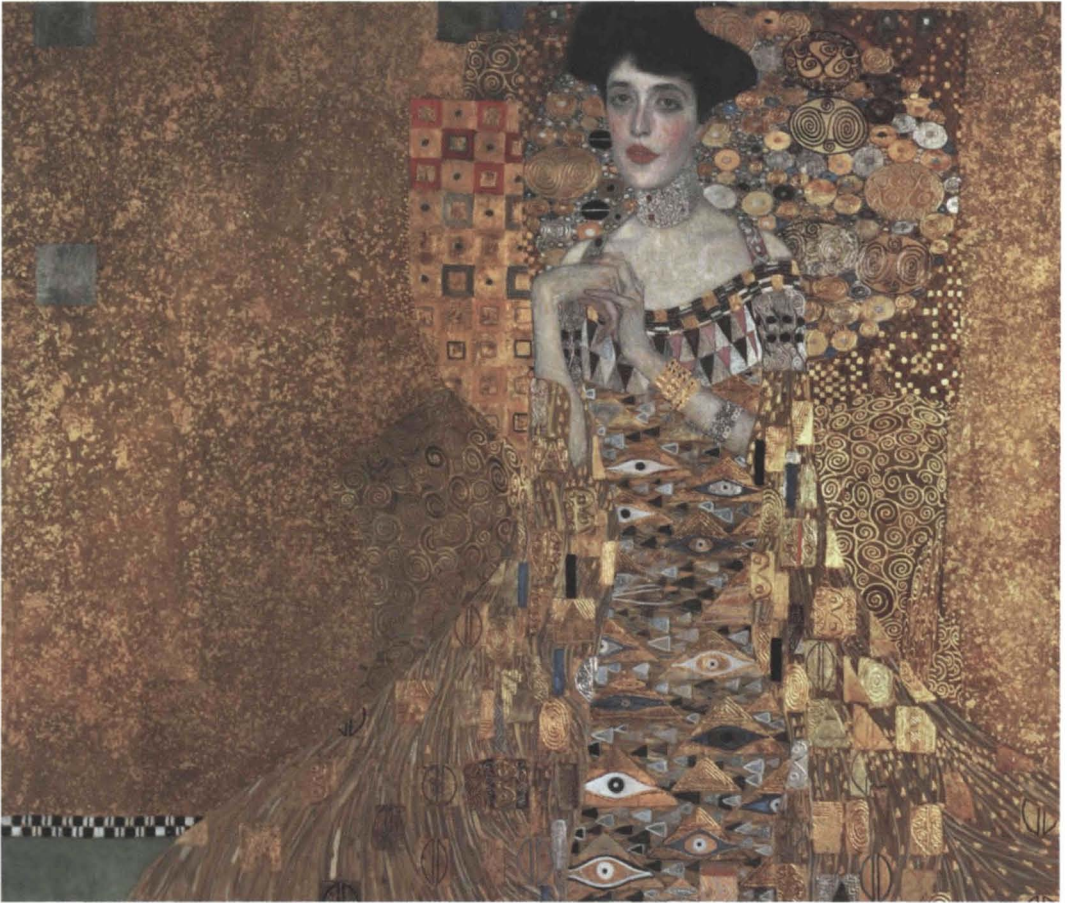
На шпиле красовались «два золотых яблока, а в них два карбункула — для того, чтобы днем сияло золото, а ночью — карбункулы». В странном романе Лоджа «Жемчужина Америки» рассказывается, что в покоях королевы можно было увидеть «серебряные изображения всех целомудренных женщин мира, которые гляделись в красивые зеркала из хризолитов, карбункулов, сапфиров и зеленых изумрудов».

Марко Поло видел, как жители Чипангу кладут в рот своим мертвецам розовые жемчужины. Существует легенда о чудище морском, влюбленном в жемчужину. Когда жемчужина эта была выловлена водолазом для короля Перозе, чудище умертвило похитителя и в течение семи лун оплакивало свою утрату. Позднее, как повествует Прокопий, гунны заманили короля Перозе в западню, и он выбросил жемчужину. Ее нигде не могли найти, хотя император Анастасий обещал за нее пятьсот фунтов золота.

А король малабарский показывал одному венецианцу четки из трехсот четырех жемчужин — по числу богов, которым этот король поклонялся.

Когда герцог Валентинуа, сын Александра Шестого, приехал в гости к французскому королю Людовику Двенадцатому, его конь, если верить Брантому, был весь покрыт золотыми листьями, а шляпу герцога украшал двойной ряд рубинов, излучавших ослепительное сияние. У верхового коня Карла Английского на стремянах было нашито четыреста двадцать

бриллиантов. У Ричарда Второго был плащ, весь покрытый лапами, — он оценивался в тридцать тысяч марок. Холл так описывает костюм Генриха Восьмого, ехавшего в Туэр на церемонию своего коронования: «На короле был кафтан из золотой парчи, нагрудник, расшитый бриллиантами и другими драгоценными камнями, и широкая перевязь из крупных лалов». Фаворитки Иакова Первого носили изумрудные серьги в филигранной золотой оправе. Эдвард Второй подарил Пирсу Гэйвстону доспехи червонного золота, богато

украшенные гиацинтами, колет из золотых роз, усыпанный бирюзой, и шапочку, расшитую жемчугами. Генрих Второй носил перчатки, до локтя унизанные дорогими камнями, а на его охотничьей рукавице были нашиты двенадцать рубинов и пятьдесят две крупные жемчужины. Герцогская шапка Карла Смелого, последнего из этой династии бургундских герцогов, была отделана грушевидным жемчугом и сапфирами.

(Пер. М. Абкина)

Гюстав Моро
Юпитер и Семела, 1895
Париж, Музей Гюстава Моро

Густав Климт
Адель Блох-Бауэр I, 1907
Вена, Австрийская галерея

Hadim No

La... ..

Obake

La... ..

La... ..

*Hyssopus... ..
Linn. S. N. p. 591. n. 36.*

Had. ad.

Had. ad.

Had. ad.

Had. ad.

Had. ad.

*Sept. Elongata
De Geer Inf. Tom. 5. p. 134.*

*Septura Tabacicolor
De Geer Inf. T. 5. p. 139.*

*Pustula... ..
Cape...*

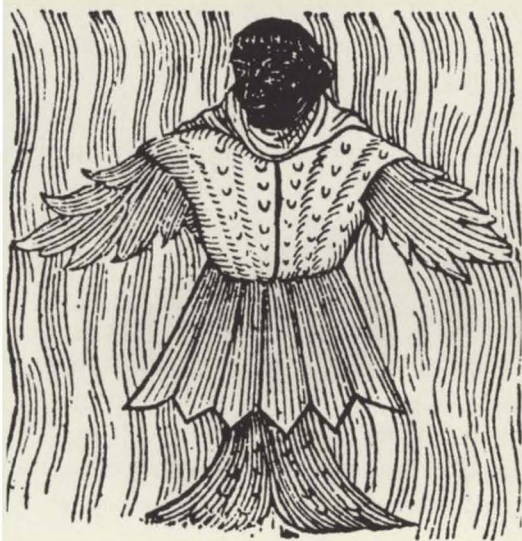
Th...

Th...

12. Кунсткамеры

На определенном этапе коллекционерство пережило перелом. Начиная с Возрождения главным дивом представляются уже не сувениры из заморских стран (понемному, по крайней мере с конца XV века, из легендарных эти вещицы становятся обычными), не занимательные вещи и не мощи святых, а тело человека и его загадочные (до вчерашнего дня) тайны. В этой светской, научной перспективе иначе организовывалось и собирательство диковин. Раньше в диковинах видели предвестия необычайных событий — и в этом смысле был популярен труд Конрада Вольфгарта, известного под именем Ликосфен: *Prodigiorum ac ostentorum chronicon* (*Календарь чудес и предзнаменований*, 1557). В эпоху барокко и позже диковины стали восприниматься как объект *научного* или, по крайней мере, протонаучного интереса. Появляются толкования в духе физики, хотя понятие «физика» еще весьма своеобразно и *Занимательной физикой* называется монументальный труд (1600 страниц и несколько десятков гравюр) иезуита Каспара Шотта (1662), где описаны все известные в ту пору естественные уродства. Там говорится и об экзотических животных (слонах, жирафах), но чаще о шутках природы, о существах, издали казавшихся мореходам и путникам (помнившим рассказы о легендарных чудищах) похожими на монстров из бестиариев, так что порой обычных дюгоней принимали за сказочных сирен.

Появились *Des monsters et prodiges* (*Об уродах и чудесах*) Амбруаза Паре (1573), *Historia animalium* (*История животных*) Конрада Гесснера (1555), *Monstrorum historia* (*История уродов*) Улисса Альдрованди (1642), *Historia naturalis* (*Естественная история*) Яна Йонстона (1653) и *Des monstris* (*Об уродах*) Фортуньо Личети (1665). Расписывая природные убожества, эти авторы попутно вносили важный вклад в развитие биологии.

Человек с большими ушами
Из кн. Конрада Ликосфена *Prodigiorum
ac ostentorum chronocon*, Базель, 1557

Человек с журавлиной головой
Из кн. Конрада Ликосфена *Prodigiorum
ac ostentorum chronocon*, Базель, 1557

Рыба-епископ
Из кн. Конрада Ликосфена *Prodigiorum
ac ostentorum chronocon*, Базель, 1557

Иона и Кит
Из кн. Конрада Ликосфена *Prodigiorum
ac ostentorum chronocon*, Базель, 1557

Эти книги со множеством иллюстраций — своды, перечни необычайных вещей. Их предметный аналог — Кунсткамеры, они же Вундеркамеры, комнаты чудес, кабинеты диковин, прообразы нынешних естественнонаучных музеев, где одни пытались систематизировать и организовать все, что следовало знать, а другие коллекционировали всякую невидаль и небывальщину, странные предметы и феноменальные диковины вроде чучела крокодила, которое обычно парило над помещением, подвешенное к замку свода. Во многих таких собраниях, например в Кунсткамере Петра I в Санкт-Петербурге, хранятся заспиртованные зародыши-уродцы. В музее восковых фигур Флорентийской Обсерватории собраны редкие анатомические препараты, гиперреалистические шедевры, являющие собой вскрытые тела во всей красе плавных переходов от розового до темно-красного и коричневого цвета, пышные органы: печенки, легкие, желудки, селезенки.

О Кунсткамерах мы знаем большей частью по рисункам и гравюрам из каталогов. Изображаются дробные стеллажики, в которых подобраны камни, ракушки, скелеты редких животных, а порой и плоды буйной фантазии чучельников, способных изобретать несуществующих зверей. Эти стеллажики напоминают музеи в миниатюре, и кажется, что выставленные в их многочисленных отсеках экспонаты, вырванные из привычного контекста, рассказывают какую-то безумную, невероятную историю.

Из иллюстрированных каталогов (в первую очередь это *Museum Celeberrimum* — Знаменитейший музей — Георга Сепибуса 1678 г. и *Museum Kircherianum* — Музей Кирхера — иезуита Филиппа Бонанни 1709 г.), мы узнаем, что в коллекции, собранной Афанасием Кирхером в Коллегии Иезуитов в Риме, были античные статуи, языческие ритуальные предметы, амулеты, китайские божки, вотивные картины, две доски с пятьюдесятью воплощениями Брахмы, римские надгробные надписи, светильники, кольца, печати, застежки, браслеты, гири, колокольчики, камни и окаменелости, в частности с природными вкраплениями. Еще там имелось целое собрание экзотических предметов *ex variis orbis plagis collectum* (собранных по странам разных широт): пояса бразильских туземцев, украшенные зубами съеденных врагов, экзотические птицы и другие забальзамированные животные, малабарская книга из пальмовых листьев, поделки из Турции, китайские весы, оружие варваров, индийские плоды, ступня египетской мумии, зародыши от сорока дней до семи месяцев, скелеты орлов, удонов, сорок, дроздов, бразильских обезьян, кота с пойманной

крысой, крота, дикобраза, лягушки, хамелеона. Там были и морские водоросли, и акула, и зуб тюленя, а также крокодил, броненосец, скелет хамелеона, тарантул, голова гиппопотама, рог носорога, собака-урод в банке под бальзамическим уксусом, кости гигантов, музыкальные и математические инструменты, пробы вечного двигателя, механизмы и приспособления по образу и подобию машин Архимеда и Герона Александрийского, архимедов винт, восьмиугольное катоптрическое устройство, размножающее фигурку слона, «так что кажется, будто перед тобой целое стадо слонов, сошедшихся со всей Азии и со всей Африки», гидравлические машины, телескопы и микроскопы с насекомыми для разглядывания, глобусы земные, глобусы небесные, астролябии, планисферы, часы солнечные, водяные, механиче-

Кабинет диких животных Оле Ворма
 Фронтиспис *Musei Wormiani Historia*
 Гравюра 1655
 Модена, Библиотека д'Эсте

ские, магнитные, линзы, клепсидры, приборы для измерения температуры и влажности, живописные и иные изображения горных бездн, обрывов, лесных чащоб, пенящихся волн, морских пучин, холмов, архитектурных перспектив, руин, древних памятников, битв, кровавых избиений, поединков, триумфов, дворцов, библейских таинств, поэтические комментарии к истории, изображения богов.

В своем безудержном эклектизме Кунсткамера стремилась стать символом мечты об исчерпывающем научном познании мира, которую утопически выразил **Фрэнсис Бэкон** в *Новой Атлантиде*: только в его доме чудес собраны не природные диковины, а порождения человеческого разума, природу покорившего и преобразившего.

Музей фармацевта Ферранте Императо
Гравюра, 1678
Милан, частное собрание

Франс Франкен II
Собрание произведений искусства и диковин, ок. 1636
Вена, Музей истории искусства

Всего понемногу
Собрание диких кузин Парминтер,
XVIII в.

На с. 208–209:
Доменико Ремпс
Хлам, XVII в.
Флоренция, Музей фабрики камней

Фрэнсис Бэкон**НОВАЯ АТЛАНТИДА**

(1627)

Я подарю тебе величайшую из драгоценностей, какими владею; ибо открою тебе, во имя любви к Богу и людям, истинный устав Соломонова дома. А для этого, сын мой, я буду держаться следующего порядка. Прежде всего изложу цель, ради которой он был основан; во-вторых, опишу сооружения и приборы, какими располагаем мы для наших работ; в-третьих, расскажу о разделении труда и обязанностей между членами Дома; и, наконец, — о наших обычаях и порядках.

Целью нашего общества является познание причин и скрытых сил всех вещей; и расширение власти человека над природою, покада все не станет для него возможным.

Для этого располагаем мы следующими сооружениями: есть у нас обширные и глубокие рудники различной глубины; наиболее глубокие достигают 600 морских сажен; а некоторые вырыты под высокими холмами и горами; так что если сложить вместе высоту холма и глубину рудника, то некоторые из них достигают в глубину трех миль. Ибо мы полагаем, что внутренность горы, считая до поверхности земли, и глубина рудника, считая также от земной поверхности, в сущности одно и то же; ибо они равно лишены солнечных лучей и доступа воздуха. Эти рудники называются у нас нижнею сферой и применяются для всякого рода сгущения, замораживания и сохранения тел. Мы пользуемся ими также для воссоздания природных рудников и для получения новых, искусственных металлов из составов, которые закладываем туда на многие годы. Иногда (пусть не покажется это странным) мы пользуемся ими для лечения некоторых болезней и для продления жизни отшельников, которые соглашаются поселиться там, снабженные всем необходимым, и живут, действительно, очень долго; так что мы многому от них научились. Применяем мы также захоронение в различных почвах всякого рода составов, как это делают китайцы со своим фарфором. Только у нас составы эти более разнообразны, а некоторые сорта их более тонки. Нам известны также различные способы изготовлять пере-

гной и сложные удобрения, делающие почву более плодородной.

Есть у нас высокие башни; самые высокие из них достигают полумили, а некоторые выстроены на высоких горах; так что если прибавить еще и высоту горы, то в самой высокой из башен будет не менее трех миль. Эти места называем мы верхней сферой, а то, что находится посредине — среднею сферой. Эти башни служат нам, сообразно с их высотой и расположением, для прокаливания на солнце, для охлаждения или для сохранения тел, равно как и для наблюдений над явлениями природы, как-то: над ветрами, дождем, снегом, градом, а также некоторыми огненными метеорами. В некоторых из этих башен обитают отшельники, которых мы по временам навещаем, чтобы поручить то или иное наблюдение. Есть у нас обширные озера, как соленые, так и пресные, служащие для разведения рыбы и водяной птицы, а также для погружения некоторых тел; ибо мы обнаружили, что тела сохраняются различно, смотря по тому, погребены ли они в земле, хранятся в подземелье, или же погружены в воду. Есть у нас также водоемы, где мы получаем пресную воду из соленой или, наоборот, соленую из пресной. Есть скалы посреди моря и заливы, вдающиеся в сушу, предназначенные для некоторых работ, требующих морского воздуха и испарений. Есть также бурные потоки и водопады, служащие для получения многих видов движения, и всякого рода двигатели для увеличения силы ветра, также обращаемой нами в различного рода движение.

Немало у нас искусственных колодцев и источников, подражающих природным и содержащих примеси купороса, серы, железа, меди, свинца, селитры и других веществ. Есть также особые небольшие водоемы для получения настоев, где вода приобретает желаемые свойства быстрее, чем в сосудах. И среди них один, называемый райским источником; ибо мы придали ему могучие свойства, способствующие сохранению здоровья и продлению жизни. Есть у нас обширные помещения, где мы искусственно вызываем и показываем различные явления природы, как-то: снег, дождь, искусственный дождь из различных твердых тел, гром, молнию, а также зарождение из воздуха живых существ: лягушек, мух и некоторых других.

Марк Дион и Роберт Уильямс
Theatrum Mundi: Armarium, 2001
 Кембридж, Университет,
 церковь Иезуитского колледжа

Есть у нас особые комнаты, называемые комнатами здоровья, где мы наделяем воздух теми свойствами, которые считаем целебными при различных болезнях и для сохранения здоровья. Есть у нас просторные купели, наполненные различными лекарственными составами для излечения болезней и предохранения человеческого тела от высыхания, и еще другие составы для укрепления мускулов, важнейших органов и самой жизненной субстанции.

Есть у нас обширные и разнообразные сады и огороды, в которых мы стремимся не столько к красоте, сколько к разнообразию почв, благоприятных для различных деревьев и трав. В некоторых из садов, наиболее обширных, мы сажаем разные деревья и ягодные кусты, служащие для приготвления напитков; и это не считая виноградников. Там производим мы также опыты различных прививок как над дикими, так и над фруктовыми деревьями, дающие разнообразные результаты. Там заставляем мы деревья цвести раньше или позднее положенного времени, вырастать и плодоносить скорее, нежели это наблюдается в природных условиях. С помощью науки мы достигаем того, что они становятся много пышней, чем были от природы, а плоды их — крупнее и слаще, иного вкуса, аромата, цвета и формы, нежели природные. А многим из них придаем целебные свойства.

Нам известны способы выращивать различные растения без семян, одним только смещением почв, а также способы выводить новые виды растений, отличные от существующих, и превращать одно дерево или растение в другое. Есть у нас всевозможные парки и заповедники для животных и птиц, которые нужны нам не ради одной лишь красоты или редкости, но также для вскрытий и опытов; дабы знать, что можно проделать над телом человека. При этом нами сделано множество необычайных открытий, как, например, сохранение жизнеспособности после того, как погибли и были удалены органы, которые вы считаете жизненно важными; оживление животных после того, как, по всем признакам, наступила смерть, и тому подобное. На них испытываем мы яды и иные средства, хирургические и лечебные. С помощью науки делаем мы некоторые виды животных крупней, чем положено их породе, или, напротив, превращаем в карликов, за-

держивая их рост; делаем их плодовитее, чем свойственно им от природы, или, напротив, бесплодными; а также всячески разнообразим их природный цвет, нрав и строение тела. Нам известны способы случать различные виды, от чего получилось много новых пород, и притом не бесплодных, как принято думать. Из гнили выводим мы различные породы змей, мух и рыб, а из них некоторые преобразуем затем в более высокие виды живых существ, каковы звери и птицы; они различаются по полу и производят потомство. И это получается у нас не случайно, ибо мы знаем заранее, из каких веществ и соединений какое создание зародится. Есть у нас особые водоемы, где подобные же опыты производятся над рыбами. Есть у нас особые места для разведения червей и бабочек, имеющих какие-либо полезные свойства, вроде ваших пчел или шелковичных червей. Не буду утруждать твоего слуха перечислением наших пивоварен, пекарен и кухонь, где готовятся различные напитки, хлеба и кушанья, имеющие особые свойства. Вино выделяем мы из винограда, а напитки из фруктовых соков, зерна и корней; а также из смесей и настоек меда, сахара, манной и сухих фруктов, или из древесных соков и сердцевин тростника. Напитки эти выдерживаются — иные до сорока лет. Есть у нас также целебные напитки из трав, корней и пряностей, куда добавляют иной раз белого мяса; причем некоторые из них могут служить одновременно и питьем и пищею; так что немало людей, особенно в преклонных летах, питаются ими, почти или вовсе не употребляя мяса и хлеба. Особенно стараемся мы изготавливать напитки из мельчайших частиц, которые проникали бы в тело, но при этом не были бы на вкус едкими и раздражающими, и уже получаем такие, что, будучи вылиты на тыльную сторону руки, вскоре просачиваются до ладони, вкус же имеют приятный. Есть у нас воды, которым мы умеем придавать питательные свойства и превращать в отличные напитки; так что многие предпочитают их всем прочим. Хлеб печем мы из различного зерна, корней и орехов, а иногда из сушеного мяса или рыбы, с большим разнообразием заквасок и приправ.

(Пер. З. Александровой)

На с. 212–213:
Большой зал Музея времени
Музей Этторе Гвателли, Оццано Таро, Парма

Андре Бретон
Рваный чулок, 1941
Нью-Йорк, Галерея Пьера Матисса

13. Определение: по списку свойств или по сущности?

Мы уже знакомы со списками неисчислимо многих вещей (воинов под стенами Трои, ангелов, предстоящих Господу, картин в музее, мест на свете). Известны, однако, и списки неисчисляемых свойств одной вещи. Бином «форма — перечень» соответствует двум способам познания и определения вещей.

Мечтой философии и науки со времен Древней Греции было познавать и определять вещи *по сущности*. Начиная с Аристотеля, определение по сущности предполагало, что предмет определяется как частный случай своего вида, а вид, в свою очередь, определяется как частный случай своего рода. Не вдаваясь в логические нюансы, скажем, что определить человека как «бесперое двуногое существо» значит увидеть его как частный случай (вид без перьев) обширного рода двуногих, который, в свою очередь, есть частный случай царства животных, а царство животных принадлежит к разряду живых существ. Можно определить и человека как *разумное смертное животное*: это значит увидеть его как частный случай смертных животных (к которым принадлежат также ослы и лошади), а смертные, в свою очередь, принадлежат к разряду живых существ¹.

Современная систематизация следует тому же принципу при определении тигра или утконоса. Естественно, система классов и подклассов сложнее, и поэтому тигр определяется как кошка, тигр (*felis tigris*) семейства кошачьих подотряда *Fissipedia* отряда хищников подкласса плацентарных класса млекопитающих; а утконос относится к подклассу однопроходных млекопитающих. Однако с обнаружения утконоса до его определения как однопроходного млекопитающего прошло целых восемьдесят лет, на протяжении которых люди решали, как и куда его классифицировать, а он пребывал в тревожной неопределенности, был просто зверьком величиной с крота, с маленькими глазками,

четырьмя пальцами на передних лапах, соединенными перепонками, которые больше чем перепонки, соединяющие пальцы на задних лапах, с хвостом, утиным клювом, лапами, служащими для плавания, а также для рытья нор, несущим яйца и в то же время выкармливающим детенышей молоком. Именно так описал бы его не-ученый. Характерно, что, руководствуясь таким описанием (кстати, неполным) через перечисление свойств, всякий может отличить утконоса от быка, тогда как, зная только, что это однопроходное млекопитающее, никто бы понятия не имел, как опознать утконоса при встрече.

С другой стороны, если ребенок спросит у мамы, что такое тигр, вряд ли мама станет объяснять, что это плацентарное млекопитающее или хищник подотряда *fissipedia*, скорее она просто скажет, что это дикий зверь, похожий на кошку, но только большой, проворный, рыжий в черную полоску, живет в джунглях, иногда нападает на людей, и так далее. Хорошее описание, чтобы узнать тигра и при случае постараться избежать с ним встречи.

К определению по свойствам прибегают, когда не существует определения по сущности или же оно оказывается неудовлетворительным. А значит, оно характерно или для примитивной культуры, еще не научившейся строить иерархии родов и видов, или для культуры очень зрелой (и возможно, переживающей кризис), которая норовит поставить под сомнение все прежние определения. Определение через свойства является, по Аристотелю, определением по акциденциям. Если определение по сущности принимает в расчет субстанции и претендует на полное и исчерпывающее их описание (например, живое, животное или растение), то для определения через свойства подойдут все возможные акциденции: и о тигре оно сможет сообщить не только, что это четвероногое существо, похожее на большую полосатую кошку, но и что один тигр по имени Шерхан был врагом Маугли в *Книге джунглей* Киплинга, что существуют различия между бенгальским и китайским, индокитайским или малайским тиграми (а может, даже, что в один прекрасный день во времена императора Нерона некий тигр в Колизее обратил взор свой на Запад, или что 24 мая 1846 года еще один тигр был убит английским майором по фамилии Фергюсон, и так далее).

В действительности мы крайне редко даем определения по сущности и гораздо чаще определяем вещи по их свойствам. И таким

Эрнст Геккель
Асцидия, литография № 85 из кн. *Художественные
 формы природы*, 1899

образом получается, что все списки, определяющие предмет через не претендующий на завершенность ряд свойств, при всей своей упоительности, по большей части приближаются к тому, как мы определяем и узнаем вещи в повседневной жизни (а не в научном контексте).

Естественно, список свойств может приводиться и с целью дать оценочное определение. Мы уже видели, как превозносит Тир Иезекииль, можем также вспомнить прославление Англии в *Ричарде II* **Шекспира**.

Типичный пример оценочного списка свойств — это топос *laudatio puellae* (восхваление девицы), то есть описание женской красоты (высочайший образец жанра — *Песнь Песней Соломона*).

Но прием этот можно обнаружить и у такого современного автора, как **Рубен Дарио**, чья *Песнь Аргентине* изобилует хвалебными перечнями, напоминающими лирику Уитмена.

Параллельно существуют *vituperatio puellae* или *dominae* (поругание девицы или госпожи), то есть описания безобразных женщин, которые можно встретить у **Клемана Маро** (в нашей антологии, однако, это стихотворение приведено в главе об избыточных списках), у **Бертоне**, а также самоописания безобразных мужчин, как в знаменитой тираде Сирано де Бержерака о своем длинном носе в пьесе **Ростана**.

¹ Здесь мы не будем касаться извечной проблемы *специфического различия*, в соответствии с которым человек выделяется как разумное животное из других, неразумных, животных. Об этом см. нашу книгу *Semiotica e filosofia del linguaggio*, cap. 2, Torino, Einaudi, 1984. О ситуации с утконосом см. нашу книгу *Kant e l'ornitoronco*, Milano, Bompiani, 1997.

Уильям Шекспир

РИЧАРД II, акт II, сцена I

(1595)

Подумать лишь, — что царственный сей остров,
 Страна величия, обитель Марса,
 Трон королевский, сей второй Эдем,
 Противу зол и ужасов войны
 Самой природой сложенная крепость,
 Счастливейшего племени отчизна,
 Сей мир особый, дивный сей алмаз
 В серебряной оправе океана,
 Который, словно замковой стеной
 Иль рвом защитным ограждает остров
 От зависти не столь счастливых стран;
 Что Англия, священная земля,
 Взрастившая великих венценосцев,
 Могучий род британских королей,
 Прославленных деяньями своими
 Во имя рыцарства и христианства
 Далеко за пределами страны, —
 До родины упорных иудеев,
 Где был Господь Спаситель погребен;
 Что эта драгоценная земля,
 Страна великих душ, жилище славы,
 Теперь сдана, — мне в этом слове смерть, —
 В аренду, словно жалкое поместье!
 Та Англия, что скована была
 Лишь торжествующей стихией моря
 И берег чей всегда давал отпор
 Завистливому натиску Нептуна, —
 Она позором скована теперь,
 Опутана бумажными цепями!
 Та Англия, что побеждала всех,
 Сама себя постыдно победила!
 О, если бы исчез со мною вместе
 И этот стыд, — я смерти был бы рад!

(Пер. М. Донского)

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ, 4: 1–7, 10–15; 6: 4–7; 7: 2–9

Красота невесты

О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы Галаадской;

Зубы твои, как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними;

Как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими;

Шея твоя, как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем — все щиты сильных.

Два сосца твои, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями.

Доколе день дышит прохладой, и убегают тени, пойду я на гору мирровую и на холм фи-миама.

Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе.

О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста; о, как много ласки твои лучше вина, и благоговение мастей твоих лучше всех ароматов!

Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана!

Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник:

Рассадники твои — сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами,

Нард и шафран, аир и корица со всякими благоуханными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами;

Садовый источник — колодезь живых вод
и потоки с Ливана.

Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца,
любезна, как Иерусалим, грозна, как полки
со знаменами.

Уклони очи твои от меня, потому что они вол-
нуют меня.

Волосы твои — как стадо коз, сходящих с Гала-
ада; зубы твои — как стадо овец, выходящих
из купальни, из которых у каждой пара ягнят,
и бесплодной нет между ними;

Как половинки гранатового яблока — ланиты
твои под кудрями твоими. [...]

Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как
луна, светлая, как солнце, грозная, как полки
со знаменами? [...]

О, как прекрасны ноги твои в сандалиях,
дщерь именитая! Округление бедр твоих, как
ожерелье, дело рук искусного художника;

Живот твой — круглая чаша, в которой не исто-
щается ароматное вино; чрево твое — ворох
пшеницы, обставленный лилиями;

Два сосца твои — как два козленка, двойни
серны;

Шея твоя, как столп из слоновой кости; глаза
твои — озерки Есевонские, что у ворот Батраб-
бима; нос твой — башня Ливанская, обращен-
ная к Дамаску;

Голова твоя на тебе, как Кармил, и волоса
на голове твоей, как пурпур; царь увлечен тво-
ими кудрями.

Как ты прекрасна, как привлекательна, воз-
любленная, твоею миловидностью!

Этот стан твой похож на пальму, и груди твои
на виноградные кисти.

Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы
за ветви ее; и груди твои были бы вместо кис-
тей винограда, и запах от ноздрей твоих, как
от яблоков...

Рубен Дарио (1886–1916)

ПЕСНЬ АРГЕНТИНЕ

Аргентина, край утренних зорь!
Ты любовно объятья раскрыла
Всем, кто жаждет свободы в жизни.
Ты, в ком бродит творящая сила,
Распусти золотые ветрила!
Твой корабль из тумана веков
Гордо встав над пучиной морскою,
Указующий в дали рукою
Сам приветствует богоподобный
Христофор, славный князь моряков.
В словах твоих томных речей
Пульсирует музыка Вены;
Ресницы латинской сирены,
Огонь мавританских очей.
А нежная кожа сравнима
Не с кожей беленых актрис,
А с той, что лелеет без грима
Великобританская мисс;
Осанка и шик парижанки,
Строптивость парижских Диан;
Задорный румянец крестьянки
И свежесть родимых полей;
Всех таинств и чар отголоски,
И трепетный мрамор паросский,
И золото северных стран;
Жемчужной лилеи владенья,
Пластичная музыка строф,
Желанные чудо-виденья
Чарующе-гневных Голгоф;
Иллюзий волшебная свита
Следы лобызает твои,
Креольская Афродита,
владычица гордой любви!

(Пер. В. Столбова)

Клеман Маро

БЛАЗОН БЕЗОБРАЗНЫМ ТИТЯМ
(1535)

Тити, две висячих тити!
Хоть кого собой смутите!
Кожаные две сумы!
Поражаете умы!
Как знамёна в ясной выси,
две висите вислых сиси!
Ни малейшего стыда!
Знай ходить туда-сюда!
Тот и хват, кто пару тить
может с ходу ухватить!

Эх вы, пара сохлых титек!
Всяк морщинам вашим критик!
Кто б вас ни сработал, втёрт
В это дело, явно, чёрт!
Титьки вы, титюхи! Эко
водянисто ваше млеко!
Словно льют его сосцы
препаршивейшей овцы!

Вспаивать, титёхи, надо
Люциферово вам чадо!
Тити вы иль два мешка?
Что ни титя, то кишка!
Как кафтана рукавами,
Впору обмотаться вами!
Кто ни глянет, хочет всласть,
Получив над вами власть
И, понеже вы прегадки,
На руки надев перчатки,
Залепить носящей вас
Вами в морду пару раз.

(Пер. Е. Кассировой)

На с. 224–225:

Доменико Гирландайо
Рождение Девы Марии, 1490
Флоренция, Санта Мария Новелла

Роберт Бертон

ЛЮБОВЬ К НЕКРАСИВОЙ ЖЕНЩИНЕ
(1621)

«Любовь слепа», — гласит пословица.
Слеп Купидон, и слепы все его поклонники.
Тот, кто влюбился в лягушку, свято верит, что
перед ним Диана. Влюбленный сверх меры
восхищен своей возлюбленной, даже если
она — само безобразие и природа совершенно
обделила ее; даже если она дряблая, прыща-
вая, рыжая, желтая, черная, белая, как воск,
с лицом плоским и круглым, как у шута, или
же худым, высохшим и сморщенным, как
у младенца; даже если она рябая, скрюченная,
сплошная кожа да кости, изможденная, с гла-
зами навывкате, гноящимися или вытарашен-
ными, со взглядом кошки, прижатой дверью,
с поникшей, тяжелой головой, с глазницами
глубокими, почерневшими и пожелтевшими;
даже если она косоглаза и, как воробей, ши-
роко разевает рот; даже если нос ее крючкова-
тый, как у персов, или же длинный и тонкий,
как у лисицы, или же красный, огромный и
сплюснутый, как у китайцев, нос плоский, нос
курносый, зубы редкие и выступающие, чер-
ные, гнилые, неровные, покрытые камнем,
брови, напоминающие усы таракана, подбо-
родок, покрытый пухом, как у ведьмы; даже
если она зобастая, как баварка, с носом, вечно
хлюпающим зимой и летом, острым подбород-
ком, оттопыренными ушами, длинной и кри-
вой, как у журавля, шеей, *pendulis mammis*
(с обвислыми грудями), «с грудями, подобны-
ми двум шипам», или же, напротив, плоски-
ми, как доска, с узловатыми пальцами, с ног-
тями длинными, неровными и черными от гря-
зи, с шершавыми руками и ногами, почернев-
шей кожей, трухлявыми костями; даже если
она горбатая, кривая и хромая, страдает плос-
костопием, «стройная, как корова», кривоно-
гая, косолапая, с вонючими ногами и вшивой
головой; чудище, насмешка природы с непри-
ятно пахнущей кожей, хриплым голосом и раз-
вязными манерами; громадная бабища, гнус-
ная карлица, толстая, чумазная посудомойка,
скрюченная загогулина, китовый ус, длинный
и сухой, тень, скелет [...] она подобна дерьму
при свете лампы, она хуже, чем ты мог бы себе
представить, ты ненавидишь ее, она тебе про-

тивна, ты с наслаждением плюнул бы ей в лицо или высморкался прямо ей на грудь — подобное *remedium amoris* (лекарство от любви) ты прописал бы другим как действенное противоядие; шлюха, мерзавка, зануда, бесстыдница, скотина, потаскуха, похабница, попрошайка, кляча, замарашка, дура, сплетница. [...] Влюбившись в подобное создание, он будет обречен восхищаться им всю жизнь.

(Пер. И. Макарова)

Франсиско Гойя
Шабаш ведьм (фрагмент), 1819–1823
Мадрид, Прадо

На с. 228:
Джанкарло Витали
«Хвост» горносталя, 1999
Частное собрание

На с. 229:
Макс Бекман
Женская баня, 1919
Берлин, Национальная галерея

Эдмон Ростан

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК, I, сцена IV
(1897)

Что ж дальше? Ничего? Напрасно.
Я откровенно вам скажу:
Вы не были красноречивы.
Нет, не шутя, я нахожу,
Что лучше пошутить могли вы.
Все время изменяя тон,
Могли не пощадить вы носа.
Могли сейчас со всех сторон
Коснуться этого вопроса.
Так, например, задорный тон:
«О, если б нос такой мне дан был провиденьем,
То ампутации подвергся б тотчас он».
Тон дружеский, и с легким сожаленьем:
«Наверно, вам мешает пить ваш нос
И наполняет чашку вашу?
Хотите, закажу я вам большую чашу?»
Тон описательный: «Да это пик! Утес!
Мыс! Что я — и не мыс, а полуостров целый!»
Тон любопытный и несмелый:

«Позвольте вас спросить, что это за предмет —
Чернильница или футляр для ножниц?»
Изящный тон: «Какая из художниц
Ему дала такой румяный цвет?»
Любезный: «Верно, вы большой любитель
птичек?»

Чтоб не нарушить их излюбленных привычек,
Вы приготовили насест удобный им».
Тон озабоченный: «Скажите, неужели,
Когда вы трубку курите в постели,
Соседи не спешат, заметив этот дым,
Скорее заливать с пожарным к вам насосом?»

Предупредительный: «Смотрите вы за носом —
Иль перевесит он, и прямо головой
Ударитесь вы вдруг о камни мостовой».

Тон нежный: «Милый нос! Он не боится света?
Чтоб он не потерял пленительного цвета
От солнца жаркого весны,
Вы зонтичек ему бы заказать должны».

Тон педантичный: «Тот лишь зверь мудреный,
Которого Аристофан ученый
Зовет гипокампелефантакамелос,
В глубокой древности имел подобный нос».

Тон щеголя: «Ага! Всегда поклонник моды,
Я вижу, изобрел ты вешалку для шляп?
Удобно, нету слов, и класть не надо в шкаф!»

Тон эмфатический: «О чудеса природы!
О нос! Чтоб простудить тебя всего,
Не хватит ветра одного:

Нужны тут, грозны и сердиты,
Вихрь, буря, ураган, циклон!»

Лирический: «Ваш нос труба, а вы тритон,
Чтобы участвовать в триумфе Амфитриты!»

А вот наивный тон:

«Прекрасный монумент! Когда для обозренья

Открыт бывает он?»

Тон недоверчивый: «Оставьте ухищренья!
К чему шутить со мной?

Отлично знаю я, что нос ваш накладной».
А вот вам тон умильный:

«Какою вывеской чудесною и стильной
Для парфюмера мог ваш нос служить!»

Почтительный: «Давно ль, позвольте вас
спросить,

Вы этой башнею владеете фамильной?»

Тон деревенский: «Э! Да это нешто нос?

С чего ж бы это так он перерос?

— Эх, ты! Не видишь, что ль, разиня,
Что это репа, а не то так дыня?»

Военный тон: «Штыки вперед!»

Практический: «А я для вас совет имею:

Хотите разыграть ваш нос вы в лотерею?

Кто выиграет, тот,

По правде, выигрыш большой себе возьмет!»

И, наконец, разыгрывая драму

И подражая пылкому Пирамуг

Вопить в слезах: «Вон он! Взгляните на него!

Нарушил этот нос — кто отрицать посмеет? —

Гармонию в чертах владельца своего.

Сам от измены этой он краснеет!»

Вот, сударь, что могли б вы мне наговорить,

Когда б хоть каплею рассудка обладали,

И то едва ли:

Вы не успели б рта раскрыть,

Как замолчали б моментально.

Сам шуткам над собой всегда я господин;

Но если вздумает другой шутить нахально,

Я замолчать его заставлю в миг один!

(Пер. Т. Щепкиной-Куперник)

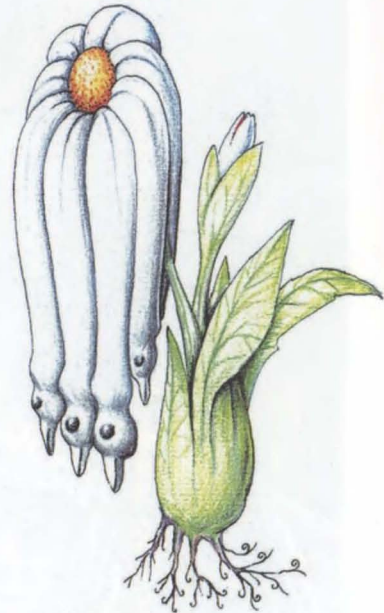
•န-ငါ့အိမ်အတွက်

‘အိမ်အတွက်’ ဝါ. အိမ်အတွက်

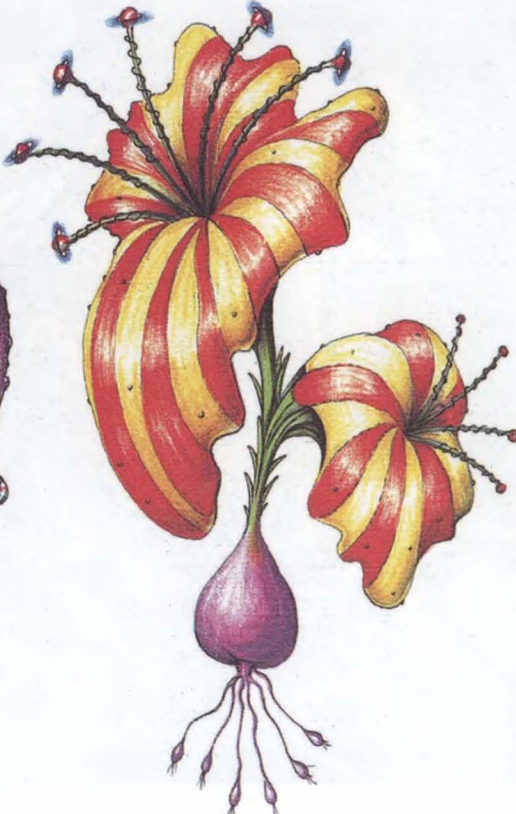
‘အိမ်အတွက်’ ဝါ. အိမ်အတွက်

‘အိမ်အတွက်’ ဝါ. အိမ်အတွက်

‘အိမ်အတွက်’ ဝါ. အိမ်အတွက်

‘အိမ်အတွက်’ ဝါ. အိမ်အတွက်

‘အိမ်အတွက်’ ဝါ. အိမ်အတွက်

14. Подзорная труба Аристотеля

Семантическое определение по сущности предполагает, что имеется дерево наподобие генеалогического, то есть упорядоченная система классов и подклассов, в которой по своим местам распределены частные факты и категории. Несущая структура первична, в функции от этой структуры распознаются частные факты, роды и виды. Частные факты могут быть распознаны лишь благодаря наличию структуры. Так вот, утконоса распознавали восемьдесят лет, постепенно открывая его безусловно противоречивые свойства (яйцекладывание, — но и млекопитание), до тех пор покуда научная классификация не создала (почти что *ad hoc*, именно для данного случая) подкласс однопроходных млекопитающих. В семиотике такие определения называются словарными: дать словарное определение собаки значит сказать, что это млекопитающее, хищное, плацентарное, семейства псовых.

На самом деле ни в одном словаре «из плоти и крови» (которые мы обычно используем) определения не являются узко «словарными»: даже приводя подобные дефиниции (впрочем, редко столь педантичные), словарь обязательно сообщает еще какие-либо отличительные свойства собаки, например, что это четвероногое существо, друг человека, всеядное, и так далее, и вдобавок перечисляет наиболее известные породы. Это определение через совокупность или ряд свойств, и его прообраз — не словарь, а что-то вроде недоделанной энциклопедии, принципиально не завершенной и ни в коем случае не структурированной раз и навсегда по типу дерева.

Неохватность энциклопедий приводила в ужас составителей первых словарей: в XVII веке знаменитый *Словарь Академии*

pag. 4

SCHEMA MATERIALIUM

LABORATORIO PORTATILI FX

PRO

I	MINERÆ								
II	METALLA								
III	MINERALIA		Bysmuth	Zinck	Marcafir	Kobolt	Zaffra	Magnesia	Magnes
IV	SALIA							Borax	Chrijfocolle
V	DECOMPOSITA								
VI	TERRÆ		Crocus	Crocus	Vitrum	Vitrum	Minium Litharginium	Cadmia Tutia	Ochra Schmalta
VII	DESTILLATA		Sp	Sp	Sp	Sp V	Sp		Sp
VIII	OLEA	Ol	Ol	Ol ferd	Ol p deliq	Butyr	Liquor Silicium	Ol Therebent	
IX	LIMI	C.V.	Arena... Kneres	Creta Rubrica	Terra sigillata Bolus	Hematites Smiris	Talcum	Granati	Asbestus
X	COMPOSITIONES	Fluxus Niger	Fluxus Albus	Era Tinctura	Coloriza	Decoctio	Tirapelle		

Иоганн Иоахим Бехер
Классификация известных веществ
Из кн. *Opuscula chymica rariora*
Нюрнберг, 1719

Круска, не имея в распоряжении научных методов классификации (они были разработаны позднее), определил собаку как «известное животное». Только барочное мышление с его тягой к беспредельному и необыкновенному сумело породить энциклопедические структуры, включавшие бесконечные перечисления свойств.

Чтобы объяснить, в чем превосходство немецкого языка над всеми остальными, Георг Филипп Гарсдёрфер (*Frauenzimmer Gesprächspiele* — *Женские занимательные беседы*, 1641) не пишет стройный трактат по лингвистике, но утверждает, что немецкий «говорит языком природы, ощутимо воспроизводя все звуки... Он гремит вместе с небом, сверкает вместе с быстрыми грозовыми тучами, искрится вместе с градом, воет вместе с ветром, бурлит вместе с волнами, скрежещет вместе с замками, звенит вместе с воздухом, грохочет вместе с пушками, рычит, как лев, мычит, как бык, ревет, как медведь, трубит, как олень, блеет, как овца, хрюкает, как свинья, лает, как собака, ржет, как лошадь, шипит, как змея, мяукает, как кошка, гогочет, как гусь, крикает, как утка, жужжит, как шершень, кудахчет, как курица, щелкает клювом, как аист, каркает, как ворона, щебечет, как ласточка, чирикает, как воробей...»

В своем трактате *Подзорная труба Аристотеля* (1665) Эмануэле Тезауро предлагает модель метафоры как способа раскрытия непривычных связей между известными явлениями. Речь идет о том, чтобы выстроить свод знакомых вещей, глядя на который, метафорическое мышление сможет уловить незнакомые связи. Таким образом Тезауро выдвигает идею Систематической Классификации, которую можно было бы назвать гигантским словарем, если бы сходство со словарем не было чисто внешним: ведь число приведенных в ней свойств велико настолько, что поневоле задумываешься, исчерпывается ли оно перечисленными свойствами или может расти и дальше. Свой метод он, со свойственным барокко восторгом перед чудесной находкой, называет «подлинно секретным, чудодейственным методом», неисчерпаемым кладезем бесчисленных метафор и изощренных концептов, утверждая, что «Острый Разум не в ином коренится, как в умелом проникновении в сущность предмета и в выискивании глубоко запрятанных нескольких его свойств, сообразно числу определенных категорий, и затем свойства эти следует остроумно сопоставлять одно с другим» (пер. Е. Костюкович) — иными словами, коренится он в умении уловить аналогии и сходства, которые

остались бы незамеченными, если бы каждый предмет оставался бы в той категории, куда попал при классификации.

Итак, автор берется привести в одной книге десять категорий Аристотеля (Сущность и девять Категорий свойств), под каждой Категорией перечислить ее Части, а под каждой частью — Предметы, «к оной части принадлежащие».

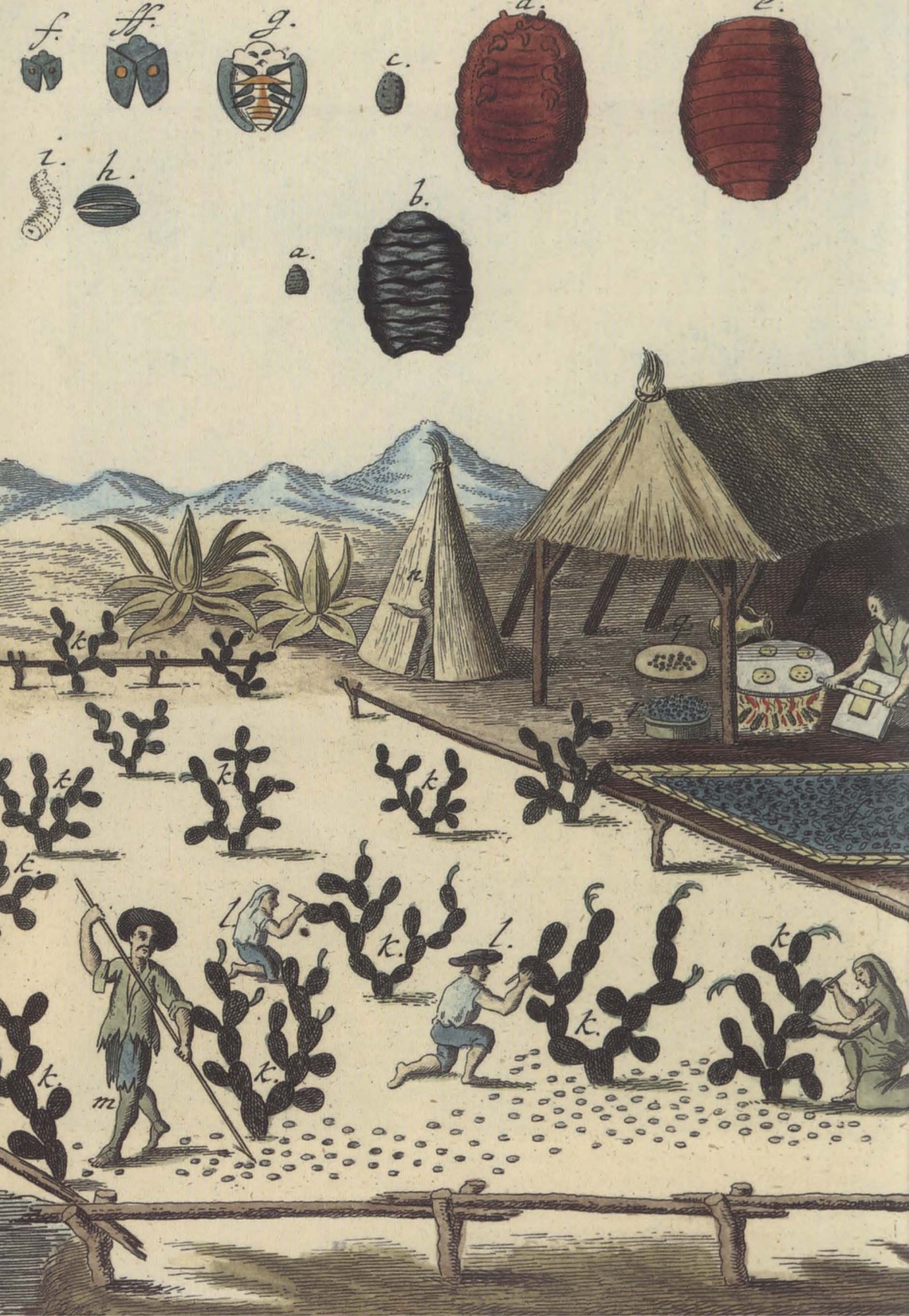
Здесь мы можем привести лишь краткие отрывки из предложенного Тезауро каталога (по-видимому, открытого для постоянного пополнения). Например, в категории Сущности перечисляются такие части, как Божества, Идеи, Мифические Боги, Ангелы, Дьяволы и Духи, затем в части Небеса — Звезды вечные и падучие, Зодиак, Пары, Воздух, Метеорические Тела, Кометы, Светила, Молнии и Ветры, в части Земля — Поля, Пустыни, Горы, Холмы и Утесы, в Телах — Камни, Самоцветы, Металлы, Травы, в части Математика — Глобусы, Карты, Компасы и Квадранты и так далее. Равным образом в категории Числа, в части Объем и Протяженность выделяются Малый, Большой, Длинный и Короткий, в части Вес — Тяжелый и Легкий, в категории Достоинства, в части Зримое фигурируют Видимое и Невидимое, Кажущееся, Прекрасное и Уродливое, Светлое и Темное, Белое и Черное; в части Обоняемое — Аромат и Зловоние — и в том же духе про категории Связи, Действия и Чувства, Местоположение, Время, Основание и Обычай.

Когда же требуется подобрать Предметы, принадлежащие к каждой из частей, то из категории Числа, части Объем и Протяженность, среди прочих Малых Вещей называются ангел, тело которого соразмерно точке, бесплотные духи, полюс — единственная неподвижная точка сферы, зенит и надир; из Веществ — огненная искра, капля воды, каменная крупинка, песчинка, жемчужина, атом; из Людей — зародыш, недоносок, пигмей и карлик; из Животных — муравей и блоха; из Растений — горчичное семя и мучная пыль; из Наук — математическая точка, из Зодчества — вершина пирамиды.

Конечно, перечень этот выглядит несколько бестолково, как, впрочем, всякие предпринимавшиеся в эпоху барокко попытки дать цельное представление о всех накопленных знаниях. Каспар Шотт в своих трудах *Technica curiosa* (Занимательная техника, 1664) и *Joco-seriorum naturae et artis sive magiae naturalis centuriae tres* (Серьезная игра природы и искусства, или Естественная магия трех веков, 1655) упоминает некое произведение 1653 года: имя автора он якобы забыл, однако же сообщает, что тот

Робине Тестар
Из Книги о простейших лекарственных средствах
Матеуса Платеария, л. 166 лиц., ок. 1470
Санкт-Петербург, Российская Национальная библиотека

представил в Риме на суд читателя свой *Artificium* (свод правил), где рассмотрел 44 основополагающих класса, которые стоит перечислить целиком, давая в скобках лишь некоторые из примеров: «1. Элементы (огонь, ветер, дым, пепел, ад, чистилище и центр земли). 2. Небесные сущности (светила, молнии, радуга...). 3. Интеллектуальные сущности (Бог, Иисус, речь, мнение, подозрение, душа, стратагема и спектр). 4. Светские сословия (император, бароны, плебеи). 5. Духовные сословия. 6. Ремесленники (художник, моряк). 7. Орудия. 8. Чувства (любовь, справедливость, похоть). 9. Религия. 10. Таинство исповеди. 11. Суд. 12. Войско. 13. Медицина (врач, голод, клистир). 14. Животные. 15. Птицы. 16. Рептилии и рыбы. 17. Части животных. 18. Утварь. 19. Яства. 20. Напитки и жидкости (вино, пиво, вода, сливочное масло, воск, смола). 21. Одежда. 22. Шелковые ткани. 23. Шерстяные ткани. 24. Холщевые и иные ткани. 25. Мореходство и пряности (корабль, корица, якорь, шоколад). 26. Металлы и монеты. 27. Различные поделки. 28. Камни. 29. Драгоценности. 30. Деревья и плоды. 31. Общественные места. 32. Веса и меры. 33. Числительные. 39. Время. 40. Прилагательные. 41. Наречия. 42. Предлоги. 43. Лица (местоимения, обращения, например Светлейший Кардинал). 44. Дорожное (сено, дорога, вор).

Около 1660 года появляется труд Афанасия Кирхера *Novum Inventum* (Новое изобретение)¹, где объясняется, как свести разные языки мира к одному коду, предусматривающему словарь из 1620 «слов», а также предпринимается попытка составить таблицу из 54 основных категорий, которые можно представить с помощью иконограмм. 54 категории Кирхера тоже представляют собой весьма беспорядочный список, куда включаются божественные, ангельские и небесные сущности, элементы, люди, животные, растения, минералы, напитки, одежды, веса, числа, часы, города, яства, семья, действия (видеть, давать), прилагательные, наречия, месяцы года.

Отсутствие систематичности в этих списках свидетельствует о том, как энциклопедисты стараются избежать сухой классификации

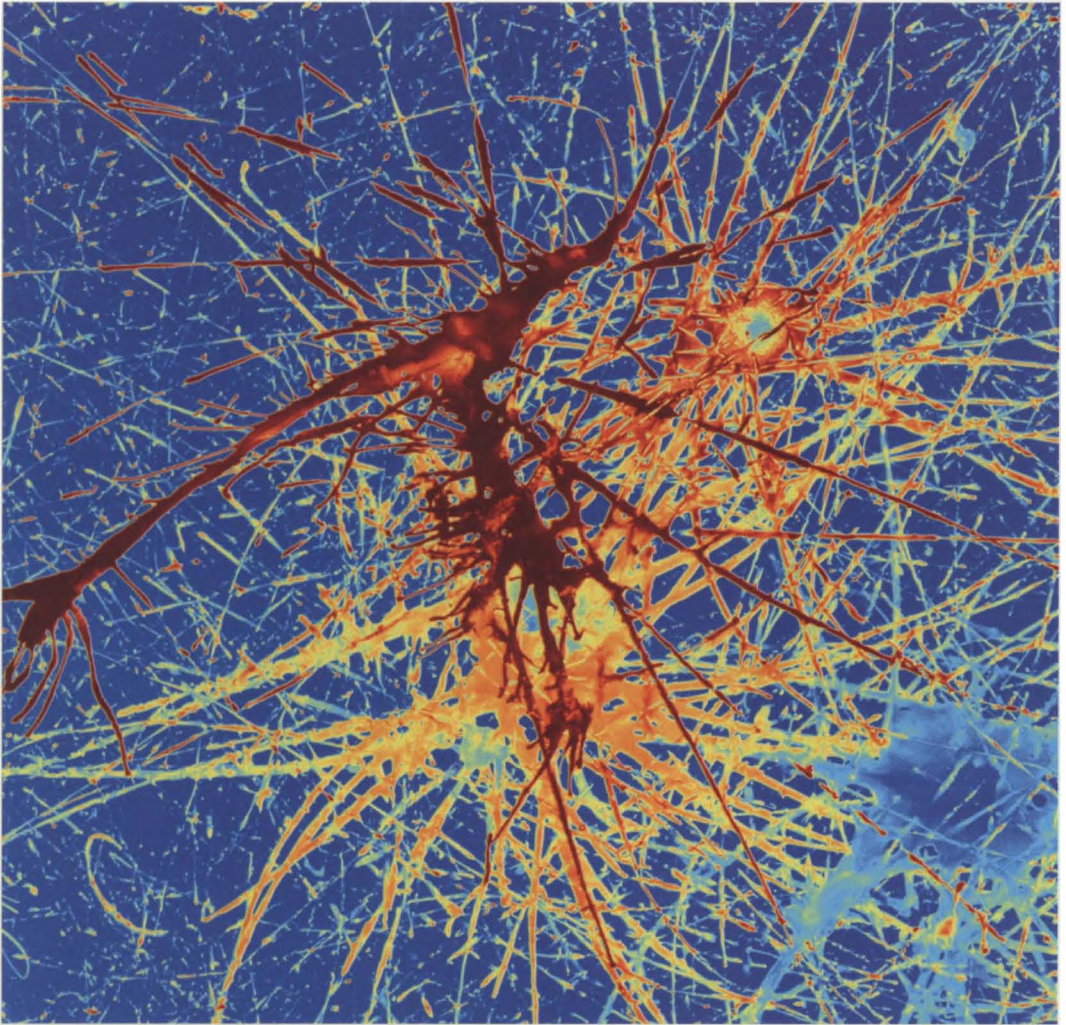
по родам и видам. Именно беспорядочное (или слегка упорядоченное, как у Тезауро, благодаря рубрикации по десяти категориям и их частям) скопление позволяет в дальнейшем распознавать неожиданные связи между объектами знания. «Мешанина» — не попытка достичь полноты, это издержка, позволяющая избежать скудости древовидных классификаций.

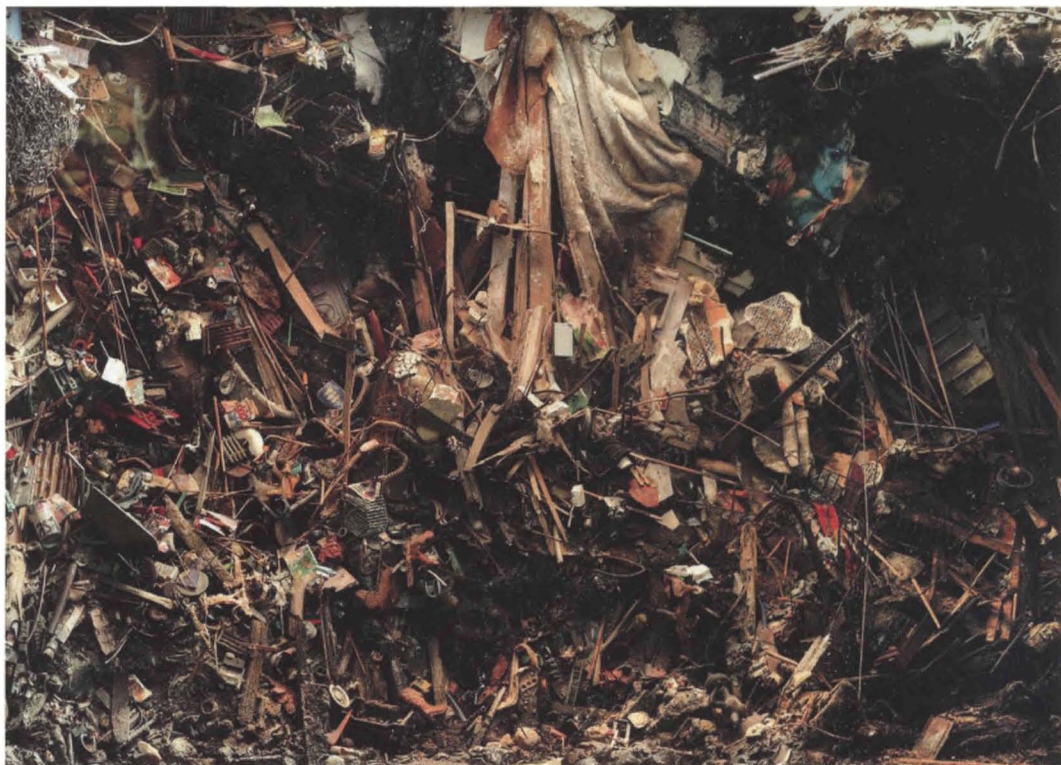
В самом деле, посмотрим, какую пользу извлекает Тезауро из своего арсенала понятий. Если кто-нибудь захочет подобрать хорошую метафору для карлика (но для Тезауро подобрать метафору значит, по Аристотелю, найти новые определения вещей, то есть все, что можно сказать о данном предмете), то из упомянутой Классификации он может взять определения Мирмидонского муравья или Мыши, рожденной горой. Однако к этому перечню добавляется еще один, где для каждого малого предмета, с точки зрения всех по очереди десяти категорий, решается, из Числа — чем он измеряется и какие содержит части, из Достоинства — видимый ли сей предмет и какие имеет отличия от уродства, из Связи — с кем он в родстве и на что похож, материален ли он и какова его форма, из Действия и Чувства — на что способен и к чему непригоден, и так далее. А когда возникает вопрос, чем измеряется малый предмет, Перечень может, к примеру, подсказать Землемерский Палец.

Итак, от категории к категории, выходит, что карлик (список этот занимает три страницы *Подзорной трубы*) — существо короче своего имени, скорее зародыш, чем человек, часть человека меньше пальца, нечто столь мелкое, что и цветом не отмечено, и любая мушка его наповал сразит, и не разберешь, сидит ли он, или стоит или навзничь лег...

При подобном определении, то есть помимо линий «подкласс — класс» или «вид — род», моделью классификации выступает уже не древо, а то, что Делёз и Гваттари² называют *ризомой*, то есть та подземная часть растения, каждая точка которой может быть связана с любой другой точкой; в ризоме нет позиций, есть одни линии связи. Ризома может быть разорвана в любом месте, все равно связь продолжается по другой линии; она разборна, обратима; она не имеет центра, она соединяет любую точку с любой другой точкой, она не генеалогична, как корень, не иерархична, она не центрична и принципиально не имеет ни начала, ни конца.

От ризомы мысль снова обращается к территориальным и архитектурным спискам. Мы уже говорили, что трудно

представить себе живописные списки, поскольку рамы ограничивают пространство картин и не дают помыслить о существовании некоего «и так далее»; однако мы не отрицали, что существует возможность вызвать в зрителе ощущение (и мы видели, как именно) неизмеримой протяженности за пределами рамы.

Точно так же следовало бы сказать, что не существует архитектурного «и так далее», поскольку любое архитектурное строение очерчивает и ограничивает собственное пространство, да и возводится ровно затем, чтобы отделить внутреннее обжитое пространство от необжитого, внешнего. В сущности, таково не только здание, таков и город, издревле обнесенный крепостной стеной или расходящийся лучами от центральной площади (вспомним идеальные города XVI века). Таковым было и поселение типа римского *castrum*, состоящее из квадратов, ограниченных на карте горизонталями и вертикалями, и в повседневной жизни мы говорим о городе и его окраинах, о городе и пригородах, о городе и его окрестностях.

Однако с того момента, как город с центральной площадью сменяется американским городом с *main street* (главной улицей), этот становой хребет города может удлиняться до бесконечности, и мало помалу возникают города, где центр плавно перетекает в окраину, которая разрастается с каждым днем, так что иной раз уже непонятно, где кончается собственно город и начинается загород. И таким образом мы приходим к *городу-территории*, самый яркий пример которого — Лос-Анджелес, не имеющий центра и практически являющийся собственной периферией. Лос-Анджелес — это город «и так далее», а следовательно, если позволить себе метафору, *город-список* скорее чем *город-форма*.

Город-список похож на *открытый лабиринт*. Конечно, лабиринт в классическом виде — пространство замкнутое. Но это закрытое пространство организовано таким образом, что кажется (тому, кто по нему идет), будто выбраться оттуда невозможно. Лабиринт — это форма, однако для того, кто в него попал, лабиринт — опыт невозможности выбраться наружу, то есть опыт нескончаемого блуждания — вот почему он обольстителен и страшен. Следовательно, вопреки логике, лабиринт являет собой нелинейный перечень, как клубок, наматывающийся на самое себя. Так лабиринт уподобляется ризоме, и этот ограниченный щит Ахилла становится бесконечным как перечень кораблей.

¹ См.: Эко У. *Поиски совершенного языка*. Гл. 9. СПб., 2007.

² Deleuze Gilles, Guattari Felix, *Mille Plateaux, Capitalisme et schizophrénie 2*, Paris, Minuit, 1980.

Вид сверху на город Лос-Анджелес

15. Избыточность, от Рабле и далее

Создается впечатление, что эпоха барокко искала такую методику определений по сущности, которая была бы гибче, нежели методика средневековой логики, и что увлечение барочных людей чудесами побуждало их превращать любую классификацию в список, а любое дерево — в лабиринт. Вообще-то еще и до барокко, еще при Возрождении создавались перечни, подрывавшие миропорядок, утвержденный средневековыми *суммами*. До этого же — и мы уже говорили об этом в связи с энциклопедиями — в Античности, в Средние века — к спискам прибегали неохотно, почти «в крайнем случае», за перечнями всегда проглядывала тяга к порядку, к оформленности. (Современные списки свидетельствуют о тяге к *деформации*.)

Фантаσμαгорической коллекцией всевозможных дьявольских уродств можно назвать поэму *Бальдус* (1517), написанную Теофило Фоленго под псевдонимом Мерлин Кокай, героико-комическое, гротескное, озорное голиардическое произведение, одновременно пародирующее *Божественную Комедию* Данте и предвосхищающее *Гаргантюа Рабле*. Среди множества плутовских приключений главного героя и его друзей во второй части поэмы (Книга 19) происходит битва против огромного полчища дьяволов, описанного как беспорядочная мешанина животных форм: тут и нетопырь, и пес, и гусь, змея, бык, осел, козел, клыки торчат, кровь льется по груди, брызжет зловонная слюна, а зады выпускают серу. В конце концов Бальдус с друзьями расправляется с дьяволами, Вельзевул разлетается на 170 тысяч кусков и, пытаясь скомпоновать их заново, изготавливает бесхвостых лис, рогатых медведей и свиней, трехногих псов, быков о четырех рогах, гигантов с волчьими мордами, птиц с клювом как у филина

Ричард Дадд
Мастерский замах сказочного дровосека,
1855–1864
Лондон, Галерея Тейт

На с. 246–247:
Ян Брейгель Старший
Воздух, или Оптика, 1621
Париж, Лувр

Бернар Палисси (школа)
Овальное блюдо в технике «сельские глины»,
конец XVI в.
Париж, Лувр

и лягушачьими лапами... В этой мешанине, способной вместить бесконечное множество чудищ, нетрудно усмотреть вербальный эквивалент адским видениям Иеронима Босха — и так же как в босховской чертовщине, здесь перед нами не просто увлечение фантастикой и уродством, но есть и свой порядок — отображаются пороки времени, развращение нравов, разложение мира. Но был один автор, чьи длиннющие перечни словно нарочно создавались назло докторам Сорбонны того времени с их требованиями порядка, и автор этот — Рабле. Разумеется, никакими причинами не обусловлено перечисление всевозможных и самых невообразимых способов подтирать зад, всевозможных именованных мужского члена, всевозможных способов расправиться с врагами, всевозможных — впрочем, бесполезных — книг из библиотеки аббатства Сен-Виктор, всевозможных разновидностей змей, или всевозможных игр, в которые умел играть Гаргантюа (и как он только все это успевал!): в свои козыри, в шашки, в чепекарты, в бабу, в большой шлем, в *primus, secundus*, в триумф, в ножик, в пикардийку, в ключи, в сто, в чет и нечет, в несчастную, в решетку, в плутни, в камушки, в кто больше десяти, в шары, в тридцать одно, в башмак, в триста, в сову, в несчастного, в зайчонка, в перевернутую карту, в тирлитантэн, в недовольного, в поросенка, вперед, в ландскнехта, в сороку, в кукушку, в рожки, в пий-над-жок-фор, в бычка, в марьяж, в совишку-сову, в две карты, в засмейся — не хочу, в тарок, в курочка, клюнь-клюнь, в глик, в расковать осла, в онеры, в но, пошел, в мурр, в но-но, в шахматы, в сажусь, в лису, в жмурки, в фишки, в дичка, в коровы, в догонялки, в белую дамку, в куманечек, дай мне твой мешочек, в три кости, в кто взял, тот проиграл, в ник-нок, в кожаный мяч, в трик-трак, в пятнашки, в марсельские фиги, в где ветка, в ищи вора, в сегодня пост, в драть козла, в развилину дуба, в продаем овес, в чехарду, в раздувай уголек, в волчью стаю, в прятки, в пукни в нос, в судью живого, в Гильмен, подай копье, в судью мертвого, в качели, в таскай утюги из печки, в тринадцатого, в перепелов, в березку, в щипки, в муху, в грушу, в му-му, мой бычок, в пимпомпэ, в мнения, в триори, в девять рук, в круг, в шапифу, в свинью, в мосты, в живот на живот, в Колен бриде, в кубики, в ворона, в палочки, в кокантен, в кружок, в Колен майяр, в я здесь, в мирлимофль, в фук, в сыщика, в кегли, в жабу, в вертуна, в костыль, в калачик, в бильбоке, в тронь навоз, в ремесла, в Анженар, в булавоочки, в шарик, в косточки, в волан, в буку, в разбей горшок, в щелчки, в будь по-моему, в решето, в палочку, в сею овес, в булавку, в обжору, в хорька,

в мельницу, в бабки, в чур меня, в замок, в прыжки, в лунки, в под зад коленкой, в храпуна, в пахаря, в волчок, в филина, в монаха, в стук, стук лбами, в волка, в мертвого зверя, в челнок, в выше, выше, лесенка, в величаем тебя, святой Косма, в дохлого поросенка, в соленый зад, в растирай горчицу, в голубка, в пикандо, в прыг через вязанку, в ворона, в прыг через кустик, в жаворонков, в фигу, в журавля (пер. Н. Любимова).

Это начало поэтики списка ради списка, составляемого просто из любви к списку — списка *избыточного*.

Так, из чистого увлечения избыточностью барочный сказочник Джамбаттиста Базиле, рассказывая в своем сборнике *Сказка сказок, или Времяпровождение молодых* о том, как семеро братьев были по вине сестры превращены в семерых голубей, заставляет их разразиться гневной тирадой, состоящей исключительно из названий птиц: «Ты что, сестрица, кошачьих мозгов объелась, что память у тебя отшибло и о предупреждении нашем позабыла? Из-за тебя мы стали птицами, добычей для когтей коршунов, ястребов и стервятников; из-за тебя в сотоварищах у нас теперь щурки, славки, щеглы, совы, филины, сойки, сороки, стрижи, коноплянки, выпи, сорокопуты, жаворонки, кулики, куропатки, свиристели, зяблики, клесты, синицы, снегири, вертишейки, поганки, крапивники, цапли, трясогузки, грачи, удои».

Та же любовь к избыточности побудит **Бертон** привести кучу излишних подробностей и оскорблений при описании безобразной женщины, а **Марин** — поведать о деяниях рук человеческих следующим каскадом стихов (*Адонис*, 10, 136–138):

Необозримо по краям аллеи
составившие целые ряды
изысканные розы и лилеи,
до дальней доходящие гряды,
красавицы, которых нет милее,
атласным одеянием горды,
и многими оттенками богаты
их пряные густые ароматы.
В неисчислимом многоцветье трав
и соразмерности дорожных линий,
простор и восхитителен, и здрав,
в себе оттенки, алый, жёлтый, синий,
соединив в гармонию и став
как будто нарисованным богиней,
хозяина подруги. Самый вид
камней, равно мозаика, дивит.
И то сказать, у милого Амора,

которого необычайно труд
отраден, травы и другая флора,
особенно цветы и там, и тут
охотно распускаются и скоро
и без единого шипа цветут,
и роза всякая, нежна, и ала,
не колет, не царапает нимало.
На свете с незапамятной поры
все индии, аравии, тавриды,
а именно, их дивные дары,
долины, горы и другие виды
цветенья, будучи как мир стары,
имеются в хозяйстве у Киприды:
всё у неё, чем обладает свет,
и даже то, чего на свете нет.
Там апельсины, яблони и вишни,
чудная кошка и иная тварь,

и запахи, нимало не излишни,
 хотя до иступленья жарь и парь,
 восточной сласти и простой яишни
 и ныне упоительны, как встарь.
 И освежает сладостно и пряно
 дух чабреца, подсолнуха, бурьяна.
 Сплошное снадобье, услада уст,
 источник чудодейственного сока,
 там всякий, даже карликовый куст,
 как самая обычная осока,
 необычайно плодовит и густ
 и всякое растение высоко.
 Со всех окраин Азий и Европ
 корица, злаки, живокость, иссоп.
 Там шелестит растение-панацея

целебную листвою, и рядом с ней
 красуется, соцветьями желтея,
 живица, фаворитка лекарей,
 и заросли ливийского алтея,
 и прочих, и аттический кипрей.
 Что за кудесник сотворил, играя
 в садовника, сие подобье рая?
 Там ладан воздымается, вия
 под небесами радостного мира
 куренья прихотливо, как змея,
 и там во всю благоухает миро,
 и там, сама извечно не своя,
 тоскует мирра и темно и сыро
 слезами об Адонисе смола
 стекает с материнского ствола. [...]

Адриан ван Утрехт
Птичий двор, XVII в.
 Париж, Лувр

Сюзи Габлик
Тропизм 12, 1972
Вашингтон, Смитсоновский музей
американского искусства

И никогда там не проходят мимо
 любовной страсти. И акант, и лён,
 и плавуну, с кувшинки до чилима,
 и сорняки, с осотов до белён,
 и всё живое любит и любимо,
 и амарант, и гиацинт влюблён,
 и справа розы алые, и слева
 являют жар пылающего зева.
 И, словно отродясь не умирал,
 во многоцветье заливного луга,
 о свет Адонис, кумачёво ал,
 ты высишься могуче и упруго,
 как будто на почётный пьедестал,
 богатая цветением, округа,
 о будущей твоей судьбе скорбя,
 расстарывается возвесть тебя.
 Так, поодаль, уже поутру рано,
 тебе раскрыла на утеху глаз
 соседняя цветущая поляна
 персидский шитый золотом атлас
 роскошного пунцового тюльпана,
 плода Природы и Искусства враз,
 и то сказать, не дельвала шёлка
 подобного ни прялка, ни иголка.
 А далее меж прочими видна
 невинная лилея-чаровница:
 вестимо, белоснежностью рядна
 с ней ни одна красотка не сравнится.

[...]

В просторнейшем саду и тут, и там
 цветы и травы, ветерок и влага
 без устали, великий фимиам
 Адонису, величественно наго
 стоящему, возносятся к небесам.
 Так дивному созданию во благо
 всё, что ни есть, являет и речёт
 свои ему симпатю и почёт.
 Сама, душою нараспашку, словно
 по волшебству, простолюдинка рожь,
 была и та изысканно любовна,
 и злаки, вылезая вон из кож,
 по сути, неотёсанные брёвна,
 гляделись деликатнее вельмож.

И становились и жасмин, и кедры
 и мирты на благоуханья щедры.
 И был, как говорится, крепко сшит,
 цветочками украшенный, как фея,
 пышноголовый здоровяк самшит.
 И рядом, дорогой мастикой преля,
 корявый ствол, чей силуэт страшит,
 обильные струил потоки клея,
 и ветер был, устраивая свист
 в вечнозелёных миртах, свеж и чист.
 И никакие не бывали чаши,
 ни посреди далёких райских куш,
 ни на торжественном застолье, краше,
 чем те зелёные, из коих плющ
 росистые нектары в кубки наши,
 неиссякаемо, казалось, льющ.
 И мнилось, в небо устремляет реля
 зелёный парус корабля-кипрея
 и стойкие Усердие и Труд,
 которые в отличие от Досуга,
 Забав и Праздности, и там, и тут,
 насколько ни простирается округа,
 густую луговую зелень рвут,
 плетя венки узорчато и туго,
 а так же Обожанье там и здесь
 и, ладаном курящаяся, Спесь,
 и Совершенство, кое свету мило,
 и ненавистница бесславья Честь,
 и родственница Честолюбья Сила,
 у коей почитателей не счесть,
 и Прелести, возлюбленные Пыла,
 числа которым, и подавно, несть,
 и Роскошь, привереда и обжора,
 в сопровожденье варвара Узора, –
 туда, где дивный сей оазис взрос,
 явились вдруг и капельками, в мале,
 искрящимися соками вразброс
 прекрасного Адониса обдали,
 связав его с богиней вервьем роз,
 благоуханьем исполнявших дали
 до самых отдалённых гор и скал,
 пока Amor в объятьях Неги спал.

(Пер. Е. Кассировой)

Из той же самой любви к избыточности **Гюго**, желая передать ощущение грандиозности республиканского Конвента, разражается многостраничным перечислением имен, и то, что вполне могло бы стать архивным документом, превращается в прием, от которого кружится голова. «Риторический» же пример риторики избыточности мы находим в обращении **Киплинга** к сыну. Здесь мы сталкиваемся с двумя тенденциями, наметившимися в истории списков, но проявившимися в основном в модернистской и постмодернистской литературе. Существует связный избыточный список, в котором собраны элементы, имеющие хоть что-нибудь общее; и существуют списки, по длине в принципе не обязательно чрезмерные, представляющие собой конгломерат предметов, намеренно лишенных видимой связи между собой, и в этих случаях уместно говорить о *хаотичном* перечислении¹.

¹ Cp.: Spitzer Leo, *La enumeración caotica en la poesia moderna*, Buenos Aires, Facultad de Filosofia y Letras, 1945.

Франсуа Рабле

ГАРГАНТЮА

И ПАНТАГРЮЭЛЬ, III, 26
(1532–1534)*О том, как Панург
обращается за советом
к брату Жану Зубодробителю*

Речи гер Триппы обозлили
Панурга, и, пройдя сельцо
Юим, он, запинаясь и поче-
сывая себе левое ухо, обра-
тился к брату Жану:

— Развесели меня, толстопу-
зик! Совсем заморочил мне
голову бесноватый этот дурак.
Послушай, блудодей-лиходей,
блудодей-чародей,
блудодей-чудодей,
блудодей плодовитый,
блудодей знаменитый,
блудодей мастеровитый,
блудодей взлохмаченный,
блудодей истый,
блудодей проконопаченный,
блудодей шерстистый,
блудодей узорчатый,
блудодей оштукатуренный,
блудодей створчатый,
блудодей сборчатый,
блудодей зернистый,
блудодей отточенный,
блудодей с арабесками,
блудодей промоченный,
блудодей с фресками,
блудодей пролощенный,
блудодей прожженный,
блудодей навощенный,
блудодей луженый,
блудодей клейменный,
блудодей наштигованный,
блудодей фаршированный,
блудодей антикварный,
блудодей прирожденный,
блудодей грешный,
блудодей бешеный,
блудодей просмоленный,
блудодей кафтанный,
блудодей непостоянный,

блудодей капюшонный,
блудодей желанный,
блудодей лакированный,
блудодей крапчатый,
блудодей чернoderевчатый,
блудодей краснодеревчатый,
блудодей буксовый,
блудодей латинский,
блудодей пищальный,
блудодей арбалетный,
блудодей пистолетный,
блудодей неистовый,
блудодей батистовый,
блудодей неумный,
блудодей огромный,
блудодей скоромный,
блудодей ретивый,
блудодей спесивый,
блудодей учтивый,
блудодей красивый,
блудодей прыткий,
блудодей юркий,
блудодей винительный,
блудодей творительный,
блудодей родительный,
блудодей живительный,
блудодей гигантальный,
блудодей витальный,
блудодей овальный,
блудодей магистральный,
блудодей клаустральный,
блудодей монахальный,
блудодей мощный,
блудодей прочный,
блудодей бесспорный,
блудодей проворный,
блудодей почтенный,
блудодей отважный,
блудодей егозливый,
блудодей похотливый,
блудодей объемистый,
блудодей напористый,
блудодей забористый,
блудодей туговатый,
блудодей молодцеватый,
блудодей шишковатый,
блудодей решительный,
блудодей обходительный,
блудодей предупредительный,
блудодей оплодотворяющий,
блудодей блестящий,

блудодей свистящий,
блудодей визжащий,
блудодей всемилимый,
блудодей необходимый,
блудодей общепользительный,
блудодей благопристойный,
блудодей жестокосердный,
блудодей усердный,
блудодей удалец,
блудодей счастливый,
блудодей таран,
блудодей жирный баран,
блудодей насущный,
блудодей сдобный,
блудодей высокопробный,
блудодей бесподобный,
блудодей грузный,
блудодей толстогузый,
блудодей

пикойверхторчащий,
блудодей рафский,
блудодей гвельфский,
блудодей орсинский,
блудодей сеятельный,
блудодей веятельный,
блудодей жизнедеятельный,
блудодей

родоначальствующий,
блудодей румяный,
блудодей рьяный,
блудодей алидадический,
блудодей альгамалический,
блудодей алгебраический,
блудодей здоровенный,
блудодей отменный,
блудодей прожорливый,
блудодей неукротимый,
блудодей неутомимый,
блудодей недолилимый,
блудодей непоколебимый,
блудодей неумолимый,
блудодей неотвратимый,
блудодей привлекательный,
блудодей очаровательный,
блудодей

достопримечательный,
блудодей осязательный,
блудодей мускулистый,
блудодей питательный,
блудодей вспомогательный,
блудодей трагический,

блудодей сатирический,
 блудодей заморский,
 блудодей щекотательный,
 блудодей пищеварительный,
 блудодей удовлетворительный,
 блудодей воплощательный,
 блудодей укрепительный,
 блудодей

печатьюскрепительный,
 блудодей мужеложный,
 блудодей скотоложный,
 блудодей наложный,
 блудодей неслезавый,
 блудодей полыхающий,
 блудодей гроыхающий,
 блудодей вправляющий,

блудодей вставляющий,
 блудодей пробивающий,
 блудодей скрипучий,
 блудодей пахучий,
 блудодей громозвучный,
 блудодей сперматозальный,
 блудодей тучный,
 блудодей сопящий,
 блудодей охальный,
 блудодей нахальный,
 блудодей сальный,
 блудодей прорывающий,
 блудодей втыкающий,
 блудодей протыкающий,
 блудодей въедливый,
 блудодей непоседливый,

блудодей проходундающий,
 блудодей доднадостающий,
 блудодей какрешетотрясущий,
 блудодей-попрыгун,
 блудодей-поскакун,
 блудодей-кувыркун,
 брат Жан, друг мой,
 я к тебе питаю особое уваже-
 ние, а потому поберег тебя
 на закуску. Будь добр, скажи
 мне свое мнение: стоит мне
 жениться или нет?

(Пер. Н. Любимова)

258

Франсуа Рабле

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ, II, 16
(1532–1534)

О нраве и обычае Панурга

Панург был мужчина лет тридцати пяти, среднего роста, не высокий, не низенький, с крючковатым, напоминавшим ручку от бритвы носом, любивший оставлять с носом других, в высшей степени обходительный, впрочем слегка распутный и от рождения подверженный особой болезнью, о которой в те времена говорили так: Безденежье — недуг невыносимый.

Со всем тем он знал шестьдесят три способа добывания денег, из которых самым честным и самым обычным являлась незаметная кража, и был он озорник, шулер, кутила, гуляка и жулик, каких и в Париже немного. А в сущности, чудеснейший из смертных. И вечно он строил каверзы полицейским и ночному дозору. Соберет иной раз трех-четыре парней, напоит их к вечеру, как тамплиеров, отведет на улицу Св. Женевьевы или к Наваррскому коллежу, и как раз перед тем, как здесь пройти ночному дозору, — о чем Панург догадывался, положив сначала шпагу на мостовую, а потом приложив ухо к земле: если шпага звенела, то это было непреложным знаком, что дозор близко, — Панург и его товарищи брали какую-нибудь тележку, раскачивали ее изо всех сил и пускали с горы прямо под ноги ночному дозору, отчего бедные дозорные валились наземь, как свиньи, а в это время Панург с товарищами убегали в противоположную сторону: должно заметить, что и двух дней не прошло, а Панург уже знал все парижские улицы и закоулки, как *Deus det*. Иной раз в таком месте, которого ночному дозору никак нельзя было миновать, он насыпал порошу, потом, завидев дозор, поджигал, а потом с удовлетворением смотрел, какую легкость движений выказывают караульные, вообразившие, что ноги им жжет антонов огонь. Особенно доставалось от него несчастным магистрам наук и богословам. Встретит, бывало, кого-нибудь из них на улице — и не преминет сделать гадость: одному насыплет навозу в шляпу, другому привесит сзади лисий хвост

или заячьи уши, а не то придумает еще какую-нибудь пакость.

В тот день, когда всем богословам было ведомо явиться в Сорбонну на предмет раскумекивания догматов, он приготовил так называемую бурбонскую смесь — смесь чеснока, гальбанума, асафетиды, кастореума и теплого навоза, подлил туда гною из злокачественных нарывов и рано утром густо намазал этой смесью всю мостовую — так, чтобы самому черту стало невмочь. И уж как начали эти добрые люди драть при всех козла, так все нутро свое здесь и оставили. Человек десять-двенадцать умерли потом от чумы, четырнадцать заболели проказой, восемнадцать покрылись паршой, а более двадцати семи подхватили дурную болезнь.

Панург, однако ж, и в ус себе не дул. Он имел обыкновение носить под плащом хлыст и этим хлыстом немилосердно стегал молодых слуг, чтобы они попроворней несли вино своим хозяевам.

В его куртке насчитывалось более двадцати шести карманчиков и карманов, и все они у него были набиты:

в одном из них хранились свинцовая игральная кость и острый, как у скорняка, ножичек, которым он срезал кошельки; в другом — сосуд с виноградным соком, которым он прыскал в глаза прохожим; в третьем — головки репейника с воткнутыми в них гусиными и петушьими перышками, — он сажал их добрым людям на плащ или же на шляпу, а еще он любил приделывать людям рожки, с которыми они потом так и ходили по всему городу, а иногда и всю жизнь; дамам он тоже прицеплял их к головному убору, сзади, — в виде мужской принадлежности; в четвертом — уйма пакетиков со вшами и блохами, — он собирал их у нищей братии на кладбище Невинноубиенных младенцев, а затем при помощи тростинок или перьев, которыми пишут, стряхивал на воротнички наиболее жеманным девицам, преимущественно в церкви; к слову сказать, в церкви он никогда не поднимался на хоры, — он предпочитал и за обедней, и за вечерней, и во время проповеди быть внизу, среди женщин; в пятом — множество крючков и крючочков, которыми он любил сцеплять мужчин и женщин, стоявших тесной толпой, главным обра-

зом тех женщин, которые носили платья из тонкой тафты, — стоило им дернуться, и платье — в клочья;

в шестом — коробочка с трупом, огнивом, кремнем и тому подобными приспособлениями; в седьмом — два-три зажигательных стекла, которыми он иной раз доводил до бешенства мужчин и женщин и заставлял их забывать, что они находятся в храме; недаром Панург говорил, что женщина, которая не умеет обиды терпеть, в гневе способна и за обедней п...ть, — разница, мол, только в нескольких буквах;

в восьмом — запас ниток и иголок, с помощью которых он черт знает чего только не вытворял.

Однажды, заметив, что в Большом зале суда монах-францисканец собирается служить мессе, Панург вызвался помочь ему одеться и облачиться, но, снаряжая его, он ухитрился пришить его ризу к рясе и к сорочке, а как скоро члены суда расселись по местам в ожидании службы, он поспешил удалиться. И вот когда бедный *frater*, произнеся *Ite, missa est*, стал снимать с себя ризу, то с нею вместе сошел и рясу и сорочку, так как все это было одно к другому накрепко пришито, и, оголившись до плеч, обнаружил перед всеми свои украшения, должно полагать внушительных размеров. И чем решительнее *frater* все это с себя стаскивал, тем больше обнажался, пока наконец один из членов суда не возопил: «Что же это такое? Уж не думает ли честной отец, что мы станем прикладываться к его заду? Нет, пусть антонов огонь его в зад поцелует!» С тех пор бедным честным отцам ведено было разоблачаться только у себя в ризнице, но ни в коем случае не при всех, особенно не при женщинах, дабы не вводить их в соблазн. Когда же кто-нибудь спрашивал, отчего это у фратеров такие длинные уды, Панург всякий раз отлично разрешал проблему.

— У ослов оттого длинные уши, — пояснял он, — что их матки, как утверждает *De Alliaco* в своих *Suppositiones*, не надевают им на голову чепчика. На том же самом основании причинное место у святых отцов оттого такое длинное, что они не носят подштанников, — бедному монашескому уду предоставлена полная свобода, вот он и болтается, как неприкаянный, у них на коленях, ни дать ни

взять четки у женщин. А большой он у них от того, что благодаря этому болтанию к нему притекают все телесные соки, ибо, как утверждают законоведы, волнение и движение вызывают притяжение.

Item еще один карман у Панурга был набит квасцами, — эти квасцы он сыпал самым чопорным женщинам за воротник, отчего некоторые из них вынуждены были при всех раздеваться, другие плясали, как петух на угольях, третьи катались, как бильярдный шар по барабану, четвертые бегали по улицам, Панург же устремлялся за ними, и тем из них, которые раздевались, он, как учтивый и любезный кавалер, набрасывал на спину плащ. Item еще в одном кармане у него была склянка с деревянным маслом, и когда он встречался с нарядно одетой дамой или же мужчиной, то, делая вид, будто пробует ткань на ощупь, замасливал и портил самые видные места на платье, да еще приговаривал: «Ах, какое хорошее сукно, какой хороший атлас, какая хорошая тафта, сударыня! Пошли вам Бог все, что вашей душевненьке угодно, — новое платье, нового дружка! Храни вас Господь!» С этими словами он клал даме руку на воротник. И несмываемое сальное пятно, остававшееся на платье, так прочно потом въедалось в душу, в тело и в доброе имя, что сам черт его бы не свел. А Панург говорил на прощанье: «Смотрите, сударыня, не упадите, тут впереди большая грязная лужа».

Еще в одном кармане хранился у него растертый в порошок молочай, и в тот же карман он клал изящной работы хорошенький носовой платочек, который он в рядах Сент-Шанель

стянул у одной пригожей торговки, когда снял у нее с груди вошь, — вошь эту он, кстати сказать, сам же ей и посадил. Находясь в обществе порядочных женщин, Панург всякий раз заговаривал о рукоделье, клал руку даме на грудь и спрашивал: «Это фламандские вышивки или же из Эно?» Затем он доставал свой носовой платок. «Полюбуйтесь, полюбуйтесь, вот это работа! — говорил он. — Не то из Пипиньяна, не то из Какассоны!» Тут он изо всех сил встряхивал платок перед самым носом у дам, отчего те чихали четыре часа без передышки. Сам же он в это время пукал, как жеребец, а дамы со смехом спрашивали: — Панург! Да вы что это, пукаете?

— Помилуйте, сударыня, — отвечал он, — я подбираю аккомпанемент к песенке, которую вы выводите носом.

Еще в одном кармане находились у него отвертки, отмычки, клещи и прочие тому подобные орудия, против которых ни одна дверь и ни один сундук устоять не могли.

Еще один карман был у него набит бирюльками, играл же он в них мастерски, ибо пальцы у него были гибкие, как у Минервы или же у Арахны, и в былые времена он даже показывал на улицах фокусы, а когда он менял тестон или же какую-нибудь другую монету, то, будь меняла проворнее самого Муша, все равно у него каждый раз бесследно исчезали пять-шесть бланков, так что он ощущал лишь дуновение ветра, поднимавшегося при их исчезновении, — а все быстрота и ловкость Панурговых рук, и притом никакого мошенничества!

(Пер. Н. Любимова)

Франсуа Рабле

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ, I, 13

(1532–1534)

О том, как Грангузье распознал необыкновенный ум Гаргантюа, когда тот изобрел подтирку

К концу пятого года Грангузье, возвратившись после поражения канарийцев, навестил своего сына Гаргантюа. Обрадовался он ему, как только мог обрадоваться такой отец при виде такого сына: он целовал его, обнимал и расспрашивал о всяких его ребячьих делах. Тут же он не упустил случая выпить с ним и с его няньками, поговорил с ними о том о сем, а затем стал подробно расспрашивать, соблюдают ли они в уходе за ребенком чистоту и опрятность. На это ему ответил Гаргантюа, что он сам завел такой порядок, благодаря которому он теперь самый чистый мальчик во всей стране.

— Как так? — спросил Грангузье.

— После долговременных и любопытных опытов я изобрел особый способ подтираться, — отвечал Гаргантюа, — самый, можно сказать, королевский, самый благородный, самый лучший и самый удобный из всех, какие я знаю. — Что же это за способ? — осведомился Грангузье.

— Сейчас я вам расскажу, — отвечал Гаргантюа. — Как-то раз я подтерся бархатной полумаской одной из ваших притворных, то бишь придворных, дам и нашел, что это недурно, — прикосновение мягкой материи к заднепроходному отверстию доставило мне наслаждение неизъяснимое. В другой раз — шапочкой одной из помянутых дам, — ощущение было то же самое. Затем шейным платком. Затем атласными наушниками, но к ним, оказывается, была прицеплена уйма этих поганных золотых шариков, и они мне все седалище ободрали. Антонов огонь ему в зад, этому ювелиру, который их сделал, а заодно и придворной даме, которая их носила! Боль прошла только после того, как я подтерся шляпой паж, украшенной перьями на швейцарский манер.

Затем как-то раз я присел под кустик и подтерся мартовской кошкой, попавшейся мне под руку, но она мне расцарапала своими когтями всю промежность.

Оправился я от этого только на другой день, после того как подтерся перчатками моей матери, надушенными этим несносным, то бишь росным, ладаном.

Подтирался я еще шалфеем, укропом, анисом, майораном, розами, тыквенной ботвой, свекольной ботвой, капустными и виноградными листьями, проскурняком, диванкой, от которой краснеет зад, латуком, листьями шпината, — пользы мне от всего этого было, как от козла молока, — затем пролеской, бурьяном, крапивой, живокостью, но от этого у меня началось кровотечение, тогда я подтерся гульфиком, и это мне помогло.

Затем я подтирался простынями, одеялами, занавесками, подушками, скатертями, дорожками, тряпочками для пыли, салфетками, носовыми платками, пеньюарами. Все это доставляло мне больше удовольствия, нежели получает чесоточный, когда его скребут.

— Так, так, — сказал Грангузье, — какая, однако ж, подтирка, по-твоему, самая лучшая?

— Вот к этому-то я и веду, — отвечал Гаргантюа, — сейчас вы узнаете все досконально.

Я подтирался сеном, соломой, паклей, волосом, шерстью, бумагой, но —

Кто подтирает зад бумагой,
Тот весь обрызган желтой влагой.

— Что я слышу? — воскликнул Грангузье. — Ах, озорник ты этакий! Тишком, тишком уже и до стишков добрался?

— А как же, ваше величество! — отвечал Гаргантюа. — Понемножку кропаю, но только от стихоплетства у меня язык иной раз заплетается. Вот, не угодно ли послушать, какая надпись висит у нас в нужнике:

Харкун, Писун, Пачкун!
Не раз
Ты клал,
А кал
Стекал
На нас.
Валая,
Воняй,
Но знай:
В антоновом огне сгорает,
Кто жир
Из дыр
В сортир,
Не подтираясь, низвергает.

Хотите еще?

— Очень даже хочу, — сказал Грангузье.

— Так вот, — продолжал Гаргантюа:

Рондо

Мой зад свой голос подает,
На зов природы отвечая.
Вокруг клубится вонь такая,
Что я зажал и нос и рот.
О, пусть в сей нужник та придет,
Кого я жду, опороченная
Мой зад!
Тогда я мочевого проход
Прочищу ей, от счастья тая;
Она ж, рукой меня лаская,
Перстом умелым подотрет
Мой зад.

Попробуйте теперь сказать, что я ничего не знаю! Клянусь раками, это не я сочинил стихи, — я слышал, как их читали одной важной даме, и они удержались в охотничьей сумке моей памяти.

— Обратимся к предмету нашего разговора, — сказал Грангузье.

— К какому? — спросил Гаргантюа. — К испражнениям?

— Нет, к подтирке, — отвечал Грангузье.

— А как вы насчет того, чтобы выставить бочонок бретонского, если я вас положу на обе лопатки?

— Выставляю, выставляю, — обещал Грангузье.

— Незачем подтираться, коли нет дерьма, — продолжал Гаргантюа. — А дерьма не бывает, если не покакаешь. Следственно, прежде надобно покакать, а потом уж подтереться.

— Ах, как ты здраво рассуждаешь, мой мальчик! — воскликнул Грангузье. — Ей-Богу, ты у меня в ближайшее же время выступишь

на диспуте в Сорбонне, и тебе присудят докторскую степень — ты умен не по летам! Сделай милость, однако ж, продолжай подтиральное свое рассуждение. Клянусь бородой, я тебе выставлю не бочонок, а целых шестьдесят бочек доброго бретонского вина, каковое выделяется отнюдь не в Бретани, а в славном Верроне.

— Потом я еще подтирался, — продолжал Гаргантюа, — головной повязкой, думкой, туфлей, охотничьей сумкой, корзинкой, но все это была, доложу я вам, прескверная подтирка! Наконец шляпами. Надобно вам знать, что есть шляпы гладкие, есть шерстистые, есть ворсистые, есть шелковистые, есть атласистые. Лучше других шерстистые — кишечные извержения отлично ими отчищаются.

Подтирался я еще курицей, петухом, цыпленком, телячьей шкурой, зайцем, голубем, бакланом, адвокатским метком, капюшоном, чепцом, чучелом птицы.

В заключение, однако ж, я должен сказать следующее: лучшая в мире подтирка — это пушистый гусенок, уверяю вас, — только когда вы просовываете его себе между ног, то держите его за голову. Вашему отверстию в это время бывает необыкновенно приятно, во-первых, потому, что пух у гуся нежный, а во-вторых, потому, что сам гусенок тепленький, и это тепло через задний проход и кишечник без труда проникает в область сердца и мозга. И напрасно вы думаете, будто всем своим блаженством в Елисейских полях герои и полубоги обязаны асфоделям, амброзии и нектару, как тут у нас болтают старухи. По-моему, все дело в том, что они подтираются гусятами, и таково мнение ученейшего Иоанна Скотта.

(Пер. Н. Любимова)

Франсуа Рабле

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ, I, 56
(1532–1534)

О том, как были одеты монахи из Телемской обители

Первое время после основания обители женщины одевались сообразно своему вкусу и желанию. Впоследствии же они по своей доброй воле ввели следующую реформу. Они стали носить темно-красные или же розовые чулки ровно на три пальца выше колена. Кайма на чулках была из вышивок и прошивок. Подвязки были круглые, под цвет рукавичков. Башмачки, туфельки и домашние туфли делались из алого, красного или же лилового бархата, с бахромчатыми прорезами. Поверх сорочки надевался лиф из шелкового сукна и кринолинчик из тафты, белой, красной, коричневой, серой и т. д. На кринолинчик надевалась юбка из серебряной тафты с прошивками из чистого золота, напоминавшими желобки на колоннах, или же, в зависимости от погоды и по желанию, из атласа, из шелка, из бархата, оранжевая, коричневая, зеленая, пепельная, голубая, светло-желтая, красная, алая, белая, а по праздникам — юбка из золотой парчи, из серебряной ткани, отделанная у кого канителью, у кого вышивками. Плащи надевались глядя по времени года: из золотой ткани с серебряным шитьем, из красного атласа, отделанного золотой канителью, из белой, голубой, черной, коричневой тафты, шелковой саржи, бархата, серебряной парчи, серебряной ткани, золотых нитей, атласа или же бархата, расшитого всеми возможными золотыми узорами. Летом вместо плащей носили иногда прелестные марлоты из таких же материй или мавританские накидки из лилового бархата с серебряной канителью, прошитые золотыми нитями, а то — с золотыми шнурами, украшенными по швам мелким индийским жемчугом. А на шляпах неизменно красовался султан под цвет обшлагов, со множеством золотых подвесок. Зимой — плащи из тафты вышеперечисленных цветов, подбитые мехом рыси, черной генетты, калабрийской куницы, соболя и прочими дорогими мехами.

Четки, запястья, цепочки, ожерелья — все это было из драгоценных камней, а именно: карбункулов, рубинов, рубинов-баласов, брильянтов, сапфиров, изумрудов, бирюзы, гранатов, агатов, бериллов и отборного жемчуга, как мелкого, так равно и крупного.

Головные уборы соответствовали времени года: зимой носили французские шляпы, весной — испанские, летом — тосканские, по праздничным же и воскресным дням непременно надевали французские головные уборы, ибо они скромнее и солиднее всех прочих.

У мужчин были свои моды: чулки, шерстяные или же суконные, темно-красные, розовые, белые, черные; бархатные панталоны таких же или приближающихся к этим цветов, с вышивками и прорезами по вкусу каждого; куртки из парчи золотой, парчи серебряной, бархата, атласа, шелка, тафты, таких же цветов, с прорезами, прошивкой и отделкой — всем на загляденье; шнуры — шелковые, таких же цветов, пряжки — золотые, с эмалью; камзолы и кафтаны — из золотой парчи, золотой ткани, серебряной парчи, бархата, расшитые, как кому нравилось; плащи — такие же роскошные, как и у дам; пояса — шелковые, под цвет куртки; у каждого на боку шпага с золоченым эфесом, с золотым острием филигранной работы, в бархатных ножнах одного цвета с панталонами; такие же были и кинжалы; шляпы — из черного бархата, украшенные множеством золотых ягодок и пуговиц; на шляпах красовались усыпанные золотыми блестками белые перья, с которых свешивались рубины, изумруды и т. д.

Впрочем, между мужчинами и женщинами царило такое согласие, что и те и другие ходили в одеждах одной и той же ткани, одинаковой расцветки, а чтобы не вышло ошибки, несколько молодых людей должны были ежеутренне оповещать мужчин, что сегодня собираются надеть дамы, ибо все в обители подчинялось желаниям дам.

Не думайте, однако ж, что мужчины и женщины тратили много времени на то, чтобы с таким вкусом и так пышно наряжаться, — там были особые гардеробщики, каждое утро державшие наготове любую одежду, а также горничные, умевшие в мгновение ока одеть и убрать даму с ног до головы. А чтобы телемиты

Джованни и Джентиле Беллини
Проповедь Святого Марка в Александрии Египетской, ок. 1507
Милан, Пинакотека Брера

никогда не ощущали недостатка в одежде, возле Телемского леса было построено огромное светлое здание в полмили длиною и со всеми возможными приспособлениями, — там жили ювелиры, гранильщики, вышивальщики, портные, золотошвеи, бархатники, ковровщики, ткачи, и каждый занимался своим делом и работал на телемских монахов и монахинь. Материи и ткани поставлял им сеньор Навсиклет, и он же каждый год отправлял в обитель с Жемчужных и Каннибальских островов семь кораблей с грузом слитков золота, шелка-сырца, жемчуга и драгоценных камней. Если жемчужины теряли от времени природную свою белизну, их скармливали петухам, на которых это действовало, как слабительное на соколов, и благодаря этому восстанавливали первоначальный их цвет.

(Пер. Н. Любимова)

Альберт Себа
Змеи
Из кн.: *Locuplestissimi Rerum Naturalium Thesauri*,
ок. 1740
Амстердам

Франсуа Рабле

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ, IV, 64
(1532–1534)

Ядовитые гады

— А у меня уже в глазах не темно, — молвил Гимнаст.
— А я уж теперь не натошак, — сказал Эвсфен. — Следственно, моя слюна в течение сегодняшнего дня не представляет опасности для анерудутов, гарменов, абедиссионов, гандионов, алхатрафов, гемороедов, аммобатов, гусениц, апимаосов, двуглавых змей, алхатрабанов, дипсадов, арактов, домезов, астерионов, драконов, алхаратов, дриинад, аргов, ехидн, аскалабов, жаб, аттеллабов, желтобрюхов, аскалаботов, зайцев морских, бешеных собак, землероек, боа, златок, василисков, иклей, гадюк, иллициний, галеотов, ихневмонов, кантарид, римуаров, катоблепов,

рагионов,
керастов,
раганов,
крокодилов,
саламандр,
кокемаров,
скорпиончиков,
колотов,
скорпионов,
кафезатов,
сельзиров,
каухаров,
скалавотин,
кихриодов,
солофуйдаров,
кулефров,
сальфугов,
кухарсов,
солифугов,
крониоколаптов,
сепий,

кенхринов,
стинков,
кокатрисов,
стуфов,
кезодуров,
сабтинов,
ласок,
сепедонов,
медянок,
скиталов,
мантикоров,
стеллионов,
молуров,
сколопендр,
миагров,
тарантулов,
милиаров,
тифолопов,
мегалаунов,
тетрагнаций,
пауков,

теристалей,
птиад,
фаланг,
порфиоров,
хельгидр,
пареад,
херсидр,
пенфредонов,
элопов,
питиокамптов,
энгидридов,
питонов,
ящериц сенегальских,
пиявок,
ящериц халкедонских,
рутелей,
яррари.

(Пер. Н. Любимова)

Франсуа Рабле

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ, I, 27
(1532–1534)

Подвиги брата Жана

«Слушайте меня, все любители хмельного: с нами Бог, за мной! Пусть меня спалит антонов огонь, если я хоть разок позволю хлебнуть тем из вас, которые не помогут мне отбить виноградник! Мать честная, да ведь это же церковное достояние! Но только вот что: святой Фома Английский решился умереть за церковное достояние. Дьявольщина! Стало быть, если и я за него умру, меня тоже причислят к лику святых? Нет уж, я умирать не стану, пусть лучше по моей милости будут помирать другие».

С этими словами он скинул рясу и схватил перекадину от ясеневое креста: перекадина была длинная, как копье, и толстая, как здоровенный кулак; в некоторых местах на ней были нарисованы лилии, ныне почти уже стершиеся. Итак, сделав из своей рясы перевязь, он вышел в одном подряснике и, взмахнув перекадиною от креста, внезапно ринулся на врагов, а враги между тем, нарушив боевой порядок, без знамен, без трубача и барабанщика обирали в саду виноград, ибо знаменщики прислонили знамена и стяги к стене, барабанщики продырявили с одного боку барабаны, чтобы было куда сыпать виноград, в трубы тоже понапихали гроздий, — словом, все разбрелись кто куда, и вот брат Жан, не говоря худого слова, обрушился на них со страшною силой и, по старинке колотя их по чему ни попало, стал расшвыривать, как котят. Одних он дубасил по черепу, другим ломал руки и ноги, третьим сворачивал шейные позвонки, четвертым отшибал поясницу, кому разбивал нос, кому ставил фонари под глазами, кому заезжал по скуле, кому пересчитывал зубы, кому выворачивал лопатки, иным сокрушал голени, иным вывихивал бедра, иным расплющивал локтевые кости.

Кто пытался укрыться среди густолиственных лоз, тому он, как собаке, перебивал спинной хребет и переламывал крестец.

Кто пытался спастись бегством, тому он ударом по ламбдовидному шву раскалывал на куски черепную коробку.

Кто лез на дерево, полагая, что там безопаснее, тому он загонял перекадину в прямую кишку.

Если кто-нибудь из его старых знакомцев кричал: «Эй, брат Жан, брат Жан, друг мой милый, я сдаюсь!» — то он говорил: «Да у тебя другого выхода нет. Сдавай заодно и свою душу чертовой матери!» И тут же его ухлопывал. Смелчаку, который решался с ним перевестись, он охотно показывал силу мышц своих, а именно пробивал ему средогрудную перегородку и сердце. Кого ему не удавалось поддеть под ребро, тому он выворачивал желудок, и смерть наступала мгновенно. Иных он со всего размаху бил по пупку, и у них вываливались кишки. Иным протыкал мошонку и задний проход. Свет еще не видел столь ужасного зрелища, можете мне поверить!

Одни взывали: «Святая Варвара!»

Другие: «Святой Георгий!»

Третьи: «Святая Недотрога!»

Четвертые: «Кюноская Божья Мать! Лоретская! Благовестница! Ленуйская! Ривьерская!»

Одни поручали себя св. Иакову.

Другие прибегали под покров шамберийской плащаницы, которая, кстати сказать, три месяца спустя сгорела дотла, так что от нее ровно ничего не осталось.

Третьи — под покров плащаницы кадуинской.

Четвертые поручали себя Иоанну Предтече Анжельскому.

Пятые — св. Евтропию Сентскому, св. Месму Шинонскому, св. Мартину Кандскому, св. Клавдию Синейскому, жаварзейским святыням и разным другим святым, помельче.

Одни умирали, ничего не говоря, другие говорили, но не умирали. Одни умирали говоря, другие, умирая, говорили.

Иные громко кричали: «Исповедника! Исповедника! Confiteor! Miserere! In manus!» Услышав громкие стоны поверженных, настоятель со всею братией направился в сад; когда же они увидели этих несчастных, смертельно раненных, распростертых среди виноградных лоз, то поспешили некоторых из них исповедать. А пока иеромонахи возились с исповедью, молодые послушники побежали к брату Жану спросить, не могут ли они чем-либо ему помочь. Он же на это ответил, что нужно дорезать тех, кто валяется на земле. Тогда послушники, развесив долгополые свои подрясники

на изгороди, принялись дорезывать и приканчивать тех, кого он уходил насмерть. И знаете, каким оружием? Просто-напросто резачками, маленькими ножичками, которыми дети в наших краях шелушат зеленые орехи.

Затем брат Жан стал со своею перекладною у стены, возле самого того места, где она была проломлена неприятелем. Кое-кто из послушников уже успел растащить по своим кельям знамена и стяги себе на подвязки. Когда же те, кто исповедался, попытались юркнуть в пролом, брат Жан стал их приканчивать одного за другим, да еще приговаривал:

— Кто исповедался, покаялся и получил отпущение грехов, те — прямым путем в рай, прямым, как серп, как спина у горбуна!

Так благодаря его отваге были перебиты враги, проникшие в монастырский сад, перебиты все до одного, а их тут было тринадцать тысяч шестьсот двадцать два человека, не считая, как водится, женщин и детей.

Даже отшельник Можис, о котором говорится в Деяниях четырех сыновей Эмона, и тот, пойдя со своим посохом на сарацин, не выказал такой доблести, как наш монах, с перекладною от креста вышедший на врагов.

(Пер. Н. Любимова)

Виктор Гюго

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД, IV–VI (1874)

Кто следил за ходом заседаний Конвента, забывал о внешнем виде залы. Кто следил за драмой, не думал о театре. Невиданная дотоле смесь самого возвышенного с самым уродливым. Когорта героев, стадо трусов. Благородные хищники на вершине и пресмыкающиеся в болоте. Там кишели, толкались, подстрекали друг друга, грозили друг другу, сражались и жили борцы, ставшие ныне лишь тенью.

Нескончаемо-огромный список.

Справа Жиронда — легион мыслителей, слева Гора — отряд борцов. С одной стороны — Бриссо, которому были вручены ключи от Бастилии; Барбару, которого не решались слушаться марсельцы; Кервелеган, державший в боевой готовности Брестский батальон, расквартированный в предместье Сен-Марсо; Жансоннэ, который добился признания первенства депутатов перед военачальниками; роковой Гюадэ, которому в Тюильри королева показала однажды ночью спящего дофина; Гюадэ поцеловал в лобик спящего ребенка, но потребовал, чтобы отрубили голову его отцу; Салль, разоблачитель несуществующих заигрываний Горы с Австрией; Силлери, хромой калека с правых скамей, подобно тому как Кутон был безногим калекой — левых скамей; Лоз-Дюперре, который, будучи оскорблен одним газетчиком, назвавшим его «негодяй», пригласил оскорбителя отобедать и заявил: «Я знаю, что «негодяй» означает просто «инакомыслящий»; Рабо-Сент-Этьен, открывший свой альманах 1790 года словами: «Революция окончена!»; Кинет, один из тех, кто низложил Людовика XVI; янсенист Камюс, составитель проекта гражданского устройства духовенства, человек, который свято верил в чудеса дикона Париса и все ночи напролет лежал, распростершись перед распятием саженой высоты, прибитым к стене его спальни; Фоше — священник, вместе с Камиллом Демуленом руководивший восстанием 14 июля; Инар, который совершил преступление, сказав: «Париж будет разрушен», в тот самый момент, когда герцог Брауншвейгский заявил: «Париж

будет сожжен»; Жакоб Дюпон, первым крикнувший: «Я атеист», на что Робеспьер ответил ему: «Атеизм — забава аристократов»; Ланжюинэ, непреклонный, проникательный и доблестный бретонец; Дюкос — Эвриал при Буайе-Фонфреде; Ребекки — Пилад при Барбару, тот самый Ребекки, который сложил с себя депутатские полномочия, потому что еще не гильотинировали Робеспьера; Ришо, который боролся против несменяемости секций; Ласурс, автор злобного афоризма «Горе благодарным народам!», который у ступеней эшафота отверг свои же собственные слова, гордо бросив в лицо монтаньярам: «Мы умираем оттого, что народ спит, но вы умрете оттого, что народ проснется!»; Бирото, который на свою беду добился отмены неприкосновенности личности депутатов, ибо таким образом отточил нож гильотины и воздвиг плаху для самого себя; Шарль Виллет, который для очистки совести время от времени возглашал: «Не желаю голо-

совать под угрозой ножа»; Луве, автор «Фоблаза», в конце жизненного пути ставший книгопродавцем в Пале-Рояле, где за прилавком восседала Лодоиска; Мерсье, автор «Парижских картин», который писал: «Все короли на собственной шее почувствовали двадцать первое января»; Марек, который пекся об «охране бывших границ»; журналист Карра, который, взойдя на эшафот, сказал палачу: «До чего же досадно умирать! Так хотелось бы досмотреть продолжение»; Виже, который именовав себя «гренадером второго батальона Майенна и Луары» и который в ответ на угрозы публики крикнул: «Требую, чтобы при первом же ропоте трибун мы, депутаты, ушли отсюда все до одного и двинулись бы на Версаль с саблями наголо!»; Бюзо, которому суждено было умереть с голоду; Валазе, принявший смерть от собственной руки; Кондорсе, которому судьба уготовила кончину в Бург-ла-Рен, переименованном в Бург-Эгалитэ, причем

Жак Луи Давид
Клятва в Зале для игры в мяч, XVIII в.
Париж, Музей Карнавале

убийственной уликой послужил обнаруженный в его кармане томик Горация; Петион, который в девяносто втором году был кумиром толпы, а в девяносто четвертом погиб, растерзанный волчьими клыками; и еще двадцать человек, среди коих: Понтекулан, Марбоз, Лидон, Сен-Мартен, Дюссо, переводчик Ювенала, проделавший ганноверскую кампанию; Буало, Бертран, Лестер-Бове, Лесаж, Гомэр, Гардьен, Мэнвель, Дюплантье, Лаказ, Антибуль и во главе их второй Барнав, который звался Верньо.

С другой стороны — Антуан-Луи-Леон Флорель де Сен-Жюст, бледный, двадцатитрехлетний юноша, с безупречным профилем, загадочным взором, с печатью глубокой грусти на челе; Мерлен из Тионвиля, которого немцы прозвали «Feuer-Teufel», «огненный дьявол»; Мерлен из Дуэ, преступный автор закона о подозрительных; Субрани, которого народ Париза 1 прериаля потребовал назначить своим полководцем; бывший кюре Лебон, чья рука, кропившая ранее прихожан святой водой, держала теперь саблю; Билло-Варенн, который предвидел магистратуру будущего, где место судей займут посредники; Фабр д'Эглантин, которого только однажды, подобно Руже де Лиллю, создавшему Марсельезу, осенило вдохновение, и он создал тогда республиканский календарь, но, — увя! — вторично муза не посетила ни того, ни другого; Манюэль, прокурор Коммуны, который заявил: «Когда умирает король, это не значит, что стало одним человеком меньше»; Гужон, который взял Трипштадт, Нейштадт и Шпейер и обратил в бегство пруссаков; Лакруа, из адвоката превратившийся в генерала и пожалованный орденом Святого Людовика за неделю до 10 августа; Фрерон-Терсит, сын Фрерона-Зоила; Рюль, гроза банкирских железных сундуков, непреклонный республиканец, трагически покончивший с собой в день гибели республики; Фуше с душой демона и лицом трупа; друг отца Дюшена, Камбулас, который сказал Гильотену: «Сам ты из клуба Фельянов, а дочка твоя — из Якобинского клуба»; Жаго, ответивший тому, кто жаловался, что узников держат полунагими: «Ничего, темница одела их камнем»; Жавог, злоедейский осквернитель гробниц в усыпальнице Сен-Дени; Осселэн, изгонявший подозрительных и скрывавший

у себя осужденную на изгнание госпожу Шарри; Бантаболь, который, председательствуя на заседаниях Конвента, знаками показывал трибунам, рукоплескать им или улюлюкать; журналист Робер, супруг мадмуазель Кералио, писавшей: «Ни Робеспьер, ни Марат ко мне не ходят; Робеспьер может явиться в мой дом, когда захочет, а Марат — никогда»; Гаран-Кулон, который гордо сказал, когда Испания осмелилась вмешаться в ход процесса над Людовиком XVI, что Собрание не уронит себя чтением письма короля, предстательствующего за другого короля; Грегуар, по началу пастырь, достойный первых времен христианства, а при Империи добившийся титула графа Грегуар, дабы стереть даже воспоминание о Грегуаре-республиканце; Амар, сказавший: «Весь шар земной осудил Людовика XVI. К кому же апеллировать? К небесным светилам?»; Руйе, который 21 января протестовал против пушечной стрельбы с Нового моста, ибо, как он заявил: «Голова короля при падении должна производить не больше шума, чем голова любого смертного»; Шенье, брат Андре Шенье; Вадье, один из тех ораторов, что, произнося речь, клали перед собой заряженный пистолет; Танис, который сказал Моморо: «Я хотел бы, чтобы Марат и Робеспьер дружески обнялись за моим столом». — «А где ты живешь?» — «В Шарантоне». — «Оно и видно», — ответил Моморо; Лежандр, который стал мясником французской революции, подобно тому как Прайд был мясником революции английской; «Подойди сюда, я тебя пришибу», — закричал он Ланжюинэ, на что последний ответил: «Добейся сначала декрета, объявляющего меня быком»; Колло д'Эрбуа, злоедейский лицедей, скрывший свое подлинное лицо под античной двуликой маской, одна половина которой говорила «да», а другая «нет», одна одобряла то, на что изрыгала хулу другая, бичевавший Каррье в Нанте и превозносивший Шалье в Лионе, пославший Робеспьера на эшафот, а Марата в Пантеон; Женисье, который требовал смертной казни для всякого, на ком будет обнаружен образок с надписью: «Мученик Людовик XVI»; Леонар Бурдон, школьный учитель, предложивший свой дом старцу Юрских гор; моряк Топсан, адвокат Гупилье, Лоран Лекуантр — купец, Дюгем — врач, Сержан — скульптор, Давид — художник, Жозеф Эгали-

тэ — принц крови. И еще — Лекуант-Пюираво, который требовал, чтобы Марата особым декретом объявили «находящимся в состоянии помешательства»; неугомонный Робер Лендэ, родитель некоего спрута, головой которого был Комитет общественной безопасности, а бесчисленные щупальцы, охватившие всю Францию, именовались революционными комитетами; Лебеф, которому Жире-Дюпре посвятил в своем «Пиршестве лжепатриотов» следующую строку: «Лебеф [«Лебеф» созвучно с франц. «le boeuf» — бык], увидев раз Лежандра, замычал». Томас Пэйн, американец и человек гуманный; Анахарсис Клотц, немец, барон, миллионер, безбожник, эбертист, существо весьма простодушное; неподкупный Леба, друг семьи Дюпле; Ровер, яркий экземпляр любителя зла ради зла, ибо искусство для искусства существует гораздо чаще, чем принято думать; Шарлье, требовавший, чтобы к аристократам непременно обращались на «вы»; Тальен, чувствительный и свирепый, которого любовь к женщине сделала термидорианцем; Камбасерес, прокурор, ставший впоследствии принцем; Каррье, прокурор, ставший впоследствии тигром; Лапланш, который в один прекрасный день воскликнул: «Я требую приоритета для пушки, дающей сигнал тревоги»; Тюрью, который предложил открытое голосование для судей Революционного трибунала; Бурдон из Уазы, который вызвал на дуэль Шамбона, донес на Пэйна и сам был разоблачен Эбером; Фэйо, который предлагал послать в Вандеу «армию поджигателей»; Таво, который 13 апреля был чем-то вроде посредника между Жирондой и Горой; Вернье, который считал необходимым, чтобы вожди жирондистов, равно как и вожди монтаньяров, пошли в армию простыми солдатами; Ревбель, который заперся в Майнце; Бурбот, под которым при взятии Сомюра убили коня; Гимберто, который командовал армией на Шербургском побережье; Жард-Панвилье, который командовал армией на побережье Ларошель; Лекарпантье, который командовал эскадрой в Канкале; Робержо, которого подстерегала в Роштадте ловушка; Приер Марнский, надевавший при инспекторской поездке по войскам свои старые эполеты командира эскадрона; Левассер Сартский, который одним-единственным словом обрек на гибель Серрана,

командира батальона в Сент-Амане; Ревершон, Мор, Бернар де Сент, Шарль Ришар, Лекинио, и во главе этой группы — новоявленный Мирабо, именуемый Дантоном. Вне этих двух лагерей стоял человек, державший оба эти лагеря в узде, и человек этот звался Робеспьер.

Внизу стлался ужас, который может быть благородным, и страх, который всегда низок. Вверху шумели бури страстей, героизма, самопожертвования, ярости, а ниже притаилась суетливая толпа безликих. Дно этого собрания именовалось «Равниной». Сюда скатывалось все шаткое, все колеблющееся, все малoverы, все выжидатели, все медлители, все согладтаи, и каждый кого-нибудь да боялся. Гора была местом избранных, Жиронда была местом избранных; Равнина была толпой. Дух Равнины был воплощен и сосредоточен в Сийесе.

Сийес был человеком глубокомысленным, чье глубокомыслие обернулось пустотой. Он застрял в третьем сословии и не сумел подняться до народа. Иные умы словно нарочно созданы для того, чтобы застревать на полпути. Сийес звал Робеспьера тигром, а тот величал его кротом. Этот метафизик пришел в конце концов не к разуму, а к благоразумию. Он был придворным революции, а не ее слугой. Он брал лопату и шел вместе с народом перекапывать Марсово поле, но шел в одной упряжке с Александром Богарне. На каждом шагу он проповедовал энергию, но не знал ее сам. Он говорил жирондистам: «Привлеките на вашу сторону пушки». Есть мыслители-ратоборцы; такие, подобно Кондорсе, шли за Верньо или, подобно Камиллу Демулену, шли за Дантоном. Но есть и такие мыслители, которые стремятся лишь к одному — выжить любой ценой; такие шли за Сийесом.

На дно бочки с самым добрым вином выпадает мутный осадок. Под «Равниной» помещалось «Болото». Сквозь мерзкий отстой явственно просвечивало себялюбие. Здесь молча выжидали, щелкая от страха зубами, немощствующие трусы. Нет зрелища гаже. Готовность принять любой позор и ни капли стыда; затаенная злоба; недовольство, скрытое личиной раболепства. Все они были напуганы и циничны; всеми двигала отвага, исходящая из безу-

держной трусости; предпочитали в душе Жиронду, а присоединялись к Горе; от их слова зависела развязка; они держали руку того, кого ждал успех; они предали Людовика XVI — Верньо, Верньо — Дантону, Дантона — Робеспьеру, Робеспьера — Тальену. При жизни они клеймили Марата, после смерти обожествляли его. Они поддерживали все вплоть до того дня, пока не опрокидывали все. Они чутьем угадывали, что зашаталось, и стремились нанести последний удар.

В их глазах, — ибо они брались служить любому, лишь бы тот сидел прочно, — пошатнуться — значило предать их. Они были числом, силой, страхом. Отсюда-то их смелость — смелость подлецов.

Отсюда 31 мая, 11 жерминаля, 9 термидора — трагедии, завязка которых была в руках гигантов, а развязка в руках пигмеев. [...]

Бок о бок с людьми, одержимыми страстью, сидели люди, одержимые мечтой. Утопия была представлена здесь во всех своих разветвлениях: утопия воинствующая, признающая эшафот, и утопия наивная, отвергающая смертную казнь; грозный призрак для тронов и добрый гений для народа. В противовес умам ратоборствующим здесь имелись умы созидающие. Одни думали только о войне, другие думали только о мире; в мозгу Карно родилась вся организация четырнадцати армий, в мозгу Жана Дебри родилась мечта о всемирной демократической Федерации. Среди неукротимого красноречия, среди воя и рокота голосов таилось плодотворное молчание. Лаканаль молчал, но обдумывал проект народного просвещения; Лантенас молчал и создавал начальные школы; молчал и Ревельер-Лепо, но в мечтах старался придать философии значение религии. Прочие занимались второстепенными вопросами, пеклись

о мелких, но существенных делах. Гюитон-Морво занимался вопросом улучшения больниц. Мэр хлопотал об уничтожении крепостных податей. Жан-Бон-Сент-Андре добивался отмены ареста за долги и упразднения долговых тюрем. Ромм отстаивал предложение Шаппа, Дюбоэ навел порядок в архивах, Коран-Фюстье создал анатомический кабинет и музей естествознания, Гюйомар разработал план речного судоходства и постройки плотин на Шельде. Искусство также имело своих фанатиков и своих одержимых; 21 января, в тот самый час, когда на площади Революции скатилась голова монархии, Безар, депутат Уазы, пошел посмотреть обнаруженную где-то на чердаке в доме по улице Сен-Лазар картину Рубенса. Художники, ораторы, пророки, люди-колоссы, как Дантон, и люди-дети, как Анахарсис Клотц, ратоборцы и философы — все шли к единой цели, к прогрессу. Никогда они не опускали рук. В том-то и величие Конвента — он находил зерно реального там, где люди видят только неосуществимое. На одном полюсе был Робеспьер, видевший лишь «право», на другом — Кондорсе, видевший лишь «долг».

Кондорсе был человеком мечты и света; Робеспьер был человеком свершений; а иногда в периоды агонии одряхлевшего общества свершение равносильно искоренению. У революции, как и у горы, есть свои подъемы и спуски, и на разных уровнях ее склонов можно видеть все разнообразие природы, от вечных льдов до весеннего цветка. Каждая зона творит людей себе на потребу, и таких, что живы солнцем, и таких, что живы громами.

(Пер. Н. М. Жарковой)

Редьярд Киплинг**ПИСЬМО К СЫНУ (ЕСЛИ)**

(1910)

О, если ты покоен, не растерян,
 Когда теряют головы вокруг,
 И если ты себе остался верен,
 Когда в тебя не верит лучший друг,
 И если ждать умеешь без волнения,
 Не станешь ложью отвечать на ложь,
 Не будешь злобен, став для всех мишенью,
 Но и святым себя не назовешь,

И если ты своей владеешь страстью,
 А не тобою властвует она,
 И будешь тверд в удаче и несчастье,
 Которым, в сущности, одна цена,
 И если ты готов к тому, что слово
 Твое в ловушку превращает плут,
 И, потерпев крушение, можешь снова —
 Без прежних сил — возобновить свой труд,

И если ты способен все, что стало
 Тебе привычным, выложить на стол,
 Все проиграть и вновь начать сначала,
 Не пожалев того, что приобрел,
 И если можешь сердце, нервы, жилы
 Так завести, чтобы вперед нестись,
 Когда с годами изменяют силы
 И только воля говорит: «Держись!»

И если можешь быть в толпе собою,
 При короле с народом связь хранить
 И, уважая мнение любое,
 Главы перед молвою не клонить,
 И будешь мерить расстоянье
 Секундами, пускаясь в дальний бег, —
 Земля — твое, мой мальчик, достоянье!
 И более того, ты — человек!

(Пер. С. Маршака)

Уолтер Кёрт
Спокойствие прошлой жизни, 1941
Нью-Йорк, Музей современного искусства

16. Связная избыточность

Калейдоскоп невообразимых видений в эпизоде с ведьмами в *Симплициссимусе* **Гриммельсгаузена**, или в Вальпургиевой ночи первой части *Фауста* **Гете**, равно как перечень всякой нечисти и дьявольщины в поэме **Теофиля Готье Альбертюс**, — эти безудержные перечисления изобилуют тем, что мы собственно и ожидаем увидеть на шабаше. Скрупулезный перечень всех применявшихся алхимиками именовании Первоматерии в *Мифо-герметическом словаре* **Пернети** выглядит настолько умопомрачительным, что возникает соблазн отнести этот текст к хаотичным спискам, — однако алхимик XVIII века всего лишь приводит существующую терминологию, а значит, имеет полное право собрать все эти определения вместе. Конечно, невольно возникает подозрение, что, составляя свой перечень, он испытывал определенное «литературное» удовольствие и иной раз переживал из чистого нежелания сдерживать свой порыв — а то бы у него получился просто практический список, для практических целей непригодный в силу своей чрезмерности. В сущности, возможно, хаос царил в голове этого сумбурного оккультиста, но список его при всей изобильности хаотичным не был.

Может быть, наиболее яркий пример сочетания неумности и последовательности — это описание цветов в саду Параду в романе **Золя Проступок аббата Муре**. Более хаотично выглядит приведенное в антологии перечисление **Лотреамона**, но, правда, текст этот подернут раздражением, которое, хоть и слегка параноидально, но зато придает единообразие всему тому, что автору не нравится. Точно так же, как в отрывке из **Барта** перечень приобретает связность, поскольку касается всего, что автору нравится.

Кое-кто углядел связь между хаотичным перечислением и внутренним монологом, или *потокос сознания*. В самом деле,

примеры внутреннего монолога, в первую очередь в произведениях Джойса, могут показаться чисто случайным скоплением совершенно разнородных элементов, если не принимать в расчет, что все они всплывают в сознании одного персонажа, в определенном порядке, в силу ассоциаций, о которых автор вовсе не обязан сообщать, и это объединяет их в связное целое. Хаотичен или нет вот такой внутренний монолог в четвертой главе *Улисса*?

«Он видел стадо в знойной серебристой дымке. Пыльные, серебристые маслины. Долгие безмятежные дни: уход за деревьями, сбор плодов. Маслины, кажется, кладут в банки? Дома несколько осталось, от Эндрюса. Молли сперва плевалась, теперь входит во вкус. Апельсины в папиросной бумаге укладывают в ящики. Другие цитрусы так же. Цитроны. Интересно, там ли еще бедняга Цитрон, на Сент Кевин пэрейд. И Мастянский со своей цитрой. Славные у нас были вечера. Молли в плетеном кресле Цитрона. Приятно взять в руки, плод восковой, прохладный, поддержишь, поднесешь к носу и вдохнешь аромат. Такой густой, сладкий, одуряющий аромат. Всегда такой же, из года в год. И по хорошей

Сальвадор Дали
Антропоморфный шкаф, 1936,
 Дюссельдорф, Художественная галерея земли
 Северный Рейн-Вестфалия

цене идут, Мойзел мне говорил. Арбьютес плейс, Плизентс стрит; добрые старые времена. Он говорил, нельзя ни малейшего изъясна. Проходят весь этот путь: Испания, Гибралтар, Средиземное море, Ближний Восток.

Штабеля ящиков в Яффе на набережной, клерк их вычеркивает в гроссбухе, грузчики в замасленных робах таскают. Вон этот, как бишь его, выходит от.

Как ваши де? Не смотрит. Одна скука, когда встречаешь шапочного знакомого.

Спина как у того норвежского капитана. Интересно, еще раз встречу его сегодня? Поливалка. Накликать дождь. На небеси и на земли» (пер. В. Хинкиса, С. Хоружего).

«Локальное» впечатление хаоса исчезает, если воспринять монолог в его протяженности: перед нами поток мыслей, одолевающих мозг Блума в определенное утро под воздействием ряда внешних обстоятельств.

Иной сюжет, опять-таки говоря о Джойсе, в уже упоминавшемся описании ящика Блума в *Улиссе*: в сущности, список этот строго реалистичен, и перечисляется в нем то, что вполне может лежать в ящике стола. Вот только не ясно, зачем автору надо так долго топтаться на месте, перебирая всякую ерунду. Явно он хочет ощутить сам и дать почувствовать читателю всю прелесть бессвязности целого. Именно поэтому данный перечень мы поставили в раздел антологии, посвященный хаотичному перечислению: лучшего примера не подыскать. Более связным представляется нам отрывок из романа **Томаса Пинчона**, который просто задвинул ящик Блума и перечислил, что валялось на поверхности письменного стола.

Как ни странно, великолепный пример абсолютно не хаотичной избыточности — 32 страницы *Марабу Клода Клоски*. Он всего лишь поставил в ряд слова и словосочетания, каждое из которых начинается со слога, которым кончается предыдущее. Приходится признать, что в этом безумии есть система, и что список, хаотичный с точки зрения означаемых, вовсе не хаотичен с точки зрения означающих.

Не вполне ясно, связную или хаотичную избыточность представляет собой перечень всего, что увидел за один день **Жорж Перек**, стоя на парижской площади Сен-Сюльпис и методично фиксируя время, событие и место, с которого велось наблюдение. Такой перечень случаен и беспорядочен, поскольку в тот день на площади происходили еще тысячи событий, ускользнувших от внимания

Перека и не попавших в список; однако сам факт, что в списке значится только то, что Перек заметил, делает список однородным. К той же пограничной категории мы можем отнести книгу *Я помню* того же Перека: здесь перечисляется все, что удосужился вспомнить автор, и это привносит в хаос определенный порядок. В число связанных избыточных списков входит и описание бойни в романе **Дёблина** *Александрплац*: в принципе, здесь вроде предполагается упорядоченное описание определенного места и кипящей там деятельности, однако уловить, как выглядит место и какова логическая последовательность производимых действий необычайно трудно из-за обилия подробностей, цифр, потоков крови, обезумевших от страха поросят... Бойня Дёблина ужасает именно из-за нагромождения кошмарных, ошеломляющих подробностей, и любой возможный порядок растворяется в хаосе безумного зверства — что пророчески намекает на все предстоящие бойни.

При всей изобильности, нельзя не признать связными перечни, составленные Кристианом Болтанским, будь то швейцарцы, умершие в кантоне Вале в 1991 году, или художники, принимавшие участие в Венецианской биеннале между 1885 и 1995 годами. И, как ни странно, связность присуща некоторым перечням Аннет Мессаже.

Бывает, что список делается хаотичным от избытка гнева, ненависти, злобы, когда оскорбления сыплются одно за другим. Типичный пример — поток брани, изливаемый Селином в кои-то веки не на евреев, а на Советскую Россию:

К черту! К дьяволу! Чтоб им сдохнуть! Чтоб им лопнуть! Чертово отродье! 487 миллионов! Козлоказики долбанутые! Quid? Quid? Quod? Сифилиславия паршивая! Quid? От заславяненной Балтики до Чернобелого моря? Quam? Гады балканые! Псы поганые! Похаблёбка огуречная! Зануды! Отрыжки! Дерьмоглоты! Чхал я на вас! Клал я на вас! Огромную кучу! Достали! Тыквакв! Бурдаки? Кишмя кишат! Волгарончики! Монголявки! Татароны! Расстахановцы! Жоподовичи! Четыреста тысяч мирьямметров верст сраноклятой степи, сплошь Ништяк-Заполошник! Сукозлы! Везувня! Потопень! Сморчки маргавённые! Чтоб вам в очко вонючее царибнуться! Усталин Воровшилов! Сверхпланки недоделанные! Транссибирия!.. (пер. Н. Мавлевич).

В подобных случаях, видимо, имеет смысл привести текст оригинала (странным образом напоминающего вспышки гнева капитана Хаддока из комиксов про Тентена):

Герман де Врис
 Сутра Эшенау «one and many», 2002
 Лозанна, Музей изящных искусств

Dine! Paradine! Crèvent! Boursouflent! Ventre dieu!.. 487 millions!
 D'empalafiés cosacologues! Quid? Quid? Quod? Dans tous les chancres
 de Slavie ! Quid? De Baltique slavigote en Blanche Altramer noire?
 Quam? Balkans! Visqueux! Ratagan! de concombres!.. Mornes! Roteux!
 de ratamerdel! Je m'en pourfentre... Je m'en pourfoutre! Gigantement!
 Je m'envole! Coloquinte!.. Barbatoliers? Immensément! Volgaronoff!..
 mongomoleux Tartaronesques!.. Stakhanoviciants!.. Culodovitch!..
 Quatre cent mille verstes myriamètres... de steppes de condachiures,
 de peaux de Zébis-Laridon!.. Ventre Poultre! Je m'en gratte tous les
 Vésuves!.. Déluges!.. fongueux de margachiante!.. Pour vos tout sales
 pots fiottés d'entzarinavés!.. Stabiline! Vorokchiots! Surplus
 Déconfits!.. Transbériel!..

И наконец, да будет позволено автору этих строк, закоснелому любителю списков, привести в антологии два отрывка из собственных романов: в одном имена всевозможных бродяг, взятые из достоверных источников (и соответственно составляющие связный перечень), перечисляются, однако, исключительно ради красоты звучания и из чистого смакования множественности; другой призван описать Самбатион — реку, которая в иудаистской традиции представлялась состоящей не из воды, а из камней; под впечатлением от текста Плиния Старшего, где перечислены названия сотен минералов, воображение нарисовало струение потока всевозможных, мыслимых и немыслимых камней и их низвержение в адскую бездну, чей вид сперва был навеян водопадом Игуасу.

Ганс фон Гриммельсгаузен

СИМПЛИЦИССИМУС, II, 16

(1669)

Сие повергло меня в ужасающую оторопь и вселило немалый страх, но понеже я приобык и к еще более устрашительным позорищам, да и отродясь не доводилось мне еще слышать или читать про таких ведьмаков, наипаче же оттого, что все сие свершилось весьма чинно, то я не особливо остерегался, а напротив, когда все повыскакали, зашел в тот покой, размышляя, что бы мне унести и где еще пошарить, и посреди таких мыслей присел я верхом на скамеечку. Но едва я оседлал ее, как поехал, да что там, взвился с треском и вылетел вместе со скамейкою в окошко, оставив ранец и самопал там, где их положил, возле скляницы с притираниями и прочих колдовских мазей. Сесть, взлететь и сойти долой – все учинилось во мгновение ока! Ибо я, как мне мнилось, в ту же минуту очутился посреди превеликой толпы народа, а быть может, со страху не приметил, сколько времени провел я в дальнем сем пути. Все тут отплясывали диковинные танцы, коих я отродясь не видывал; ибо они, взявшись за руки и выворотив спины, подобно тому, как изображают граций, так что лица их были все наружу, водили хороводы в несколько кругов, один заключенный в другом. Во внутреннем кругу было примерно семь или восемь персон; в следующем за ним, верно, вдвое больше, а в третьем больше, чем в сих обоих, так что в наружном кругу было их свыше двухсот. И так как один круг, или хоровод, скакал влево, а другой возле него вправо, то и не мог я хорошенько разглядеть, сколько было всего таких кругов, и что стояло там посреди, вокруг чего они плясали. Все сие было весьма стран-

но и устрашительно, ибо головы их преуморительно мелькали перед очами. И сколь страшен был сам танец, такова же была их музыка; также сдается мне, всяк припевал к сему танцу еще от себя, что составляло диковинную гармонию. Скамья, на которой я прилетел, опустилась возле музыкантов, стоявших поодаль от того круга, или хоровода; у некоторых из них вместо флейт, флейт-траверсов и свирелей были ехидны, ужи и гадюки, на коих они превесело гудели. Иные же стояли с кошками, которым они дули в задницы, перебирая по хвосту пальцами; и сие звучало, подобно волынкам. А другие водили смычками по конским черепам, словно по наилучшей дискантовой скрипке, а иные ударяли по коровьим остовам, какие можно видеть на живодерне, как по струнам арфы. Был среди них и такой молодец, который держал под мышкой суку; он вертел ей хвост, как рылейщик, перебирая лады на сосках. А к сему трубил дьявол через нос, так что раздавалось по всему лесу, а как сей танец скоро пришел к концу, то принялась вся адская кумпань бушевать, кричать, шуметь, греметь, выть, яриться и неистовствовать, как если бы они все вздурели и взбесились. Тут всякий легко рассудить может, в каком я пребывал тогда страхе и ужасе. Посреди скаредного сего шума и мерзостного гомона приблизился ко мне молодчик, зажавший под мышкою преогромную жабу, величиной, почитай, с добрую литавру; все кишки у нее были выворочены из заду наружу и снова запиханы в глотку, что имело вид столь гнусный, что я начал блевать. «Подыми очи, Симплициссимус, – сказал он, – ведомо мне, что ты изрядно играешь на лютне, так повесели же и нас своим искусством».

(Пер. А. Морозова, Э. Морозовой)

Вольфганг Гёте

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ,

ФАУСТ, I

(1773–1774)

ФАУСТ, МЕФИСТОФЕЛЬ И БЛУЖДАЮЩИЙ ОГОНЕК
(поочередно)

Путь лежит по плоскогорью,
Нас встречает неизвестность.
Это край фантазмагорий,
Очарованная местность.
Глубже в горы, глубже в горы! [...]
Переклички стай совиных
Отзываются в долинах.
Слышен, далью повторенный,
Хохот филина бессонный.
Месяц осветил тропинку,
Блещет ящерицы спинка.
По-гадючьи, змей проворней,
Расползлись под нами корни,
А над нами, пальцы скрючив,
Виснет путаница сучьев.
Темный лес оплел дорогу
Щупальцами осьминога
И кишмя кишит под мхами
Разномастными мышами.
А светящиеся мушки
Вьются на его опушке
Кучами, несметным скопом,
Огненным калейдоскопом.
Но скажите мне по чести,
Не стоим ли мы на месте?
Может, все, что есть в природе,
Закружившись в хороводе,
Мчится, пролетая мимо,
Мы же сами недвижимы? [...]

ФАУСТ

Как облик этих гор громаден!
Как он окутан до вершин
Ненастной тьмой глубоких впадин

И мглой лесистых котловин!
Как угольщики, черномазы
Скопившиеся в них пары,
Как будто это клубы газа
Из огнедышащей горы.
И правда, языком багряным
Бросаясь к облакам седым,
Здесь пламя борется с туманом
И пробивается сквозь дым.
Вон искры отлетают блесткой,
Вон в виде крупного зерна.
Но вот скала у перекрестка
Вся доверху озарена! [...]

МЕФИСТОФЕЛЬ

Скорей за что-нибудь схватись,
А то сорвешься с кручи вниз.
На курганы лег туман,
Завывает ураган.
Гул и гомон карнавала
Распугал сычей и сов.
Ветер, главный запевала,
Не щадит красы лесов.
И расселины полны
Ворохами бурелома
И обломками сосны,
Как развалинами дома,
Сброшенного с крутизны.
И все ближе, ближе вой,
Улюлюканье и пенье
Страшного столпотворенья,
Мчащегося в отдаленье
На свой шабаш годово́й.

ВЕДЬМЫ (хором)

На Брокен ведьмы тянут в ряд.
Овес взошел, ячмень не сжат.
Там Уриан, князь мракобесья,
Красуется у поднебесья.
По воздуху летит отряд,
Козлы и всадницы смердят.

(Пер. Б. Пастернака)

Дом Антуан-Жозеф Пернети**НАЗВАНИЯ ПЕРВОМАТЕРИИ****ИЗ МИФО-ГЕРМЕТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
(1758)**

Сера воздействует на соль, связывая ее и придавая ей таким образом форму: соль воздействует на серу, растворяя и очищая ее; оба вещества, соединенные в должной пропорции, образуют вязкую, купоросную воду, каковая является первоматерией Природы и Искусства. Вот часть тех имен, что дали своей материи Философы Герметисты. Большая часть терминов истолкованы в данном словаре, поскольку, как говорят Мориен и Раймунд Лулльский, в постижении смысла этих столь различных имен одного и того же заключена вся тайна Искусства. Одни слова взяты из греческого, другие — из древнееврейского, некоторые — из арабского, многие — из латыни и французского.

Осеменить. Сталь. Адам. Адамер. Атроп. Афроп. Ягненок. Эбатест. Орел. Орел философов. Орел летучий. Магнит. Воздух. Олово. Сожженное олово. Несгораемое олово. Черное олово. Аляртар. Альбар. Эрис. Альбира. Альборакс. Всемирный растворитель. Альшарир. Алькобил. Алемброт. Алокам. Алосин. Экузаль. Альмагра. Альмизадир. Алюдель. Алун. Алус. Аземад. Эзон. Амальгра. Душа. Душа Сатурна. Душа Элементов. Мировая душа. Анахрон. Анатрон. Анатюэль. Андрогин. Антимонах или сурьма. Сурьма, входящая в свинец. Антибар. Дерево. Лунное Дерево. Металлическое Дерево. Философическое Дерево. Солнечное Дерево. Аремарос. Серебро. Ртуть. Коагулированная ртуть. Аргирон. Арнет или Замих. Арсеник. Асмарцест. Астима. Астимад. Акафорт. Азох. Азот. Ванна. Ванна Дианы. Ванна короля. Ванна солнца. Ванна Марии. Ванна паровая. Бейя. Бербель. Масло. Добро. Добро связующее. Белизна Черного. Белизна. Лес. Лес жизни. Лес золота. Боракс. Боритис. Бортеза или Бореза. Ягненок. Туман. Кадмиевый. Кадуцей. Каин. Камбар. Камерет. Канкр. Каспа. Каспачиевый. Пепел. Пепел Тартара.

Пепел плавкий. Пепел несгораемый. Пепел черный. Шай. Шайя. Верблюд. Поле. Хаос. Жаркий. Живой жар. Дорога. Чес. Чессеф. Чессеф хаи. Чепур. Собака. Кораскенская собака. Собака армянская. Вещь поломанная или измученная. Вещь вульгарная. Гелия. Небо. Небо Философов. Среднее небо. Свет солнца. Ключ Магистерия. Ключ металлов. Сердце Сатурна. Сердце Солнца. Колькотар. Гнев. Золотой обруч. Компаньон. Компар. Сложное. Смесь. Конфекция. Содержащее. Содержимое. Петух. Ворон. Тело белое. Тело смешанное. Тело противоположное. Тело запятнанное. Тело несовершенное. Тело чуждое. Тело составленное. Черное тело. Дыхание сердца. Корона короля. Нож. Лунные слюни. Жаба. Трещина. Кристалл. Опасность. Декабрь. Декабрь Е. Деб. Дехаб. Тиабест. Средняя диспозиция. Нежность масла. Денеш. Дракон. Летучий Дракон. Сломанный Дракон. Вавилонский Дракон. Пылающая вода. Азотная вода. Обжигающая вода. Вода фонтана. Вода Искусства. Вода Крови. Меловая вода. Вода жизни. Вода урины. Вода Стикса. Звездная вода. Лиственная вода. Вода гиле. Вода повсеместная. Тяжкая вода. Вода весомая. Первая вода. Сухая вода. Простая вода. Вязкая вода. Эбемиш. Эбесемет. Элемент. Пятый элемент. Эликсир. Эсарон. Эмбрион. Ад. Враг. Лезвие. Супруга. Эспатуль. Дух. Воплощенный Дух. Дух грубый. Дух горячий. Дух Ясности. Дух проникающий. Универсальный Дух. Олово. Лето. Белая Этелия. Запечатанная Звезда. Металлическое Бытие. Эдика. Евфрат. Ева. Отходы Стекла. Фада. Сокол. Фавонис. Сожженные отходы. Растворенные отходы. Самка. Женщина. Проститутка. Железо. Фермент. Сублимированный фермент. Огонь. Акватический огонь. Искусственный огонь. Антиприродный огонь. Огонь жгучий без коррозии. Огонь пепла. Огонь лампы. Огонь Песка. Влажный огонь. Огонь присущий. Жидкий огонь. Натуральный огонь. Желчь. Сын, благословенный огнем. Сын (младший) Сатурна. Сын Нила. Сын Солнца и Луны. Флегма. Цветок Олова. Цветок Солнца. Фонтан. Фонтан Короля. Форма. Форма человека. Брат. Брат Змеи. Эридан.

Алхимия — зеркало искусства и природы

Ил. из кн. *Кабала*, 1663

Аугсбург

Плод. Плод Солнечного Древа. Белый дым. Оранжевый дым. Красный дым. Муравейник. Габертин. Габритус. Габриус. Джунис. Лед. Белый Гумми. Гумми Золота. Красный Гумми. Гофрис. Гранускула. Гур. Хагральцамд. Гебрит. Гермафродит. Ласточка. Зима. Человек. Масло. Масло Марса. Несгораемое масло. Красное масло. Белая влажность. Радикальная влажность. Сырость. Пылающая сырость. Лернийская Гидра. Гиле. Белая ипостась. Желток яйца. Нечистоты смерти. Бесконечность. Пресный. День. Иордан. Радуга. Йод хе вау хе (одно из имен Бога). Камех. Кибрик. Кинна. Бурлящее озеро. Высохшее озеро. Молоко. Молоко девы. Слезы орла. Латунь (совмещение добродетелей золота и серебра). Латона (мать Аполлона и Дианы). Дрожжи. Линия. Лев. Красный лев. Зеленый лев. Ликер растительный. Литарг. Волк. Люцифер. Свет. Свет свинца. Луна. Луна, усыпанная листьями. Магнес. Магнезия. Магнезия белая. Магнезия красная. Левая рука. Правая рука. Зло. Самец. Мрамор. Марказит. Свинцовый Марказит. Мартека. Мартек. Масса кокмара. Материя. Материя Материй. Лунная материя. Утро. Медаль Фохега. Медицина Духа. Медицина трех уровней. Меланхолия. Менструация животная. Менструация минеральная. Менструация вегетативная. Море. Меркурий. Мать. Мать Золота. Мать Металлов. Мера. Микрокосм. Полдень. Мед. Шахта. Шахта Золота. Посланник. Низадир. Смерть. Жестокая смерть. Мозакумия. Натура. Пятая натура. Неси. Черное, более черное, чем сама чернота. Облако. Нутус. Запад. Глаз Рыб. Яйцо. Яйцо Философов. Благовоние. Птица Гермеса. Олива. Оллус. Тень. Тень Солнца. Золото. Золото Гумми. Восточное Золото. Золото бека. Золото Коралла. Эфирное Золото. Лиственное Золото. Римское Золото. Восток. Аурипигмент. Отец. Уникальный Отец всех вещей. Феникс. Тюрьма. Камень. Камень животный. Камень пылающий. Камень как в главах Книг. Камень Философов. Звездный Камень. Индейский Камень. Индрадемовый Камень. Металлический Камень.

Минеральный Камень. Камень, который не есть Камень. Красный Камень. Вегетативный Камень. Свинец. Белый свинец. Свинец Философов. Человеческий волос. Рыба Эхенеус. Пудра. Пудра, извлеченная из пепла. Курица. Цыпленок Гермогена. Конденсированное молоко. Весна. Тюрьма. Проститутка. Чистота смерти. Хвост Павлина. Расен. Корень металлов. Золотая ветвь. Рандерикс. Рарум. Луч Луны. Луч Солнца. Рикон. Реизон. Резиденция. Рисо. Король. Роза в шипах. Роса. Майская Роса. Алый. Рубин. Песок. Шафран. Саламандра. Соленый. Слюни Луны. Слюни Шампиньона. Слюна несгораемая. Слюна драгоценная. Селитра. Кровь. Кровь Дракона. Кровь Саламандры. Кровь Льва. Человеческая кровь. Спиритуальная кровь. Сатурн. Сомюр. Сомюр морской. Мыло. Мыло Мудрых. Себлендр. Секрет школы. Седена. Владелец Камня. Соль алембратовая. Соль алкали. Соль альвизадировая. Лунная Соль. Соль Пилигримов. Соль Мудрых. Соль Соли. Соль Урины. Плавкая Соль. Азотная Соль. Солнечная Соль. Семя. Тропинка. Склеп. Серикон. Серинекс. Змея. Крылатая змея. Змея Кадма. Змея, пожирающая хвост. Бескрылая змея. Слуга. Бегущий слуга. Красный слуга. Сет. Сироп Гренады. Смерата. Сода Философов. Сестра. Сестра змеи. Первая сестра. Вечер. Солнце. Закатное Солнце. Земное Солнце. Амброзия Сульфур. Несгораемый Сульфур. Красный Сульфур. Сульфур натуральный. Сульфур металлический. Сульфур Зарнет. Фиксированное растворение. Летучее растворение. Универсальная Сперма. Сперма металлов. Сперма Философов. Сперма Меркурия. Роскошь. Роскошь Моря. Роскошь Солнца. Сублимат. Лунный сок. Пот Солнца. Известь. Тамуз. Тартар или Ад. Мел. Бык. Пояс металлов. Пояс Гермеса. Темахим. Сумерки. Земля. Адамическая Земля. Земля проклятых. Земля осадка. Земля могилы. Истерзанная Земля. Земля Глэза. Жирная Земля. Зловонная Земля. Красная Земля. Девственная Земля. Голова Ворона. Мертвая голова Ворона. Тевий. Фабрициус. Фелима. Териак. Тета или Тита.

Фион. Тимар. Факел. Третий. Тухня. Ковчег.
 Ковчег Философов. Запечатанный ковчег. Пар.
 Коршун. Яд. Смертельный яд. Яд окрашиваю-
 щий. Ветер. Венера. Ось металла. Верджус.
 Стакан. Серо-зеленый. Добродетель Звезд.
 Добродетель минеральная. Жизнь. Старое
 пространство. Старость. Дева. Виноград Муд-
 рых. Белое вино. Красное вино. Уксус. Уксус
 Философов. Уксус очень крепкий. Гадюка. Ви-
 раго. Мощь. Тайная визитация. Витриоль. Вит-
 риоль римский. Витриоль красный. Единений
 Духов. Урина ребенка. Вульпы. Вульфы. Ксит.
 Ихарит. Гиле или Иле. Цаф. Цахав. Цабак. Зе-
 фир. Зибаг. Цинк. Чит. Цива. Цотишон. Цу-
 меш. Цум-лазурь.

(Пер. Е. Головина)

Теофиль Готье

АЛЬБЕРТЮС, ИЛИ ДУША И ГРЕХ (1833)

Звероподобная кишмя кишела нежить.
 От ужаса глаза потребно было смежить:
 вампиров, упырей, чертей невоворот.
 Вдобавок филины, стервятники и совы,
 тела у каковых наполовину псовы,
 Разнообразные, неведомых пород,
 кусачие скоты, от тли до крокодила.
 Скакала, ползала, корячилась, ходила,
 визжала, хрюкала сия чудная смесь.
 Кривыми пальцами поганая старуха
 поводья дёрнула и нелюбезно сухо
 сказала: «Это здесь».

Холодным пламенем чудовищная скверна
 мерцала, как глинтвейн, голубовато мерно.
 В распутице чащоб, которых нет мерзей,
 в непроходимости неведомо дремучей
 нехоженой глуши оравой, скопом, кучей
 на перекрестии дорожек, троп, стезей
 унылым вечером к антихристовой требе
 плешивые жрецы, всклоченные ребе,
 шаманы, знахари, творцы зловещих фраз,
 волхвы, каких родов бывает сто и двести,
 а то и более, сходились, чтобы вместе
 соединиться враз.

Народца зрелище, который словно замер
 в фиалах ведунов и сткляницах кунсткамер:
 младенцев без ушей, без носа и без губ,
 с невероятными, которым нет предела,
 неправильностями, поганящими тело;
 а также мертвецов: давленника труп,
 иль, вовсе, палачём казнённого и снова
 в миру бредущего, отныне безголово;
 иль, наконец, калек, исчадий сотен бед,
 нахлынувших сюда остервенелей своры,
 среди которых сплошь еретики и воры, —
 страшной картины нет!

(Пер. Е. Кассировой)

Эмиль Золя**СПИСОК ЦВЕТОВ**Из книги *Проступок аббата Мура*

(1875)

В глубине рощицы тополей и была вырыта пещера причудливой формы, полуразрушенная обвалившимся в водоем утесом; струйки воды сбегали по камням. Грот исчезал под приступом заполонившей его листвы. Внизу ряды шток-роз, казалось, заложили вход решеткой из своих цветов. Тут были красные, желтые, сиреневые, белые розы; их стебли тонули в гигантской крапиве бронзово-зеленого цвета, которая спокойно распространяла вокруг яд своих ожогов. Затем шла уступами удивительная стена ползучих растений: тут были жасмин со звездами своих сладких цветов; глициния с листьями точно из тонкого кружева; густой плющ, словно вырезанный из покрытого лаком толя; гибкая жимолость, вся будто унизанная зернышками бледного коралла; ломонос, влюбленно протягивавший руки, украшенные белыми кисточками. А между ними просовывались другие, более хрупкие цветы, связывая их еще крепче, образуя сплошную душистую ткань. Настурции с гладкими зеленоватыми лепестками широко раскрывали свой красно-золотой зев. Испанский горошек, крепкий, как тонкая бечевка, то и дело сверкал пожаром своих искорок. Вьюнки раскидывали во все стороны листья, вырезанные в форме сердечка, и словно вызванивали тысячами безмолвных колокольчиков перезвон своих изысканных оттенков. Душистый горошек был весь будто усеян маленькими бабочками, расправлявшими свои сиреневые или розовые крылышки и готовыми при первом дуновении ветерка унести далеко-далеко. Словом, взору представала какая-то громадная шевелюра из зелени, украшенная блестящими цветами; отдельные пряди растрепавшихся волос беспорядочно раскидывались во все стороны, точно какая-то великанша опрокинулась на спину, отбросила назад голову в судорогах страсти и разметала свою великолепную гриву благовонными струями.

— Никогда я не осмеливалась входить в эту черную пещеру, — прошептала на ухо Сержу Альбина. [...]

Они шагали по цветущему лугу, как им заблагорассудится: протоптанных тропинок не было. Вместо ковра под ногами их были прелестные карликовые растения, которые некогда обозначали края цветочных аллей, а сейчас расстилались беспредельными полосами.

Время от времени они по щиколотку увязали в крапчатом шелке розовых барвинков, в полосатом атласе миниатюрных гвоздик, в голубом бархате печальных и маленьких глазков незабудок. А дальше им приходилось переходить гигантские поросли резеды, доходившие до колен, и им казалось, что их окатывают волны аромата. Потом они свернули на поле ландышей, чтобы не топтать соседнего с ним поля фиалок, которые были так нежны, что Серж и Альбина боялись примять хотя бы один цветочек. В конце концов, теснимые фиалками со всех сторон, окруженные одними только фиалками, они все же были вынуждены осторожно пройти по этой благоуханной поляне, точно среди дыхания самой весны.

А по ту сторону фиалок раскинулась зеленая шерсть лобелий; она была довольно жесткой, утыканной светло-сиреневыми цветочками; далее шли звезды разных оттенков нимфей, голубые чаши немофил, желтые кресты мыльника, розовые и белые кресты ночных фиалок. Все это чертило зигзаги по великолепному бесконечному ковру, по которому ступала чета молодых людей. И вся эта соблазнительная роскошь расстилась перед ними, дабы они, не зная усталости, могли продолжать дальше свою радостную первую прогулку. И опять фиалки, одни фиалки, целое море фиалок струилось отовсюду, обдавая им ноги драгоценными благовониями, провожая их дыханием скрытых под листьями цветков.

Альбина и Серж совсем потерялись. Тысячи растений на более высоких стеблях воздвигали живые изгороди, оставляя, однако, для прохода узкие тропки, по которым им так нравилось идти. Тропинки терялись в глубине, внезапно поворачивали, пересекались, пропадали в непроходимой чаще цветов. Тут были колокольчики с небесно-голубыми кистями цветов; ясминник с нежным мускусным запахом; примулы, выставлявшие свои медные шеи с красными точками; великолепные алые и лиловые флоксы, будто предлагавшие ветру прясть на своих цветочках-прялочках; красно-

ватый лен на тонких, как волосы, стебельках, похожие на полную золотистую луну хризантемы, испускавшие короткие тусклые лучи — беловатые, лиловатые, розоватые. Юная чета, преодолевая препятствия, продолжала свой радостный путь между двумя живыми зелеными изгородями. По правую руку от нее подымался дикий бадьян, львиный зев падал дев-

ственным снегом цветов, покачивался сероватый курослеп с капелькой росы в каждой из своих маленьких чашечек-цветиков. Налево тянулся длинный ряд садовых колокольчиков всех разновидностей: белых, бледно-розовых, темно-фиолетовых, почти черных, траурно-печальных, роняющих с высоких стеблей букеты своих лепестков, сложенных складками

Максимилиан Ленц
Тюльпаны, 1914
 Вена, частное собрание

и гофрированных точно креп. А по мере того, как они подвигались дальше, самые изгороди становились другими; вдоль тропинки тянулись огромные стебли цветущих кавалерских шпор, скрывавшихся среди кудрявой листвы, и сквозь них просовывались разверстые пасти темно-рыжего львиного зева, проглядывала хрупкая листва златоцветов, с цветами, похожими на бабочек с желтыми крылышками, словно тронутыми сверху лаком. Большие колокольчики разбегались, вскидывая свои голубые колокола до высоты больших асфodelей, золотой стебель которых, казалось, служил для них колокольной. В одном углу вырос громадный укроп, который походил на даму в тонких кружевах, раскрывшую свой атласный темно-зеленый зонт. Иной раз Альбина и Серж неожиданно оказывались в тупике и не могли пройти дальше: кучи цветов закупоривали тропинку, нагромождая перед ними нечто вроде скирды с победно развевавшимся наверху султаном. Подножие образовывали аканты; из-за них выбрасывались багровые цветы гребника, азалии с ломкими, как цветной картон, сухими лепестками, цветы клеркий с большими белыми крестами, похожими на мастерски сделанный крест какого-нибудь варварского ордена. Выше распускались розовые вискарии, желтые язычки, белые колинзии; затем шли лагарусы, всаживавшие среди ярких цветов свои пепельно-зеленые кисти. Еще выше цвела красная наперстянка, тоненькими колоннами возвышались синие лупинусы, образуя как бы круглую залу в византийском стиле, щедро размалеванную пурпуром и лазурью. А на самом верху колоссальный рипсус с листьями кровавого цвета как бы раскидывал медный купол. [...]

Они обошли остальные бассейны. В соседнем росли амаранты, щетинившие свои чудовищные гребешки, до которых Альбина боялась дотронуться, принимая их за каких-то гигантских кроваво-красных гусениц. Бальзамины соломенного, персикового, нежно-розового и даже дымчатого цвета наполняли следующий высохший водоем; семечки их, точно на пружинах, лопались с тихим сухим треском. А дальше, посреди обломков фонтана раскинулось великолепное царство гвоздик. Белая гвоздика заползала за край поросшего

мхом водоема; махровая гвоздика пустила корни в трещинах камней и усеяла их кисеей своих прихотливо изрезанных рюшей; внутри самой пасти льва, когда-то извергавшей воду, цвела красная гвоздика, и цвела она такими мощными пучками, что, казалось, старый калека-лев харкает сгустками крови. А рядом помещалось давно высохшее главное водоемство, целое озерцо, где некогда плавали лебеди. Теперь оно стало роццей сирени, под сенью которой укрывали свое нежное, полусонное цветение насквозь благоуханные левкои, вербена и ночная красавица.

— А мы еще не обошли и половины цветника! — с гордостью проговорила Альбина. — Вон там, смотри, целые поля больших цветов, скрывающих меня с головою: я пропадаю в них, как куропатка во ржи.

И они направились туда. Спустились по широкой лестнице, на которой опрокинутые урны еще пылали высокими лиловыми огнями ирисов. По ступеням струю жидкого золота стекал ручей из левкоев. Чертополох по обеим сторонам возносил свои зелено-бронзовые канделябры, хрупкие, колючие, изогнутые, как клювы фантастических птиц, словно какие-то странные произведения искусства наподобие изящных китайских курильниц. Между разбитыми перилами спускались светлые косы каких-то ползучих растений, точно зеленые волосы речного бога, тронутые плесенью.

А пониже раскинулся второй цветник, прорезанный мощными, как дубы, буксами, старыми буксами, когда-то аккуратно подстриженными в виде шаров, пирамид, восьмиугольных башен, а теперь великолепно разросшимися, раскинувшимися повсюду свои огромные лохмотья темно-зеленого цвета, между которыми проглядывало синее небо.

Альбина повела Сержа направо, к полю, напоминавшему кладбище цветника. Здесь росли печальные скабозы. Зловещей вереницей смерти тянулись ряды маков, распуская свои тяжелые, горящие лихорадочным румянцем цветы. Трагические анемоны напоминали безутешные толпы людей с мертвенными, землистыми лицами, которых коснулось дыхание заразы. Приземистый дурман раскрывал свои лиловые воронки, откуда утомленные жизнью насекомые пили яд и кончали с собой. Ноготки хоронили под вздувшейся листвою

свои цветы, свои звездовидные тела, уже агонизирующие и распространяющие смрад разложения. Тут были и другие печальные растения: тусклые мясистые ранункулы цвета ржавого металла; гиацинты и клуберозы с удуш-ливым запахом, которм они сами задыха-лись до смерти. Но над всеми преобладали пепельники — целые поросли пепельников, облаченных в свои полутраурные лиловые и белые платья из полосатого или гладкого бар-хата, платья богатые и строгие. А в середине этого печального поля стоял мраморный амур. Он был искалечен: рука, державшая лук, упала в крапиви. Но он все еще улыбался из-под ли-шаев, изъевших наготу его детского тела. Затем Альбина и Серж по пояс вошли в поле пионов. Белые цветы лопались дождем своих крупных лепестков, освежавших руки, будто крупные капли грозового ливня. Красные цве-ты походили на лица людей апоплексического сложения, они пугали своим безудержным смехом. Альбина и Серж двинулись затем налево, к полю фуксий, в чашу их стройных и гибких кустарников, восхитительных, как японские безделушки, и увешанных целым миллионом колокольчиков. Затем они пере-шли поле вероники с лиловыми гроздьями, миновали поля герани и пеларгонии, по кото-рым пробегали пламенные язычки — красные, розовые, белые, будто искорки от костра, .не-престанно раздуваемого ветром. После этого им пришлось обогнуть завесу из шпажника, вышиною с тростник; шпажник вздымал свои стреловидные цветы, горевшие в ясном небе, как яркое пламя факелов. Они было заблуди-лись среди леса подсолнечников, в чаше ство-лов, не более тонких, чем талия Альбины. Здесь было темно от жестких листьев, таких огромных, что на них уместился бы ребенок; вокруг виднелись гигантские лики, лики све-тил, сияющих, как солнце. И, наконец, они вошли в другую рощу, рощу рододендронов, с цветом до того густым, что глаз не различал ни ветвей, ни листьев, а только одни чудо-вищные букеты, полные корзины нежных ча-шечек-цветов, подернувших рябью самый го-ризонт.

— Нет, мы еще не дошли до конца! — восклик-нула Альбина. — Идем же, идем дальше! Но Серж остановился. Они находились посре-ди старинной полуразрушенной колоннады. Обломки колонн образовали скамейки между порослями белых буквиц и барвинков. Даль-ше, позади оставшихся целыми колонн, про-стирались новые поля цветов: поля тюльпа-нов, напоминавших расписанный фаянс; поля кальцеоларий, похожих на пузырьки на теле с золотыми и красными точками; поля цин-ний, похожих на разгневанные огромные мар-гаритки; поля петуний с мягкими, как батист, лепестками телесно-розового цвета; еще поля, опять поля, поля за полями, и так до бесконеч-ности; какие на них росли цветы, увидеть бы-ло нельзя; они лежали, как ковры под солн-цем, пышные, пестрые, перемежаясь с зеле-ной травой нежного оттенка.

— Никогда мы не сможем все посмотреть, — сказал с улыбкой Серж и вытянул руку. — При-ятно, должно быть, посидеть среди такого благоухания.

Рядом с ними лежало поле гелиотропов; они так нежно пахли ванилью, что запах этот при-давал ветерку ласковую бархатистость. Моло-дые люди уселись на одной из опрокинутых колонн, прямо среди кустов великолепных ли-лий. Ведь они ходили уже больше часа. И вот пришли от роз к лилиям, пришли дорогой цве-тов. Лилии предоставили им белоснежно-чис-тый приют, после их любовной прогулки среди пламенно тревожной и вместе сладостной жи-молости, пахнущих мускусом фиалок, благо-ухающей свежестью поцелуя вербены, полно-го сладострастной истомы, смертоносного аромата удушливых тубероз. Лилии на высо-ких стеблях раскидывали над ними белый шатер из белоснежных своих чаш, чуть-чуть оживленных на конце пестиков золотыми ка-пельками. Они пребывали здесь, в самом цен-тре башни чистоты, неприступной башни из слоновой кости, как обреченные дети, бес-предельно стыдливые и любящие друг друга со всем очарованием невинности.

(Пер. Е. Филоненко)

Лотреамон**СТИХОТВОРЕНИЯ, I**

(1846–1870)

Грёзы приходят лишь во сне. Эти слова будто оттуда: ничтожество жизни, преходящее земное бытие, выражение «быть может», предлог, треножник, проглоченный хаосом, — благодаря им просочилась в ваши души эта влажная, тленоподобная поэзия истомы. От слова до идеи — всего лишь шаг.

Потрясения, томительные страхи, пороки, — смерть, нравственные и физические отклонения, дух отрицания, тупоумие, воля на службе у галлюцинаций, терзания, разрушения, ниспровержения, слезы, алчность, порабощение, навязчивые фантазии, романы, все неожиданное, запретное, химические странности таинственного грифа, выжидающего момент, чтобы пожить падалью какой-либо мертвой иллюзии, выкидыши и преждевременные опыты, клопные панцири неясностей, чудовищное упоение гордыней, впрыскивание глубоких потрясений, заупокойные молитвы, вождение, измены, тиранство, кощунства, раздражительность, язвительные выкрики, злопыхательства, умопомрачение, хандра, умозрительные страхи, беспочвенные тревоги, которых читатель, будь его воля, предпочел бы не испытывать, гримасы, неврозы, кровавые цепочки рассуждений, по которым пропускают затравленную логику, преувеличения, неискренность, навязшие в зубах повторения одного и того же, плоские суждения, мрак, жуть, роды более ужасные, чем убийства, разнузданные страсти, клика сочинителей, вооразившая себя судом присяжных, трагедии,

оды, мелодрамы, всяческое нагнетание крайностей, безнаказанно освищенный разум, запах перетрусившего зайца, пошлятина, жабы, каракатицы, акулы, песчаный самум, все сомнамбулическое, сомнительное, ночное, усыпляющее, лунатическое, липкое, бормочущее по-тюленьи, все двусмысленное, чахоточное, судорожное, похотливое, худосочное, кривоглазое, гермафродитское, ублюдочное, вырожденческое, педерастическое, аквариумные чудеса и бородатые женщины, нетрезвые часы молчаливого равнодушия, фантазмы, колкости, чудища, растлевающие душу силлогизмы, непристойности, все, что не мыслит по-детски, отчаяние, интеллектуальная манцилла, благоухающие шанкры, ляжки с камелиями, греховность писателя, скатывающегося по наклонной плоскости в пропасть небытия, презирая себя, под свои же радостные крики, угрызения совести, лицемерие, смутные перспективы, затягивающие вас в свои незримые шестеренки, глубокомысленное оплевывание священных истин, вкрадчивый зуд, вызываемый насекомыми-паразитами, невразумительные предисловия к «Кромвелю», к «Мадемуазель де Мопен» или вроде тех, что состряпал Дюма-сын, дряхлость, немощь, богохульства, асфиксия, удушье, бешенство — глядя на сие мерзкое нагромождение трупов, которое мне даже стыдно назвать подобающим именем, пора, наконец, восстать против всего, что столь удручающе нас ошеломляет и самовластно гнетет. Увлекать разум за пределы доступного понимания — значит заманивать его в сумеречную ловушку, ловушку, грубо состряпанную из эгоизма и самолюбия.

(Пер. М. Голованивской)

На с. 300:

Эжен Делакруа
Корзина цветов, 1848–1849
Нью-Йорк, Музей Метрополитен

На с. 301:

Окно-шпалера Сады Трентемхолл
Из кн. Адвено Брук, Сады Англии, 1857
Париж, Библиотека декоративных искусств

Клод Клоски

МАРАБУ

(1996)

Marabout, bout de ficelle, selle de cheval,
cheval de course, course à pied, pied à terre,
Terre de Feu, feu follet, lait de chèvre,
chèvrefeuille, feuilletton, tonton Jules, Jules
César, z'hariicot, Ricoré, Rémuzat, musarder,
désinvolte, volte-face, facétie, cigarette,
arrêté, théorie, rideaux verts, vers l'avant,
avant-garde, garde-manger, géomètre, mettre
au clou, clouer le bec, bec à l'oie, lois pénales,
Nal Délice, Lisses de France, France Loisirs,
zirconite, Nintendo, Daumesnil, Nilgiri,
richissime, symétrie, trilogie, Giraudy,
Digitsoft, Soft and Co, Cogistel, Téléfleurs,
Fleurs du mal, mal acquis, quiproquo,
Conesco, Coppola, la bonne cause, cause
toujours, jour de fête, fête des mères,
mercantile, antilope, l'opéra, rabatjoie,
joyeuses Pâques, pack de bière, bière
anglaise, glaise en sac, sac à main, main
dans le sac, saccharose, rose fluo, Fluogum,
gomina, minaret, raie au beurre, beurre
d'anchois, choix des armes, arme à gauche,
gauche caviar, caviardé, Art Déco, codéine,
in situ, tu l'as dit, dix mille balles, balle
perdué, du bidon, Dombrowski, Ski Open,
peine de mort, Morrison, Sonatec, Technofi,
fiche tricot, Caumartin, Martin Jean, Jean
Gabin, bengali, Lipari, Paris-Turf, Turf-Infos,
faux jeton, tomber pile, pile Wonder,
wonderfull, full contact, tact exquis, Kit et
Kat, catogan, gant de crin, craint la pluie, pluie

des mois, moitié prix, pris en faute, faute de
quoi, quoi au juste? Juste Prix, prise de sang,
sans payer, payez-vous, Vougécourt, court-
métrage, tragédie, édifice, fils de pute,
Puttelange, Langeron, Ronsenac,
Nacqueville, Villetaneuse, Neusanir, Niradeth,
dettes de jeu, jeu de prince, Prince de
Galles, galibot, beau discours, course de
fond, fond la caisse, qu'est-ce qu'il pleut,
pleut des cordes, corde au cou, coup de pot,
pauvre petit, petit joint, joint de culasse,
Las Vegas, gaspacho, chopping board,
bored to death, death duty, duty-free, fruit
séché, Chez Omar, Mario Bross, brosse
à cheveux, cheveux en brosse, brosse de
peintre, peintre abstrait, très profond, font
la paire, perce-oreille, Rayon Vert, Vert en
Ville, Ville-sur-Saulx, sauter le pas, paprika,
case en moins, moins de seize ans, enkysté,
Stephen King, King Kali, Ali Khan, canular,
larme à l'oeil, l'oeil crevé, Vélasquez,
kézako? cosinus, Nussenbaum, baume au
coeur, coeur fidèle, Fidèlio, Liora Fleurs, fleur
de l'âge, l'âge idiot, Diophtigel, Gel Première,
première fois, fole de morue, rue au pain,
pince de crabe, crabotage, Agence A,
Apollo, Logasoft, Softelec, Electro, trop
petit, petit trot, tropical, calotin, teint
ambré, bréviligne, Ligne Roset, Rosenthal,
talons plats, plat pays, Pays-Bas, Banespa,
spadassin, Saint-Vincent, sans répit, pisser
le sang, sans façon, sont partout, Touring-
club, Club 17, 7 sur 7, 707, cent sept ans,
en vitesse, test sanguin, gain de cause,
cause perdue.

Роза Клейн (Андре Рожи)
Палитра Боннара, 1930
Париж, Центр Жоржа Помпиду

Томас Пинчон

ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ СЛОТРОПА

Из книги *Радуга гравитации*

(1973)

Такие кабинки, как эта, должно быть, повсюду на ЕТВД: три грязноватых, обшарпанных белесых фанерных стенки, не достигающих до потолка. Спурт делит свою клетушку с американским коллегой, лейтенантом Тайроном Слотропом. Их столы стоят под прямым углом — не вывернув шею и не посмотришь друг на друга. У Спурта на столе порядок, у Слотропа жуткий бардак, не разбиравшийся с 1942 года, завалы культурных слоев на фундаменте бюрократической смегмы, которая постоянно просачивается на дно и состоит из миллионов крохотных красных и бурых крошек-запятых от чернильных и карандашных резинок, деревянных завитков и графитных крошек от очиняемых карандашей, сухого конденсата от пролитого чая и кофе, следов сахара и молока, больших количеств пепла, черных хлопьев от ленты для пишущих машинок, комочков клейстера и рассыпавшихся в порошок сломанных таблеток аспирина. Затем идут набросанные скрепки, кремешки от зажигалок, круглые канцелярские резинки, проволоочные бумагосшивательные скобки, окурки и смятые сигаретные пачки, горелые спички, булавки, сломанные перышки, огрызки карандашей всех цветов, в том числе дефицитных гелиотроповых и светло-рыжих, деревянные кофейные ложечки, патентованные таблетки от кашля, присылаемые Слотроповой матушкой Наллиной прямиком из Массачусетса, обрывки веревочек, кусочки мела... выше располагается слой забытых служебных запи-

сок, продовольственных книжек с вырванными талонами, клочков бумаги с телефонными номерами... тут же громоздятся не дождавшиеся ответа письма, комья смятой копирки, торопливо накарябанные ноты для гавайской гитары — аккомпанемент к дюжине песенок, в том числе «Джонни Пончик в Ирландии розу нашел» («Он не больно-то педантичен», объяснял Спурт, «вроде американского Джорджа **Формби**, если ты можешь себе такое представить»), и Блоут решил, что не хочет), пустой флакон от тоника для волос «Кремль», разрозненные кусочки от разных мозаик-головоломок, на которых изображены: часть янтарного левого глаза ваймарской легавой, зеленые бархатные складки чьего-то платья, кусочек набухшего грозового облака, красно-оранжевое сияние какого-то взрыва, — а может, просто закат, заклепки в обшивке бомбардировщика «летающая крепость», часть пухлой розовой ляжки какой-то красотики... несколько еженедельных сводок разведданных, порванная и свернувшаяся штопором струна от гавайской гитары, коробочки с разноцветными бумажными звездочками для наклеивания, разбросанные внутренности сломанного электрического фонаря, латунная крышка от банки обувного крема, которой Слотроп пользуется вместо зеркала, созерцая в ней свое туманное отражение, разные справочники из АХТУНГовской библиотеки, расположенной в конце коридора, — немецко-английский словарь технических терминов, мидовское «особое руководство», план города и обычно — если кто-нибудь не увел или он сам не выкинул, где-то тут и последний номер «News of the World», ибо этот журнал — любимое чтение Слотропа.

(Пер. А. Петровой)

Жорж Перек

ПЛОЩАДЬ СЕН-СЮЛЬПИС, ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
Из книги *Опыт исчерпывающего описания
одной парижской площади*
(1982)

Дата: 18 октября 1974

Время: 10.30

Место: Табачная лавка Сен-Сюльпис

Погода: Холодно и сухо. Небо серое.

С прояснениями.

Примерный перечень отдельных вещей из тех, что бросаются в глаза:

— Кое-какие буквы алфавита и слова: «KLM» (на сумке у пешехода), заглавная «Р», означающая парковку, «Отель Рекамье», «Сен-Рафаэль», «сбережения пущены на ветер», «Стоянка такси», «Улица Вьё-Коломбье», «Закусочная-бар Фонтан Сен-Сюльпис», «PELF», «Парк Сен-Сюльпис».

— Кое-какие условные знаки: стрелки под «Р» парковки, одна слегка наклонена вниз, другая указывает в сторону улицы Бонапарт (с той стороны, где Люксембургский парк), по меньшей мере четыре «кирпича» (пятый — отражение в зеркале кафе).

— Кое-какие цифры: 86 (на верху автобуса 86 маршрута, над указанием направления: Сен-Жермен-де-Пре), 1 (табличка на доме № 1 по улице Вьё-Коломбье), 6 (на табличке, удостоверяющей, что мы находимся в шестом округе Парижа).

— Кое-что из промелькнувших слоганов:

«Я люблюсь Парижем из окна автобуса»

— Земля: утрамбованный гравий и песок.

— Камень: бордюр тротуаров, фонтан, церковь, дома...

— Асфальт

— Деревья (листья, некоторые желтеют)

— Довольно большой кусок неба (около 1/6 видимого мною пространства)

— Стая голубей, внезапно налетевшая на площадку перед фонтаном со стороны церкви

— Кое-какие транспортные средства (их перечень впереди)

— Люди

— Что-то вроде таксы

— Хлеб (багет)

— Салат (кудрявый?), торчащий из сумки

Маршруты:

96 идет до вокзала Монпарнас

84 идет до Порт де Шапперре

70 идет до пл. Доктора Эйема, Центр телерадиовещания

86 идет до Сен-Жермен-де-Пре

Требуется настоящий Рокфор Сосьете, забываемый зеленый овал

Ни капли воды в фонтане. Голуби сели на край одной из его чаш. Под деревьями стоят скамейки, двойные, с одной спинкой. С моего места их видно шесть. Четыре свободны.

На шестой три клошара занимаются привычным делом (пьют из горла красное вино).

63 идет до Порт де ла Мюэт

86 идет до Сен-Жермен-де-Пре

Месты — хорошо, не сорить — лучше

Немецкий автобус

Фургончик Бринкс

87 идет до Шан-де-Марс

84 идет до Порт де Шапперре

Цвета:

красный (Фиат, Сен-Рафаэль, «кирпичи»)

синяя сумка

зеленые носки

синее такси

синяя малолитражка

70 идет до пл. Доктора Эйема, Центр телерадиовещания

зеленый ситроен

86 идет до Сен-Жермен-де-Пре: Йогурты и десерты

Требуется настоящий Рокфор Сосьете, забываемый зеленый овал

У большинства людей хотя бы одна рука занята: они держат сумку, чемоданчик, пакет, трость, поводок с собакой, руку ребенка.

Грузовик привез пиво в металлических бочках (Kanterbraii, пиво метра Кантера)

86 идет до Сен-Жермен-де-Пре

63 идет до Порт де ла Мюэт

Двухэтажный автобус «Cityrama»

Синий грузовик марки Мерседес

Коричневый грузовик Printemps Brummell

84 идет до Порт де Шамперре
 87 идет до Шан-де-Марс
 70 идет до пл. Доктора Эйема, Центр телера-
 диовещания
 96 идет до вокзала Монпарнас
 Darty Réal
 63 идет до Порт де ла Мюэт
 Казамир домашние обеды. Перевозки Шар-
 пантье.
 ООО Берт Франс
 Ле Гофф оборудование для розлива пива
 96 идет до вокзала Монпарнас
 Автошкола
 С улицы Вьё-Коломбье выезжает 84 и завора-

чивает на улицу Бонапарт (в сторону Люксем-
 бургского сада)

Валон переезды
 Фернан Карраскосса переезды
 Картошка оптом

Одна японка из туристического автобуса, ка-
 жется, меня фотографирует.
 Старичок с половинкой багета, дама с короб-
 кой пирожных в форме пирамидки

86 идет до Сен-Манде (он не заворачивает на
 улицу Бонапарт, а едет по Вьё-Коломбье)

Жан Дюбюффе
 Кондоминиум, 1946
 Нью-Йорк, Музей Метрополитен

63 идет до Порт де ла Мюэт
 87 идет до Шан-де-Марс
 70 идет до пл. Доктора Эйема, Центр телера-
 диовещания

С улицы Вьё-Коломбье выезжает 84 и заворачи-
 вается на улицу Бонапарт (в сторону Люксем-
 бургского сада)

Автобус, пустой.
 Еще японцы, в другом автобусе
 86 идет до Сен-Жермен-де-Пре
 Браун художественные репродукции
 Затишье (устоление?)
 Пауза.

(Пер. А. Сабашниковой)

Жорж Перек

Я ПОМНЮ

(1978)

Я помню ужины за большим столом булочной.
 Суп с молоком зимой, суп с вином летом.
 Я помню стиральный порошок Bonux с подар-
 ком в каждой пачке, из-за которого мы всегда
 ругались с сестрой.
 Я помню бананы, разрезанные на три части.
 Нас было трое.
 Я помню нашу машину, как она загорелась
 в лесу Ланком в 76 году.
 Я помню сирену, как она выла иногда днем ря-
 дом со школой и как ее завывания заполняли
 все пространство нашего дома.
 Я помню г-на Мутона, окулиста с белыми уса-
 ми.
 Я помню удары железной линейкой по паль-
 цам.
 Я помню жвачку Малабар, купленную в киоске
 на углу.
 Я помню пьянящий запах книг в начале учеб-
 ного года.
 Я помню дедушку, как он вставал из-за стола
 и запевал песенку, а все слушали.
 Я помню чтение под одеялом вечером, при
 свете карманного фонарика.
 Я помню отъезды на каникулы, когда людей
 в машину набивалось не меньше, чем вещей.
 Я помню засуху 1976 года.
 Я помню пластиковые пакеты на окнах в сту-
 денческих общежитиях.
 Я помню лес по четвергам, когда собирали
 хворост, чтобы развести костер.
 Я помню «Les oignons» и «La Petite fleur» Сид-
 нея Беше, пластинки 45 оборотов, которые мы
 выигрывали на бензоколонке Антар при за-
 правке mopеда.
 Я помню смельчака Ремона, неизменно второ-
 го, не слишкоммышленого, всегда доброго.
 Я помню 1515 год.
 Я помню коллективные прививки.
 Я помню лютики, как их подносили к подбо-
 родку, чтобы узнать, «любишь ли ты масло».
 Я помню парады 8 мая, 14 июля, 11 ноября...
 и деревенские праздники.
 Я помню примерки, когда надеваешь свитер
 кусками вместе со спицами.
 Я помню мишку Нунурса, Пемпренеля, Николя

Питер Блейк
Тюильри, 2004

и Продавца Песка с их неизменным «Спокойной ночи, малыши!»

Я помню группу Les Compagnons de la Chanson.

Я помню блокнотик, куда я записывал взрослые слова, которых не понимал.

Я помню 1516 год — первую годовщину 1515.

Я помню сообщение о смерти Брассенса.

Я помню, как мы с сестрой часами крутили глобус, закрыв глаза, а когда он останавливался, смотрели, куда попадет наш палец, и мечтали о странствиях и приключениях.

Я помню того маленького ябеду и как ловили мидий. Мама, я туда больше не пойду.

Я помню твой букет анютиных глазок, любовно собранных у памятника павшим.

Я помню много песен Клода Франсуа.

Я помню прицеп для велосипеда, в котором отец возил нас в школу.

Я помню анекдоты про Тото, объективно не смешные, но нас веселившие необычайно.

Я помню шлепки, чтобы вызвать улыбку на фотографии к первому причастию.

Я помню первый пылесос, какая радость тогда, в первый раз.

Я помню, как грохнулся головой в школьном дворе, сам не знаю как.

Я помню свой четвертый класс, запах книг или воска, означавший каникулы, и как с тревогой «прислушивались» к тишине.

Я помню ту юбочку, в самом деле коротковатую, и оранжевую пижаму 70-х годов.

Я помню «Волосы длинные, мысли короткие».

Я помню утиные перья, которыми чистили плитку.

Я помню суп из маниоки.

Я помню единственную оплеуху, полученную от отца, когда мне было 14 лет и мы с сестрой не поделили воду.

Я помню желтые ручки BIC, как мы вынимали стержень и плевались шариками и как бесились родители.

Я помню дух соревнования по мясным дням

Я помню резиновые шарики, которые мы покупали за 1 или 2 сантима; монетки были из легкого металла.

Я помню рождественские ночи, которые намного длиннее всех остальных ночей.

Я помню, как отец до блеска начищал наши ботинки газетами, подогретыми в духовке.

Я помню кошки-мышки.

Я помню «Зеленые, вперед!»

Я помню обои, где на черном или коричневом фоне проступали огромные геометрические фигуры, оранжевые и желтые.

Я помню «Берегите тепло».

Я помню саксофониста Гийома Тарша.

Я помню, было заведено, что мужчины работают в поле, а женщины готовят еду в кухне-прачечной-столовой — единственном жилом помещении тогдашних домов .

Я помню печеную картошку, забытую в духовке и превратившуюся в угольки.

Я помню гордость при виде отца в форме пожарного.

Я помню вечера, когда мы забивались впятером на заднее сидение старенького пежо и ехали 10 км, чтобы посмотреть «Дорогу к звездам».

(Пер. А. Сабашниковой)

Ролан Барт**РОЛАН БАРТ О РОЛАНЕ БАРТЕ**

(1975)

Мне нравятся: салат, корица, сыр, перец, тертые орехи, запах свежескошенного сена (вот бы какой-нибудь парфюмер «с тонким нюхом» сделал такие духи), розы, пионы, лаванда, шампанское, легкие позиции в политике, Гленн Гульд, переохлажденное пиво, плоские подушки, гренки, гаванские сигары, Гендель, размеренная ходьба, груши, белые персики — персики из виноградных междурядий, черешня, краски, ручные часы, ручки и перья для письма, закуски перед десертом, соль крупного помола, реалистические романы, фортепиано, кофе, Поллок, Твомбли, вся романтическая музыка, Сартр, Брехт, Берн, Фурье, Эйзенштейн, поезда, медок, бузи, чтобы в кармане была мелочь, Бувар и Пе-кюше, гулять вечером в сандалиях по сельским дорогам Юго-Запада, вид на излучину Адура из окна доктора Л., братья Маркс, *serrano*, встреченный в семь утра на выезде из Саламанки, и так далее.

Мне не нравятся: белые шпиги, женщины в брюках, герань, клубника, клавесин, Мирро,

тавтологии, комиксы, Артур Рубинштейн, виллы, вторая половина дня, Сати, Барток, Вивальди, звонить по телефону, детские хоры, концерты Шопена, бургундское «бранль», танцы эпохи Возрождения, орган, М.-А. Шарпантье, его трубы и литавры, политико-сексуальное, сцены, инициатива, верность, спонтанность, вечера в незнакомой компании и так далее.

Мое «нравится — не нравится» ни для кого не имеет значения, это как бы и смысла не имеет. Однако же это значит: у меня не то же тело, что у вас. Так в этом анархическом кипении приятней и неприятней, в этой рассеянной штриховке мало-помалу вырисовывается контур телесной загадки, вызывающей симпатию или раздражение. Здесь начинается шантаж тела, я заставляю другого либерально терпеть меня, хранить учтивое молчание при виде наслаждений и неприятий, которых он сам не разделяет.

(Мне надоедала муха — я ее убил: то, что нас раздражает, мы убиваем. Если бы я не убил муху, то это было бы из чистого либерализма: я либерал, чтобы не быть убийцей.)

(Пер. С. Зенкина)

Альфред Дёблин**БЕРЛИНСКАЯ БОЙНЯ**Из книги *Берлин, Александерплац*

(1929)

Берлинские бойни. В северо-восточной части города, между Эльденаерштрассе и Таерштрассе, через Ландсбергершлее вплоть до самой Котениусштрассе, вдоль окружной железной дороги тянутся здания, корпуса и хлевы скотобойни и скотопригонного двора. Бойни занимают площадь в 47,88 гектаров; постройка их обошлась, не считая зданий за Ландсбергераллее, в 27 093 492 марки, из которых на скотопригонный двор приходится 7 682 844 марки, а на бойни — 19 410 648 марок.

Скотопригонный двор, бойни и оптовый мясной рынок образуют в хозяйственном отношении одно нераздельное целое. Для управления ими создана специальная комиссия, в состав которой входят 2 члена городского магистрата, 1 член районного магистрата, 11 депутатов городского собрания и 3 представителя от населения. На бойнях работают 258 человек, в том числе ветеринары, санитарные врачи, клеймовщики, помощники ветеринаров, помощники санитарных врачей, штатные служащие, рабочие. Правила внутреннего распорядка от 4 октября 1900 года содержат общие положения, регулирующие порядок пригона и содержания скота и доставку фуража. С владельцев скота, пригнанного на бойни, взимаются: рыночный сбор и сбор за стойловое содержание, за убой и, наконец, за уборку кормушек в свинарниках.

Грязно-серая каменная ограда, с колючей проволокой поверху, тянется вдоль всей Эльденаерштрассе. Деревья за ней стоят голые. Время зимнее, и деревья в ожидании весны берегут свой сок, прячут его в корни. Повозки для мяса, с желтыми и красными колесами, запряженные сытыми лошадьми, подкатывают на рысях. За одной повозкой трусит тощая кобыла; начинается торг, кто-то с тротуара кричит: «Эй, Эмиль! Погоди, 50 марок за кобылу и магарыч на восьмерых!» Кобыла вертится на месте, дрожит, грызет кору с дерева, возница дергает вожжи. «50 марок, Отто, и магарыч, не то прова-

ливай!» Покупатель еще раз ощупывает кобылу; ладно, по рукам!

Желтые здания администрации, обелиск в память убитых на войне. А справа и слева длинные бараки со стеклянными крышами, это — хлевы, где скот ожидает своей участи. Снаружи на стенах черные доски с надписями: «Собственность объединения берлинских мясоторгов-цехоптовиков. Объявления на этой доске вывешиваются лишь с особого разрешения.

Правление».

На длинных корпусах — ряды дверей для загона скота, чернью отверстия с номерами: 26, 27, 28... Стойла для крупного рогатого скота, свинарники, самые бойни — место казни животных, царство обрушивающихся топоров, живым отсюда не уйдешь! К бойням примыкают мирные улицы — Штрасманштрассе, Либихштрассе, бульвары, скверы, где народ гуляет. Вообще; люди живут скученно, в духоте, и если кто захворает, пусть, скажем, заболит, то сейчас же бегут за врачом.

А с другой стороны протянулась на пятнадцать километров ветка окружной железной дороги. Скот прибывает сюда из провинций; из Восточной Пруссии, Померании, Бранденбурга, Западной Пруссии едут представители овечьей, свиной и бычьей породы. Блеют, мычат, спускаясь по сходням. Свиньи хрюкают и обнюхивают землю, не знают ведь, куда их гонят. В стойлах они лежат, плотно прижавшись друг к другу, белые, жирные; спят, всхрапывают. Ведь их так долго гнали, потом везли в тряских вагонах, теперь хоть ничего не стучит под брюхом, только очень уж холодно на каменных плитах; свиньи просыпаются, напирают на соседей. Лежат чуть ли не в два яруса. Вот две свиньи подрались из-за места в загоне, хрипят, наскакивают друг на друга, каждая норовит укусить противницу в шею или в ухо; то завертятся волчком, то затихнут, лишь изредка огрызаясь. Наконец одна, не выдержав, обращается в бегство, перелезая через других; победительница лезет за нею, кусает всех направо и налево, нижний ярус приходит в движение, расползается, и враги проваливаются вниз, ищут друг друга в потемках.

Но вот в проходе появляется человек в холщовой куртке, отпирает загон и разгоняет свиней дубинкой; дверь открыта, животные устремля-

ются в нее — визг, хрюканье. Скорей на волю, на свет божий! Белых забавных свинушек с кругленькими, потешными ляжками, с веселыми хвостиками завитушкой и зелеными или красными пометками на спине гонят по двору куда-то между бараками. Вот вам и солнышко, дорогие свинки, и земля. Нюхайте, ройте ее — недолго вам осталось; сколько минут? Впрочем, нельзя же всегда жить по часам. Нюхайте, ройте пятачками! Зарежут вас, для этого и привезли; здесь, изволите видеть, бойни, здесь свиней режут. Есть тут и старые бойни, но вы попадаете в новейшие, оборудованные по последнему слову техники. Здание большое, светлое, выстроено из красного кирпича, по внешнему виду его можно принять за канцелярию или за конструкторское бюро. Ну, пока, дорогие мои свинки, я пойду с другого хода, я ведь человек, и пройду вон в ту дверь, а внутри мы снова встретимся.

Толкнул дверь, тяжелую, с противовесом, войдешь — сама закроется. Ух, какой пар! Что это они там парят? Все помещение заволочло паром, словно в бане, это, может быть, свиней парят в русской бане? Идешь наугад, очки запотели, а не раздеться ли догола — пропотеешь, избавишься от ревматизма, ведь одним коньяком не вылечишься; идешь, шлепаешь туфлями. Ничего не разобрать, пар слишком густой. Со всех сторон — визг, хрипенье, шлепанье, мужские голоса, лязг каких-то приборов, стук крышек... Здесь где-то должны быть свиньи — они вошли с той стороны, со двора. Пар — густой, белый... Э, да вот и свиньи, вон, вон висят, уже мертвые, обрубленные, почти готовые в пищу. Рядом с ними стоит человек и поливает из шланга белые, рассеченные надвое свиные туши. Они висят на железных кронштейнах, головами вниз, некоторые целиком, между задними ногами деревянная

распорка; что ж, убитое животное ничего уже не может сделать, оно не может и убежать. Орубленные свиные ноги лежат целой грудой. Два человека проносят средь облаков пара на железной штанге только что освежавшую, выпотрошенную свинью, поднимают ее на блоке, подвешивают на крючья. Там покачиваются уже много ее товаров, тупо уставившись в каменные плиты пола.

Словно в тумане проходишь по залу. Каменные плиты пола — рифленные, сырые; кое-где кровь. Между железными стойками ряды белых, выпотрошенных животных. А за ними видны убойные камеры, так и есть — оттуда доносятся негромкий стук, шлепанье, визг, крики, хрипы, хрюканье. А вон там стоят клубящиеся котлы, чаны, откуда и идет весь этот пар, рабочие опускают убитых животных в кипяток, ошпаривают их и вытаскивают красивыми, белыми, один рабочий счищает щетину ножом — свиная туша становится еще белее и совершенно гладкой. И вот тихо и мирно, убогатноренные, словно после горячей ванны или удачной операции или массажа, лежат свинки рядами на скамьях, на досках. Белые, чистенькие, словно в новых сорочках; неподвижные — застыли в сытой истоме. Все они лежат на боку, у некоторых виден двойной ряд сосков; сколько у свиньи сосков? Плодовитые, должно быть, животные. Но что это? У всех на шее прямой красный шрам, — странно, очень странно!

Но вот снова шлепанье, где-то сзади открывается дверь, пар оседает, рассеивается — загоняют новую партию свиней; бегите, забавные розовые свинушки с потешными ляжками, веселыми хвостиками завитушкой и пестрыми отметинами на спине. У каждого свой путь — вас впустили здесь, а я прошел через главный вход. Бегут они и нюхают воздух в новой камере. В ней холодно, как и в старой, но вдобавок сыро, по всему полу какие-то скользкие, красные пятна. Что бы это могло быть? В недоумении свиньи трутся пятачками об эти пятна. Вот стоит бледный молодой человек — белокурые волосы прилипли ко лбу, во рту — сигара. Обратите внимание, свинки: это последний человек, с которым вам придется иметь дело. Не судите его строго — он делает лишь то, что ему по службе положено. Ему, видите ли, надо урегулировать с вами кое-какие формально-

сти. На нем сапоги, штаны, рубаха и подтяжки; сапоги выше колен. Это его спецодежда. Он вынимает сигару изо рта, кладет ее на прибитую к стене полочку и достает из угла длинный топор. Вот он — символ его должности и звания, символ его власти над вами, словно жетон у сыщика. Сейчас он вам его предъявит. Вот молодой человек поднимает длинную деревянную рукоятку на высоту плеча, заносит топор над визжащими у его ног свинками. Они там безмятежно роются, нюхают, хрюкают, а молодой человек похаживает, опустив глаза книзу, и словно что-то ищет... Разыскивается некий N для допроса по делу А против Б... Хрясь! Вот ему подвернулась одна, хрясь! — еще одна. Молодой человек весьма расторопен: он предъявил свой мандат, и топор опустился с быстротой молнии, окунулся в самую гущу, обухом на одну голову, еще на одну... Вот здорово! Как они бьются внизу! Мечутся, взбрыкивают ногами, валятся набок. Упала свинья и больше уж ничего не видит, не слышит — упала и лежит. А что выделывают ее ноги, голова! Но свинья уж тут ни при чем, это все ее ноги, это, так сказать, их частное дело. И вот два молодца заметили из шпарни, что им тоже пора за работу — приподняли заслонку в стене убойной камеры и вытащили оглушенное животное; быстро навели нож на точильном бруске, опустили на колени и чик-чик свинью по горлу, — разрез длинный, во всю шею, вскрыли животное, как мешок. И снова — чик-чик, второй разрез, еще глубже, — животное дергается, трепещет, бьется в судорогах, оно без сознания; пока еще только без сознания, но скоро будет хуже; свинья взвизгивает — ей вскрывают шейные артерии. Сознание ее угасло навсегда — мы вступаем в область метафизики и теологии, дитя мое, ты ходишь уже не по грешной земле, мы витаем теперь в облаках. Скорее подвигай плохую лохань — струится в нее горячая темная кровь, пенится, пузырится; мешайте ее, живо! В организме кровь свертывается: говорят, образует тромбы. И, вырвавшись из тела, она все еще по привычке свертывается. Словно ребенок, который зовет маму на операционном столе: о маме не может быть и речи, мама далеко, а он чуть не задыхается под маской с эфиром и зовет, зовет до изнеможения: мама! мама! Чик, чик, вскрыты артерии справа;

чик — артерии слева... Живее мешайте кровь в лохани! Так! Судороги затихают. Теперь ты лежишь неподвижно. С физиологией и теологией покончено, мы вступаем в область физики. Мясник, стоявший на коленях, поднимается. Колени у него болят. Свинью надо ошпарить, выпотрошить, разрубить, все делается по порядку. Упитанный заведующий прохаживается среди клубов пара взад и вперед, попыхивает трубкой, иной раз заглядывает в распоротое свиное брюхо. А на стене рядом с поминутно хлопающей дверью висит афиша: «Сегодня в танц-зале Фридрихсхайн бал мясников 1-й категории. Играет оркестр Кермбаха». Снаружи висит объявление о состязаниях по боксу в залах «Германия», Шоссештрассе, 110, входные билеты от 1,50 марки до 10 марок. В программе — четыре квалификационные встречи.

Сегодня на скотопригонный двор поступило 1399 голов крупного рогатого скота, 2700 теллят, 4654 овцы, 18 864 свиньи. Рыночная конъюнктура: особый спрос на крупный рогатый скот мясных пород и на телят. На овец — спрос обычный, свиней вначале брали охотно, но к концу дня — спрос упал; откормленные свиньи не в спросе.

По скотопригонным трактам гуляет ветер, льет дождь. Мычат быки и коровы, гуртовщики гонят ревущее стадо. Животные упрямятся, останавливаются, разбегаются в стороны, погонщики носятся за ними с батогами. Бык покрывает посреди гурта корову, корова убегает от него, шарахается то влево, то вправо, а он не отстает и, ярясь, все снова и снова насккивает на нее.

В помещение бойни загоняют крупного белого быка. Здесь нет пара, нет камер, как для суматошных свиней. По одному входят большие, могучие быки в сопровождении погонщиков в открытые ворота. Перед белым быком простирается окровавленный зал с развешанными в нем половинами и четвертями туш с разрубленными костями. Бык склоняет широкий лоб. Его пинают, подгоняют батогами к мяснику — тот слегка ударяет быка плашмя топором по задней ноге, чтобы подошел поближе. Потом один из погонщиков обхватывает быка снизу за шею. Бык стоит покорно, до странности покорно, как будто он на все согласен и не желает сопротивляться — словно увидел все и понял: от судьбы не уйдешь. А может быть, он

решил, что погонщик просто приласкал его — со стороны и впрямь похоже на то. Погонщик повис у него на шее, и бык поддается, нагибает голову наискосок в сторону, приподняв морду немного кверху.

Но мясник за его спиной уже занес молот. Не оглядываясь! Молот в сильных руках, навис над ним, над его затылком, и — б-б-бах вниз! Вся мускульная сила здорового мужчины вбивает стальной клин в затылок животного. И не успел еще мясник отдернуть молот, все четыре ноги животного вскидываются кверху и грузное тело словно взлетает на воздух.

А затем, будто у него уже нет ног, бык всей тушей рушится на пол, на судорожно сведенные ноги, застывает на миг в таком положении и медленно валится набок. А палач заходит справа и слева, добивая его все новыми и новыми ударами, по темени, в виски; спи, спи, ты больше не проснешься. Тогда второй мясник выплевывает окурок сигары, сморкается в пальцы и, вынув из ножен длинный, как шпага, нож, опускается на колени у головы животного. Судорога уже отпустила конечности животного — бык сучит ногами, вскидывает заднюю часть туловища. Мясник, отложив нож, что-то ищет на полу, кричит, чтобы ему подали лохань для крови. Бычья кровь пока еще спокойно бежит по жилам под ровными толчками могучего сердца. Правда, спинной мозг раздавлен, но кровообращение еще не нарушено, легкие дышат, кишки сокращаются. Но вот сейчас будет пущен в ход нож, и кровь стремительно рванется наружу — представьте себе только, — хлынет, как из шланга, широкой струей — черная, ликующая кровь... И погаснут огни, стихнет веселье, разойдутся заглявавшие гости, прощальная суতোлка в дверях — и дом опустел; нет больше привольных пастбищ, теплого хлева, душистого корма, все исчезло, словно растаяло, — остались только зияющая пустота и жуткий мрак — вот он, путь в иной мир, Ого, на сцене появился вдруг господин, купивший этот дом, — здесь прокладывают новую улицу, и дом пойдет на снос — конъюнктура требует!

Приносят большой чан, придвигают его. Огромное животное взбрыкивает задними ногами. Нож вонзается ему в шею возле самого горла, надо осторожно нащупать острием артерию, у такой артерии очень прочная оболочка, она

хорошо защищена. Но вот она вскрыта, потом еще одна, и горячим, дымящимся, черным, исчерна-красным ключом бьет из-под ножа буйная, ликующая кровь, заливая руки мясника. Чудесная метаморфоза, кровь твоя — сгусток солнечного света, луч солнца таился в твоём теле, и вот он вновь вырвался на волю. Животное судорожно втягивает воздух, словно от удушья или нестерпимого зуда, хрипит, задыхается... Да, сносят дом, трещат стропила. Бока животного ходят ходуном; один из мясников решил сослужить ему последнюю службу. Падающего — толкни! Он вскакивает на бычью тушу, танцует на ней, уминает, топчет брюшную полость, подпрыгивает раз-два, раз-два, — чтобы кровь вытекла скорее, вся до последней капли. И предсмертный хрип нарастает. Это — долгий, бесконечно долгий выдох. Бык и впрямь издыхает. Его задние ноги вздрагивают, отталкиваясь от пола. Жизнь с силой выходит из тела, дыхание останавливается. Задняя часть тела грузно переваливается, оседает. Вот она, сила земная, сила притяжения. Мясник соскакивает с туши. Его товарищ тут же принимается отделять кожу вокруг шеи.

(Пер. Г. Зуккау под ред. М. Португалова)

Умберто Эко

ИМЯ РОЗЫ, ДЕНЬ ТРЕТИЙ, ЧАС ШЕСТЫЙ
(1980)

Сальватор ходил по свету, попрошайничая, приворовывая, прикидываясь увечным, прирабатывая у разных хозяев и снова убегая от хозяев в леса и на большаки. Его память была населена толпами бродяг-вагантов, которые в последующие годы, как я заметил, стали еще многочисленнее на дорогах Европы. Лжемонахи, шарлатаны, мошенники, жулики, нищие и побирухи, прокаженные и убогие, странники, калики, сказители, безродное священство, бродячие студенты, плуты, обиралы, отставные наемники, бесприютные иудеи, вырвавшиеся из лап неверных, но получившие расстройство духа, сумасброды, преступники, бегущие от закона, колодники с отрезанными ушами, мужеложцы, а вперемешку с ними — кочующие мастеровые: ткачи, медники, мебельщики, точильщики, плетельщики, камнотесы, — а за ними снова и снова вороватый люд любого мыслимого разбора: надувалы, оплеталы, ошукалы, обдурили, тати ночные, карманники, зернщики, тягелцы, протобестии, промышляльщики, острожники, попы и причетники, шарящие по церквам, — и разный прочий народ, живущий барышами с чужой доверчивости: поддельщики папских воззваний и булл, продавцы индульгенций, мнимые паралитики, не дающие людям проходу на каждой церковной паперти, расстриги, удравшие из монастырей, торговцы чудодейственными мощами, лжеисповедники, гадатели, хироманты, колдуны, знахари, целители, шаромыжники с церковными кружками, присваивающие пожертвования, любострастники, совращающие монашек и честных девушек как обманом, так и насилием; и многочисленные притворщики, якобы страдающие водянкой, эпилепсией, геморроем, подагрой, язвенной болезнью, не говоря уж о скорбящих бледной немочью. Многие из них с помощью особых примочек на тело устраивали себе гнойные вереды; другие набирали за щеки настой темно-красного цвета, чтобы извергать кровавую блевотину; третьи жулики, прикидываясь убогими, комом висли на костылях и умели показывать на себе, по желанию, любую хворобу —

сухотку, падучую, пухлоту; обертывались повязками, мазались шафраном, с железами в руках, обмотанной головой, и вползали в храмы, заражая воздух в церкви зловонием, и кидались в конвульсиях наземь посреди площадей, и плевались пеной, выкатывали из орбит глаза, прыскали из ноздрей кровавым месивом, изготавливаемым из тутового сока и багрянки, и таким образом домогались подачки или же кормежки, напирая на добрые чувства крестьян, загодя предрасположенных призывами святых отцов не отказывать в подаянии: разделяйте, сказано, с голодными хлеб ваш, вводите к себе под кров не имеющих крова, приблизимся же к Христу, примем Христа и прикроем Христа, ибо подобно тому, как влага побеждает огонь, милостынею побеждаются грехи наши. Вот уж несколько десятилетий миновало с той поры, о коей говорю ныне, и сколько переви-

дал я их, проезжая торной дорогой вверх и вниз вдоль течения Дуная, сколько я и сейчас вынужден видеть этой до невозможности странной сволочи, похожей на бесов и, как бесы, разделенной на легионы, каждый под собственным именем: стригунчики, наводчики, протолекари, почтеннейшие христарадники, шатущие, голодушие, завидушие, тихо бредущие, хитрованы, святопродавцы, сумоносцы, костыльники, мазурики, басурманы, рвань и дрянь, голь и бось, живущие божьим духом, поющие Лазаря, и сводники, греховодники, подорожные, ватажные, артельные... Мерзостной пеной в тысячу ручьев растекались они по тысяче дорог и тропинок Европы, и из темной их густоты выплывали время от времени то проповедники, сзывающие чистосердечных, то еретики, уловляющие слабо-сердечных, то возмутители спокойствия.

(Пер. Е. Костюкович)

Фламандская школа
Драка слепых, 1643
 Базель, Художественный музей

Умберто Эко

БАУДОЛИНО, 28

(2000)

Послышался сначала дальний шум, потом трескотня и грохот приблизились, прояснились: похоже было, кидается камнями и глыбами с вершин, и в этом падении за камнем тянется шлейф земли и гальки, обрушиваясь в долину. Потом они заметили, что пыль, подобная туману или мареву, повисла в воздухе, но только бы отличие от водяного пара, который замутил бы лучи солнца, тамошняя взвесь так мощно рассеивала лучи, что возникали мириады отражений, как будто лучи раскалывались о порхающие атомы минералов.

Тогда Рабби Соломон сумел сообразить первым: — Это Самбатсион! — прокричал он. — Мы близки к цели!

Действительно, перед ними протекала каменная река, в чем они убедились, пробравшись к ее берегу и ошавев от великого гула, не дававшего практически ни одному понять, что говорят другие. Это было грандиозное движение валунов и грунта, неостановимое, и в нем переваливались грудами огромных бесформенных жерновов угловатые плиты, с гранями режущими, как железо, крупные, наподобие надгробий, а между плитами шелестели гравий, щебенка, дресва, битыши и голыши.

Пролетая с одинаковой скоростью, будто брошенные шквалом, осколки травертина колотились друг о друга, по ним скользили крупные отпадыши скал, замедляясь в местах, где они попадали на каменную крошку; в промежутках круглые булыжники, отполированные, как водой, постоянным скольжением по камням и через камни, подлетали высоко в воздух, сталкивались между собой с сухими щелчками и засасывались теми же воронками, которые сами образовывали, когда летели вместе. Посередине коловратных вихрей и над водоворотами формировались выхлопы песка, пузыри гипса, облака брызг, пена из пемзы, ручьи мальты.

Там и сям река выплескивала грязь и кремни, путники едва уворачивались и прикрывали лица. [...]

Они проскакали вдоль того берега шесть дней, следя, как и впрямь суживается русло

и вместо реки становится горный поток, еще выше — ручей. Но и не дошед до верховья, примерно на день на пятый, при том что уже и на третий замаячила на горизонте громада высоченных гор, они оказались между кряжей, отроги загородили собой небо, и трудно было идти по узчайшей тропке без малейшего намека на скорый выход, а задирая голову в стремнине, в выси видеть только малый кусочек неба и едва различимые облака, облеплявшие недосыгаемый пик.

С тех самых круч, из балки, можно даже сказать, щелки в толщине монолита вырывался Самбатсион: кипяток песчаника, клочкотание туфа, взбрызги каменных капель, толкотня твердых тел, булькотание почвы, брыканье комков, преполнение брения, кропление глины постепенно преображались в бесперебойную струю, исторгавшуюся оттуда и переходившую в быстрину на стрежне, в беге к неизмеримому океану песка. [...]

В конце концов, примерно на пятый день дороги, на пятую ночь, такую же знойную, как день, они заприметили, что толковище и вздох течения переменили свой звук. Река заторопилась, в ее потоке образовались рукава, быстрые струи перепихивали горбы базальта, будто солому, и слышался далекий гром.

Потом, закипая, Самбатсион распыскивался на мириады протоков, внедряющихся в гущу горных рытвин, как пальцы вдавливаются в глинную глыбу. Рокошующие овраги проникали в недра и через скальные прорывы, сулившие путникам проход, рвались на волю с резким ревом и злобно вываливались в дол. Внезапно, после длительного объезда, к которому их вынудило бездорожье у берегов, побиваемых каменным градом, путники выскакали на гладкое плоскогорье и обнаружили, что Самбатсион далеко под ними в этой точке исчезает, просто рушится в истую прорву ада.

Там перекааты помогали низвергнуться с десятков порогов, снижавшихся амфитеатром, камням в неизмеримые и последние завороты, в рыкающий буерак, в граниты, в зажоры битумов, в буруны квасцов, в завой сланцев, в тряску алабандинов у подрытой береговой крутизны. А на тонкой и рясной пыли, которая из пучины изрыгалась вверх, то есть, вернее, вниз на взгляды тех, кто созерцал, заглядывая в пропасть как будто с вершины башни, пляса-

ли солнечные блики и отлетали от каждой кремнистой капли, рождая громадную радугу, которая, так как каждое вещество отталкивало лучи с особым собственным преломлением, покорно собственной природе, переливалась тем многообразием раскрасок, какое не встречается никогда на обычном небе, где восстают обычные радуги после скоротечных гроз. Тут над камнями, похоже, радуга была назначена разбрызгивать зарницы вечно и не рассеиваться никогда.

Переливаться от багреца, от кровавика с киноварью до стальной искристой черноты аттрамента, от желтизны аурипигментной зерни к пронзительной оранжевости, от лазури армения к белизне обызвествленных ракушных черепков и к прозелени малахита, от блистающего серебряка к постепенно бледнеющему шафрану, от режущего глаз реальгара к вы-

сморку зеленоватой земной слизи, то иссыхающей в бледноту хризоколлы, то расцветающей всеми оттенками изголуба-фиолетового блеска; сверкать сусальным золотом, червцом, пережженными белилами, алеть смолянистым сандараксом, играть оттенками седого мела и прозорливой чистотой алебаstra. Ни один из людских голосов не смог бы разлечься в этом лязге и ни один из путников не собирался произносить ни слова. Они глядели на агонию Самбатияна, свирепствовавшего на неминуемый свой жребий: ввергаться в чрево земли, и тчившегося захватить за собой все, что могло им быть ухвачено по дороге, под скрежетание камней, в знак сокрушения о своей немочи и недоле.

(Пер. Е. Костюкович)

17. Хаотичное перечисление

Теперь мы перейдем к перечислениям хаотичным, где помещены рядом абсолютно разнородные вещи. Такие списки, как мы видели, во многом предвосхитил Рабле, кое-какие примеры можно найти и в более древних текстах. Например, совершенно упоительно читается одна из *jocus monachorum* (монашеских шуток), известная как **Coena Cypriani** (*Вечеря Киприана*), где все библейские персонажи изображены за самыми нелепыми делами во время праздника. И неважно, был ли этот текст действительно произведением Святого Киприана (жившего в III веке н. э.) или, что более вероятно, его сочинили несколькими столетиями позже. Неизвестно также, преследовал ли автор мнемонические цели — помочь монахам запомнить эпизоды из Библии, или же чисто игровые — и тогда перед нами просто шутка, пародия. Ясно одно: описанные события не должны были казаться абсурдными читателям того времени, поскольку каждый персонаж делал что-нибудь такое, что каким-то образом связывало его с библейской историей; однако в глазах того, кто возьмется читать этот текст сегодня, список выглядит упоительно хаотичным и напоминает какой-нибудь фильм, вроде *Ад раскрылся* (*Helzapopping*) (впрочем, возможно, им же и навеянный).

Образцовый пример хаотичного перечисления, предваряющего умопомрачительные перечни сюрреалистов, мы находим в стихотворении **Рембо** *Пьяный корабль*. Больше того, в связи с Рембо стоит вернуться к разговору о различении *конъюнктивного* и *дизъюнктивного перечисления*¹. Конъюнктивное перечисление — и в нашей антологии приведено тому множество примеров — объединяет самые разные вещи, которые образуют связанное целое, поскольку увиденны глазами одного субъекта или же

Ханна Хёх

Удар дадаистским кухонным ножом по последней эпохе

«жирной» веймарской культуры в Германии, 1919

Берлин, Национальная галерея

воспринимаются в рамках одного контекста. Дизъюнктивное же перечисление, напротив, отражает распад, дробление, своего рода шизофрению субъекта, который находится во власти разрозненных впечатлений, но никак не может собрать их воедино. В этом смысле Шпитцер в уже упоминавшейся работе отталкивался от понятия дизъюнктивного перечисления при создании своей концепции хаотичного перечисления и в качестве примера приводил следующие стихи из *Озарений* Рембо:

Есть птица в лесу, чье пение вас останавливает и заставляет
вас покраснеть.
Есть на башне часы, которые не отбивают время.
Есть овраг, где скрываются белые звери.
Есть собор, который опускается в землю, и озеро, в котором
вода поднялась.
Есть небольшой экипаж, оставленный на лесосеке или быстро
катящийся вниз по тропе украшенный лентами.
Есть маленькие бродячие комедианты, что видны на дороге,
сквозь листву на опушке леса.
Наконец, есть кто-то, кто гонит вас прочь, когда вас мучают
голод и жажда».

(Пер. Ф. Сологуба)

Литературных примеров так много, что глаза разбегаются. Чтобы не увлечься бесконечными списками списков, приведем в антологии только один отрывок из **Пабло Неруды** как пример множества хаотичных списков в латиноамериканской литературе². Не обойтись здесь без **Жака Превера**, а также нельзя не включить отрывок из **Итало Кальвино**, где, строя свои «космические» фантазии и воображая, как из обломков метеоритов случайно получилась земная кора, сам автор неоднократно называет свой перечень «абсурдной мешаниной» и замечает: «Мне нравилось представлять, что между этими столь несообразными предметами проскальзывает таинственная связь, которую я призван уловить». Трудно на первый взгляд уловить таинственную связь между чертами, которыми Кол Портер наделяет свою любимую в композиции *You are the top!*: он сравнивает ее с Колизеем, Лувром,

Гребни, заколки для волос и другие предметы туалета из Помпей, I в. Неаполь, Национальный археологический музей

симфонией Штрауса, сонетом Шекспира, Микки-Маусом, Нилом, улыбкой Моны Лизы, Махатмой Ганди, коньяком Наполеон, фиолетовым светом летней ночи в Испании, Национальной галереей, Гретой Гарбо, целлофаном, ногами Фреда Астера, драмой О'Нила, *Портретом матери* Уистлера, камамбером, розой, носом Джимми Дюрана, картиной Боттичелли, с Китсом, Шелли, луной, плечами Мэй Уэст, с корабликом, скользящим по водам залива Зюйдерзее, с картиной голландского мастера, леди Астор, русской степью и так далее, без всякого ценностного различия между Дантовым Адом и капустой брокколи. И если этот коллаж при своей хаотичности выглядит не слишком поэтично, связано это с тем, что Портер поступает так же, как Ролан Барт (в бродвейском вкусе), то есть перечисляет все, что ему нравится и с его точки зрения чего-то стоит (в остальном — о вкусах не спорят).

Интересно сравнить песню Портера с восхвалением дамы сердца **Бретоном** и с дифирамбами **Балестрини** в адрес синьорины Ричмонд. Снова перед нами оппозиция — «списки, основанные на *означаемом*, против списков, основанных на *означающем*». Балестрини важны только аллитерации, и ради этого он готов придумать прилагательные, которых в итальянском языке нет, а Бретон и Портер еще и стремятся создать ряд вполне определенных образов, причем у одного они абсолютно сюрреалистичны, а у другого — более доступны, в стиле мюзикла.

Главными мастерами хаотичного перечисления считаются Гадда и Арбазино (и именно в этой связи они обычно цитируются), хотя большинство их перечислений, думаю, обладает связностью.

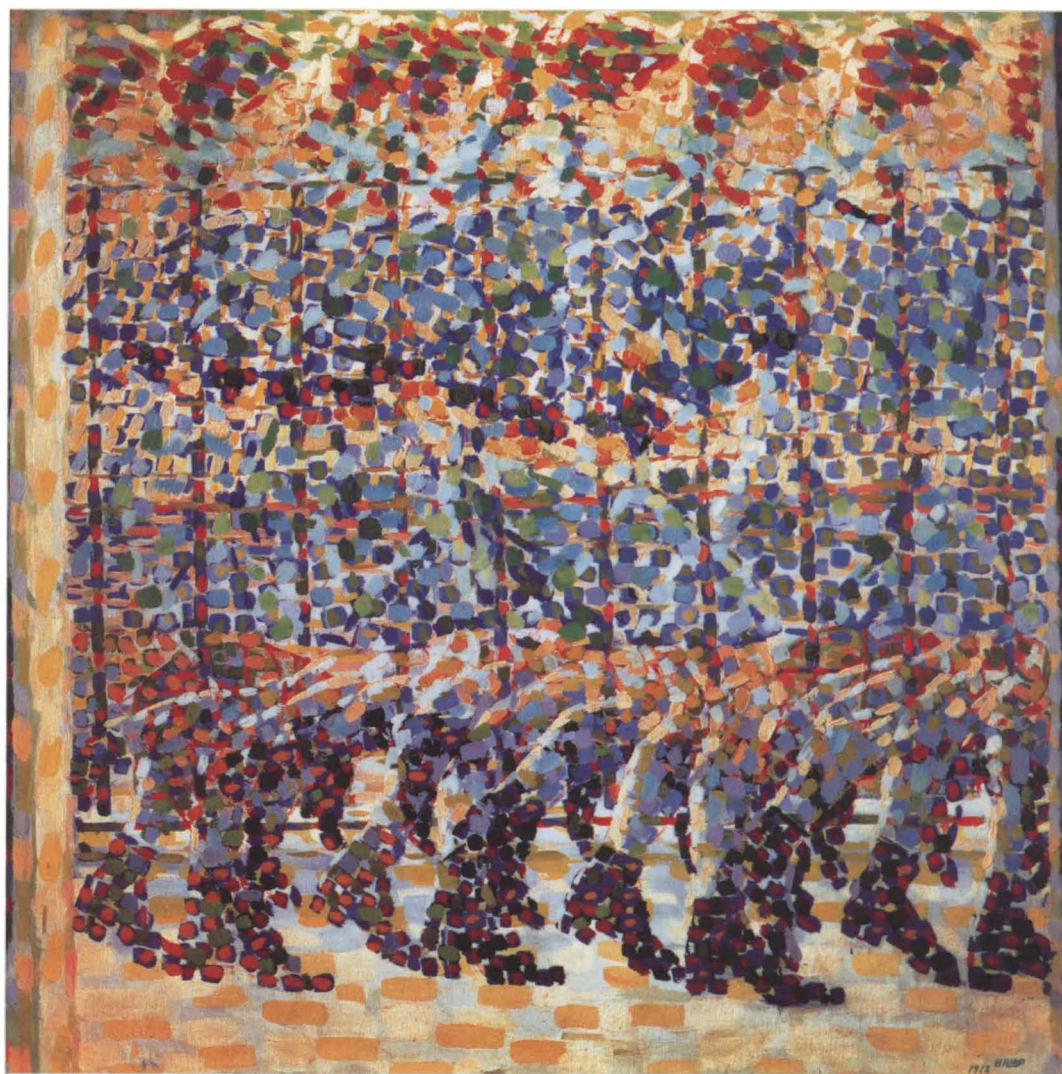
В антологии есть два отрывка из **Карло Эмилио Гадды** и один отрывок из **Альберто Арбазино**. Гадда описывает, как обставлен дом на улице Кавенаги и что происходит во время пожара на улице Кеплера; разумеется, можно сказать, что в доме царит хаос и что не меньший хаос вызван пожаром. Однако это прозвучит метафорично, ведь вся описанная мебель вполне правдоподобно может или могла бы стоять в том доме, а последовательность событий во время пожара на улице Кеплера выстроена в строго хронологическом порядке.

Что касается Арбазино, то он описывает места, людей и события, которые вполне можно считать реальными (посещение дома римских священнослужителей), и воспроизводит хронологию фактов.

В обоих случаях у читателя голова идет кругом от упоенной ненасытности авторского взгляда, который, в силу своеобразной вербальной одержимости, делает хаотичным то, что изначально

Роберт Раушенберг
Без названия, 1964
Частное собрание

Джакомо Балла
Девочка, бегущая по балкону, 1912
Милан, Галерея современного искусства

им не было. Иными словами, у этих двух авторов (причем Арбазино всегда признавал, что учился у Гадды) мы имеем дело с процессом *хаотизации* упорядоченного.

Под конец мы приведем самый гениальный пример несуразного списка (он до того совершенен, что даже может позволить себе роскошь быть кратким) — перечень животных из придуманной Борхесом китайской энциклопедии *Небесная империя благодетельных знаний*. Мишель Фуко воспроизвел эту классификацию в начале предисловия к книге *Слова и вещи*. У Борхеса животные делятся на: 1) принадлежащих императору, 2) набальзамированных, 3) прирученных, 4) молочных поросят, 5) сирен, 6) сказочных, 7) бродячих собак, 8) включенных в эту классификацию, 9) бегающих как сумасшедшие, 10) бесчисленных, 11) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, 12) прочих, 13) разбивших цветочную вазу, 14) похожих издали на мух³.

Когда вчитываешься и в примеры связной избыточности, и в примеры хаотичных перечислений, осознаешь, что по сравнению со списками древности произошло что-то новое. Гомер, как мы наблюдали, прибегал к списку, потому что ему недоставало слов, языков и гортаней; тоpos невыразимости столетиями играл определяющую роль в поэтике списка. Но списки Джойса или Борхеса, ясно, составлены вовсе не потому, что авторы не умеют сказать иначе, — просто им постоянно нужно хватить через край, объять необъятное, упиться словами, потому что их влечет (в редких случаях просто обуревают) «веселая наука» множественности и безграничности. Список становится средством перебудоражить мир, он почти претворяет в жизнь призыв Тезауро накапливать свойства, чтобы выявить новые связи между далекими вещами и уж во всяком случае, — чтобы поставить под сомнение связи общепринятые.

Таким образом, хаотичный список стал разъятием форм, которое проделывали по-разному футуристы, кубисты, дадаисты, сюрреалисты и новые реалисты.

¹ Cp.: Schumann Detlev W. *Enumerative Style and His Significance in Whitman, Rilke, Werfel*, in *Modern Language Quarterly*, June 1942.

² В связи с Нерудой А. Алонсо в книге *Poesía y estilo de Pablo Neruda*, Buenos Aires, 1940 (цитировавшейся у Шпитцера, с. 23), в главе «Дизъюнктивные члены и разнородные предметы» говорит о «бессвязных перечислениях».

³ Борхес Х. Л. *Аналитический язык Джона Уилкинса* из сборника *Новые расследования* // Борхес Х. Л. Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. СПб., 2007.

ВЕЧЕРЯ КИПРИАНА

(V–VI в.)

Некий царь, прозванием Иоиль, справлял брачный пир в восточной стране, в Кане Галилейской. И призвал он многих люд сойтись к тому пируванью. И омывшись в должную пору во Иордане, предстали они в застолье. Тогда-то Нааман очистился, Амос водой обрызгался, Иаков и Андрей сена наносили, Петр и Матфей сена подстелили, Соломон поставил стол, и возлегли застольники. Когда же все места сделались полны возлежащими, то после пришедшие изыскивали себе места, где кто умел.

И первым из них воссел
Адам на виду у всех, а Ева на листвии,
А Каин на сошнике, и Авель на подойнике,
Ной на ковчеге, Иафет на все стороны,
Авраам под деревом, Исаак на жертвеннике,
Иаков на камне, Лот перед воротами,
Моисей на горе, Илия на коже,
Даниил на судном месте, Товия на ложе,
Иосиф на хлебной мере, на мешке Вениамин,
Давид на восхолмии, Иоанн на голой земле,
Фараон на песке, Лазарь у сгола,
Иисус над кладезем, а Закхей на дереве,
А Матфей на скамье, а Ревекка над ведром,
Руфь на соломе, Раав на льне,
Фекла у окошка, Сусанна в саду,
Авессалом среди ветвей, Иуда над ларчиком,
Петр на престоле, Иаков на неводе,
Самсон на столбе, Рахиль на седле,
А Илий на седалище.
И Павел терпел, а Исав роптал,
А Иов стенал, ибо сидел на гноище.

(Пер. М. Гаспарова)

Паоло Веронезе
Брак в Кане Галилейской, 1563
Париж, Лувр

Артур Рембо**ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ**

(1871)

Я узнал, как в отливах таинственной меди
Меркнет день и расплавленный запад лилов,
Как подобно развязкам античных трагедий
Потрясает раскат океанских валов.

Снилось мне в снегопадах, лишаящих зренья,
Будто море меня целовало в глаза.
Фосфорической пены цвело озаренье,
Животворная, вечная та бирюза.

И когда месяцами, тупея от гнева,
Океан атакует коралловый риф,
Я не верил, что встанет Пречистая Дева,
Звездной лаской рычанье его усмирив.

Понимаете, скольких Флорид я коснулся?
Там зрчками пантер разгорались цветы;
Ослепительной радугой мост изогнулся,
Измурдных дождей кочевали гурты.

Я узнал, как гниет непомерная туша,
Содрогается в неводе Левиафан,
Как волна за волною вгрызается в сушу,
Как таращит слепые белки океан;

Как блестят ледники в перламутровом полдне,
Как в заливах, в лимонной грязи, на мели,
Змеи вяло свисают с ветвей преисподней
И грызут их клопы в перегное земли.

Покажу я забавных рыбешек ребятам,
Золотых и поющих на все голоса,

Перья пены на острове, спячкой объемом,
Соль, разъевшую виснувшие паруса.

Убаюканный морем, широты смешал я,
Перепутал два полюса в тщетной гоньбе.
Прилепились медузы к корме обветшалой,
И, как женщина, пав на колени в мольбе,

Загрязненный пометом, увязнувший в тину,
В щебетанье и шорохе маленьких крыл,
Утонувшим скитальцам, почтив их кончину,
Я свой трюм, как гостиницу на ночь, открыл.

Был я спрятан в той бухте лесистой и снова
В море выброшен крыльями мудрой грозы,
Не замечен никем с монитора шального,
Не захвачен купечеством древней Ганзы,

Лишь всклокочен как дым и как воздух
непрочен,

Продырявив туманы, что мимо неслись,
Накопивший — поэтам понравится очень! —
Лишь лишайники солнца и мерзкую слизь,

Убегавший в огне электрических скатов
За морскими коньками по кипени вод,
С вечным звоном в ушах от громовых раскатов,
Когда рушился ультрамариновый свод,

Сто раз крученный-верченный насмерть
в мальштреме.

Захлебнувшийся в свадебных плясках морей,
Я, прядильщик туманов, бредущий сквозь
время,

О Европе тоскую, о древней моей.

(Пер. П. Антокольского)

Макс Эрнст

Тридцать три девочки в погоне за белыми бабочками, 1958

Мадрид, Музей Тиссен-Борнемиса

Пабло Неруда

ОДА ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКЕ

Если бы я мог заплакать от страха в пустом,
одиноким доме,
если бы я мог вырвать свои глаза и проглотить
их,
я бы это сделал во имя твоего голоса —
траурного апельсина,
во имя твоей поэзии, которая с криком
вырывается из души.
Ибо во имя твое красят в голубой цвет
больницы,
и строятся школы, и приморские улицы,
и отрастают перья у раненых ангелов,
и чешуей покрываются брачующиеся рыбы,
и ежи возносятся на небо;
во имя твое портняжные мастерские с их
черными ширмами
наполняются кровью и ложками,
во имя твое надевают красные пояса,
и убивают любимых поцелуями,
и наряжаются в белое
Когда ты летишь, одетый в персиковую
нежность,
когда ты смеешься смехом риса, взметенного
ураганом,
когда перед тем, как запеть, ты весь
встрепенешься,
вздохнут губы, артерии, пальцы, —
я готов умереть во имя твое,
я готов умереть во имя багряных озер,
на которых ты живешь посередине осени
вместе с павшим конем и окровавленным
богом;
я готов умереть ради кладбищ,
они ночью среди затопленных колоколов
текут со своими водами и могилами,
словно реки из пепла и праха,
реки переполненные, как госпитали
с ранеными солдатами, которых внезапно
воды смерти уносят вместе с надгробьями,
засохшими венками и погребальными маслами;
я готов умереть, лишь бы увидеть тебя ночью,
когда ты стоишь и плачешь,
глядя, как мимо плывут тонущие кресты;

Сальвадор Дали
Испания 1938, XX в.
Роттердам, Музей Бойманса ван Бёнингена

перед рекой мертвецов ты плачешь,
безудержно плачешь израненным сердцем,
плачешь плачем, и глаза твои переполнены
слезами, слезами, слезами.
Если бы я мог ночью, затерянный в одиночестве,
собрать забвение, и сумрак, и дым
над поездами и пароходами
в черную воронку,
всасывающую пепел,
я бы сделал это ради того дерева, в котором
ты ветвишься,
ради золотистых вод,
которые гнездятся в тебе,
ради вьюнка, обвинившего твои кости,
который рассказывает тебе тайны ночи.
Города, пропитанные запахом мокрых луковиц,
ждут, когда ты пронесешь свою хриплую
песню,
и молчаливые корабли преследуют тебя,
и зеленые ласточки вьют гнезда в твоих волосах,
и, кроме того, улитки и недели,
мачты, свернутые в клубок, и вишневые
деревца
приходят в движение, когда появляются
твоя бледная голова с пятнадцатью глазами
и твой рот цвета запекшейся крови.
Если бы я мог наполнить сажей
административные здания
и, рыдая, сбросить часы с пьедесталов,
я бы это сделал, чтобы увидеть, как в твоём
доме
возникает лето с искусанными губами,
возникают люди в одежде смертников,
и земли, исполненные печального величия,
и мертвые плуги, и полевые маки,
и всадники, и могильщики,
и планеты, и карты, залитые кровью,
и водолазы, покрытые пеплом,
и убийцы в масках, волокущие за собою
девушек, пронзенных большими ножами.
Возникают корни, больницы, артерии,
муравьи и колодцы,
возникает ночь и приносит постель,
где среди пауков умирает одинокий гусар,
возникает роза из ненависти и шипов,
возникает желтеющая пристань,
возникает ветреный день и ребенок,
возникаю я, Оливерию, Нора,
Висенте Алейсандре, Делиа,
Марука, Мальва Марина, Мария Луиса
и Ларко,

Ла Рубиа, Рафаэль Угарте,
 Котапос, Рафаэль Альберти,
 Карлос, Бебе, Маноло Альтолагирре,
 Молинари,
 Росалес, Конча Мендес
 и другие, имена которых я позабыл.
 Приди, я тебя увенчаю, о юноша, полный
 здоровья,
 как черная молния, вечно свободный.
 Сегодня, когда никого не осталось на скалах,
 давай побеседуем просто о жизни твоей и моей.
 Для чего они, наши стихи, если не для росы?
 Для чего они, наши стихи, если не для ночи
 вот этой,
 когда острый кинжал нас пронзает, и не для
 этого дня,
 не для сумерек этих и не для угла, в котором
 готовится к смерти измученный дух человека?
 И особенно ночью,
 когда на небе множество звезд,
 и все они — в темной реке,
 текущей под окнами дома,
 в котором живут бедняки.
 Кто-то умер у них, или, быть может,
 они потеряли работу в конторах,
 в лифтах, в больницах,
 на шахтах;
 повсюду изранены люди,
 повсюду надежды и плач,
 пока звезды плывут в бесконечной реке,
 в окнах плач,
 и пороги изъедены плачем,
 простыни и подушки пропитаны плачем,
 плач накатывается, словно волна,
 и захлестывает половики.
 Федерико!
 Ты видишь мир, улицы,
 уксус
 расставанья на пыльных перронах,
 когда последние клубы дыма
 уносятся вдаль,
 туда, где нет ничего —
 только камни, разлуки и рельсы.
 Повсюду есть толпы людей, задающих вопросы,
 есть кровавый слепец, и отчаявшийся,
 и безумец,
 есть дерево слез и колючек

Джеймс Энсор
Автопортрет в окружении масок, 1899
 Комаки, Художественный музей Менард

и разбойник, что зависть волочит на темных
 плечах.
 Такова она, жизнь, Федерико, и это дары,
 которые может тебе предложить моя дружба,
 дружба мужественного и печального мужчины;
 ты сам уже многое в жизни постиг
 и многое постепенно постигнешь.

(Пер. В. Столбова)

Жак Превер

ПОПЫТКА ОПИСАНИЯ
 ПРАЗДНИКА ГОЛОВ В ПАРИ-ФРАНС
 (1946)

Те кто строго
 Те кто много
 Те кто ликуют
 Те кто бликуют
 Те кто верят
 Те кто верят что верят
 Те кто звери-презвери
 Те кто птицы-прептицы
 Те кто спешат коптиться
 Те кто любят дредноутиться
 Те кто андромашут
 Те кто пишут и пашут
 Те кто поют и пляшут
 Те кто волосы гребнем чешут
 Те кто пузаты
 Те кто глазасты
 Те кто стряпают
 Те кто ляпают
 Те кто цапают
 Те кто царапают
 Те кто не драпают
 Те кто штыкуют... и эти
 Те кто пушки дают детям
 Те кто детей дают пушкам
 Те кто плавают и не тонут
 Те кто ни в грош не ставят Пирея
 Те кто не могут взлететь под тяжестью
 крыльев
 Те кто готовы мостить битым стеклом
 Великую Китайскую стену
 Те кто притворяются волком поедая овцу
 Те кто жарит яичницу не разбив яиц
 Те кто всякие ростом четыре тысячи
 восемьсот десять метров с Монблан, триста

с Эйфелеву башню, двадцать пять см
в груди и тем горды
Те кто грудесосут Францию
Те, кто бегают, летают и мстят нам, и всякие
разные, гордо давя гравий, вступили
в Елисейский дворец, и толкались,
и торопились на обед голов, и творили что
хотели.

Один с головой как трубка курильщика, другой с головой английского адмирала; у многих голова — воночий шар, у иных — генерала Галифе, у прочих — бешеного зверя или Огюста Конта, Руже де Лилля или святой Терезы, головки сыра или мадам сижу, монсеньора или молочника.

Кое-кто смеха ради красовался с телячьей мордой, и торчала трава у них в ушах как морская в расселине утёса, и были они хороши и печальны, и никто не замечал их.

Мамаша с головой как череп показывала дочь с сиротской головой другу семьи дипломату с головой соляновской.

Зрелище было из ряда вон, а когда прибыл президент, колумбовски яйцеголовый, стало, и вовсе дальше некуда. [...]

Солнце светит для всех, не светит оно для

тех, кто сидят в тюрьме,
тех, кто работают в шахте,
тех кто чистят селёдку,
тех кто лопают тухлое мясо,
тех кто штампуют булавки заколки
тех кто допивают бутылки выпитые другими
тех кто своим ножом нарезают хлеб
тех кто в отпуск сидят на работе
тех кто не знают что говорить
тех кто доя корову не пьют молока
тех кто не спят у зубного
тех кто отхаркиваются в метро
тех кто в духоте производят ручки для
тех кто на свежем воздухе

напишут что всё хорошо
тех кто имеют сказать и сказать потому не
могут

тех кто должны работать
тех кто не должны работать
тех кто ищут работу
тех кто не ищут работы
тех кто ходят поить лошадей
тех кто смотрят как мрёт их пёс
тех кто зарабатывают относительно

регулярно

тех кто зимой греются в храме
тех кто гонимы взащей швейцаром
тех кто гниют
тех кто жуют и живут
тех кто ходят под поезд
тех кто глазают как Сена течёт
тех кто нанят оплачен умножен уменьшен
 подвластен обыскан убит
тех кто дают отпечатки пальцев
тех кто случайно вызван из строя расстрелян
тех кто идут в военном параде
тех кто вести себя нигде не умеют
тех кто ни разу не видели моря
тех кто знают и чешут лён
тех кто сидит без воды
тех кто преданы синим далям
тех кто гроши получают за труд сизифов
тех кто стареют быстрее других
тех кто пальцем не пошевелият даром
тех ктодохнут от скуки в воскресный вечер
потому что вот-вот понедельник
вторник среда четверг пятница
суббота
и воскресный вечер.

(Пер. Е. Кассировой)

Жак Превер
ШЕСТВИЕ

Наручный старец с семью часами
Королева из хлева со свиньёй Измира
Поборники моря и труженики мира
Фаршированный час и смертный гусь
Очковомолка с кофейной коброй
Головоходец с канатоломкой
Курительный маршал с трубкой в отставке
Работяга во фраке с сэром в комбинезоне
Композитор-рецидивист и вор-симфонист
Газетный куряка заядлый писака
Дамский Колиньи и портной адмирал
Бенгальская сестрица с монашкой-тигрицей
Кандидат по дереву с резчиком философии
Рыцари парижской газовой компании
с инспекторами Круглого Стола
Утка на острове Св.Елены с Наполеоном
в яблоках
Кладбищенская Ника со сторожем
Самофракийским
Рыболовецкий отец с таулером семейства

Опухоль Французской Академии с членом
 простаты
 Цирковой папа с лошадей Римской
 Бенедиктинский контролёр и автобусный
 ликер
 Зубной террибль и анфан врач
 и птица отец и духовный грач.

(Пер. Е. Кассировой)

Жак Превер МОЛОТИЛКА (1946)

Молотилка уехала снова
 Они в барабаны били
 Они ковры выбивали
 Они белье выжимали
 Они развесили это белье
 Они отутюжили это белье
 Они усердно сливки сбивали
 Они детишкам уши надрали
 Они звонили в колокола
 Они закололи свинью, они поджарили кофе
 Они накололи дров
 Они разбивали куриные яйца
 Они телятину жарили в масле

Они в омлет подливали рому
 Они разрезали на части индейку
 Они свернули шею цыпленку
 Они содрали с кролика шкурку
 Они выбивали днища в бочонках
 Они топили горе в вине
 Они дверьми хлопали, хлопали женщин
 по заду
 Они пожимали друг другу руки
 Они со стола залитую скатерть сорвали
 Они опрокинули стол
 Они горланили песню
 Они от хохота корчились и задыхались
 Они разбили графин с водой
 Они уронили блюдо со студнем
 Они щипали девчонок
 Они их пытались в канаву столкнуть
 Они в придорожной пыли валялись
 Они в ладоши хлопали дружно
 В ладоши хлопали, ногами топали
 Они орали, они вопили, они распевали
 Они танцевали
 Они танцевали вокруг амбаров, где заперто
 было зерно
 Где зерно было заперто смолото
 Побеждено.

(Пер. М. Кудинова)

На с. 339:

Метеоритный дождь (Взрыв метеора)
 Ил. из кн. Камилла Фламариона *Конец света*, Париж,
 1894

Итало Кальвино**МЕТЕОРИТЫ**Из книги *Память мира*

(1968)

Согласно новейшим гипотезам, изначально Земля была крошечным, холодным небесным телом, которое впоследствии увеличилось в размерах, поглощая метеориты и абсорбируя метеоритную пыль.

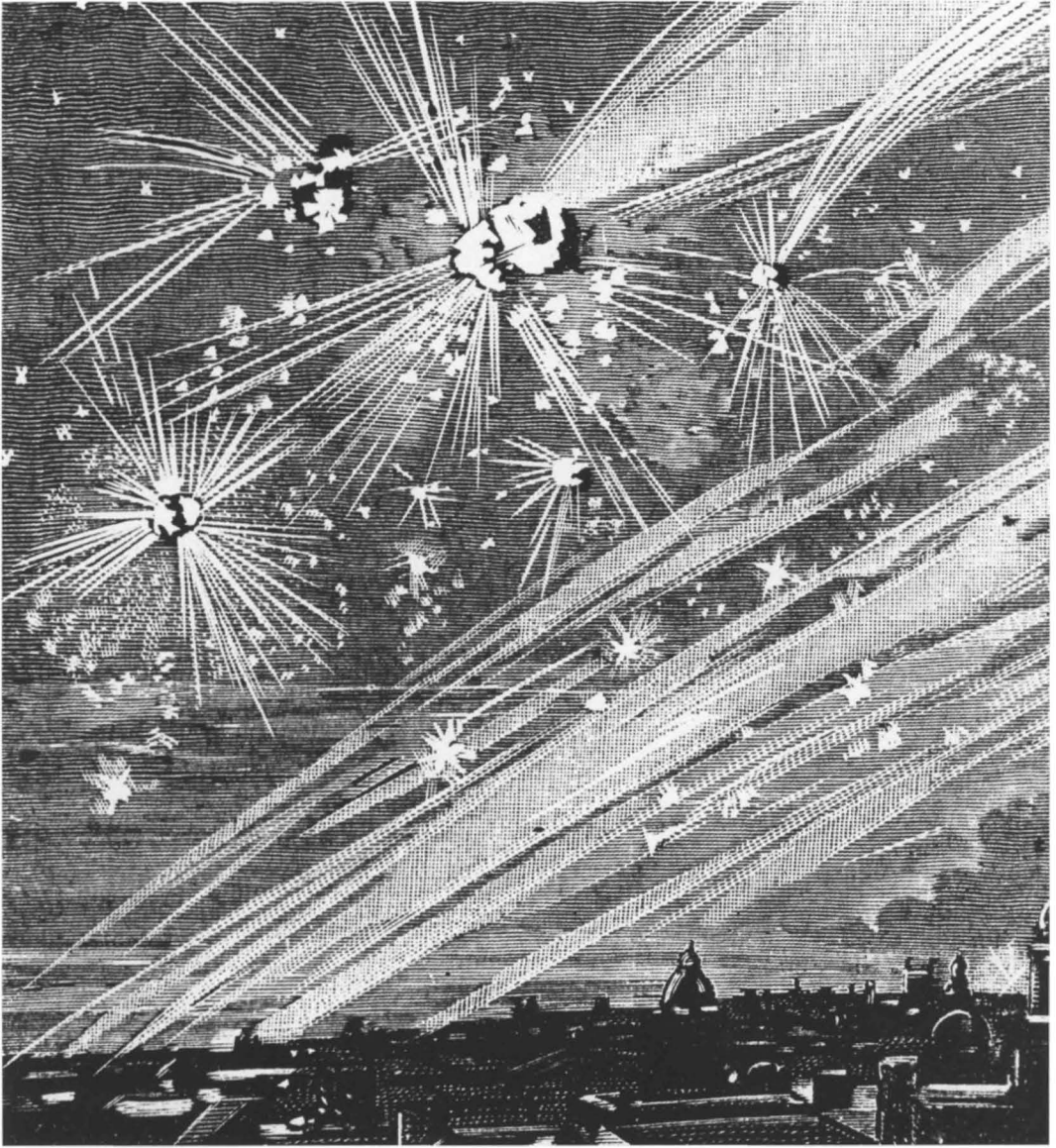
Первое время мы всерьез полагали, что сможем содержать ее в чистоте, — поведал старый Qfwfq, — ведь она была такой крошечной! Мы намеревались ежедневно подметать ее и смахивать с нее пыль. А хлама, скажу я вам, сверху падало предостаточно: казалось, Земля вращалась исключительно для того, чтобы собирать всю пыль и весь мусор, носившиеся в космическом пространстве. Теперь совсем другое дело, ведь существует атмосфера, и, глядя на небо, вы восклицаете: ах, какое оно чистое, какое ясное! Но видели бы вы, что летало у нас над головами, когда планета, двигаясь по своей орбите, безнадежно застревала в одном из таких метеоритных облаков! Это была пыль, белая, как нафталин, она осаждалась в виде крупинки, а порой — осколков покрупнее, прозрачных, как хрусталь, словно где-то высоко в небе вдребезги разбилась стеклянная люстра; время от времени попадалось и что-нибудь более существенное: осколки других планетных систем, огрызки груш, крапы, ионические капители, старые номера газет «Геральд Трибюн» и «Паэзе Сера». Вселенные возникают и распадаются, а строительный материал остается тем же самым.

Поскольку Земля была маленькой и легкой (бегала-то она не в пример быстрее, чем сейчас), многие объекты благополучно избегали столкновения с ней. Предметы, возникавшие перед нами из космических глубин, то порхали, словно птички — может, это были носки, — то величественно проплывали мимо, как однажды невеста откуда взявшийся рояль; даже приблизившись на расстояние всего лишь полуметра от нас, они умудрялись не задеть Землю и держали свой путь дальше, растворяясь — возможно, навсегда — в черной пустоте, остававшей позади нас. [...]

То были моменты блаженного спокойствия, которые мы могли себе позволить. Мы вставляли ни свет, ни заря, но и за время нашего недолгого сна Земля успевала покрыться отбросами. «Пошевеливайся, Qfwfq, нельзя терять ни минуты!» — говорил Xha, вручая мне метлу, и я отправлялся в свой обычный обход, наблюдая, как низкий горизонт пустынной равнины постепенно озаряется рассветными лучами. Там-сям мне попадались обломки и всякие предметы; солнце светило ярче, и я замечал тусклую пыль, густо покрывавшую сверкающую поверхность планеты. Я сметал всё в кучу и, как мог, запихивал в контейнер для мусора или в мешок, который носил за плечами, но прежде задерживался, чтобы рассмотреть диковины, принесенные нам ночью: лепное украшение в виде бычьего черепа, кактус, колесо телеги, слиток золота, проектор синерамы. Я вертел их в руках и, дуя на палец, уколотый шипом кактуса, развлекался мыслью, что между столь несхожими предметами должна была существовать некая таинственная связь, которую мне стоило бы разгадать. [...]

Случалось, во вверенном моим заботам земном полушарии я не сразу уносил ночные находки, особенно более тяжелые, а сваливал их в углу, чтобы позже укатить на тачке. Так временами у меня скапливались целые горы всякой всячины: ковры, песчаные дюны, издания Корана, нефтяные скважины, фантастическая мешанина из разнородных вещей. Разумеется, Xha не одобрил бы мою забаву, однако, по правде сказать, я испытывал некое удовольствие при виде этих прихотливых теней, черневших на горизонте. Иногда я по нескольку дней держал предметы сваленными в кучу (размеры Земли стали уже таковы, что Xha не успевал обойти ее за день), и каким же бывало мое удивление, когда утром я обнаруживал множество новых трофеев! [...]

Так мало-помалу Земля приобрела известные вам очертания. Метеоритный дождь, который все еще продолжается, обогащает картину новыми подробностями, создает ей раму из окна, балдахина, переплетений телефонных проводов; он заполняет пустые пространства вещами, с трудом сочетающимися между собой — светофорами, обелисками, табачными барами, апсидами, оползнями, кабинетом дантиста, обложкой воскресного приложения

к «Корьере делла Сера» с фотографией охотника, кусающего льва... Исполнение дополнительных деталей всегда грешит некоторым перебором (в окраске крыльев бабочки, к примеру), а то и вовсе несообразностью (ну, хоть бы война в Кашмире), и меня не покидает ощущение, что чего-то все еще не хватает —

каких-нибудь сатурнийских стихов Невия, призванных заполнить лакуну между двумя фрагментами поэмы, или же формулы дезоксирибонуклеиновой кислоты в хромосомах, и тогда картина, наконец-то, приобретет законченный вид...

(Пер. И. Макарова)

Поль Дельво
Акрополь, 1966
Париж, Центр Жоржа Помпиду

Андре Бретон

МОЯ ЖЕНА

Из книги *Свободная любовь*

(1931)

Жена моя огненно древесноволося
Жена всполохознойноголова
Мизиннороста
моськова в сравнении со слоновыми
Жена моя краснорота и звёздно-
 маловеличинногоуба
Белоземельномышиномелкозуба
Жена янтарностеклянношершаво-
Закланноовечье-
Говорящекукольнo-
Гигантокаменнаязыка
Жена детскокаракульковореснична
И ласточкиногнёздноброва
Жена пламенночерепичнокровельно-
И влажнооконнотепличнолоба
Жена шампанно- фонтанно- и
Подольдоводельфиноплеча
Жена спичечнозапытна
Жена скошенносеннопала
Жена фортунно и червонотузопальцева
Сердечковоноготкова
Жена цветочнорыбно- и
Беличьелисье-
В-ночь -на-Ивана-Купала-подмышечна
Жена пенноволно-, плотинно-
И пшеничномельничнорука
Жена ракетногога
Часовоходяче горькопоходчна
Жена ягоднобузиннолодыжна

Жена вензелестопна
Конопатчищепята и ключепала
Жена ячменножемчужношейна
Жена лилейнодолинногруда
Любовносвиданноураганьесисяста
Жена моя ноче- и
Морскосвинкососочна
Жена багроворубинно- и
Многоцветноросисторозососкова
Жена моя пестрочередодневнобрюха
Драконнопуза
Жена моя горизонтальноптицепозвоночна
Ртутноспинна
Лучехребтова
Камешковокругляше- и микромеловоголова
Выпиторазбитостаканнозатылочна
Жена гондольнолодочно-
Белолебеде-
Павлинноперье-
Легкопуховобёдра
Жена моя капризноасбестоваягодична
Жена лебязьекрылозада
Жена весеннежопа
Жена гладиолусо-
Дальнозолотороссыпе-
Мореводорослево- староконфетно-
И зеркальнописа
Жена моя многолезвиево-
Сиреневокольчужно- магнитноигольчато-
И саванноока
Жена тюремнопитьевоводо-
Казниможертвенно-
и уровнемореуровнеземленебоогнеглаза

(Пер. Е. Кассировой)

Нанни Балестрини

ОХ АЛЕЛИ АКВАРЕЛИ

(1974–1977)

Ох алели акварели
азазели ариэли
как в артели у асели
и у авиамодели у мамзель Ришмон

как белели бунюэли
брели бели бэбибэли
бондюэли бешамели
и брателли в беспределе у мамзель Ришмон

до чего виолончели
вермишели и вермели
вазарели и викжели
да и гжели да и гели у мамзель Ришмон

ох грубели ох густели
и в газелле о газели
ох гудели без гантели
в горотделе у густели у мамзель Ришмон

а на деле и доселе
дюамели дизразли
как из дели на дуэли
и от дрели в децибеле у мамзель Ришмон

и емели не на ели
и жизели на жавеле
и земели при заделе
в иммортеле йезавели у мамзель Ришмон

клиентеле и кибеле
каломели карамели
карусели и качели
ну и кнели в каротели у мамзель Ришмон

и капели и кудели
при капелле и картеле
в каравелле на купели
с колыбели в коктебеле у мамзель Ришмон

ой вы лели в ла-рошели
ой люнели в лимонелле
и минелли и мишели
и мамзели у мамзели у мамзель Ришмон

ой вы мели и метели
менестрели мурадели
мирабели и макрели
и мотели при марселе у мамзель Ришмон

на мартелле москатели
мускатели мюскадели
можжевели метрдотели
мантебеле и дебеле у мамзель Ришмон

неужели недопели
на неделе на наделе
не в новелле нонпарели
а ноэли в нерастеле у мамзель Ришмон

ой отте и отселе
и в отделе на омеле
при обстреле и отстреле
и в отеле на постели у мамзель Ришмон

прикипели к пульчинелле
все её полишинели
паганэли в параллели
и пантагрюэли в прели у мамзель Ришмон

пустомели при портфеле
как прюнели на прицеле
при парцелле похабели
в переделе на пределе у мамзель Ришмон

вот и рдели как растрелли
в ростепели на расстреле
ритурнели при разделе
розовели у рашели у мамзель Ришмон

и свирели словно в сели
в сапропели и в скудели
всё свистели и сопели
у сопели свиристели у мамзель Ришмон

спаниэли сганарели
при севеле сыроделе
словно сели к стэллеле
у синели в сарсуэле у мамзель Ришмон

трели как турели в теле
всех тяжеле тархтели
у торелли в тарантеле
как в туннеле торичелли у мамзель Ришмон

но ужели в управделе
уриэли и учелли
улетели усвистели
не успели при уделе у мамзель Ришмон

о увы не в финотделе
фанатели фонтанели
фернандели и фидели
у форели во фланели у мамзель Ришмон

что за хмели в цитадели
в чистоделе что за шмели
что за шелли и шанэли
у шинели без шрапнели у мамзель Ришмон

и не на щавеле эли
«эли» и эмманюэли
и этели и эрдели
были у электродрели у мамзель Ришмон

ох как щели шелестели
но шпинели не чумели
ох и к цели цепенели
холодели фрикадели у мамзель Ришмон

на тареле в трихинелле
и тефтели и сардели

рафаэли на панели
одурели и немели у мамзель Ришмон

муравели леденели
канители всех имели
и звенели журавели
еле-ели и не ели у мамзель Ришмон

и дубели голубели
вожделели багровели
богатели и беднели
и болели и бухтели у мамзель Ришмон

а ещё благоговели
и бурели и бугрели
и бойчели и бодрели
и блестели и балдели у мамзель Римшон

о бетели на бретели
у бабели при борделе
боттичелли в брокатели
багатели в антителе у мамзель Ришмон

(Пер. Е. Кассировой)

Бенджамин Уолтер Спайерс
Оружие, гравюры, картины, трубки, керамические
тарелки (с трещинами), старые шатающиеся столики,
стулья со сломанными спинками, 1882
Частное собрание

Карло Эмилио Гадда

ДОМ КАВЕНАГИ,
«Когда Джироламо перестал»
Из книги *Адальгиз*
(1944)

[...] Раз – и разгромили весь дом: столы, подушки, стулья и одры. Сувенирчики в приемной и гаремный лоск в гостиной, шкуру белого медведя – морда сплющена и когти обкруглены (чтоб когда наступаешь – не вцарапывались в паркет) и комоды и канапе и лошадочку-качалочку Лючано, заодно и гипсовый бюст прадедушки Кавенаги, в вековечном неравно-весии на завитой винтом ноге; перелопатились бонбоньерки, Лары, львицы, ходики, банки с пьяной вишней, урыльники с сушеными каштанами, лото «Канту», принадлежавшее бабке Бертаньони, свернутые рулонами ковры, стопки тапочек, выметенных из-под кроватей, в общем все ингредиенты и все приметы бытовой рачительности и обыденного помешательства, взбаламучиваемые, перетормошимые, перегружаемые грудами и неза-

медлительно снова переупорядочиваемые согласно новому, наоборотному порядку, столь восхитительному, сколько и непредвиденному, синтаксису.

(Пер. Е. Костюкович)

Карло Эмилио Гадда

ПОЖАР НА УЛИЦЕ КЕПЛЕРА
Из книги *Осмотрительные совокупления*
(1963)

Чего уж не говаривали о пожаре в доме 14. А истина в том, что даже и Его Превосходительству Филиппо Томмазо Маринетти не в силу оказалось бы так ярко высветить, что сотворилось за три минуты в заполошном этом клоповнике, как сумел это высветить огонь: высвободил обитавших там полуголышом из-за августовского зноя женщин с их вездесущей детвой, выдернул из смрада и домашнего перепуга и самцов, и неимущих дам, основательно потрепанных и подержанных,

ныне представших в исконной костистости, в бледности и простоволосии, в белом с кружавчиками исподнем, вовсе не в том черном и чопорном состоянии, которое им было при-суще при посещении церкви, и немногочисленных господ следом за ними, штопаных и перештопаных, если сказать совершенно честно, а за этими – Анакарсиса Ротунно, ита-ло-американского поэта, и работницу, изды-хающего на пятом этаже ветерана армии Гари-бальди. Следом – Акилле с девочкой и попуга-ем; Балосси выбежал в невыразимых и вынес на руках Карпиони, то есть нет, я что-то путаю, Балосси вынес на руках Мальдифасси, кото-рая, как будто бы ее пощипывал за заднее место дьявол, вопила примерно вот так вот. За ними, наконец, под непрекращающиеся крики и жалобы и вопли и страстные призывы и отважные высказывания и под метания меш-ков с добром из всех имевших там местополо-жение окон, когда уже слышали пожарную команду, летевшую во весь опор, когда из двух грузовиков выметнулись не менее трех дюжин милиционеров в белых мундирах, и влетела опрометью во двор «Скорая по-мощь», тогда, наконец, из крайних правых окон третьего этажа, а следом за тем и четвер-того, огонь, не желая больше сдерживаться, выпростал и собственные свои устрашающие пламена, долгожданные! тогда, пульсируя, яркие языки, змеевидные, алые, искрометные, заройлись вокруг черных дымовых свечей до того смолисто жирных, будто бы там испека-лось inferнальное жаркое, в похотливом двоении шаров, формировании гроздей, обви-вании черным питоном собственного сущест-ва, возникающего из зыбей под зловещие спо-лохи; вихрились там и тут неопалимые мотыль-ки, или, может быть, это была их кажимость – может быть, это была бумага, или, того веро-ятнее, ткань или сгоревший кожмит, это пор-хало по небу, замаранному дымом, в новом страхолудии и неприбранности, и люди семе-нили кто вообще босиком по пыли недоделан-ных дорог, кто в расшарканных домашних шлепанцах, не обинуясь ни мочой, ни конски-ми катышками, под завывания и слезы тысяч своих отродий. Всем мерещилось, что голова,

что волосы, напрасно завивавшиеся, ныне за-нимаются, обращая своих носителей в жуткие живые факелы. [...]

«Пожар, – говорили все потом, – самое страш-ное, что может быть». И это правда: пусть име-ли место и самоотверженность и замешатель-ство золотых пожарных; пусть разверзались хляби, пусть питьевая вода хлынула на хлип-кие оттоманки, чьей зябкой зелени явно гро-зила мощная злая краснота; пусть изливались поверх ларей и буфетов, сберегавших у себя в недрах, может быть, пару унций расслезив-шейся горгонзолы, однако облизываемых уже пламенами, как козленочка лижет питон, – изливались пусть струи, тощие прыски из рас-пухшей полотняной змеи или из долговязого колкого копья – латунного гидранта, заверша-ющегося белым чубчиком, пусть изливались струи из тучи в ночи распаленного августа; но полуобугленные фарфоровые изоляторы ру-хали и крошились на тысячи осколков на про-тяжении всего тротуара – пататраф! – и зача-женные телефонные провода взмывали в поздний воздух со своих опор, раскалив-шихся добела, и планировали на летучих чер-ных полуостровках картона и на монгольфье-рах гобеленов, просадившихся до цвета угля, а внизу, под подошвами людей, за выдвигны-ми лестницами, все перевивались сгибы и из-вивы и пробросы труб, выхлестывающих воду по траектории парабол, и все же по низовому хламу улицы, где побившиеся стекла затыгива-ли ломкой ряской илистую лужу, где эмалиро-ванные горшки, наполненные морковью, вы-летали из окна, все же! рядом с сапожищами спасателей, с голенищами саперов и с ножи-щами карабинеров и брандмайоров, повеле-вающих пожарными, слышалось привязчивое и неослабное шуш, шур, шурх, шарарах! – шелестели женские шлепанцы, подбирались обломки расчесок, подбирались осколки зеркал или чудотворные изображения святого Викентия Лигуорийского, все выуживали свое добро из трясины этой катастрофической пор-томойни...

(Пер. Е. Костюкович)

Альберто Арбазино

ОБЕД У МОНСИНЬОРОВ

Из книги *Братья по Италии*
(1963)

Сначала меня не угощали там обедами. Только кофе. Но накануне вечером Фердинандо позвонил Антонио: пусть берут-де и меня. Так в тринадцать часов пятнадцать минут ноль секунд, мы вступили с ним в Палаццо Оппрандини. Двор — сплошные купы фиговых деревьев, папоротников, магнолий, кентий, молочая, всюду руки и пальцы колоссальных статуй, чтоб указывать гостям путь к прохладному лифту, изукрашенному инкрустированными лозами и водопадами. Лифт этот стоил очень дорого, двадцать пять лир, содержал в себе скамеечку из раззолоченной парчи и довозил, как выяснилось, до предпоследнего этажа. На последний мы взойшли пешком, а оттуда на террасу, расположенную на крыше. Сквозь аркады виделась рощица белых олеандров и какие-то две башни, архитектура в московском вкусе, с золотыми петушками. Шторы и скамейки на площадках отливали той же самой золотисто-изумрудной парчой, выделанной ракуш-

ками и завитушками, скамьи опирались на конские копыта с гирляндами аканфов. На двери, крытой красным лаком, — пара крупных и начищенных до сияния львиных морд, в носках у львов кольца, а между вздыбленных ушей у каждого льва была уложена цитра.

Интерьер — совершенный Бульвар Восходящего Солнца. Полосатое ковровое покрытие, на стенах — крупно черные и белые полосы, в точности напоминающие мрамор Сиенского собора. Некоторые белые и золотые. Диваны белые и крупные, как лодки. Бра — огромные и золотые. Проходим мимо полных стеклянных витрин. Стенфордширские собаки; тазики, использовавшиеся в восемнадцатом веке брадобреями; ножные грелки неаполитанского фасона из латуни; консоли желтого старинного мрамора, «О, эти доски толщиной в четыре пальца!», а на них толпой грудятсяobelisks из мрамора красного, лежат шары из мрамора черного, и рядом коллекции вещей из опалина и филиграни в пышно освещенных стеклянных горках. Там же — священные образки, миниатюры по стеклу, из Каталонии и Сицилии, навешанные густо, как около алтарей в часовнях.

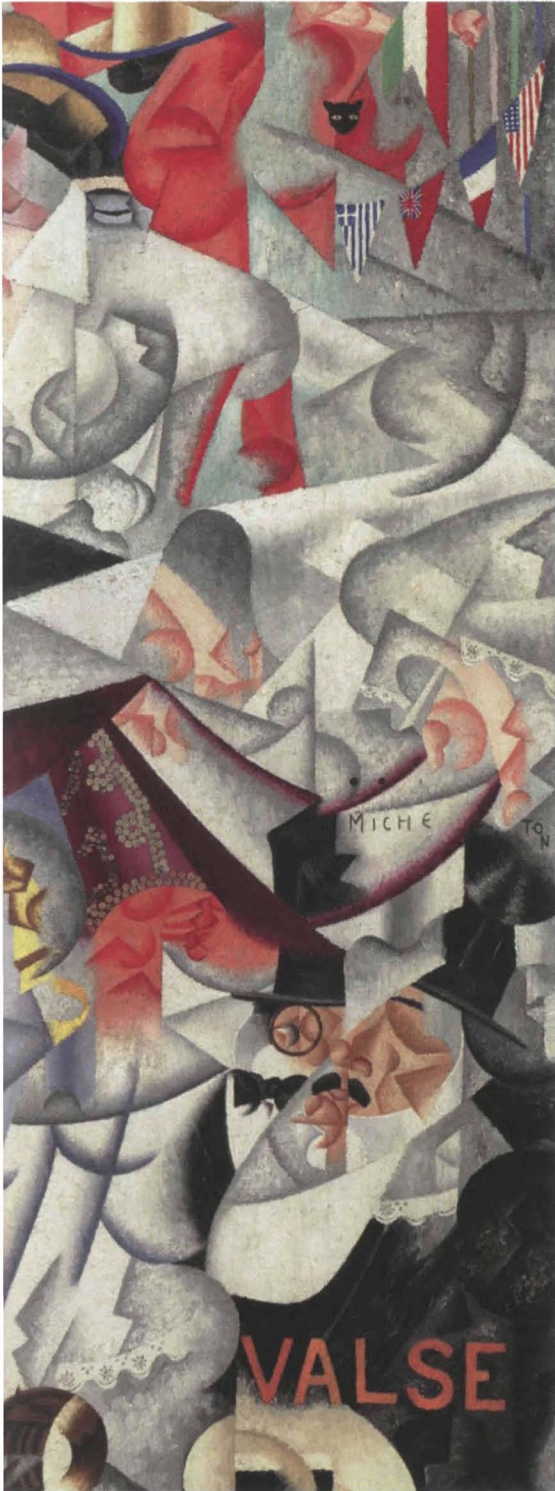
Неоготические альковы, обтянутые настоящими ткаными обоями производства Вильяма Мориса, с нарциссами и тюльпанами, хотя то был не сезон; через тонкие вазы синего стекла виднелись длинные белые бороды корней. Мавританские столики, инкрустированные перламутром, на которых в идеальном порядке были расположены выпуски «Тайм» и «Нью-Йоркер», и один-два разрозненных «Йеллоу бук». Около столиков были расставлены оригинальные пуфы из нейлонового искусственного меха под выдру, под каракульчу, с бахромами из лапок и хвостов. Я рассмотрел даже уголок, стилизованный под тринадцатый век: кованое железо; провансальский сундук с росписью – сценки жизни Святой Мадины среди сардинцев; Святая Маринелла вызывает серебряный дождь в образке с золотым фоном, обрамленным грандиозными кораллами, рядом два донатора, которые, по мнению Фердинанда, напоминали Алкивиада и Талейрана.

Ошеломительная оранжерея за стеклянной стеной, которой обнесен зал для обедов, как бы некоей кулисой. Гигантские кактусы навели на мысль о взбесившихся кустах японского сада, взбунтовавшихся против садовника и съевших садовника. «Это Splendens, это Fulgens, дальше Potens, это Patiens, а это Impatiens, и еще Dolorosa, Lachrimosa, Vergognosa, Semper Fidelis, Parvula, а на Pulcherrima уселся индийский попугай леди Бретт». Сломленные колонны, обломки столпов на насыпной гальке. «Последняя надпись – эпитафия в память великого побоища чарльстона с фокстротом в тысяча девятьсот двадцать восьмом году». В голубой полутьме предметы видятся хрупкими, будто керамика. Белки играют с белыми мышками. В глубине третьего зала в бывшей капелле кардинала Сомерсета – огромный камин, выделанный цветными плитками, самыми яркими, какие только производятся в Вьетри, а перед камином неохватное викторианское шекспировское кресло с гипюровыми накладками и на кресле, с трубкой-носогрейкой в зубах, тряпичная кукла Мыши Джиджо выделки фирмы Ленчи, размером в полметра. «Жаль, что вывезены нынче Ванвители».

(Действительно, пустовало полстены). К нам подходят, встречая, оба хозяина дома, отец Зерматт и отец Клостерс, высокие и улыбчивые, в облаке приятного одеколона, в светлых стриженных волосах. Широкие плечи под сутанами, белейшие воротники. Отец Зерматт – это и есть друг Фердинандо, из двоих он постарше, на пуговицах и обшлагах у него пурпурные канты, свидетельствующие о весьма успешном начале духовной карьеры. Джулио и Фердинандо уже там, они похожи на чертенят, у них очки в оправе из красной и зеленой пластмассы в форме бабочки; им выдавали эти очки вчера в кино, на показе стереоскопического фильма ужасов, «точь-в-точь Грюневальд», и все вместе они выводят нас на открытую террасу, откуда открывается потрясающий вид Портик Октавии и на синагогу, на театр Марцелла и дворцы Mattei, на остров посередине Тибра и на капитолийский холм (на холм мы смотрим все равно снизу вверх).

На террасе многочисленные сидящие, у всех в стаканах яркого цвета напиток (Апероль?), нас подводят представлять прежде всего к кардиналу Сантачечилия, потом к монсеньору Игитур, который тоже американец, потом нас представляют рыхлому тяжеловесному молодому человеку, в общем и целом приветливому, с белыми толстыми клыками: это отец Польди-Пеццоли из Аяччо, заместитель епископа Эфесского и Пергамского, в данный момент пребывающего в отпуске. Кардинал не произносит ни слова, он расслаблен в кресле-шезлонге, будто взятком с палубы трансатлантического теплохода; ему не менее девяноста лет. Мы со всеми едим фисташки, отец Зерматт демонстрирует нам непричесанные победы цинний, роз, львиных зевов и лютиков, «клумбу деревенского священника, куда подсаживают прихожане кто сальвию, кто лютик, нагнись – и в руках букет». «Нагнись, и в руках Кебет!». Это приближается Джулио и видно, что не в первый уж раз рассказывает историю: как он нашел скатанную в трубку в пустом коридоре во дворце Салис, где дети семей Салис и Пепис игравали, бывало, в мяч, «Картину» Кебета Фиванского, еще более безграничную, чем та, о которой все читали... там некий Пояс, но не Ипполитов и не Калликстов, там Громады невиданных обелисков, какие-

то блаженные Избранные, может быть из киников-стоиков, а может быть, из неопифагорейцев, Изгнанные с мистического Бракосочетания дочерей Никодима... с такими маленькими розочками, – возможно речь идет о кремонских Кампи, это братья-художники, к которым безусловно имеет смысл приглядываться, а по возможности – приобретать.

(Пер. Е. Костюкович)

Вислава Шимборска

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

(1972)

О, как много света со всех сторон света!
 Морены, мурены, и мели, и море,
 малинники, марева, зарева, зори –
 куда разложить и расставить всё это?
 И грозы, и громы, гиены, и гены,
 и липы, и лапы – куда я всё дену?
 И клены, и склоны, и стланник, и лани –
 спасибо, меня на такое не станет!
 Куда мне осот, и осоку, и соты –
 такое богатство и столько заботы?
 Как быть мне с сазаном? Что делать с озоном?
 И как разобраться с базальтом, с бизоном?
 Двуопись железа – чего уж дороже,
 а мне – осьминогов и тысяченожек!
 Хоть ценников нет, я знакома с ценою –
 спасибо, я, право, такого не стою!
 Неужто не жалко ни солнца, ни снега,
 чтоб только отвлечь и развлечь человека?
 Я здесь на минутку, на миг, на мгновенье –
 мне просто не хватит вниманья и зренья,
 я всё перепутаю неосторожно,
 цветы растеряю в горячке дорожной.
 Какая безумная – малая – трата:
 листок, лепесток, стебелек узловатый,
 лишь раз во вселенной, вслепую и тленно –
 презрительно тонкий и хрупкий надменно.

(Пер. Л. Цывьян)

Джино Северини
 Динамический иероглиф Бала Табарен, 1912
 Нью-Йорк, Музей современного искусства

18. Перечни в массовой культуре

Поэтика списка пронизывает также многие аспекты массовой культуры, однако цель здесь иная, чем в авангардном искусстве. Вспомним такие знаменитые визуальные секвенции, как парад девушек в перьях, спускающихся по лестнице, из фильма *Безумства Зигфельда*, или серию прыжков в воду и всевозможных русалок из телешоу *Красавицы на воде*, или многочисленные шествия из фильма *Парад в огнях рампы*, или дефилирующих моделей из фильма *Роберта* — и так вплоть до нынешних дефиле высокой моды.

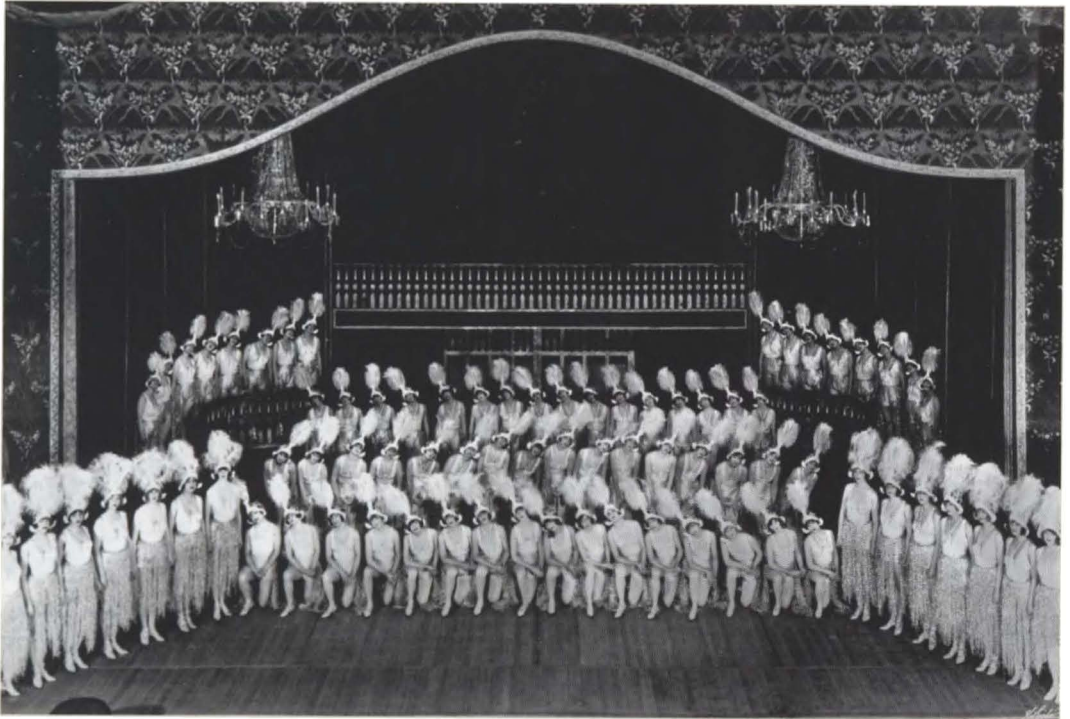
Здесь появление все новых и новых завлекательных прелестниц призвано всего лишь создать ощущение изобилия, удовлетворить гигантоманию, показать не один чудный образ, но много, очень много предоставить в распоряжение потребителя неисчерпаемый запас сладострастных соблазнов. Так в былые времена сильные мира навешивали на себя груды драгоценностей; так в некоторых американских ресторанах можно заплатить при входе, а потом заказывать все, что душе угодно, выбирая из феноменального количества блюд.

Техника перечня не предполагает, что что-то в миропорядке сомнительно; наоборот, эта техника гласит, что доступное всем и каждому изобилие — это верная модель упорядоченного общества. Снабжение клиента списками всевозможных соблазнов присуще обществу, в котором вызрела массовая культура. Маркс в начале *Капитала* пишет: «богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как скопление товаров».

Символических мест такого скопления много: это и витрины, где выставлены ряды предметов, порой чрезмерные, но на самом деле предполагается, что витрина — лишь выборка из того, что можно найти внутри; это и промышленные выставки, где продукции больше, нежели экспонатов в любом музее, однако же самым названием провозглашается, что экспозиция неполна и что число предметов, которые предлагаются, бесконечно. Это и прославленные Вальтером Беньямином «пассажи», которые один парижский путеводитель XIX века определял как «крытые стеклом коридоры со стенами, облицованными мрамором», где «расположились в ряд самые изысканные магазины, что делает подобный пассаж городом и даже миром в миниатюре». Это, наконец, универсальные магазины, некогда прославленные Золя в романе *Дамское счастье* — не что иное, как перечень самого себя. С другой стороны, еще Шпитцер говорил о «базарном духе» в связи с некоторыми перечислениями у Бальзака, по времени совпадающими с открытием в Париже первых универсальных магазинов, как, например, в следующем отрывке из *Набросков и фантазий*:

«Это был совершенно особый дом, удивительная панорама, настоящая галерея лиц, ярмарка облиций, состояний и мнений: женщины обворожительные, женщины просвещенные, женщины невинные, женщины оробевшие, женщины разбогатевшие, женщины кокетливые, актеры, литераторы, ораторы, прозаики, поэты, судьи, адвокаты, дипломаты, академики, менялы, галликанцы, ультрамонтанцы, республиканцы, монархисты, паписты, бонапартисты, хартисты, орлеанисты, анархисты, аллармисты, новеллисты, фельетонисты, памфлетисты, публицисты, журналисты, артисты — все они тут, все трутся друг о друга, сходятся, расходятся, толкаются...»

Некоторые медийные перечни пришли на смену Кунсткамерам и сокровищницам прошлого, стали музеями диковин и чудес, особенно популярными в Соединенных Штатах. Таковы многочисленные экспозиции *Ripley's Believe or not* («Хотите верить, хотите нет», музей, основанный Робертом Рипли), где выставлены

Энди Уорхол
Банки супа Кемпбел, 1962
Нью-Йорк, Музей современного искусства

Раймон Депардон
США. Нью-Йорк, 2006

Дон Жако
Garbo's, 2001
Нью-Йорк, Галерея Луиса К. Мейзела

забальзамированная усохшая голова дикаря с острова Борнео, скрипка, целиком сделанная из спичек, двухголовый теленок, сирена, найденная в 1842 году, гитара, переделанная из французского биде XVIII века, собрание затейливых надгробных камней, пыточная камера в виде Нюрнбергской Девы, статуя факира, прожившего всю жизнь в цепях, китаец с двумя зрачками. Все эти диковины объединяет то обстоятельство, что ни один раритет не является *подлинным*, потому что музеев Рипли много и все они одинаковые. В то же время существует и музей покойного президента США Линдона Джонсона, где хранятся 40 тысяч красных контейнеров со всеми документами, относящимися к его политической деятельности, полмиллиона фотографий, воспоминания о его школьной жизни, фотографии свадебного путешествия, множество фильмов, рассказывающих о заграничных поездках президентской четы, которые постоянно демонстрируются посетителям, восковые фигуры, одетые в свадебные платья дочерей Люси и Линды, реконструкция в натуральную величину Овального зала Белого Дома, красные туфельки балерины Марии Толчиф, партитура с подписью пианиста Вана Клиберна, головной убор из перьев, который был на Кэрол Чэннинг в мюзикле *Hello Dolly!* (экспонаты артистов, выступавших в Белом Доме), подарки от представителей разных государств, индейский головной убор из перьев, портреты, выложенные из спичек, мемориальные доски в форме ковбойской шляпы, салфеточки с вышитым американским флагом, меч, подаренный королем Таиланда, и образцы лунной породы, привезенные астронавтами.

И наконец — царь всех списков мира, Интернет, бесконечный по определению, так как постоянно находится в развитии, самая настоящая паутина, лабиринт, а не аккуратное древо, Интернет, увлекающий в невообразимо мистическую, абсолютно виртуальную упоенность, Интернет, предоставляющий в наше распоряжение каталог информации, от которого мы чувствуем себя богатыми и всесильными, но зато теряем представление о том, что в нем относится к данным реального мира, а что нет, и утрачиваем способность отличать истину от ерунды.

Илья Кабаков
Человек обречен в пространстве
 собственной квартиры,
 из серии *Десять персонажей*, 1985
 Париж, Центр Жоржа Помпиду

19. Списки упоений

И литература, и философия всегда отдавались упоению списков, даже не пытаясь составлять какие бы то ни было перечни: они просто измышляли *хранилища* бесконечных списков или же механизмы *производства* перечней из бесчисленного множества элементов.

Литературная модель — это Вавилонская библиотека Борхеса, беспредельная и цикличная, где бесчисленные тома хранятся в бесконечности комнат и галерей. Вдохновляясь картиной, нарисованной Борхесом, Томас Пейвел в книге *Fictional words* (*Вымышленные слова*, Harvard U. P., 1986) предлагает нам захватывающий мыслительный эксперимент: предположим, что всезнающее существо обладает способностью написать или прочесть Величайшее Творение, содержащее все истинные высказывания как о реальном мире, так и обо всех возможных мирах. Естественно, поскольку о вселенной можно говорить на разных языках и каждый язык характеризует вселенную по-своему, существует Всеобъемлющее Собрание Величайших Творений. Теперь предположим, что Бог поручил нескольким ангелам написать для каждого человека Повседневные Книги, где были бы собраны все соображения (о возможных мирах его желаний и надежд и о реальном мире его поступков), соответствующие какому-нибудь истинному утверждению из одной книги, входящей во Всеобъемлющее Собрание Величайших Творений. Собрание Повседневных Книг каждого человека откроется взору в день Страшного Суда, равно как и собрания Книг, дающих оценку жизни семей, племен и наций.

Однако, трудясь над повседневной книгой, ангел не просто записывает истинные соображения одно за другим — он их связывает, оценивает, систематизирует. А так как в Судный День у каждого человека или социальной группы будет ангел-защитник, защитники переписут для каждого его Повседневные Книги, так что миру явится астрономическое множество новых книг, где те же утверждения будут связаны иначе и по-другому соотношены с утверждениями одного из Величайших Творений.

Поскольку каждое из бесчисленных Величайших Творений содержит в себе бесконечные альтернативные миры, ангелы напишут бесконечное множество Повседневных Книг, куда попадут соображения, истинные в одних мирах и ложные в иных. А если

Хоакин Торрес-Гарсиа
 Нью-Йоркская улица, 1920
 Нью-Хейвен, Коннектикут, Художественная
 галерея Йельского университета

Мария Элена Вейра да Сильва
 Библиотека, 1949
 Париж, Центр Жоржа Помпиду

при этом допустить, что некоторые ангелы по небрежности вставят туда соображения, которые в первичных Величайших Творениях значатся как противоречащие друг другу, получатся серии Сводов, Сборников, Антологий, где будут перемешаны куски из книг разного происхождения, и тогда будет невероятно трудно определить, какие книги содержат правду, а какие — вымысел, и относительно какой первичной книги. Получится астрономическое множество книг, каждая из которых балансирует на грани разных миров, и не исключено, что иной раз мы примем за вымысел рассказ, который другие сочли правдой.

Все это написано Пейвелом для того, чтобы мы осознали, что сами живем в подобном мире, только наши книги написаны не архангелами, а нами самими, от Гомера до Борхеса. Рассказанная Пейвелом притча призвана очень точно отобразить наше отношение к миру утверждений, которые мы привыкли считать истинными. Трепет, с которым мы ощущаем зыбкость границ между вымыслом и реальностью, — тот же, с которым мы воспримем

книги, написанные ангелами. И с тем же трепетом, по идее, мы воспринимаем те книги, где верно описан реальный мир. Одна из особенностей борхесовской Библиотеки заключается в том, что там стоят тома, содержащие все возможные комбинации из 25 букв, так что никакое сочетание букв, не содержащееся в Библиотеке, найти невозможно. Об этом с древности мечтали каббалисты, потому что только бесконечно комбинируя конечное число букв, можно надеяться когда-нибудь воссоздать тайное имя Бога.

В 1622 году Пауль Гульдин в работе *Problema arithmeticum de rerum combinationibus* (Арифметическая задача сочетаний вещей) посчитал, сколько слов можно составить из 23 букв бывшего тогда в ходу алфавита, сочетая их попарно, потом по три и так до составления слов из 23 букв, без учета повторений и невзирая на то, есть ли у получившихся слов какой-то смысл и можно ли их произнести. Получилось более 70 тысяч миллиардов миллиардов слов, для написания которых понадобятся более миллиона миллиардов миллиардов букв. Если записать все эти слова в тетрадах в тысячу страниц по 100 строк на странице и 60 знаков в строке, потребуется 257 миллионов миллиардов подобных тетрадей; а если разместить их в библиотеке, располагая кубическими помещениями со стороной 432 фута, каждое из которых вмещает 32 миллиона томов, понадобится 8 052 122 350 таких библиотек. И в каком же тридевятом царстве поместятся столько зданий? Если принять в расчет всю земную поверхность, на нашей планете есть место только для 7 575 213 799 библиотек!

То же увлечение комбинаторикой побудило Марена Мерсенна (*Harmonie universelle — Универсальная гармония*, 1636) рассмотреть не только пригодные к произнесению слова французского, греческого, древнееврейского, арабского, китайского и любого другого возможного языка, но и все мыслимые музыкальные секвенции на этих языках. Как утверждает Мерсенн, чтобы записать все возможные песнопения, потребовались бы кипы бумаги выше, чем расстояние от земли до неба; и если бы каждый лист содержал 720 песнопений, из 22 нот каждое, а каждая кипа была бы ужата так тонко, чтобы не превышать толщиной дюйма, и учитывая, что из 22 нот можно составить более 12 тысяч миллиардов миллиардов песнопений, и поделив это число на 362 880 песнопений, которые могут быть ужаты в стопку, получим шестнадцатизначное число, между тем как число дюймов, отделяющих центр земли от звезд, исчисляется числом всего лишь четырнадцатизначным. А если попытаться записывать все эти песнопения по тысяче штук в день, потребуются почти 23 тысячи миллионов лет.

Сальвадор Дали
Пятьдесят абстрактных образов, которые при разглядывании
с расстояния в два ярда превращаются в трех Лениных,
переодетых китайцами, а с расстояния в шесть ярдов выглядят,
как голова тигра, 1962
Фигерас, Фонд Гала-Сальвадор Дали

Алиджеро Боецци
Без названия, 1987
Кассель, Музей Хессен Кассель,
Новая галерея

Вопросом о том, каково максимальное число истинных, ложных и даже вовсе не имеющих смысла фраз, которые можно сформулировать, используя конечный алфавит из 24 букв, задавался и Лейбниц в своем небольшом сочинении под названием *Horizon de la doctrine humaine* (*Горизонт человеческой доктрины*). Учитывая, что бывают слова из 31 буквы (примеры Лейбниц находит в греческом и латыни), алфавит позволяет произвести 24^{32} таких слов. А какова может быть длина фразы? Поскольку представимы фразы длиной в целую книгу, число фраз, истинных или ложных, которые человек может прочесть за жизнь, если читать по 100 страниц в день, в каждой странице по тысяче букв, составит 3 650 000 000. И даже если этот человек проживет тысячу лет, «самая длинная фраза, или же самая большая книга, которую может прочесть человек, все равно составит 3 650 000 000 [букв], а все истинные и ложные фразы, все излагаемые, вернее, читаемые периоды, произносимые или произносимые, наделенные смыслом или нет, в сумме дадут $24^{365\,000\,000\,000} - 24/23$ [буквы]».

Все это фантазии, где математика соседствует с метафизикой. Однако современная литература попыталась извлечь из этих комбинаторных возможностей реальные перечни или же предложить сделать это читателю. Примером могут служить *Сто тысяч миллиардов стихотворений* Ремона Кено (Париж, Gallimard, 1961) — книга, страницы которой разделены на горизонтальные полосы, и, листая их, можно по-разному сопоставлять 14 строк сонета, так что в результате можно получить 100 тысяч миллиардов стихотворений... Автор уточняет, что всего текстов может быть 10^{14} (то есть конечное число), однако, если читать по 24 часа в сутки, на то чтобы осилить всю книгу, понадобится 200 миллионов лет.

20. От списков практических к спискам поэтическим — и обратно

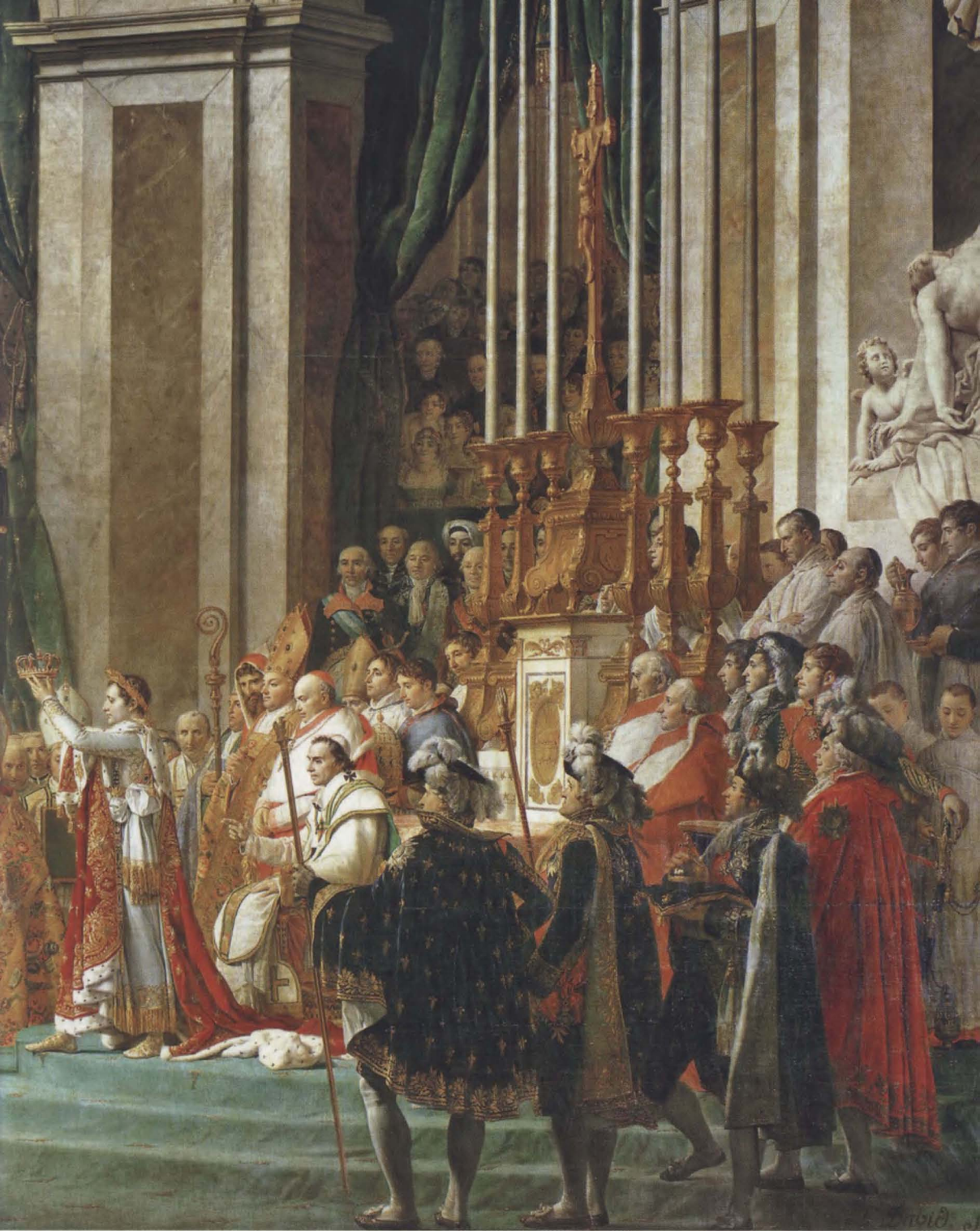
Неодолимая тяга к перечислению часто побуждает нас читать практические списки так, словно это списки поэтические — и в самом деле, часто отличие между поэтическим и практическим списком всецело определяется нашим к нему подходом.

Поэтический список может быть прочитан как практический. Возьмем к примеру борхесовский список животных: на экзамене по латиноамериканской литературе он превращается в практический список животных, который надо выучить, чтобы правильно цитировать текст Борхеса. Точно так же практический список можно прочесть как поэтический: многим такая последовательность (Бачигалупо, Балларин, Марозо, Грецар или Мартелли, Ригамонти, Кастильяно, Менти, Лоик, Габетто, Маццола, Оссола) покажется просто мешаниной имен, другие воспримут ее как практический список игроков футбольной команды Торино на момент ее гибели в авиакатастрофе в 1949 году; однако для множества безутешных болельщиков она превратилась в поэтический список, своего рода мантру для благоговейного произнесения.

Было замечено (Клаудио Паолуччи в частной беседе), что на список животных Борхеса весьма похожи еще два списка. В первом перечисляются: домашние животные с более или менее густой шерстью, стопорные зубцы различных механических устройств, кривые погони, в которых точка М движется с постоянной скалярной скоростью к точке Р, приспособления, ударяющие

Жак-Луи Давид
Коронование императора Наполеона I и императрицы Жозефины
в соборе Парижской Богоматери 2 декабря 1806 г., 1808
Париж, Лувр

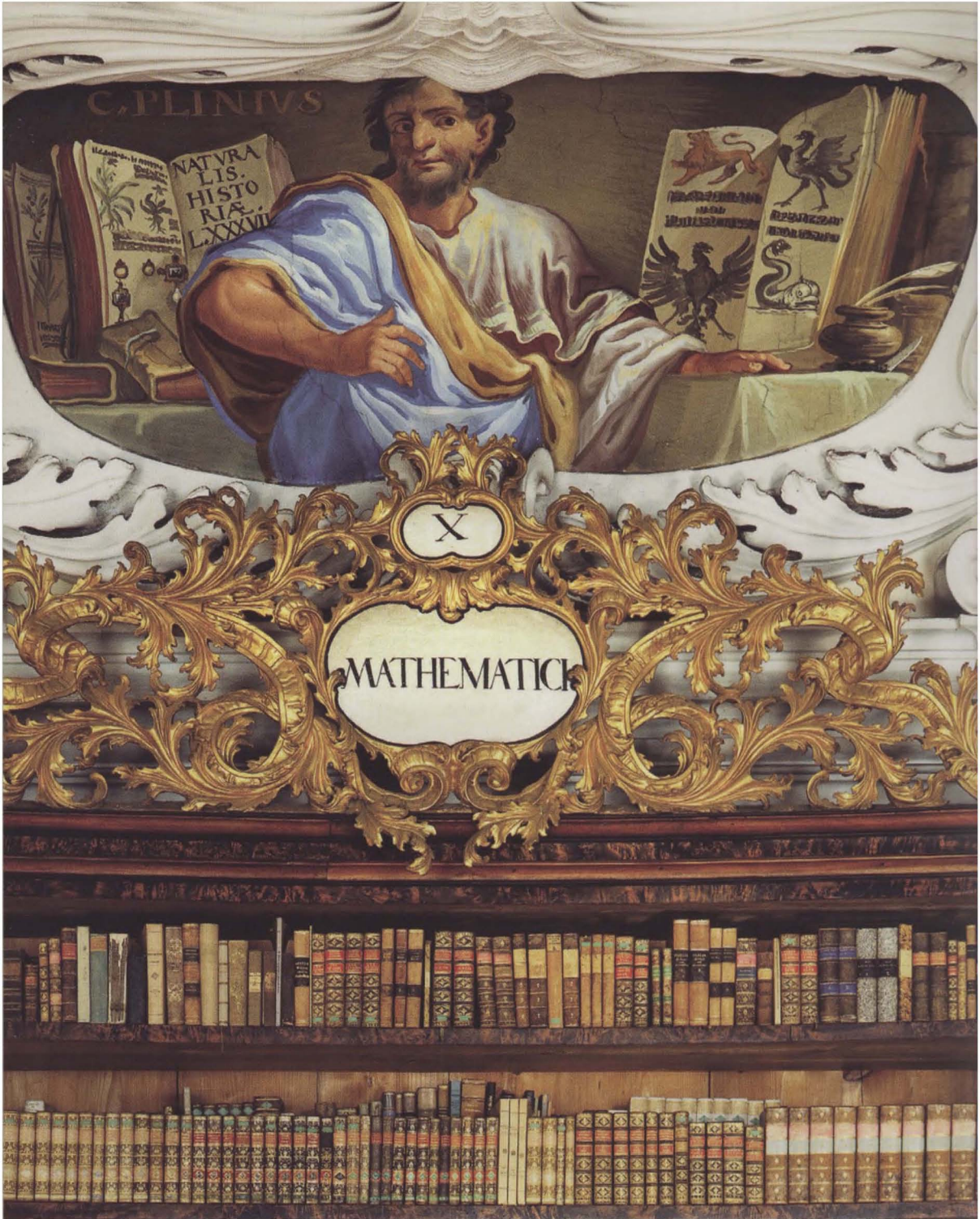
по капсюлю, обеспечивая выстрел из компактного огнестрельного оружия, созвездия, расположенные поблизости от Ориона, варианты тюрксто-монгольского слова *хан*, защелки. Во втором собраны переплетения одного или нескольких концов веревки, узы между двумя людьми, части механизма, представляющие собой соединение тесно взаимосвязанных деталей, затруднения, двойные точки, в которых ветви плоской кривой пересекаются и имеют несовпадающие касательные, запутанные стечения обстоятельств, болезненные или безболезненные локальные образования, отличающиеся по своей природе от окружающих тканей, ключевые моменты аргументации, группы клеток бластоцисты, места схождения горных хребтов, меры скорости корабля или летательного аппарата, точки пересечения орбиты планеты с эклиптической, участки стебля, от которых развиваются новые побеги. Так вот, если заглянуть в словарь, выяснится, что в первом случае собраны все возможные значения итальянского слова *cape* (в русском: *собака, собачка, пес*), а во втором — все возможные значения слова *nodo* (*узел*).

Ресторанное меню — это список практический. Однако в книге о кулинарном искусстве список разнообразных меню наиболее известных ресторанов уже воспринимается как поэтический. Точно так же можно мечтать о богатстве экзотической кухни, читая (не выбирая, что бы заказать, а именно читая из эстетических соображений) меню китайского ресторана, где на многих страницах предлагаются только номера блюд.

Вряд ли, работая над полотном *Брак в Кане Галилейской*, Веронезе намеревался изобразить реальных участников события (учитывая, что соответствующими сведениями он не располагал), но зато Давид наверняка представил на картине *Коронация Наполеона I* всех, кто, по его разумению, присутствовал в тот день на церемонии; впрочем, это не мешает нам при виде такого количества персонажей (и не очень понимая, как их всех сосчитать) испытывать легкое головокружение от множественности, которая вполне может оказаться не исчерпывающей.

Читать практический список как поэтический и наоборот возможно и в литературе. Вспомним, с каким размахом описывает Конвент Гюго в романе *Девяносто третий год*. Автор хотел передать титанические (в идейном и нравственном смысле) масштабы Революции через физическую грандиозность ее учредительного

Воображаемый портрет Гая Плиния Второго
Библиотека бенедиктинского монастыря Кремсмюнстера,
1684–1692

собрания. Не исключено, что это описание, растянувшееся на многие страницы, может служить практическим списком; и все же нельзя не заметить, что отрывок этот оставляет ощущение незавершенности, словно несколько сотен приведенных имен — это всего лишь небольшой пример, призванный дать представление о безбрежной стихии, захлестнувшей Францию в тот роковой год. Но самый красноречивый пример — это каталоги больших библиотек, вроде Национальной библиотеки Франции или Библиотеки Конгресса Вашингтона: разумеется, назначение их чисто практическое, однако если какой-нибудь библиофил попытается прочесть все названия книг, бормоча их как заклинание, он окажется в том же положении, что и Гомер со своими воинами. Во всяком случае, так происходит, когда читаешь каталог произведений Теофраста, составленный **Диогеном Лаэртским** (*Жизнь Теофраста*, 42–50), где названия всех этих в большинстве своем утраченных сочинений воспринимаются уже не как список трудов, но как некое заклинание. Возможно, именно о таких беспредельных перечнях думал **Рабле**, сочиняя список книг, хранящихся в Сен-Викторском аббатстве, — список на вид практический, но все-таки поэтический, поскольку книг этих не существует и к тому же — непонятно, то ли от несуразности названий, то ли от размаха перечня — у читателя появляется ощущение, что он заглядывает в бездонную бездну человеческой глупости. Смакованием списков книг увлекались многие писатели, от **Сервантеса** до **Гюисманса** и **Кальвино**, да впрочем, ни для кого не секрет, что библиофил читает каталоги букинистических магазинов (несомненно, задуманные как практические списки), словно это рассказы о сказочной стране, где сбываются желания, и получает от этого не меньше удовольствия, чем читатель Жюль Верна, наслаждающийся исследованием безмолвных глубин океанов или встречами со страшными морскими чудовищами. Известный ценитель старинной книги Марио Прац в тексте, предназначенном для Каталога 15 Книжной лавки Литературной Ярмарки 1931 года, отметил, что библиофил читает каталоги букинистов с наслаждением, как детективы. «Смею вас уверить, — писал он, — что никакое чтение не имело действия столь быстрого и столь проникновенного, как чтение интересного каталога». Правда, сразу же вслед за этим он показывает, как быстро и проникновенно может воздействовать и чтение неинтересного каталога.

Диоген Лаэртский (180–240)**КНИГИ ФЕОФРАСТА***Из книги Жизнь Феофраста*

Он тоже оставил великое множество книг, которые я счел за нужное здесь перечислить, ибо они полны всяческих достоинств. Вот они: «Аналитика первая» — 3 книги, «Аналитика вторая» — 7 книг, «Об анализе силлогизмов», «Обзор аналитик», «Упорядоченная топики» — 2 книги, «О споре, или Рассмотрение доводов в прении», «О чувствах», «Возражение на Анаксагора», «Об Анаксагоре», «Об Анаксимене», «Об Архелее», «О соли, молоке и квасцах», «Об окаменелостях» — 2 книги, «О неделимых линиях», «Беседы» — 2 книги, «О ветрах», «Различия добродетелей», «О царской власти», «О воспитании царя», «Об образах жизни» — 3 книги, «О старости», «О Демокритовой астрономии», «О метеорологии», «Об образах», «О соках, красках и мясе», «О миростроении», «О людях», «Диогеновский сборник», «Определения» — 3 книги, «О любви», «Еще о любви», «О счастье», «О видах» — 2 книги, «О припадочной болезни», «О вдохновении», «Об Эмпедокле», «Сжатые умозаключения» — 18 книг, «Возражения» — 3 книги, «О добровольном», «Обзор Платонова «Государства» — 2 книги, «О разнице голосов у животных одной породы», «О совокупных явлениях», «О животных, которые кусаются и брыкаются», «О так называемых завистливых животных», «О животных, пребывающих на суше», «О животных, меняющих цвет», «О животных, обитающих в норах», «О животных» — 7 книг, «О наслаждении по Аристотелю», «Еще о наслаждении», «Положения» — 24 книги, «О тепле и холоде», «О головокружении и помрачении», «О поте», «Об утверждении и отрицании», «Каллисфен, или О страдании», «Об усталости», «О движении» — 3 книги, «О камнях», «О моровых болезнях», «О малодушии», «Мегарик», «О меланхолии», «О металлах» — 2 книги, «О меде», «О Метродоровом сборнике», «К метеорологии» — 2 книги, «О пьянстве», «Законы в азбучном порядке» — 24 книги, «Обзор законов» — 10 книг, «К определениям», «О запахах», «О вине и масле», «Первые предпосылки» — 18 книг, «Законодатели» — 3 книги, «Политики» — 6 книг, «Политические

обстоятельства» — 4 книги, «Политические обычаи» — 4 книги, «О наилучшем государственном устройстве», «Сборник вопросов» — 5 книг, «О пословицах», «О замерзании и таянии», «Об огне» — 2 книги, «О дыханиях», «Об оцепенении», «Об удушье», «О повреждении ума», «О страстях», «О знаках», «Софизмы» — 2 книги, «О разрешении силлогизмов», «Топика» в 2 книгах, «О наказании» в 2 книгах, «О волосах», «О тирании», «О воде» — 3 книги, «О сне и сновидениях», «О приязни» — 3 книги, «О честолюбии» — 2 книги, «О природе» — 3 книги, «О физике» — 18 книг, «Обзор о физике» — 2 книги, «Физика» — 8 книг, «Возражение физикам», «Об истории растений» — 10 книг, «Причины растений» — 8 книг, «О соках» — 5 книг, «О ложном наслаждении», «Положение о душе», «О сторонних доказательствах», «О простых сомнительных случаях», «Гармоника», «О добродетели», «Исходные движения или противоположности», «Об отрицании», «О знании», «О смешном», «Вечерние вопросы» — 2 книги, «Разделения» — 2 книги, «О различиях», «О преступлениях», «О клевете», «О похвале», «Об опыте», «Письма» — 3 книги, «О самозарождающихся животных», «О выделении», «Похвальные слова богам», «О праздниках», «Об удаче», «Об энтимемах», «Об изобретениях» — 2 книги, «Этические досуги», «Этические очерки», «О беспорядке», «Об истории», «Об оценке силлогизмов», «О лести», «О мире», «К Кассандру о царской власти», «О комедии» («О мерах»), «О слоге», «Сборник доводов», «Разрешения», «О музыке» — 3 книги, «О мерах», «Мегакл», «О законах», «О беззакониях», «Ксенократовский сборник», «К разговору», «О присяге», «Риторические наставления», «О богатстве», «О поэтике», «Вопросы политические, этические, физические, любовные», «Вступления», «Сборник вопросов», «О физических вопросах», «О примере», «О приступе и повествовании», «Еще о поэтике», «О мудрецах», «О совете», «О погрешностях языка», «Об ораторском искусстве», «Виды ораторских искусств» — 17 книг, «О лицедействе», «Записки Аристотелевы или Феофрастовы» — 6 книг, «Мнения физиков» — 16 книг, «Обзор мнений физиков», «О благости» («Нравственные очерки»), «Об истине и лжи», «Разыскания о божественном» — 6 книг, «О богах» — 3 книги, «Геомет-

рические разыскания» — 4 книги, «Обзор сочинения Аристотеля «О животных» — 6 книг, «Сжатые умозаключения» — 2 книги, «Положения» — 3 книги, «О царской власти» — 2 книги, «О причинах», «О Демокрите» («О клевете»), «О становлении», «О разумении и нраве животных», «О движении» — 2 книги, «О зрении» — 4 книги, «К определениям» — 2 книги, «О данности», «О большем и меньшем», «О музыкантах», «О счастье богов», «Возражение академикам», «Поощрение», «О наилучшем управлении государствами», «Записки», «О сицилийском извержении», «Об общепризнанном» («О физических вопросах»), «Какие есть способы познания», «О лжеце» — 3 книги,

«Введение в топику», «К Эсхилу», «Астрономические разыскания» — 6 книг, «Арифметические разыскания об увеличении», «Акихар», «О судебных речах» («О клевете»), «Письма к Астикреонту, к Фанию, к Никанору», «О благочестии», «Евиад», «О благоприятном времени», «Об уместных доводах», «О воспитании детей», «Другое различие», «О воспитании, или О добродетелях и умеренности» («Поощрение»), «О числах», «Определения к изложению силлогизмов», «О небе», «О политике» — 2 книги, «О природе», «О плодах», «О животных».

(Пер. М. Гаспарова)

Франсуа Рабле

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ, II, 7
(1564)

*О том, как Пантагрюэль прибыл в Париж,
и о прекрасных книгах, находящихся в библиотеке
монастыря св. Виктора*

Получив в Орлеане отличное образование, Пантагрюэль задумал посетить еще великий университет Парижский. Однако ж перед самым отъездом он получил сведения, что назад тому двести четырнадцать лет с колокольни орлеанской церкви во имя св. Агнияна упал громадный и огромный колокол и никакие приспособления не могли сдвинуть его с места, — такой он был тяжелый, — хотя для этого применялись все средства, какие указывают Витрувий в *De architectura*, Альберта в *De re aedificatoria*, Эвклид, Феон, Архимед и Герои в *De ingeniis*; все было напрасно. Пантагрюэль милостиво согласился исполнить смиренную просьбу граждан и жителей означенного города и порешил поднять колокол на колокольню. И точно: он приблизился к лежавшему на земле колоколу и с такою легкостью поднял его мизинцем, с какою вы бы подняли бубенчик. Однако ж, прежде чем поднять его на колокольню, Пантагрюэль вздумал задать утреннюю серенаду и, позванивая в колокол, пронес его по всем улицам, отчего сердца горожан преисполнились бурного веселья; кончилось же это весьма скверно, ибо, пока он нес на руке колокол и звонил, доброе орлеанское вино все как есть испортилось и скислось. Народ понял это только вечером, ибо от прокисшего вина орлеанцам стало дурно и всех их выворотило наизнанку.

— Это все от Пантагрюэля, — говорили они. — У нас во рту соленый вкус. Вскоре после этого Пантагрюэль со своими спутниками прибыл в Париж, и навстречу ему выбежал весь народ, — вы же знаете, что парижане глупы от природы, глупы во всех ключах и во всех тональностях, и они смотрели на Пантагрюэля в великом смущении и отнюдь не без страха: они опасались, как бы он не уволок здание суда в какое-нибудь захолустье, — утащил же его отец колокола с Собора Богоматери и повесил же он их на шею своей кобыле!

Пробыв здесь некоторое время и оказав изрядные успехи во всех семи свободных науках, Пантагрюэль утверждал, что в этом городе хорошо жить, а умирать плохо, оттого что бродяги на кладбище Невинноубиенных младенцев греют себе зад костями мертвецов. О библиотеке же св. Виктора он был чрезвычайно высокого мнения, в частности о книгах, список коих мы прилагаем, и primo:

Bigua salutis,
Bragueta juris,
Pantofla Decretorum,
Malogranalum vitiorum,
Клубок теологии,
Метелка проповедника, сочинение Дармоеда,
Слоновьи яички для отважных,
Отрава для епископов,
Marmotretus, De baboinis et cingis, cum commento
Dorbellis,
Decretum universitatis Parisiensis super gorgiasitate
muliercularum ad placitum,
Явление святой Гертруды инокине Пуассийского
монастыря, в то время как та производила на свет,
Ars honeste pettandi in societate, per M. Ortuinum,
Горчичник покаяния,
Гамаши, alias,
Башмаки терпения,
Formicarium artium,
De brodiorum usu et honestate chopinandi, per
Silvestrem Prieratem, Jacospinum,
Судейское головокруженье,
Корзинка нотариусов,
Звено, связующее состоящих в браке,
Гнездо созерцания,
Пустозвонство законников,
Побудительная сила вина,
Сила, притягивающая к сыру,
Qecrotatorium scholarium,
Tartaretus, De modo cacandi,
Римские парады,
Брико, De differentiis soupparum,
Хлестание по задику,
Шлепание подошвою по ягодицам смиренных,
Треножник благомыслия,
Чан великодушия,
Крючки на удочках духовников,
Щелкание приходскими священниками друг друга
по носу,
Reverendi Patris Fratrис Lubini, Provincialis Bavardiae,
De croquendis lardonibus libri tres,
Pasquili, Doctoris marmorei, De capreolis cum
chardoneta comedendis, tempore Papali ab Ecclesia
interdicto,
Обретение креста господня, на шесть действующих
лиц, разыгранное продувными бестиями,

Окуляры поримупаломничающих,
 Majoris, De modo faciendi boudinos,
 Прелатская волянка,
 Беда, De optimitate triparum,
 Жалоба адвокатов на реформы в области
 подношений,
 Бумагомаранье поверенных,
 Горох в сале, cum commento,
 Доходец от индульгенций,
 Praeclarissimi juris utriusque Doctoris Maistre Pilloli
 Raquedenari, De bobelinandis glosse Accursiane
 baguenaudis, Repetito enucidiluculidissima,
 Stratagemala Francarchieri Баньоле,
 Franctopinus, De re militari, cum figuris Tevoti,
 De usu el utilitate escorchandi equos et equas,
 auctore M. nostro de Quebecu,
 Неотесанность попикиов,
 M. n. Rostocostojambedanesse, De moustarda post
 prandium servienda, lib. quatuordecim, apostilati per
 M. Vaurillonis,
 Мзда брачащихся поповским сожителям,
 Quaestio subtilissima, utrum Chimera in vacua
 bombinam possit comedere secundas intentiones,
 et fuit debaluta per decem hebdomadas in concilio
 Constantiensi,
 Адвокатская алчность,
 Barbouilamenta Scoti,
 О летучемышеподобных париках у кардиналов,
 De. calcaribus removendis decades undecim, per
 M. Albericum de Rosata,
 Ejusdem, De castrametandis crinibus, lib. tres,
 Вторжение Антонио де Лейвы в земли Бразильские,
 Marforii bacalarii cubantis Rome, De pelendis
 mascarendisque Cardinalium muhs,
 Ответ тем, кто утверждает, что папский мул пита-
 ется в строго определенные часы,
 Предсказание, que incipit Silvi Triquebille, balata ppr
 m. n. Songecruyson,
 Boudarini episcopi, De emulgentiarum profectibus
 enneadei novem, cum privilegio papali ad triennium,
 et postea non,
 Шашни девиц,
 Облысение зада у вдовиц,
 Монашеский капюшон,
 Особый способ бормотания молитв у братьев це-
 лестинцев,
 Перевозная пошлина, вымогаемая, то бишь взима-
 емая, нищенствующими монашескими орденами,
 Зубостучание у голытьбы,
 Богословская мышеловка,
 Узость некоего отверстия у магистров наук,
 Оккамовы поварята с малой тонзурой,
 Magistri n. Fripesaulceti, De grabellationibus
 horarum canonicarum, lib. quadraginta,
 Cullebutatorium confratriarum, incerto auctore,
 Шляпы братьев прожорлицев,

Испанский Пропотелио, запояззаткнутый братом
 Иньиго,
 Глистогонное средство для кухонных мужиков,
 Poiltronismus rerit Italicarum, auctore magistro
 Брюльфера,
 R. Lullius, De batisfolagiis Principium,
 Callibistratorium caffardiae, auctore M. Jacobo
 Hocstratem, hereticometra,
 Ерник, De magistro nostrandorum magistro
 nostratorumque beavetis lib. octo galantissimi,
 Испускание ветров буллитами, копиистами,
 скрипторами, аббревиаторами, референдариями
 и датариями в описании Региса,
 Постоянный альманах для подагриков и венериков,
 Maneries ramonandiournellos, per M. Eccium.
 Плутни купцов,
 Удобрства монашеской жизни,
 Рагу из святош,
 История алых духов,
 Побирущничанье отставных служивых,
 Неуклюжие увертки официалов,
 Золотые россыпи казначеев,
 Badinatorium sophistarum,
 Antipericatamelanaparbeugedamphicibrationes
 merdicantium,
 Улитка рифмачей,
 Опыты алхимериков,
 Прodelки сборщиков лепты на монастыри, по кро-
 хам собранные братом Серратисом,
 Оковы религии,
 Раскачивание звонарями собственных бил,
 Подлокотник старости,
 Намордник для дворянства,
 Бормотание молитв себе под нос,
 Цепи набожности,
 Котелок для всех четырех времен года,
 Ступка политической жизни,
 Опахало затворников,
 Капюшон исповедников,
 Трик-трак братьев распутников,
 Lourdaudus, De vita et honestate braguardorum,
 Lyripipii Sorbonici moralisationes,
 per M. Lupoldum,
 Обьедки — пища странников,
 Винные пластыри для жаждущих архипастырей,
 Tarraballationes Doctorum Coloniensium adversus
 Reuchlin,
 Погремушечки для дам,
 Мартингал для страдающих поносом,
 Virevoustatorum nasquettorum, per F. Pedebilletis,
 Подошвы чистосердечия,
 Маскарад чертенят и бесенят,
 Жерсон, De anferibilitate papae ab Ecclesia,
 Санки для получивших ученую степень,
 Jo. Dytebrodii, De terribilitate excommunicationum,
 libellus acephalos,

Фабрика игральных карт в доме на площади
Дофин, ок. 1680
Париж, Музей Карнавале

Ingeniositas invocandi diabolos et diabolus, per
 M. Cuingolfum,
 Месиво для особо усердных молитвенников,
 Мавританский танец для еретиков,
 Кайетановы костыли,
 Свинорыл, Doctoris cherubici, De origine
 patepelutarum et torticollorum ritibus lib. septem,
 Шестьдесят девять расперепросаленных служеб-
 ников,
 Толстопузие пяти нищенствующих орденов,
 Сдирание кожи с еретиков, извлеченное из «Ры-
 жего сапога», втиснутого в Summa angelica,
 Гадания о трудных случаях вопросов совести,
 Толстобрюшество председателей судов,
 Ослоумие аббатов,
 Sutoris, Adversus querndam, qui vocaverat eum
 fripponatoreм et quod fripponatores non sunt
 damnati ob Ecclesia,
 Cacatorium medicorum,
 Астрологическое слабительное,
 Campi clysteriorum, per S. C.,
 Ветроизгнание по способу фармацевтов,
 Взадукопание по способу хирургов,
 Justinianus, De cagotis tollendis,
 Antidotarium animae,
 Merlinus Coccaius, De patria diabolorum.
 Некоторые из этих книг уже отпечатаны, а некото-
 рые еще печатаются в славном городе Тюбингене.

(Пер. Н. Любимова)

Мигель де Сервантес

ДОН КИХОТ, VI

(1615)

*О тщательнейшем и забавном осмотре, который
 священник и цирюльник произвели в книгохрани-
 лище хитроумного нашего идальго*

Тот все еще спал. Священник попросил у пле-
 мянницы ключ от комнаты, где находились эти
 зловредные книги, и она с превеликою готов-
 ностью исполнила его просьбу; когда же все
 вошли туда, в том числе и ключница, то обна-
 ружили более ста больших книг в весьма доб-
 ротных переплетах, а также другие книги, ме-
 нее внушительных размеров, и ключница,
 окинув их взглядом, опрометью выбежала
 из комнаты, но тотчас же вернулась с чашкой
 святой воды и с кропилом.

— Пожалуйста, ваша милость, сеньор лицен-
 циат, окропите комнату, — сказала она, —
 а то еще кто-нибудь из волшебников, которые
 прячутся в этих книгах, заколдует нас в отмест-
 ку за то, что мы собираемся сжить их всех
 со свету.

Посмеялся лиценциат простодушию ключницы
 и предложил цирюльнику такой порядок: ци-
 рюльник будет передавать ему эти книги по од-
 ной, а он-де займется их осмотром, — может
 статься, некоторые из них и не повинны смерти.
 — Нет, — возразила племянница, — ни одна
 из них не заслуживает прощения, все они при-
 чинили нам зло. Их надобно выбросить в ок-
 но, сложить в кучу и поджечь. А еще лучше от-
 нести на скотный двор и там сложить из них
 костер, тогда и дым не будет нас беспокоить.
 Ключница к ней присоединилась, — обе они
 страстно желали погибели этих невинных
 страдальцев; однако ж священник настоял
 на том, чтобы сперва читать хотя бы заглавия.
 И первое, что вручил ему маэсе Николас, это
 Амадиса Галльского в четырех частях.

— В этом есть нечто знаменательное, — сказал
 священник, — сколько мне известно, перед на-
 ми первый рыцарский роман, вышедший из
 печати в Испании, и от него берут начало и ве-
 дут свое происхождение все остальные, а по-
 тому, мне кажется, как основоположника сей
 богопротивной ереси, должны мы без всякого
 сожаления предать его огню.

— Нет, сеньор, — возразил цирюльник, — я слышал другое: говорят, что это лучшая из книг, кем-либо в этом роде сочиненных, а потому, в виде особого исключения, должно его помиловать.

— Ваша правда, — согласился священник, — примем это в соображение и временно даруем ему жизнь. Посмотрим теперь, кто там стоит рядом с ним.

— Подвиги Эспландиана, законного сына Амадиса Галльского, — возгласил цирюльник.

— Справедливость требует заметить, что заслуги отца на сына не распространяются, — сказал священник. — Нате, сеньора домоправительница, откройте окно и выбросьте его,

пусть он положит начало гряде книг, из которых мы устроим костер.

Ключница с особым удовольствием привела это в исполнение: добрый Эспландиан полетел во двор и там весьма терпеливо стал дожидаться грозившей ему казни.

— Дальше, — сказал священник.

— За ним идет Амадис Греческий, — сказал цирюльник, — да, по-моему, в этом ряду одни лишь Амадисовы родичи и стоят.

— Вот мы их всех сейчас и выбросим во двор, — сказал священник. — Только за то, чтобы иметь удовольствие сжечь королеву Пинтикинестру, пастушка Даринеля с его эклогами и всю эту хитросплетенную чертовщину, какую

Гюстав Доре
Иллюстрация к роману Мигеля Сервантеса
Дон Кихот, XIX в.

На с. 386:

Бенедетто и Джулиано да Майяно (мастерская)
Кабинет герцога Федерико да Монтефельтро: резной книжный шкаф с приоткрытыми дверцами, где помимо книг можно видеть клепсидру и подсвечник, XV в.
Урбино, Палаццо дукале, кабинет Федерико да Монтефельтро

развел здесь автор, я и собственного родителя не постеснялся бы сжечь, если бы только он принял образ странствующего рыцаря.

— И я того же мнения, — сказал цирюльник.

— И я, — сказала племянница.

— А коли так, — сказала ключница, — давайте их сюда, я их прямо во двор.

Ей дали изрядное количество книг, и она, щадя, как видно, лестницу, побросала их в окно. — А это еще что за толстяк? — спросил священник.

— Дон Оливант Лаврский, — отвечал цирюльник.

— Эту книгу сочинил автор Цветочного сада, — сказал священник. — Откровенно говоря, я не сумел бы определить, какая из них более правдива или, вернее, менее лжива. Одно могу сказать: книга дерзкая и нелепая, а потому — в окно ее.

— Следующий — Флорисмарт Гирканский, — объявил цирюльник.

— А, и сеньор Флорисмарт здесь? — воскликнул священник. — Бьюсь об заклад, что он тоже мгновенно очутится на дворе, несмотря на чрезвычайные обстоятельства, при которых он произошел на свет, и на громкие его дела. Он написан таким тяжелым и сухим языком, что ничего иного и не заслуживает. Во двор его, сеньора домоправительница, и еще вот этого заодно.

— Охотно, государь мой, — молвила ключница, с великою радостью исполнявшая все, что ей приказывали.

— Это Рыцарь Платир, — объявил цирюльник.

— Старинный роман, — заметил священник, — однако ж я не вижу причины, по которой он заслуживал бы снисхождения. Без всяких разговоров препроводите его туда же.

Как сказано, так и сделано. Раскрыли еще одну книгу, под заглавием Рыцарь Креста.

— Ради такого душеспасительного заглавия можно было бы простить автору его невежество. С другой стороны, недаром же говорится: «За крестом стоит сам дьявол». В огонь его! Цирюльник достал с полки еще один том и сказал:

— Это Зерцало рыцарства.

— Знаю я сию почтенную книгу, — сказал священник. — В ней действуют сеньор Ринальд Монтальванский со своими друзьями-приятелями, жуликами почище самого Кака, и Две-

надцать Пэров Франции вместе с их правдивым летописцем Турпином. Впрочем, откровенно говоря, я отправил бы их на вечное поселение — и только, хотя бы потому, что они причастны к замыслу знаменитого Маттео Боярдо, сочинение же Боярдо, в свою очередь, послужило канвой для Лудовико Ариосто, поэта, проникнутого истинно христианским чувством, и вот если мне попадется здесь Ариосто и если при этом обнаружится, что он говорит не на своем родном, а на чужом языке, то я не почувствую к нему никакого уважения, если же на своем, то я возложу его себе на голову.

— У меня он есть по-итальянски, — сказал цирюльник, — но я его не понимаю.

— И хорошо, что не понимаете, — заметил священник, — мы бы и сеньору военачальнику это простили, лишь бы он не переносил Ариосто в Испанию и не делал из него кастильца: ведь через то он лишил его многих природных достоинств, как это случается со всеми, кто берется переводить поэтические произведения, ибо самому добросовестному и самому искусному переводчику никогда не подняться на такую высоту, какой достигают они в первоначальном своем виде. Словом, я хочу сказать, что эту книгу вместе с прочими досужими вымыслами французских сочинителей следует бросить на дно высохшего колодца, и пусть они там и лежат, пока мы, по зрелом размышлении, не придумаем, как с ними поступить; я бы только не помиловал Бернардо дель Карпью, который, уж верно, где-нибудь тут притаился, и еще одну книгу, под названием Ронсеваль: эти две книги, как скоро они попадутся мне в руки, тотчас перейдут в руки домоправительницы, домоправительница же без всякого снисхождения предаст их огню.

Цирюльник поддержал священника, — он почитал его за доброго христианина и верного друга истины, который ни за какие блага в мире не станет кривить душой, а потому суждения его показались цирюльнику справедливыми и весьма остроумными. Засим он раскрыл еще одну книгу: то был Пальмерин Оливский, а рядом с ним стоял Пальмерин Английский. Прочитав заглавия, лицензиат сказал:

— Оливку эту растоптать и сжечь, а пепел развеять по ветру, но английскую пальму должно хранить и беречь, как зеницу ока, в особом ларце, вроде того, который найден был Алек-

сандром Македонским среди трофеев, оставшихся после Дария, и в котором он потом хранит творения Гомера. Эта книга, любезный друг, достойна уважения по двум причинам: во-первых, она отменно хороша сама по себе, а во-вторых, если верить преданию, ее написал один мудрый португальский король. Приключения в замке Следи-и-бди очаровательны — все они обличают в авторе великого искусника. Бдительный автор строго следит за тем, чтобы герои его рассуждали здраво и выражали свои мысли изысканно и ясно, в полном соответствии с положением, какое они занимают в обществе. Итак, сеньор маэсе Николас, буде на то ваша добрая воля, этот роман, а также Амадис Галльский избегнут огня, прочие же, без всякого дальнейшего осмотра и проверки, да погибнут.

— Погодите, любезный друг, — возразил цирюльник, — у меня в руках прославленный Дон Бельянис.

— Этому, — рассудил священник, — за вторую, третью и четвертую части не мешает дать ревеню, дабы освободить его от избытка желчи, а затем надлежит выбросить из него все, что касается Замка Славы, и еще худшие несуразности, для каковой цели давайте отложим судебное разбирательство на неопределенный срок, дабы потом, в зависимости от того, исправится он или нет, вынести мягкий или же суровый приговор. А пока что, любезный друг, возьмите его себе, но только никому не давайте читать.

— С удовольствием, — молвил цирюльник. Не желая тратить силы на дальнейший осмотр рыцарских романов, он велел ключнице забрать все большие тома и выбросить во двор. Ключница же не заставляла себя долго ждать и упрямивать — напротив, складывать из книг костер представлялось ей куда более легким делом, нежели ткать огромный кусок тончайшего полотна, а потому, схватив в охапку штук восемь зараз, она выкинула их в окно. Ноша эта оказалась для нее, впрочем, непосильною, и одна из книг упала к ногам цирюльника, — тот, пожелав узнать, что это такое, прочел: История славного рыцаря Тиранта Белого.

— С нами крестная сила! — возопил священник. — Как, и Тирант Белый здесь? Дайте-ка мне его, любезный друг, это же сокровищница наслаждений и залежи утех. В нем выведены

доблестный рыцарь дон Кириэлейсон Монтальванский, брат его, Томас Монтальванский, и рыцарь Фонсека, в нем изображается битва отважного Тиранта с догом, в нем описываются хитрости девы Отрады, шашни и плутни вдовы Потрафиры и, наконец, сердечная склонность императрицы к ее конюшему Ипполиту. Уверяю вас, любезный друг, что в рассуждении слога это лучшая книга в мире. Рыцари здесь едят, спят, умирают на своей постели, перед смертью составляют завещания, и еще в ней много такого, что в других книгах этого сорта отсутствует. Со всем тем автор ее умышленно нагородил столько всякого вздора, что его следовало бы приговорить к пожизненной казни. Возьмите ее с собой, прочтите, и вы увидите, что я сказал о ней истинную правду.

— Так я и сделаю, — сказал цирюльник. — А как же быть с маленькими книжками?

— Это не рыцарские романы, это, как видно, стихи, — сказал священник.

Раскрыв наудачу одну из них и увидев, что это Диана Хорхе де Монтемайора, он подумал, что и остальные должны быть в таком же роде.

— Эти жечь не следует, — сказал он, — они не причиняют и никогда не причинят такого зла, как рыцарские романы: это хорошие книги и совершенно безвредные.

— Ах, сеньор! — воскликнула племянница. — Давайте сожжем их вместе с прочими! Ведь если у моего дядюшки и пройдет помешательство на рыцарских романах, так он, чего доброго, примется за чтение стихов, и тут ему вспадет на ум сделаться пастушком: станет бродить по рощам и лугам, петь, играть на свирели или, еще того хуже, сам станет поэтом, а я слыхала, что болезнь эта прилипчива и неизлечима.

— Девушка говорит дело, — заметил священник, — лучше устранить с пути нашего друга и этот камень преткновения. Что касается Дианы Монтемайора, то я предлагаю не сжигать эту книгу, а только выкинуть из нее все, что относится к мудрой Фелисье и волшебной воде, а также почти все ее длинные строчки, оставим ей в добрый час ее прозу и честь быть первой в ряду ей подобных.

— За нею следуют так называемая Вторая Диана, Диана Саламантинца, — сказал цирюльник, — и еще одна книга под тем же названием, сочинение Хиля Поло.

— Саламантинец отправится вслед за другими во двор и увеличит собою число приговоренных к сожжению, — рассудил священник, — но Диану Хиля Поло должно беречь так, как если бы ее написал сам Аполлон. Ну, давайте дальше, любезный друг, мешкать нечего, ведь уж поздно.

— Это Счастье любви в десяти частях, — вытащив еще одну книгу, объявил цирюльник, — сочинение сардинского поэта Антонио де Лопрасо.

— Клянусь моим саном, — сказал священник, — что с тех пор, как Аполлон стал Аполлоном, музы — музами, а поэты — поэтами, никто еще не сочинял столь занятой и столь нелепой книги; это единственное в своем роде сочинение, лучшее из всех ему подобных, когда-либо появлявшихся на свет божий, и кто ее не читал, тот еще не читал ничего увлекательного. Дайте-ка ее сюда, любезный друг, — если б мне подарили сутану из флорентийского шелка, то я не так был бы ей рад, как этой находке. Весьма довольный, он отложил книгу в сторону, цирюльник между тем продолжал:

— Далее следуют Иберийский пастух, Энаресские нимфы и Исцеление ревности.

— предадим их, не колеблясь, в руки светской власти, сиречь ключницы, — сказал священник. — Резонов на то не спрашивайте, иначе мы никогда не кончим.

— За ними идет Пастух Филиды.

— Он вовсе не пастух, — заметил священник, — а весьма просвещенный столичный житель. Будем беречь его как некую драгоценность.

— Эта толстая книга носит название Сокровищницы разных стихотворений, — объявил цирюльник.

— Будь их поменьше, мы бы их больше ценили, — заметил священник. — Следует выполоть ее и очистить от всего низкого, попавшего в нее вместе с высоким. Поощрим ее, во-первых, потому, что автор ее — мой друг, а во-вторых, из уважения к другим его произведениям, более возвышенным и героичным.

— Вот Сборник песен Лопеса Мальдонадо, — продолжал цирюльник.

— С этим автором мы тоже большие друзья, — сказал священник, — ив его собственном исполнении песни эти всех приводят в восторг, ибо голос у него поистине ангельский. Эклоги его растянуты, ну да ведь хорошим никогда сыт не будешь. Присоединим же его к избранникам. А что за книга стоит рядом с этой?

— Галатея Мигеля де Сервантеса, — отвечал цирюльник.

— С этим самым Сервантесом я с давних пор в большой дружбе, и мне хорошо известно, что в стихах он одержал меньше побед, нежели на его голову сыплется бед. Кое-что в его книге придумано удачно, но все его замыслы так и остались незавершенными. Подождем обещанной второй части: может статься, он исправится и заслужит наконец снисхождение, в коем мы отказываем ему ныне. А до тех пор держите его у себя в заточении.

— С удовольствием, любезный друг, — сказал цирюльник. — Вот еще три книжки: Араукана донна Алонсо де Эрсильи, Австриада Хуана Руфо, кордовского судьи, и Монсеррат валенсийского поэта Кривостваля де Вируэса.

— Эти три книги, — сказал священник, — лучшее из всего, что было написано героическим стихом на испанском языке: они стоят наравне с самыми знаменитыми итальянскими поэмами. Берегите их, — это вершины испанской поэзии.

Наконец просмотр книг утомил священника, и он предложил сжечь остальные без разбора, но цирюльник как раз в это время раскрыл еще одну — под названием Слезы Анджелики.

— Я бы тоже проливал слезы, когда бы мне пришлось сжечь такую книгу, — сказал священник, — ибо автор ее один из лучших поэтов не только в Испании, но и во всем мире, и он так чудесно перевел некоторые сказания Овидия!

(Пер. Н. Любимова)

Жорис-Карл Гюисманс

НАОБОРОТ, III
(1884)

Но вот настает вторая половина 5-го века, лихолетье, время мировых потрясений. Галлия сожжена варварами. Рим парализован, разграблен вестготами. Римские окраины, и восточная, и западная, истекают кровью и слабеют с каждым днем.

Мир подвержен распаду. Императоров одного за другим убивают. Кровопролитие. По всей Европе не смолкает шум резни – и вдруг чудовищный конский топот перекрывает вопли и стоны. На берегах Дуная появляются тысячи и тысячи всадников на низкорослых лошадях и в звериных шкурах. Страшные татары с большими головами, плоскими носами и безволосыми желтыми лицами в рубцах и шрамах заполонили южные провинции. Все исчезло в тучах пыли от конских копыт,

в дыму пожаров. Настала тьма. Покоренные народы, содрогаясь, смотрели, как несется с громовым грохотом смерч. В Галлию, опустошив Европу, вторглись орды гуннов, и Аэций разгромил их на Каталунских полях.

Но жестокой была сеча. Поля наводнились кровью и вспенились, как кровавое море. Двести тысяч трупов перегородили гуннам дорогу. И бешеный поток хлынул в сторону, грозой обрушился на Италию. Разоренные итальянские города запылали, как солома. Западная империя рухнула под ударами; и без того распадалась она от всеобщих слабости и разврата и вот теперь навек испустила дух. Казалось, близок конец света. Края, не тронутые Атиллой, опустошили голод и чума. И на руинах мироздания латынь словно погибла. Шло время. Варварские наречия стали упорядочиваться, крепнуть, складываться в новые языки. Поддерживаемая церковью латынь выжила в монастырях. Порою ею блистали – но вяло и неярко – поэты: Африкан Драконтий

с «Гексамероном», Клавдий Маммерт с литургическими песнопениями, Авитус Венский; мелькали биографы, например Эннодий с жизнеописанием святого Епифания, почтенного, пронизательного дипломата и внимательного доброго пастыря, или Эвгиппий, с рассказом о святом Северине, таинственном отшельнике и смиренном аскете, который явился безутешным народам, обезумевшим от страдания и страха, словно ангел милосердия. Наступает черед писателей, подобных Веранию Геводанскому, автору небольшого трактата о воздержании, или Аврелиану с Фарреолом, составителям церковных канонов; и, наконец, историкам, в их числе Ротерий Агдский, автор утраченной «Истории гуннов». Книг, представляющих позднейшие столетия, было в библиотеке дез Эссента немного. 6-й век не мог не олицетворять Фортунат, епископ из Пуатье. В его «*Vexilla regis*» и гимны, в ветхие старолатинские мехи которых словно было влито новое пахучее вино церкви, дез Эссент нет-нет да и заглядывал. Помимо Фортуната там еще были Боэций, Григорий Турский и Иорнандезий. Далее, 7-й и 8-й века: тут имелось несколько хроник на варварской латыни Фредегера и Павла Диакона и составленные в алфавитном порядке и построенные на повторении одной и той же рифмы песнопения в честь святого Комгилла, а также сборник Бангора, который дез Эссент изучал время от времени. Но в основном то были агиографии: слово монаха Ионы о святом Колумбане, повесть о блаженном Кутberte, составленная Бедой Достопочтенным по запискам безымянного монаха из Линдисфарна. Дез Эссент от скуки листал их иногда да перечитывал порой фрагменты житий святой Рустикулы и святой Родогунды. Первого сочинитель был Дефензорий, монах из Лигюже, второго – простодушная и скромная пуатийская монахиня Бодонивия.

Но еще больше влекли дез Эссента англосаксонские латинские сочинения: трудные для понимания творения Адельма, Татвина, Евсевия, потомков Симфозия; особенно манили его акrostихи святого Бонифация – строфы-загадки,

разгадка которых содержалась в первых буквах строк.

Писатели последующих эпох дез Эссента уже не так привлекали; к увесистым томам каролингских латинистов, разных Алкуинов и Эгингардов, он был в общем равнодушен и вполне довольствовался, из всей латыни 9-го века, хрониками анонима из монастыря св. Галльса, сочинениями Фрекульфа, Региньона да поэмой об осаде Парижа, подписанной Аббо ле Курбе, и, наконец, дидактическим опусом «Хортулус» бенедиктинца Валафрида Страбо, причем, читая главу, которая воспевала тыкву, символ плодородия, дез Эссент так и покатывался со смеху. Изредка снимал он с полки и поэму Эрмольда Черного о Людовике Благочестивым – героическую песню с ее правильными гекзаметрами, латинским булатом сурового и мрачного слога, закаленного в монастырской воде и сверкающего иногда искрой чувства. Порой проглядывал «*De viribus herbarum*» Мацера Флорида и воистину наслаждался описанием целебных свойств некоторых трав: к примеру, кирказон, прижатый с ломтем говядины к животу беременной, помогает родить младенца непременно мужского пола; огуречник лекарственный, если окропить им гостиную, веселит гостей; толченый иссоп навсегда излечивает от эпилепсии; укроп, возложенный на грудь женщине, очищает ее воды и облегчает регулы.

Латинское собрание на полках дез Эссента доходило до начала 10-го столетия. Исключение составляли: несколько случайных, разрозненных томов; плюс несколько современных изданий по каббале, медицине, ботанике или книги вообще без даты; плюс отдельные тома патрологии Миня, а именно – сборники редких церковных поэм и антология второстепенных латинских поэтов Вернсдорфа; плюс еще Мерсий, учебник классической эротологии Форберга и устав с диаконалиями для духовников. Время от времени дез Эссент сдувал с них пыль, и только. Его библиотека латинских авторов ограничивалась 10-м веком. В то время были утрачены и меткость, и некая сложная простота латинского языка. Пошло философское и схоластическое пустословие, пошел отсчет средневековой схоластики. Латынь покрылась копотью хроник, летописей,

утяжелилась свинцовым грузом картуляриев и потеряла монашескую робкую грацию, а также порой чарующую неуклюжесть, превратив остатки древней поэзии в подобие благочестивой амброзии. Пришел конец всему: и энергичным глаголам, и благоуханным существительным, и витиеватым, на манер украшений из первобытного скифского золота, прилагательным. Больше в библиотеке дез Эссента старых изданий не было. Скачок времени – и эстафета веков прервалась. В свои права вступил век нынешний, и на полках воцарился современный французский язык.

(Пер. Е. Кассировой)

Итало Кальвино

ЕСЛИ ОДНАЖДЫ ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ
ПУТНИК, 1
(1979)

Из газет ты узнал о новой книге Итало Кальвино «Если однажды зимней ночью путник». Автор уже несколько лет ничего не издавал. Ты пошел в книжный магазин и купил книгу. И правильно сделал.

Еще на витрине ты заметил нужную обложку. Зрительный след повел тебя вдоль плотных заслонов из Книг, Которых Ты Не Читал. Насытившись, они устрашающе поглядывали на пришельца с полок и прилавков. Но ты не должен поддаваться их внушению. Ты знаешь, что на книжных просторах десятки гектаров занимают Книги, Которые Можно И Не Читать; Книги, Написанные Для Чего Угодно, Только Не Для Чтения; Уже Прочитанные Книги, Которые Можно Было И Не Открывать, Поскольку Они Принадлежали к Категории Уже Прочитанного Еще До Того, Как Были Написаны. Ты одолел передовой пояс укрепления, и тут на тебя обрушиваются ударные силы пехоты, сформированные из Книг, Которые Ты Охотно Бы Прочел, Будь У Тебя Несколько Жизней, Но Жизнь, Увы, Всего Одна. Стремительным броском ты обходишь их и попадаешь в самую гущу Книг, Которые Ты Намерен Прочитать, Но Прежде Должен Прочитать Другие Книги; Слишком Дорогих Книг, Покупать Которые Ты Подождешь, Пока Их Не Уценят

Вдвое; Книг, Которые По Тем Же Причинам Ты Купишь, Когда Они Выйдут В Карманных Изданиях; Книг, Которые Ты Мог Бы Взять У Кого Нибудь На Время; Книг, Которые Читали Все, Поэтому Можно Считать, Что Ты Их Тоже Читал. Отразив эти наскоки, ты вплотную подступаешь к стенам крепости, где заняли оборону Книги, Которые Ты Давно Уже Наметил Прочитать;

Книги, Которые Ты Безуспешно Искал Годами; Книги О Том, Чем Ты Занимаешься В Данный Момент;

Книги, Которые Желательно Иметь Под Рукой На Всякий Случай;

Книги, Которые Ты Мог Бы Отложить, Скажем, До Лета;

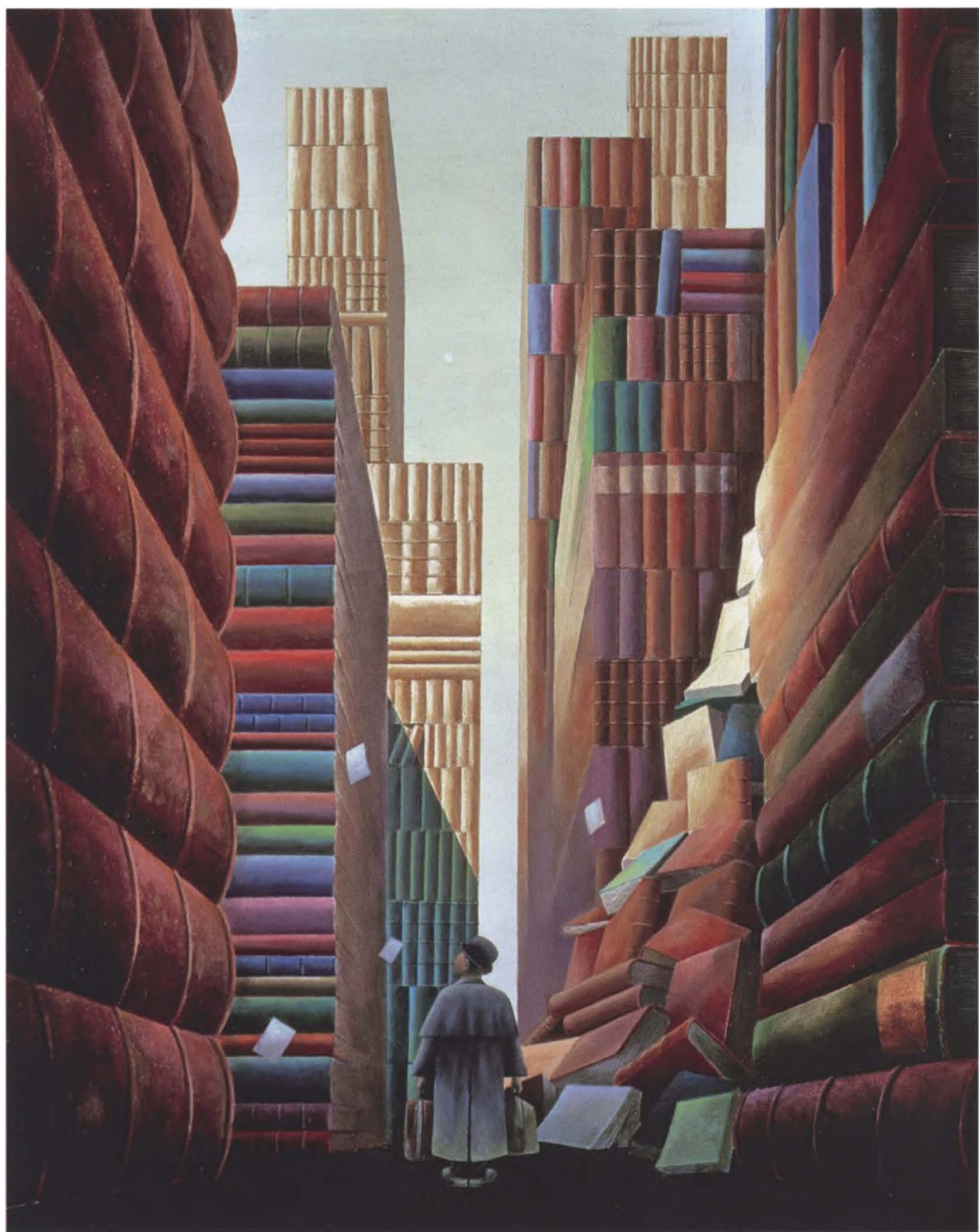
Книги, Которых Недостает На Твоей Книжной Полке Рядом С Другими Книгами;

Книги, Неожиданно Вызывающие У Тебя Жгучий И Не Вполне Оправданный Интерес.

Ну вот тебе удалось поубивать воинственные полчища. Их все еще много, но они уже поддаются исчислению. Впрочем, относительное затишье нет нет да и нарушается дерзкими вылазками. Засаду устроили Книги, Прочитанные Давным Давно; Теперь Настало Время Их Перечитать. Вместе с ними окопались Другие Книги; Ты Постоянно Делал Вид, Будто Читал Эти Книги: Пришла Пора Действительно Их Прочитать. Ты резко сворачиваешь вправо, затем влево, уходишь от засады и с наскока врываешься в крепость Новинки, Автор Или Тематика Которых Тебя Привлекают. Внутри этой цитадели ты можешь пробить бреши в рядах защитников, разделив их на Новинки Неновых (для тебя или вообще) Авторы Или Тематик и Новинки Совершенно Неизвестных (во всяком случае, для тебя) Авторы Или Тематик, и заодно определить, насколько они тебе интересны, исходя из твоих желаний, а также потребностей в новом и неновом (в новом, которое ты ищешь в неновом и в неоновом, которое ты ищешь в новом).

Словом, бегло взглянув на названия книг, выставленных в магазине, ты напрямик направляешься к стопке свежизданных «Если однажды зимней ночью путник», берешь один экземпляр и относишь его в кассу, чтобы установить на него твое право собственности.

(Пер. Г. Киселева)

Боб Леско
Жесткая структура, 1999
Частное собрание

21. Ненормальные списки

Вернемся, однако, к животным Борхеса и повторим их перечень, чтобы вчитаться повнимательнее: итак, животные бывают «принадлежащими Императору, набальзамированными, прирученными, молочными поросятами, сиренами, сказочными, бродячими собаками, включенными в эту классификацию, бегающими как сумасшедшие, бесчисленными, нарисованными тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, прочими, разбившими цветочную вазу, похожими издали на мух». Мишель Фуко отмечает, что «чудовищность, которую Борхес вводит в свое перечисление, состоит в том, что общее пространство встреч оказывается здесь разрушенным. Невозможным является не соседство вещей, но общая точка их соседствования» (пер. В. Визгина).

Этот список наносит удар по любому разумному критерию классификации, потому что сирены могут быть бесчисленными, бродячие собаки — сказочными, а молочные поросята — принадлежащими императору и разбившими цветочную вазу; и уж совсем непонятно, что значит «прочие», поставленные не в конце для обозначения иных возможных элементов, но *между* элементами самого списка. И это еще не все. Хуже всего, что в число элементов, которые призван классифицировать список, попадают и «те, что включены в данную классификацию».

Здесь наивный читатель потеряет голову. Однако читатель, поднаторевший в логике множеств, ощутит головокружение сродни тому, которое почувствовал Фреге, услышав возражение молодого Рассела. Пусть нормальным считается множество, не включающее в качестве элемента самое себя. Множество всех кошек — это не кошка, но концепт, и такое положение можно представить как на рисунке 1, где большая буква *K* — это концепт кошки, объединяющий всех особей *k*, то есть реальных кошек, которые есть,

были или будут на свете. Существуют, однако, и такие множества (называемые не-нормальными), которые являются элементами самих себя. Например, множество всех концептов есть концепт, а множество всех бесконечных множеств есть бесконечное множество. Подобную картину мы представим рисунком 2 (где X — множество, а x — его элементы).

(Рисунок 1)

К
к, к, к, к, к, к, к, к, к

(Рисунок 2)

х, х, х, х, X, х, х, х

Так что же представляет собой множество нормальных множеств? Если это нормальное множество и его можно представить, как на рисунке 1, у нас будет неполное множество, так как оно не включает себя самого. А если это множество не-нормальное, и представлять его надо, как на рисунке 2, то получится нелогичное множество, поскольку вместе со всеми нормальными множествами в классификацию попадет множество не-нормальное. Получается неизбежный парадокс.

Борхес именно этот парадокс и обыграл. Если перечень животных нормальное множество, значит он не должен включать себя самого, а список Борхеса себя самое включает. Если же это не-нормальное множество, список окажется непоследовательным, потому что в ряду животных фигурирует нечто, животным не являющееся, а являющееся множеством.

С классификацией Борхеса поэтика списка достигает апогея абсурда и кощунственно отвергает любой заранее предусмотренный логический порядок. На ум приходят молитвенно-вызывающие строки Аполлинера из стихотворения *Рыжая красotka*:

Вы, чьи уста подобны божьим устам,
Вы, чьи уста — воплощение порядка,
Снисходительны будьте, когда захотите сравнить
Нас, стремящихся всюду найти неизвестность,
С теми, кто был идеалом порядка.
Мы не враги ваши, нет!

Мы хотим исследовать край необъятный и полный загадок,
Где цветущая тайна откроется тем, кто захочет ею владеть,
Там сверкание новых огней и невиданных красок,
И мираж ускользающий
Ждет, чтобы плоть ему дали и дали название [...]

Снисхождение к нам! Мы ведем постоянно сражение
На границах грядущего и беспредельного.
О снисхожденье
К нашим слабостям, к нашим ошибкам, грехам! [...]

Потому что есть много такого, о чем я сказать вам не смею,
Так много, о чем вы мне сами сказать не дадите;
Снисхожденья прошу я у вас.

(Пер. М. Кудинова)

АППАРАТ

Список цитируемых авторов	401
Указатель художников и произведений	402
Иллюстрации без указания автора и кадры из фильмов	404
Библиография использованных переводов и русских изданий	405
Фотографии предоставлены	406

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ АВТОРОВ

- А**всоний, Децим Магн 55
Аполлинарий Сидоний 88
Арбазино, Альберто 348
Ариосто, Лудовико 68
- Б**алестрини, Нанни 343
Барт, Ролан 311
Бертон, Роберт 226
Борхес, Хорхе Луис 110
Бретон, Андре 342
Бэкон, Фрэнсис 210
- В**ергилий 54
Вийон, Франсуа 147
- Г**адда, Карло Эмилио 345
Гесиод 19
Гете, Вольфганг 291
- Гомер 26
Готье, Теофиль 295
Гриммельсгаузен, Ганс, фон 288
Гюго, Виктор 104, 271
Гюисманс, Жорис-Карл 193, 390
- Д**анте Алигьери 55
Дарио, Рубен 223
Дёблин, Альфред 312
Джойс, Джеймс 109
Диккенс, Чарльз 88
Диоген Лаэртский 378
- З**оля, Эмиль 296
Зюскинд, Патрик 79
- И**сидор Севильский 158
- К**альвино, Итало 93, 338, 392
Киплинг, Редьярд 276
Клоски, Клод 303
- Л**отреамон 302
- М**анн, Томас 75
Марбод Реннский 162
Марино, Джамбаттиста 71
Маро, Клеман 226
Мастерс, Эдгар Ли 148
Мильтон, Джон 143
- Монтале, Эудженио 147
- Н**еруда, Пабло 332
- П**ерек, Жорж 306, 308
Пернети, Дом Антуан-Жозеф 293
Пинчон, Томас 305
По, Эдгар Алан 89
Превер, Жак 335, 336, 337
Пруст, Марсель 92
Псевдо-Аристотель 157
- Р**абле, Франсуа 256, 259, 262, 265, 268, 270, 380
Рембо, Артюр 331
Ростан, Эдмон 227
- С**андрар, Блез 98
Сервантес, Мигель, де 384
- Т**вен, Марк 75
- У**айльд, Оскар 197
Уитмен, Уолт 98
- Ш**експир, Уильям 71, 222
Шимборска, Вислава 151, 351
- Э**ко, Умберто 316, 318
Элюар, Поль 150

УКАЗАТЕЛЬ ХУДОЖНИКОВ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Адриан ван Утрехт

Птичий двор 251

Аерт Питер

Vanitas 44

Альтдорфер Альбрехт

Битва под Иссой 16

Английская школа

Мясная лавка 313

Арман Фернандес

Помойка Бернара Вене 172

Арчимбольдо Джузеппе

Весна 130

Балла Джакомо

Девочка, бегущая по балконе
326

Бальдунг Грин Ханс

Шабаш ведьм 290

Бассано Якопо

Животные перед Ноевым ковче-
гом 158

Бекман Макс

Женская баня 229

Беллини Джованни

и Джентиле

Проповедь Святого Марка
в Александрии Египетской
266–267

Бехер Иоганн Иоахим

Классификация известных ве-
ществ, из кн. *Opuscula chymica*
rariora 232

Блейк Питер

Тюильри 309

Ботти Алиджеро

Без названия 368

Болтански Кристиан

Архив С. В. 1965–1988 114–115

Босх Иероним

Триптих Сад земных наслаждений
36–37

Брейгель Питер Младший

Свадебный пир 257

Ярмарка с театральным предста-
влением (фрагмент) 141

Брейгель Ян Старший

Воздух, или Оптика 246–247

Эней и сивилла в Аду 52–53

Брейгель Ян Старший (школа)

Пожар 00

Брейгель Ян Старший и Рубенс

Питер Пауль

Аллегория слуха, или Слух 76

Брён Александр

Вид Квадратного зала Лувра 165

Бретон Андре

Рванный чулок 215

Бьенне Мартен-Гийом

Длань Правосудия 175

Валлоттон Феликс

Библиотека 375

Венецианский художник

Франческо Морозини преследу-
ет турецкий флот, спасающийся
бегством. Апрель 1659 28–29

Вербек, семья

Гротескная свадьба 258

Веронезе Паоло

Брак в Кане Галилейской 329

Вине Винсент ван де

Vanitas с королевской короной
и портретом Карла I, казненного
в 1649 году 45

Витали Джанкарло

«Хвост» горноста 228

Вольтера Даниеле да

Моисей на горе Синай 145

Врис Герман де

Сутра Эшенау «one and many»
285

Габлик Сюзи

Тропизм 12 252

Геккель Эрнст

Асцидия, литография № 85
из кн. Художественные формы
природы 219

Герунг Матиас

Суд Париса и Троянская война
24–25

Гирландайо Доменико

Рождение Девы Марии 224–225

Гойя Франсиско

Шабаш ведьм 227

Гранвиль Изидор Жерар

Ил. к новелле Бальзака Любов-
ные похождения двух зверюшек,
из кн. Сцены из частной и обще-
ственной жизни животных 286

Гуттузо Ренато

Этюд к картине Вуччириа 78

Давид Жак Луи

Клятва в Зале для игры в мяч 272
Коронование императора Напо-
леона и императрицы Жозефины
в соборе Парижской Богоматери
2 декабря 1806 г. 372–373

Дадд Ричард

Мастерский замах сказочного
дровосека 244

Дали Сальвадор

Антропоморфный шкаф 282
Голова, бомбардируемая зер-
нышками 397
Испания, 1938 333
Пятьдесят абстрактных образов,
которые при разглядывании
с расстояния в два ярда превра-
щаются в трех Лениных, пере-
одетых китайцами, а с рассто-
яния в шесть ярдов выглядят как
голова тигра 367

«Улица Талии» Палладио 127

Де Кирико Джорджо

Мефистофель и космос, занавес
к спектаклю Мефистофель 80

Делакруа Эжен

Корзина цветов 300

Дельво Поль

Акрополь 340–341

Депардон Раймон

США. Нью-Йорк 358

Дион Марк и Уильямс Роберт

Theatrum Mundi: Armarium 211

Доре Гюстав

Ангелы на планете Меркурий;
Восхождение Беатриче и Данте
к небу Меркурия 60
Падение мятежных ангелов 63
Ил. к роману Сервантеса Дон
Кихот 385

Дюбюффе Жан

Кондоминиум 307

Дюрер Альбрехт

Смерть десяти тысяч христиан-
ских мучеников 41

Дюфи Рауль

Пляж в Сент-Адрессе 93

Жако Дон

Garbo's 359

Кабаков Илья

Человек обречен в пространстве
собственной квартиры, из серии
Десять персонажей 361

Казен Жан-Шарль

Интерьер кабинета доктора X 390

Калло Жак

Искушения Святого Антония 289

Кампи Винченцо

Торговка фруктами 43

Карпаччо Витторе

Распятие и апофеоз десяти тысяч мертвых на горе Арарат 40

Катрмер-де-Кенси

Щит Ахилла из кн. Юпитер-олимпиец, или Искусство античной скульптуры 13

Карьер Натаниель

Ноев ковчег 160

Кессел Ян ван

Азия, панель из цикла Четыре континента 83

Кёрт Уолтер

Спокойствие прошлой жизни 277

Клейн Роза (Андре Рожи)

Палитра Боннара 304

Клерк Хендрик де

Свадьба Пелея и Фетиды 20

Клинт Густав

Адель Блох-Бауэр I 199

Корнелл Джозеф

Без названия (Аптека) 171

Корреджо

Вознесение Девы Марии 49

Кошениль

Ил. XVIII из кн. Мартина

Фробена Ледермюллера

Микроскопические забавы 236

Крапах Лукас

Избиение младенцев 135

Кром Уильям Генри

Вид Лондона с собором Святого Павла вдали 90–91

Кузен Жан Младший

Страшный суд 46

Ларжильер Никола

Этюды рук 216

Ленц Максимилиан

Тюльпаны 297

Леардо Джованни

Карта мира

Леонардо да Винчи

Мона Лиза (Джоконда) 38

Леско Боб

Жесткая структура 393

Липпи Филиппо

Коронование Девы Марии (фрагмент) 51

Лонги Пьетро (манера)

Пир в доме карлика 132

Лохнер Стефан

Страшный суд 00

Магритт Рене

Голконда 278

Майяно Бенедетто и Джулиано да (мастерская)

Кабинет герцога Федерико да Монтефельтро: резной книжный шкаф с приоткрытыми дверцами, где помимо книг можно видеть клепсидру и подсвечник 386

Мейтенс Мартин II (школа)

Прибытие Изабеллы Пармской на бракосочетание с Иосифом II 138–139

Мембергер Каспар

Животные перед Ноевым ковчегом 159

Мемлинг Ханс

Страсти Христовы 84–85

Моро Гюстав

Претенденты 192

Юпитер и Семела 198

Палисси Бернар (школа)

Овальное блюдо в технике «сельские глины» 248

Пальма Якопо Младший

Взятие Константинополя 42

Паннини Джованни Паоло

Галерея с видами современного Рима 39

Пармиджиани Клаудио

Лестница памяти 395

Периколи Тулио

Иллюстрация к Робинзону Крузо Дениеля Дефо 66

Раушенберг Роберт

Без названия 325

Ремпс Доменико

Хлам 208–209

Рибжински Збигнев

Оркестр 47

Робер Юбер

Проект перестройки Большой галереи Лувра 164

Роос Ян Мельхиор

Зверинец графа Карла 100–101

Рубенс Питер Пауль

Падение восставших ангелов 142

Руссо Теодор

В лесу Фонтенбло 105

Саверей Якобс II

Животные перед Ноевым ковчегом 154

Савери Роланд

Рай 58–59

Савинио Альберто

Город обетованный 70

Себа Альберт

Эмеи, из кн. *Locuplestissimi Rerum Naturalium Thesauri* 269

Севеллек Ронан-Жим

Нечто вроде алтаря 240

Северини Джино

Динамический иероглиф Бала Табарен 350–351

Селигман Линкольн

Кардиналы 348

Серафини Луиджи

Иллюстрация из *Codex Seraphinianus* 230

Сильва Мария Элена Вейра да Библиотека 365

Синьорелли Лука

Грешники (фрагмент) 136

Снайдерс Франс (школа)

Свежий улов 43

Спайерс Бенджамин Уолтер

Оружие, гравюры, картины, трубки, керамические тарелки (с трещинами), старые шатающиеся столики, стулья со сломанными спинками 345

Споэрри Даниэль

Венгерская трапеза, или Ресторан Парижской галереи, из серии Картины-ловушки 280–281

Стейнберг Саул

Обложка еженедельника *New Yorker* 255

Танги Ив

Преумножение арок 319

Тевнен Шарль

Взятие Бастилии 107

Тенирс Давид Младший

Собрание эрцгерцога Леопольда Вильгельма Австрийского, штатгальтера Нидерландов 166–167

Тестар Робине

Иллюстрация из Книги о простейших лекарственных средствах Матеуса Платеария 235

Тинторетто

Коронование Девы Марии 64–65

Торрес-Гарсиа Хоакин

Нью-Йоркская улица 364

Трувело Этьен Леопольд

Часть Млечного Пути, видимая зимой 14

Уорхол Энди

Банки супа Кемпбел 356–357

**Ушаков Симон, Никитин Гурий
и ученики**

Седьмой Вселенский собор 124

Фламандская школа

Драка слепых 317

Фогелер Генрих Иоганн

Баку 362

Франкен Франс II

Собрание произведений

искусства и диловин 206

Французская школа

Ноев ковчег 161

Хаберл Джон

Ящик холостяка 74–75

Хайнц Иоганн Георг

Коллекционные предметы

в шкафчике 179

Хейсем Ян ван

Ваза с цветами в нише 73

Хёрст Дэмьен

Анатомия ангела и бездна

Хёх Ханна

Удар дадаистским кухонным

ножом по последней эпохе

«жирной» веймарской культуры

в Германии 320

Чюрленис Микалоюс

Соната № 6 Аллегро 108

Шпицверг Карл

Книжный червь 370

Элвен Петрус Хенрикус ван

Фантастический вид главных

памятников Италии 94–95

Энсор Джеймс

Автопортрет в окружении масок

334

Эрнст Макс

Глаз молчания 69

Тридцать три девочки в погоне

за белыми бабочками 330

ИЛЛЮСТРАЦИИ

БЕЗ УКАЗАНИЯ АВТОРА

И КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМОВ

Миссориум, так называемый

Щит Ахилла 8

Вулкан показывает Фетиде

доспехи для Ахилла 10

Морская фауна, мозаика 56

Дьявольские фигуры из Словаря

Ада Ж. Колена де Планси 62

Отплытие флота, фреска

(фрагмент) 86–87

Карта мира Эбсторфа, копия

Конрада Миллера с оригиналь-

ного пергамента 111

Зал Имен в музее Яд ва-Шем 113

Царевна Нефертиабет 117

Рай из Роскошного часослова

герцога Беррийского 129

Танец в замке из Книги о Гра-

де женском Кристины Пизан-

ской 147

Староеврейское кладбище

в Праге 148–149

Борзая из Книги о свойст-

вах вещей Бартеlemi Англича-

нина 152

Сказочные животные Египта,

из Книги чудес мира, или Тайна

натуральной истории Робине

Тестара 157

Реликварий Святого Стефана 163

Застежка облачения с изобра-

жением Благовещения 174

Ножка-реликварий одного

из невинно убиенных младен-

цев 176

Сокровище Хагенбаха 181

Реликварий Мани-ле-Амо 189

Реликварий; в центре — Agnus

Dei из белого воска с папскими

регалиями 190

Коллекция жуков и насеко-

мых 201

Человек с большими ушами,

Человек с журавлиной головой,

Рыба-епископ, Иона и Кит

из кн. Конрада Ликостенеса

Prodigiorum ac ostentorum

chronoson 202

Кабинет диловин Оле Ворма 204

Музей фармацевта Ферранте

Императо 205

Большой зал Музея времени 215

Пыльца голубого гиацинта

из кн. Мартина Фробена Ледер-

мюллера Микроскопические

забавы 221

Нервные клетки 239

Голиарды 263

Алхимия — зеркало искусства

и природы, ил. из книги

Кабала 293

Окно-шпалера Сады Трентем-

холл из кн. Адвено Брук Сады

Англии 301

Гребни, заколки для волос

и другие предметы туалета

из Помпей 323

Метеоритный дождь (Взрыв

метеора), ил. из кн. Камилла

Фламариона Конец света 337

Тушение пожара в больнице

в районе Ренна, ил. из Petit

Journal 347

Парад в огнях рампы 353

Безумства Зигфельда 355

Американец в Париже 355

Воображаемый портрет Гая

Плиния Второго 376

Санкт-Галленская библио-

тека 379

Фабрика игральнх карт в доме

на площади Дофин 382–383

БИБЛИОГРАФИЯ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПЕРЕВОДОВ И РУССКИХ ИЗДАНИЙ

Ариосто Лудовико *Неистовый Роланд*. Пер. Е. Солоновича. М., 1993.

Барт Ролан. *Ролан Барт о Ролане Барте*. Пер. С. Зенкина. М., 2002.

Борхес Хорхе Луис. *Алеф*. Пер. Е. Лысенко // Борхес Х. Л. Проза разных лет. М., 1984.

Бэкон Фрэнсис. *Новая Атлантида*. Пер. З. Александровой // Антология мировой философии. Возрождение. Минск, 2001.

Вергилий. *Энеида*. Пер. С. Ошерова. М., 2001.

Вийон Франсуа. *Баллада о дамах былых времен*. Пер. Ф. Мендельсона // Вийон Ф. Стихи. М., 1963.

Гесиод. *О происхождении богов (Теогония)*. Пер. В. Вересаева // *Эллинские поэты*. М., 1963.

Гёте Иоганн Вольфганг. *Фауст*. Пер. Б. Пастернака // Гёте И. В. Избр. произв. в 2-х т. Т. 2. М., 1985.

Гомер. *Илиада*. Пер. Н. Гнедича. М., 1984.

Гюго Виктор. *Девяносто третий год*. Пер. Н. Жарковой // Гюго В. Собр. соч. в 15-и т. Т. 11. М., 1956.

Гюисманс Жорис-Карл. *Наоборот*. Пер. Е. Кассировой под ред. В. Толмачева // Гюисманс Ж.-К., Рильке Р. М., Джойс Д. Наоборот. Три символистских романа. М., 1995.

Данте Алигьери. *Божественная комедия*. Пер. М. Лозинского. М., 1974.

Дарио Рубен. *Песнь Аргентине*. Пер. В. Столбова // Дарио Р. Избранное. М., 1981.

Децим Магн Авсоний. *Мозелла*. Пер. А. Артюшкова // Хре-

стоматия по античной литературе в 2-х т. Т. 2. М., 1965.

Дёблин Альфред. *Берлин, Александерплац*. Пер. Г. Зуккау под ред. М. Португалова. СПб., 2000.

Диккенс Чарльз. *Холодный дом*. Пер. М. Клягиной-Кондратьевой // Диккенс Ч. Собр. соч. в 30-и т. Т. 17. М., 1960.

Диоген Лаэртский. *Книги Феофраста*. Пер. М. Л. Гаспарова // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986.

Золя Эмиль. *Проступок аббата Муре*. Пер. В. Пяста // Золя Э. Собр. соч. в 18-и т. Т. 4. М., 1957.

Зюскинд Патрик. *Парфюмер*. Пер. Э. Венгеровой. СПб., 2003.

Кальвино Итало. *Незримые города*. Пер. Г. Киселева. СПб., 2000.

Киплинг Редьярд. *Письмо к сыну (Если)*. Пер. С. Маршака // Маршак С. Соч. в 4-х т. Т. 3. М., 1959.

Лотреамон. *Стихотворения*. Пер. М. Голованивской // Лотреамон. Песни Мальдорора. Стихотворения. М., 1998.

Манн Томас. *Доктор Фаустус*. Пер. С. Апта и Н. Манн // Манн Т. Собр. соч. в 10-и т. Т. 5. М., 1960.

Мастерс Эдгар Ли. *Холм*. Пер. А. Сергеева // Мастерс Э. Л. Антология Спун-Ривер. М., 1990.

Мильтон Джон. *Потерянный Рай*. Пер. А. Шейнберга. М., 1982.

Неруда Пабло. *Ода Федерико Гарсиа Лорке*. Пер. В. Столбова // Неруда П. Местожительство – Земля. М., 1977.

По Эдгар Аллан. *Человек толпы*. Пер. М. Беккер // По Э. А. Собр. соч. в 4-х т. Т. 3. М., 1993.

Превьер Жак. *Молотилка*. Пер. М. Кудинова // Превьер Ж. Библиографический указатель. М., 1989.

Пруст Марсель. *По направлению к Свану*. Пер. М. Любимова. М., 1973.

Псевдо-Аристотель. *Рассказы о диковинах*. Пер. Н. Поздняковой // Вестник древней истории, 1987, № 3, 4.

Рабле Франсуа. *Гаргантюа и Пантагрюэль*. Пер. Н. Любимова. М., 1981.

Рембо Артюр. *Пьяный корабль*. Пер. П. Антокольского // Рембо А. Стихи. М., 1982.

Ростан Эдмон. *Сирано де Бержерак*. Пер. Т. Щепкиной-Куперник. М., 2005.

Сандра Блез. *Проза о Транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской*. Пер. М. Кудинова // Сандра Б. По всему миру и вглубь мира. М., 1974.

Carmina burana. *Кабачная песня*. Пер. М. Гаспарова // Поэзия вагантов. М., 1975.

Carmina moralia. *Обличение денег*. Пер. М. Гаспарова // Поэзия вагантов. М., 1975.

Сервантес Мигель де. *Дон Кихот*. Пер. Н. Любимова. М., 1988.

Твен Марк. *Приключения Тома Сойера*. Пер. Н. Дарузес. М., 1977.

Уайльд Оскар. *Портрет Дориана Грея*. Пер. М. Абкиной. М., 1993.

Уитмен Уолт. *Рожденный на Поманоке*. Пер. Р. Сефа // Уитмен У. Избр. произв. Листья травы. Проза. М., 1970.

Шекспир Уильям. *Ричард II*. Пер. М. Донского // Шекспир У. Полн. собр. соч. в 8-и т. Т. 1. М., 1957.

Шекспир Уильям. *Макбет*. Пер. Б. Пастернака // Шекспир У. Полн. собр. соч. в 14-и т. Т. 8. М., 1994.

Шимборска Вислава. *День рождения*. Пер. Л. Цивьян, сетевой ресурс: <http://www.yourdays.ru>.

Шимборска Вислава. *Возможности*. Пер. О. Ченельской, сетевой ресурс: <http://www.stihi.ru>; 2008.

Эко Умберто. *Имя розы*. Пер. Е. Костюкович. СПб., 2004.

Эко Умберто. *Баудолино*. Пер. Е. Костюкович. СПб., 2004.

Элюар Поль. *Свобода*. Пер. М. Ваксмахера // Элюар П. Стихи. М., 1971.

ФОТОГРАФИИ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ

© 2009 The Saul Steinberg Foundation
 © ADAGP © Collection Centre Pompidou, Dist. RMN/Droits réservés Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari; © ADAGP © Collection Centre Pompidou, Dist. RMN/Jacqueline Hyde Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari; © ADAGP © Photo CNAC/MNAM, Dist. RMN/Philippe Migeat Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari
 © Alexandre Brun © RMN/Gérard Blot - Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari
 Archives Charmet/The Bridgeman Art Library
 © Artothek/Archivi Alinari, Firenze
 © Barry Lewis/CORBIS
 © British Library Board. All Rights Reserved/The Bridgeman Art Library
 © Colección Gasca/AISA/Archivi Alinari, Firenze
 © DACS/The Bridgeman Art Library
 © De Agostini Editore Picture Library/G. Dagli Orti
 © Dominique Bollinger © ADAGP © Collection Centre Pompidou, Dist. RMN/Philippe Migeat Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari
 © GettyImages: Smari; Cary Wolinsky; Peter Macdiarmid; Uriel Sinai
 © Mark Dion & Robert Williams 2001/Photo Roger Lee
 © MuCEM, Dist RMN/Virginie Louis/Anne Maigret Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari
 © Musée du Louvre/C. Décamps
 © NTPL/Geoffrey Frosh
 © Photoservice Electa/Leemage
 © Pietro Cenini/Marka
 © Raymond Depardon/MAGNUMPHOTO/Contrasto, Milano
 © RMN/Agence Bulloz Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari; © RMN/Christian Jean-Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari; © RMN/Daniel Arnaudet-Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari; © RMN/Droits réservés-Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari; © RMN/Franck Raux-Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari; © RMN/Gérard Blot-Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari; © RMN/Hervé Lewandowski-Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari; © RMN (Institut de France)/Gérard Blot Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari; © RMN/Jean Schormans-Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari; © RMN/Jean-Gilles Berizzi-Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari; © RMN/Martine Beck-Coppola-Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari; © RMN/Peter Willi-Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari; © RMN/René-Gabriel Ojeda-Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari;
 © RMN/Thierry Ollivier-Réunion des Musées Nationaux/distr. Alinari

© Scala Group, Firenze: BI, ADAGP, Paris/Scala, Firenze; Digital Image, The Museum of Modern Art, New York/Scala, Firenze; Foto Scala, Firenze; Foto Scala, Firenze/Fotografica Foglia - su concessione Ministero Beni e Attività Culturali; Foto Scala, Firenze - su concessione Ministero Beni e Attività Culturali; Foto Austrian Archive/Scala, Firenze; Foto Scala, Firenze/BPK, Bildagentur fuer Kunst, Kultur und Geschichte, Berlin; White Images/Scala, Firenze; Foto Smithsonian American Art Museum/Art Resource/Scala, Firenze; image copyright The Metropolitan Museum of Art/Art Resource/Scala, Firenze; Yale University Art Gallery/Art Resource, NY/Scala, Firenze
 © SPL/Grazia Neri
 © Tate, London, 2009
 © The Metropolitan Museum of Art, New York
 © The Museum of Modern Art (MoMA), New York
 © Tommaso Bonaventura/Contrasto, Milano
 © Yale University Art Gallery
 Alinari/The Bridgeman Art Library
 Ancient Art and Architecture Collection Ltd./The Bridgeman Art Library
 Ann Ronan Picture Library/HIP/Top Foto/Archivi Alinari, Firenze
 Archivi Alinari, Firenze
 Archivi Alinari Per concessione del Ministero per i Beni e le Attività Culturali
 Archives Charmet/The Bridgeman Art Library
 Archivio Seat/Archivi Alinari, Firenze
 Bibliothèque des Arts Decoratifs, Paris, France/The Bridgeman Art Library/Archivi Alinari, Firenze
 Bibliothèque Municipale de Reims, Reims
 Bibliothèque Nationale de France (BnF), Paris
 Erich Lessing/Contrasto, Milano
 G. Dagli Orti/De Agostini Picture Library concesso in licenza ad Alinari
 Galleria d'Arte Moderna (GAM), Genova, Nervi
 Giraudon/The Bridgeman Art Library
 Kunstmuseum, Basel, Switzerland/Giraudon/The Bridgeman Art Library/Archivi Alinari, Firenze
 Lauros/Giraudon/The Bridgeman Art Library/Archivi Alinari, Firenze
 Musée des Beaux-Arts, Arras, France/Giraudon/The Bridgeman Art Library/Archivi Alinari, Firenze
 Museo Ettore Guatelli/Foto Mauro Davoli
 Museum Boymans van Beuningen, Rotterdam, The Netherlands/© DACS/The Bridgeman Art Library/Archivi Alinari, Firenze
 Neue Galerie, Kassel, Germany/© DACS/© Museumslandschaft Hessen Kassel Ute Brunzel/The Bridgeman Art Library/Archivi Alinari, Firenze
 Peter Willi/The Bridgeman Art Library
 Private Collection/The Bridgeman Art Library; Private Collection/Alinari/The Bridgeman Art Library; Private Collection/Photo©Christie's Images/The Bridgeman Art Library; Private Collection/©Crane Kalman, London/The Bridgeman Art Library; Private Collection/Photo©Rafael Valls Gallery, London, UK/The Bridgeman Art Library
 Roger Viollet/Archivi Alinari, Firenze
 The Granger Collection/Top Foto/Archivi Alinari, Firenze
 TopFoto/Fortean/Archivi Alinari, Firenze
 Tullio Pericoli, Milano

Эко Умберто

Э 40 Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов; перевод с итал. – М.: слово/slovo, 2009. 408 с.: ил., 17 x 23,5 см.; Библиограф.: с. 406. – Указатели: с. 399–405. – Перевод изд.: *Voltpiani*. – ISBN 978-5-387-00106-2 (в пер.)

В этой новой книге Умберто Эко рассматривает стремление культуры к упорядочению. Именно из стремления «привести все в порядок», не потеряться в круговороте образов, понятий, предметов возникают списки, перечни, которые красной нитью проходят через всю историю западного искусства и литературы. Отсюда и списки святых, шеренги солдат, каталоги чудовищ или целебных растений, перечни накопленных сокровищ. О том же говорят нам средневековые бестиарии, церковные песнопения, литература от Гомера до Джойса, фантастические картины Босха и экстравагантные композиции Энди Уорхола.

Как и в книгах «История Красоты» и «История Уродства», авторский текст дополняют литературная антология и обширный иллюстративный материал. Книга понравится и поклонникам Умберто Эко, и всем, кто интересуется литературой, эстетикой, искусством.

Издательство СЛОВО/SLOVO
109147, Москва, Воронцовская, 41
Тел. (495) 911-05-52, 911-22-50, тел/факс 912-00-86
e-mail: slovo@slovo-pub.ru
Адрес в Интернете: www.slovo-online.ru

Отпечатано в Италии

В своей новой книге Умберто Эко рассказывает о стремлении западной культуры к систематизации, выстраиванию рядов, к составлению списков: это могут быть сонмы святых, шеренги солдат, каталоги диковинных существ или целебных трав, перечни сокровищ, или же дефиле XX века от мюзик-холла до подиумов высокой моды. Культура, убежденная в собственной силе и значимости, отдает предпочтение завершенным, стабильным формам; если же ей приходится сталкиваться с хаосом разрозненных явлений и пытаться подобрать к ним общий критерий, она начинает составлять перечни событий, фактов, символов, орнаментов и знаков. Именно стремление мировой культуры к упорядочению становится предметом исследования Умберто Эко, гениального писателя и мыслителя нашего времени.

Как и в книгах *История Красоты* и *История Уродства*, мгновенно ставшими мировыми бестселлерами, рассказ самого Эко дополняется литературной антологией и обширным иллюстративным материалом, которые подтверждают и развивают авторскую мысль.

ISBN 978-5-387-00106-2

9 785387 001062